И. П. ЯКОБІЙ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II И РЕВОЛЮЦІЯ

1938

И. П. ЯКОБІЙ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II И РЕВОЛЮЦІЯ

1938

Tall. E. Kirj.-Üh. tr., Pikk 2. 1938.

Священной памяти Великаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II и ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, пріявшихъ вмѣстѣ съ Дѣтьми Своими мученическую кончину за Святую Русь.

Авторъ:
Иванъ Якобій.

Издатели:
Николай Котляревскій.
Владиміръ Безобразовъ.
Эммануилъ Фричеро.
Алексѣй Чебышевъ.

Николай

Александра

Весь чистый доходъ отъ изданія настоящей книги поступаетъ на завершеніе сооруженія въ Брюсселѣ Русскаго Православнаго Храма въ память ЦАРЯ МУЧЕНИКА НИКОЛАЯ II и всѣхъ Русскихъ людей, богоборческой властью въ смутѣ убіенныхъ.

ГЛАВА I.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II И ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ.

Ребенокъ, улыбавшійся въ своей колыбелькѣ, казался слишкомъ нѣжнымъ и хрупкимъ для тяжелой шапки Мономаха, для скипетра громадной имперіи, тѣнь которой покрывала одну шестую земной суши.

Младенецъ этотъ, Великій Князь Николай Александровичъ, родившійся 6 мая 1868 года въ Царскомъ Селѣ, былъ сынъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.

Какой-то злой рокъ, казалось, отмѣтилъ, съ самаго рожденія, Царственнаго младенца печатью трагической судьбы. Шла молва, что въ день крестинъ маленькаго Великаго Князя, въ то время, когда шествіе направлялось изъ храма подъ радостный перезвонъ колоколовъ, Андреевская звѣзда, жалуемая каждому Члену Императорской Фамиліи при рожденіи, вдругъ сорвалась съ подушки, которую несъ церемоніймейстеръ, и съ грохотомъ упала на полъ. «Тревожное предзнаменованіе», говорили суевѣрные люди. И та же мысль возвращалась, когда, впослѣдствіи, приходили вѣсти о крушеніи Царскаго поѣзда въ Боркахъ, о покушеніи на Цесаревича Николая Александровича въ Японіи, о страшной ходынской катастрофѣ въ дни священнаго коронованія Императора Николая II. И это же предчувствіе злой судьбы, преслѣдующей по пятамъ свою жертву и постоянно готовой нанести ей смертельный ударъ, — это предчувствіе проникло понемногу и въ сознаніе самого Государя.

Однажды, во время всеподданнѣйшаго доклада предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, Государь, казавшійся печальнымъ и озабоченнымъ, замѣтилъ съ горечью:

«Мнѣ не удается ничего, что бы я ни предпринялъ; у меня нѣтъ удачи. Впрочемъ, воля человѣка такъ безсильна».

Столыпинъ, самъ полный воли и энергіи, сталъ возражать. Тогда Государь задалъ ему вопросъ:

«Читали ли вы Житія Святыхъ?»

«Да, но частью только, такъ какъ сочиненіе это составляетъ, если я не ошибаюсь, не менѣе двадцати томовъ».

«А знаете ли вы когда день моего рожденія?»

«Какъ я могъ бы не знать этого, Ваше Величество? Ваше рожденіе празднуется 6 мая».

«А какого Святого поминаютъ въ этотъ день?»

«Извините, Ваше Величество, не помню».

«Я вамъ скажу: святого праведнаго Іова многострадальнаго».

Столыпинъ, однако, нашелся:

«Слава Богу», сказалъ онъ, «значитъ, царствованіе Вашего Величества закончится въ славѣ, такъ какъ св. Іовъ, претерпѣвъ смиренно самыя тяжкія испытанія, былъ вознагражденъ счастіемъ и Божіимъ благословеніемъ».

Послѣ минутнаго раздумья Государь сказалъ съ глубокой грустью: «Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, Петръ Аркадьевичъ, у меня болѣе чѣмъ предчувствіе, что я обреченъ на страшныя испытанія и что я не буду за нихъ вознагражденъ на этомъ свѣтѣ. Сколько разъ я примѣнялъ къ себѣ слова св. Іова: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ». [1])

А въ другой разъ Государь промолвилъ слѣдующія загадочныя слова: «Быть можетъ, для спасенія Россіи нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будетъ воля Божія!» [2])

Пророческія слова, отражающія всю трагическую судьбу Царя, одареннаго самыми высокими качествами, одушевленнаго благороднѣйшими побужденіями, и который, свершивъ для блага Своего народа больше, можетъ быть, чѣмъ какой-либо другой Монархъ, получилъ въ награду лишь униженія, страданія и мученическую смерть.

Какимъ печальнымъ было дѣтство этого мальчика съ задумчивыми глазами! Бомбы и револьверы террористовъ преслѣдуютъ дѣда Его, Царя-Освободителя Александра II; въ воздухѣ

[1]) M. Paléologue. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, т. I, стр. 95. (Книга св. Іова, гл. III, ст. 25.)

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 62.

чувствуется тяжелое ожиданіе несчастія, катастрофы, смерти. Государь спасенъ отъ пуль Березовскаго и Каракозова, но Онъ падетъ, истерзанный бомбой Желябова. Этотъ день страха и смерти, когда во дворецъ принесли окровавленное тѣло, въ которомъ теплилась еще послѣдняя искра жизни и страданія, этотъ день 1 марта 1881 года оставилъ въ памяти маленькаго Николая Александровича неизгладимое впечатлѣніе ужаса, которое въ теченіе всей послѣдующей жизни наложило на Его чувства какъ бы траурный налетъ.

Ребенокъ росъ тихій и задумчивый. Съ раннихъ лѣтъ уже сказываются въ немъ основныя черты Его характера, и — прежде всего — самообладаніе.

«Бывало, во время крупной ссоры съ братьями или товарищами дѣтскихъ игръ»—разсказываетъ Его воспитатель К. I. Хисъ, (Heath) — «Николай Александровичъ, чтобы удержаться отъ рѣзкаго слова или движенія, молча уходилъ въ другую комнату, брался за книгу и, только успокоившись, возвращался къ обидчикамъ и снова принимался за игру, какъ будто ничего не было».[1])

И еще другая черта: чувство долга. Мальчикъ учитъ уроки съ прилежаніемъ; читаетъ Онъ много, въ особенности то, что касается народной жизни. Любовь Своего народа... Вотъ, о чемъ Онъ всегда мечтаетъ. Однажды Онъ читаетъ со Своимъ воспитателемъ Хисомъ одинъ изъ эпизодовъ исторіи Англіи, въ которомъ описывается въѣздъ короля Джона, любившаго простонародье, и котораго толпа привѣтствовала восторженными криками: «Да здравствуетъ король народа!» Глаза у мальчика заблистали, Онъ весь покраснѣлъ отъ волненія и воскликнулъ: «Ахъ, вотъ я хотѣлъ бы быть такимъ!» [1])

Умѣть сдержаться... молча отойти... исполнить свой долгъ... любить простыхъ людей... въ этихъ чертахъ мальчика сказывается и весь Императоръ Николай Второй.

Но по характеру Своему мальчикъ, а потомъ юноша и молодой человѣкъ далекъ отъ сумрачной грусти; въ Немъ горитъ даже огонекъ наивнаго и безпечнаго веселья, которое, впослѣдствіи, подъ давленіемъ тяжкаго бремени власти, заботъ и горя, поблекнетъ и изрѣдка лишь проявитъ себя въ тихомъ юморѣ, въ улыбкѣ, въ добродушной шуткѣ.

---

[1]) А. Мордвиновъ. Отрывки изъ воспоминаній. Русская Лѣтопись, кн. V, стр. 155—156.

Въ двадцать два года Наслѣдникъ Русскаго Престола еще веселится, какъ молоденькій офицеръ, почти какъ юнкеръ. Онъ ходитъ въ театръ и на танцовальные вечера. «Очень смѣялись и забавлялись», «танцовали съ увлеченіемъ у Воронцовыхъ»..., «уѣхалъ въ 11½ ч. очень веселый», «весело ужинали своей компаніей въ Николаевскомъ залѣ», «на каткѣ было очень весело», «отъ души веселился», «веселились и бѣгали, какъ угорѣлые», — таковы записи, которыми пестритъ дневникъ Цесаревича за 1890 годъ [1]). Но не слѣдуетъ, однако, думать, что въ этихъ забавахъ сказывалась вся полнота таившихся въ Немъ возможностей.

Императоръ Александръ III, самъ не предназначавшійся сперва къ занятію Царскаго Престола, не подготовлялъ также и Своего Наслѣдника къ управленію Имперіей. Молодой Цесаревичъ Николай Александровичъ мало пріобщался Державнымъ Отцомъ Своимъ къ государственнымъ дѣламъ, развѣ лишь для чисто формальнаго и весьма рѣдкаго присутствія на засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Совѣта Министровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Самъ Цесаревичъ, обожавшій Своего Отца, не могъ помыслить о томъ, чтобы нарушить Его желаніе болѣе близкимъ вмѣшательствомъ въ интересующія Его дѣла государственнаго управленія. Такимъ образомъ, волею судьбы, Онъ оказался вынужденнымъ, вплоть до смерти Александра III, вести жизнь обыкновеннаго свѣтскаго молодого офицера, со всей беззаботностью, которою эта жизнь отличается.

Искренняя, единственная любовь Его жизни, мечта о семейномъ счастіи, рѣзко измѣнили все поведеніе Наслѣдника, а съ восшествіемъ на Престолъ отъ беззаботнаго молодого офицера не осталось и слѣда.

Государь остается такимъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ, немного застѣнчивымъ и мечтательнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Онъ становится болѣе сдержаннымъ и осторожнымъ. Не всѣмъ эти свойства Государя были понятны, отсюда родилась легенда, подхваченная желтой прессой, о слабомъ Монархѣ, съ характеромъ нерѣшительнымъ, съ кругозоромъ ограниченнымъ.

«Это глубокая ошибка», отвѣчаетъ на это президентъ Французской Республики Лубэ, человѣкъ умный и проницательный, — «Онъ преданъ Своимъ идеямъ, Онъ защищаетъ ихъ съ терпѣніемъ и упорствомъ; у Него задолго продуманные планы, которые Онъ постепенно и осуществляетъ... Подъ видимостью робости,

[1]) Дневникъ Императора Николая II, стр. 11—23.

немного женственной, Царь обладаетъ сильной душой и мужественнымъ, непоколебимо вѣрнымъ сердцемъ. Онъ знаетъ, куда идетъ и чего хочетъ».[1])

Эту же черту — высокое пониманіе долга — отмѣчаетъ у Государя французскій посолъ Палеологъ.

Не далеки отъ этого мнѣнія генералъ Куропаткинъ и даже гр. Витте, оба не любившіе Государя и оба считавшіе себя «обиженными». «Государь хитритъ съ нами (министрами)», пишетъ Куропаткинъ о молодомъ Царѣ, «но Онъ быстро крѣпнетъ опытомъ и разумомъ и, по моему мнѣнію, несмотря на врожденную недовѣрчивость въ характерѣ, скоро сброситъ съ себя подпорки и будетъ прямо и твердо ставить намъ Свое мнѣніе и Свою волю. Витте сказалъ мнѣ, что онъ вполнѣ присоединяется къ моему діагнозу».[2])

И, дѣйствительно, въ дни великой катастрофы, среди хаоса, трусости, смятенія, безволія, только одинъ Царь сохранитъ спокойствіе и рѣшимость.

Другой недоброжелатель Государя генералъ Ю. Н. Даниловъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Императоръ Николай безусловно, хотя и по Своему, любилъ Россію, жаждалъ ея величія и мистически вѣрилъ въ крѣпость своей Царской связи съ народомъ. Идея незыблемости самодержавнаго строя въ Россіи пронизывала всю Его натуру насквозь . . . Впрочемъ», прибавляетъ ген. Даниловъ, «это была очень сложная натура, разгадать и описать которую еще никому не удалось. Къ пониманію характера Императора Николая, мнѣ думается, легче подойти путемъ знакомства съ отдѣльными фактами и эпизодами, изъ Его жизни, столь трагически закончившейся». И далѣе, приведя одинъ отвѣтъ Государя генералу Сухомлинову, Даниловъ замѣчаетъ: «Такъ рѣшительно Императоръ Николай пресѣкалъ доклады Своихъ министровъ, имѣвшіе цѣлью повліять на измѣненіе разъ принятаго Имъ рѣшенія, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы выходили за предѣлы ихъ непосредственнаго вѣдѣнія. Императоръ, видимо, усматривалъ въ этомъ вмѣшательствѣ покушеніе на Свою самодержавную власть».[3])

---

[1]) Ch. Maurras. Kiel et Tanger., стр. 90.

[2]) Дневникъ генерала Куропаткина. (Цитировано по поясненіямъ къ «Дневнику Императора Николая II», стр. 124).

[3]) Ю. Н. Даниловъ. Мои воспоминанія объ Императорѣ Николаѣ II и Великомъ Князѣ Михаилѣ Александровичѣ. Арх. Рус. Рев. т. XIX, стр. 213—215.

Англійскій государственный дѣятель Уинстонъ Черчиль, противникъ самодержавнаго строя и, какъ всякій англичанинъ, противникъ Россіи и, конечно, не поклонникъ ея Монарховъ, даетъ, однако, слѣдующую оцѣнку Государя. «На Немъ лежала функція стрѣлки компаса. Война или нѣтъ? Наступленіе или отступленіе? Вправо или влѣво? Демократизировать или отстаивать свое? Таковы были поля сраженія Николая II».

И почему же не признать за Нимъ этой славы? Самоотверженное наступленіе русскихъ армій, которое спасло Парижъ въ 1914 г.; преодолѣніе бѣдствія отхода безъ снарядовъ; постепенное возстановленіе силъ; побѣды Брусилова; вступленіе Россіи въ кампанію 1917 года непобѣжденной, болѣе сильной, чѣмъ когда-либо — развѣ Онъ не имѣлъ въ этомъ всемъ Своей доли участія? Несмотря на большія, страшныя ошибки, тотъ строй, который былъ въ Немъ воплощенъ, надъ которымъ Онъ господствовалъ, которому Его личный характеръ давалъ жизненную искру, строй этотъ, къ этому моменту, выигралъ войну для Россіи. Вотъ Онъ будетъ свергнутъ. Темная рука безумно мѣняетъ Его судьбу. Царь уходитъ. Его и всѣхъ, кого Онъ любилъ, отдаютъ на муки и на смерть. Пусть Его усилія преуменьшаютъ; пусть на Его дѣйствія набрасываютъ тѣнь; пусть оскорбляютъ Его память; но пусть тогда намъ скажутъ, кто же другой оказался пригоднымъ? Кто или что могло управлять Россійскимъ государствомъ? Въ людяхъ талантливыхъ и смѣлыхъ, въ людяхъ честолюбивыхъ и властныхъ, въ умахъ дерзающихъ и повелительныхъ — во всемъ этомъ недостатка не было, но никто не оказался способнымъ отвѣтить на тѣ нѣсколько простыхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь и слава Россіи. На порогѣ побѣды она рухнула на землю, заживо пожираемая червями, какъ въ древности Иродъ».[1])

Англійскій военный атташе при Ставкѣ, генералъ сэръ Джонъ Ханбюри Вильямсъ, часто видѣвшій Государя, также отзывается съ презрѣніемъ и негодованіемъ о тѣхъ ложныхъ и недоброжелательныхъ розсказняхъ, которыя распространялись о Государѣ въ обществѣ и въ нѣкоторой печати. «Одинъ изъ такихъ критиковъ, проведя въ Россіи 24 часа», разсказываетъ генералъ Вильямсъ, «далъ мнѣ о Немъ такой отзывъ, что я подумалъ, что онъ эти часы провелъ въ помойныхъ ямахъ Петро-

---

[1]) Статья Черчиля въ Times. По переводу, приведенному въ № отъ 17 февраля 1927 г., газеты «Возрожденіе».

града, ибо иначе онъ нигдѣ не могъ собрать свѣдѣній болѣе лживыхъ, несправедливыхъ и столь же ошибочныхъ, какъ и злостныхъ».[1]) Честный генералъ ошибался въ одномъ: сплетни, которыя его справедливо возмущали, создавались и повторялись не въ помойныхъ ямахъ, а въ столичныхъ салонахъ и либеральныхъ кругахъ. Не даромъ Императрица Александра Ѳеодоровна говоритъ въ Своихъ письмахъ къ Государю о «ненависти со стороны прогнившаго высшаго общества».[2])

Между тѣмъ, Императоръ Николай II, по Своему характеру, по жизни Своей, казался человѣкомъ, менѣе всего способнымъ вызвать къ себѣ чувство недоброжелательства. Ни одинъ Монархъ не могъ быть столь простымъ и привѣтливымъ въ обращеніи, какъ Государь; Онъ всегда умѣлъ сказать то именно слово, которое подбодряетъ застѣнчивыхъ, залѣчиваетъ уязвленное честолюбіе, вознаграждаетъ за услугу. «Государь настоящій charmeur (обаятельный человѣкъ)», говорили тѣ, кто имѣли случай съ Нимъ говорить, даже Его враги.

Но, когда это было необходимо, Государь умѣлъ показать себя Монархомъ, сократить самыхъ заносчивыхъ. Скромный въ Своихъ вкусахъ, въ личной Своей жизни, даже въ одѣяніи, донашивая иногда платье до штопки, Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится самымъ широко гостепріимнымъ хозяиномъ, когда Онъ у себя принимаетъ гостей. Онъ тратитъ безъ счета, изъ Своихъ личныхъ средствъ, нерѣдко съ щедростью, остающейся невѣдомой, чтобы помочь въ несчастіяхъ или даже просто нуждающемуся офицеру.

Таковъ Глава Государства, Монархъ. Но въ Государѣ есть еще просто человѣкъ, мужъ, отецъ семейства. Въ человѣкѣ чувствуется глубокая и мистическая вѣра: та спокойная, лучистая, чудесная вѣра, которая создаетъ миссіонеровъ, проповѣдниковъ, отшельниковъ. Мужъ — человѣкъ одной любви, одной привязанности, для котораго не существуетъ на свѣтѣ другой женщины, кромѣ той, съ которой Онъ вѣнчанъ предъ аналоемъ. Въ то время какъ другіе монархи въ выборѣ супруги руководствуются соображеніями политики, Государь Николай Второй

---

[1]) Major General sir John Hanbury Williams. Chief of the British Military Mission in Russia 1914—1917. The Emperor Nicolas II, as I knew Him., стр. 8.

[2]) Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna — письмо отъ 11 ноября 1916 г.

находитъ счастье въ той, которую Онъ полюбилъ сразу и будетъ любить до самой смерти.

Въ 1884 году въ С.-Петербургѣ торжественно справлялось бракосочетаніе Великаго Князя Сергія Александровича съ красавицей принцессой Елисаветой Гессенъ-Дармштадской. Молоденькая сестра невѣсты, Аликсъ, прелестная и застѣнчивая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, также присутствовала при празднествахъ, искренно веселясь, какъ только умѣютъ веселиться въ этомъ возрастѣ; впрочемъ она нашла себѣ милаго и любезнаго кавалера, съ которымъ она и танцовала на вечеринкахъ въ Аничковомъ дворцѣ; этотъ шестнадцатилѣтній юноша съ задумчивыми глазами былъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Нѣжный, невысказанный романъ завязался между этими дѣтьми, которыя едва смѣли другъ на друга смотрѣть. Однажды Цесаревичъ, набравшись смѣлости, попросилъ Свою маленькую даму сердца принять отъ Него на память дѣтскую брошку. Этотъ, болѣе чѣмъ скромный, подарокъ, который съ улыбкой презрѣнія отвергла бы «современная» дѣвушка, былъ принятъ съ волненіемъ и благодарностью. Но потомъ у маленькой Аликсъ наступили тревожныя сомнѣнія, прилично ли принять подарокъ отъ молодого человѣка? Нѣтъ, рѣшила она и, съ болью въ сердцѣ, вернула брошку Цесаревичу. Тяжко было и бѣдному юношѣ: маленькая трогательная драма первой любви. Много лѣтъ спустя Императрица въ письмахъ Своихъ къ мужу говоритъ съ волненіемъ о «дорогой маленькой брошкѣ» и уже во время войны, наканунѣ событій, которымъ суждено было смыть тронъ Романовыхъ, Она пишетъ Государю: «Тридцать два года назадъ, мое дѣтское сердце преисполнилось глубокой любовью къ Тебѣ»[1]).

Дѣвочка уѣхала въ Дармштадтъ, но черезъ пять лѣтъ она возвращается на нѣсколько недѣль въ С.-Петербургъ. Тогда же Наслѣдникъ Цесаревичъ принимаетъ окончательное рѣшеніе: Онъ женится на Аликсъ Гессенской. Государь Александръ III, съ которымъ Онъ объ этомъ говоритъ, не даетъ Своего согласія. 21 декабря 1891 г. Цесаревичъ пишетъ въ Своемъ дневникѣ: «Разсуждали о семейной жизни. Невольно этотъ разговоръ затронулъ самую живую струну моей души, затронулъ ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня въ день. Уже полтора

---

[1]) Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna — письмо отъ 2 января 1916 года.

года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я говорилъ объ этомъ съ Папа въ Петербургѣ, а съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ смыслѣ. Моя мечта жениться на Аликсъ. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнѣе съ 1889 г., когда она провела шесть недѣль въ Петербургѣ». И дальше эти слова полныя надежды: «Я почти убѣжденъ, что наши чувства взаимны».

Юношеское увлеченіе, чувства и слова, о которыхъ вспоминаютъ потомъ съ улыбкой ... да, у другихъ такъ наполняется молодость проходящими, нетерпѣливыми переживаніями. Но сердца Цесаревича и принцессы Аликсъ исключительныя сердца, которыя отдаютъ себя только однажды и на всю жизнь. Неисчислимыя препятствія ихъ раздѣляютъ: Аликсъ, по воспитанію, англичанка, но все же по крови нѣмка, а Императоръ Александръ III не любитъ нѣмцевъ и желаетъ для Своего Сына брака съ принцессой Орлеанской. Затѣмъ, вопросъ о вѣрѣ: будущая Императрица Всероссійская должна быть православной, но Аликсъ отказывается отречься отъ лютеранства.

Три года проходятъ такимъ образомъ. Принцесса Аликсъ теперь настоящая красавица, къ которой сватаются не мало претендентовъ, но Она всѣмъ отказываетъ; такъ же, какъ и Цесаревичъ отвѣчаетъ спокойнымъ, но твердымъ отказомъ на всѣ попытки Своихъ Родителей устроить иначе Его семейную жизнь.

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1894 г., Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ ѣдетъ въ Кобургъ на бракосочетаніе брата Аликсъ, съ твердымъ намѣреніемъ просить Ея руки. «Около 10 часовъ утра пришли къ тетѣ Элла въ комнаты Эрни и Аликсъ», отмѣчаетъ Онъ въ Своемъ дневникѣ, «насъ оставили вдвоемъ, и тогда начался между нами тотъ разговоръ, котораго я давно сильно желалъ и вмѣстѣ очень боялся. Говорили до 12 часовъ, но безуспѣшно; она все противится перемѣнѣ религіи. Она, бѣдная, много плакала» [1]). Но, подъ датой 8 апрѣля, мы читаемъ слова восторженной радости: «Чудный, незабвенный день въ моей жизни — мы объяснились между собою. Я цѣлый день ходилъ, какъ въ дурманѣ, не вполнѣ сознавая, что со мной приключилось».[2])

---

[1]) Дневникъ Императора Николая II, стр. 48.
[2]) Тамъ же, стр. 50.

Любовь побѣдила религіозныя сомнѣнія: принцесса Аликсъ перейдетъ въ православіе и станетъ Императрицей Александрой Θеодоровной.

Наступили свѣтлые, легкіе, радостные дни, сперва въ Кобургѣ, потомъ въ Виндзорѣ, въ гостяхъ у королевы Викторіи, прогулки вдвоемъ на лодкѣ по Темзѣ, долгія бесѣды по вечерамъ, чтеніе вслухъ; иногда юная невѣста открываетъ дневникъ Своего жениха и записываетъ нѣсколько нѣжныхъ словъ, отрывокъ стихотворенія или пѣсенки. Эти дни, эти слова, эти строки Она никогда не забудетъ; во время войны Она ихъ вспоминаетъ въ Своихъ письмахъ къ Государю.

„I love you, I love you, it is all that I can say...“ (Я люблю тебя, я люблю тебя, это все, что я могу сказать). «Помнишь ли ты эту пѣсню въ Виндзорѣ въ 1894 году, во время этихъ вечеровъ?» пишетъ Императрица 9 января 1916 года [1]).

20 октября 1894 года траурный звонъ возвѣстилъ о кончинѣ Императора Александра III. Въ этотъ же день восшелъ на Престолъ Императоръ Николай Второй, а 14 ноября состоялось бракосочетаніе Его съ Великой Княжной Александрой Θеодоровной.

Есть чувства, есть счастіе, которыя описать словами нельзя. О томъ счастіи, которое Государь нашелъ въ семейной жизни, мы можемъ догадываться по краткимъ, но насыщеннымъ глубокою любовью, записямъ Его дневника.

«Не могу выразить, какъ я наслаждаюсь такими тихими, спокойными вечерами съ глазу на глазъ съ моей нѣжно любимой женой. Невольно сердце обращается къ Богу съ благодарною молитвою за дарованіе такого полнаго, безграничнаго счастія на землѣ», пишетъ Государь 15 марта 1895 года. А нѣсколько дней спустя, 8 апрѣля, въ дневникѣ значатся слѣдующія радостныя строки: «Годовщина нашей помолвки. Никогда въ жизни, кажется, я не забуду этого дня въ Кобургѣ, какъ я тогда былъ счастливъ! Чудный, незабвенный день!» [2]) И какъ бы въ отвѣтъ на это, Императрица, какъ и прежде, заноситъ по временамъ въ дневникъ мужа нѣсколько нѣжныхъ строкъ, иногда мимолетную мысль, иногда стихотвореніе, иногда и болѣе глубокое признаніе.

---

[1]) Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna — письмо отъ 9 января 1916 г.

[2]) Дневникъ Императора Николая II, стр. 108.

«Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и Крестъ, символъ Святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой»...[1])

пишетъ Александра Ѳеодоровна по-русски, но чаще всего надписи попадаются по-англійски, рѣдко по-нѣмецки, языкъ менѣе знакомый Государю; въ нихъ почти всегда отражается религіозная мысль.

„Gott geht mit dir, Seinem Kinde, fürchte dich nicht! Auf jedem Punkte, wo du stehst, ist ein Schutzengel, wo du bist, ist dein Gott, wo dein Gott ist, da ist ein Helfer". (Господь сопутствуетъ тебѣ, Своему дитяти, не страшись ничего. Гдѣ бы ты ни былъ, повсюду находится Ангелъ-Хранитель; гдѣ ты — тамъ твой Богъ, гдѣ твой Богъ — тамъ и помощь)[2]) или въ другомъ мѣстѣ: „All can vanish — only not thy God and thy loving heart". (Все можетъ исчезнуть, но только не твой Богъ и твое любящее сердце).[3])

Даже слова любви въ строкахъ, написанныхъ Императрицей, звучатъ какимъ-то восторженнымъ чувствомъ: «Все больше и больше, глубже и сильнѣе растутъ моя любовь, преданность и тоска по тебѣ. Я не могу достаточно благодарить Бога за посланное мнѣ Имъ сокровище въ лицѣ моего безцѣннаго, — быть твоею, можетъ ли быть бóльшее счастье? Никогда не забуду я того мѣста, которое мнѣ уже дорого по воспоминаніямъ ...89 г., а также нашего теперешняго перваго спокойнаго времени вмѣстѣ. Да благословитъ Господь тебя, мой любимый, дорогой мужъ. Покрываю поцѣлуями дорогое твое лицо».[4])

Но сквозь эту пѣснь торжествующей любви слышатся иногда тревожные звуки, слова, полныя загадочныхъ предчувствій, призывы къ терпѣнію передъ надвигающимися испытаніями.

«Неси свое бремя со стойкимъ терпѣніемъ и надеждой», пишетъ Императрица, «Богъ дастъ тебѣ силы нести его»...[5]) «Когда ты будешь сгибаться подъ тяжестью креста, возложеннаго на тебя Господомъ Богомъ, подними свои очи къ Нему,

[1]) Дневникъ Императора Николая II, стр. 109.
[2]) Тамъ же, стр. 88.
[3]) Тамъ же, стр. 89.
[4]) Тамъ же, стр. 97.
[5]) Тамъ же, стр. 89.

мой единственный обожаемый, и Онъ тебя утѣшитъ, ибо мы, смертные, слишкомъ слабы, и трудно сказать: «да будетъ воля Твоя», если сердце разрывается отъ большого горя»[1]).

Откуда это чуткое проникновеніе въ страшныя тайны будущаго, откуда эти слова безотрадной мудрости у двадцатилѣтней молодой женщины, одаренной полнотою счастія, откуда эта черная тѣнь предстоящаго тяжкаго креста на свѣтлой радости двухъ любящихъ существъ?

И, наконецъ, строки тайнаго, счастливаго ожиданія: «Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и тогда... о, мой ангелъ, какое безконечное счастіе! Нашъ, нашъ собственный... Возможно ли бо́льшее счастіе? Только теперь твоя женушка должна быть какъ можно осторожнѣе и нѣжнѣе, а то маленькое существо можетъ пострадать отъ этого»...

3 ноября 1895 г. у Августѣйшихъ Супруговъ родился столь жданный ребенокъ. Государь полонъ невыразимаго счастія.

«Богомъ намъ посланную дочку при молитвѣ мы назвали Ольгой», записываетъ Онъ. Государь нѣжный и внимательный отецъ; каждая мелочь новой маленькой жизни Его трогаетъ. «Сегодня я присутствовалъ при ваннѣ нашей дочки. Она большой ребенокъ, 10 фунтовъ вѣсомъ и 55 сантиметровъ длины»...[2]) «Была первая проба прикладыванія къ груди, что окончилось тѣмъ, что Аликсъ очень удачно стала кормить сына кормилицы, а послѣдняя давала молоко Ольгѣ. Пресмѣшно!»[3])

Въ эти годы жизнь молодой четы соткана изъ ряда счастливыхъ, тихихъ, безоблачныхъ дней. Послѣ Великой Княжны Ольги у Нихъ родятся еще три дочери: Татьяна, Марія и Анастасія. Государь и Императрица страстно желаютъ имѣть сына и неустанно молятъ Бога объ этомъ.

30 іюля 1904 года родится Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ, которому суждено сдѣлать и счастіе и горе Своихъ Родителей и погибнуть вмѣстѣ съ Ними мученической смертью.

Нельзя себѣ представить семьи болѣе дружной, супруговъ болѣе преданныхъ другъ другу, дѣтей болѣе любящихъ: молодыя Княжны настоящія русскія дѣвушки, простыя и искреннія, въ нихъ нѣтъ и тѣни кокетства, жеманства и той мелкой хит-

---

[1]) Дневникъ Императора Николая II, стр. 92.
[2]) Тамъ же, стр. 111.
[3]) Тамъ же, стр. 112.

рости, которой учатся въ салонахъ. Смѣхъ или слезы — все у нихъ чисто и отъ сердца. Взглядъ ихъ прямой, взглядъ тѣхъ, которыя не вѣдаютъ и не подозрѣваютъ зла. Набожность, спокойная вѣра ихъ Матери, но безъ Ея экзальтированнаго мистицизма и, сверхъ всего, любовь къ семьѣ, любовь къ домашнему очагу, къ Родинѣ. Старшая, Ольга Николаевна, отказывается отъ брака съ принцемъ Каролемъ, теперешнимъ королемъ румынскимъ, и ея Родители нисколько ее въ этомъ не уговариваютъ. Княжнамъ представляется невозможнымъ когда-либо покинуть Россію, дышать другимъ воздухомъ, чѣмъ воздухъ Родины.

Но въ этихъ дѣвушкахъ есть еще нѣчто другое, о чемъ никто и онѣ сами не догадываются: мужество, воля, безропотность — высокія качества, которыя, впослѣдствіи, поддержатъ ихъ въ дни страшныхъ испытаній, дадутъ имъ силу ихъ вынести и встрѣтить спокойно самую смерть.

Великія Княжны живутъ уединенно. Онѣ не видятъ ни баловъ, ни вечеровъ, ни развлеченій съ молодежью ихъ возраста, кромѣ рѣдкихъ посѣщеній дворца другими молодыми Великими Князьями и Княжнами; иногда онѣ ѣдутъ въ театръ, въ Царскую ложу, гдѣ онѣ отдѣлены отъ остального міра стѣной всеподданническаго благоговѣнія. Чѣмъ онѣ заполняютъ свое время? Ученіемъ, чтеніемъ, немного музыкой, рисованіемъ, прогулками, вечеромъ — шитьемъ въ семейномъ кругу, пока Государь читаетъ имъ вслухъ.

Такъ текутъ счастливые, безоблачные дни.

Ольга Николаевна типичная русская дѣвушка и по чертамъ лица и по характеру: живая, умная и остроумная, подчасъ немного лѣнивая, чуть-чуть капризная, хорошая музыкантша и большая любительница чтенія. Ея отвѣты мѣтки и забавны. Однажды ея преподаватель французскаго языка Жильяръ пытается объяснить ей употребленіе вспомогательныхъ глаголовъ. «О, я теперь поняла», восклицаетъ вдругъ Ольга Николаевна, «вспомогательные глаголы, это прислуга при другихъ глаголахъ; одинъ только бѣдный глаголъ «имѣть» (avoir) долженъ самъ себя обслуживать».[1])

Татьяна Николаевна тоньше, красивѣе и болѣе сдержанная и спокойная. Она — правая рука и совѣтница своей Матери,

[1]) P. Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de Sa famille, стр. 58.

почти даже Ея любимица, если бы въ любви Императрицы къ дочерямъ могло существовать различіе.

У Маріи Николаевны прекрасное правильное лицо, чудные глаза и очаровательная улыбка. Она немного наивна, добродушна, всегда готова оказать услугу, и сестры ея этимъ пользуются, иногда дружески ее поддразнивая.

Анастасія Николаевна — слишкомъ быстро развившійся ребенокъ, въ которомъ чувствуется еще какая-то милая младенческая неуклюжесть. Но умомъ она обладаетъ уже острымъ, быстро схватываетъ смѣшныя стороны каждаго и изображаетъ ихъ съ неудержимымъ комизмомъ. Она такая веселая, что умѣетъ заставить улыбнуться даже самыя суровыя лица.

Наконецъ, Тотъ, который занимаетъ мысли всей Семьи: Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ руки котораго долженъ перейти скипетръ Россійской Имперіи, если Господь Богъ дастъ Ему дожить. Но Богъ услышитъ ли горячія молитвы, увидитъ ли горькія слезы Матери, въ ежедневной, ежечасной борьбѣ Ея за спасеніе Своего ребенка отъ смерти?

Въ томъ возрастѣ, когда мальчики бѣгаютъ, играютъ, рѣзвятся съ товарищами, когда жизнь соткана изъ однѣхъ радостей, Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ уже извѣдалъ и горе и страданія; цѣлыя недѣли лежитъ Онъ неподвижно, прикованный къ кровати страшной болѣзнью. А между тѣмъ, характеръ ребенка отъ этого не мѣняется; Онъ добрый, чувствительный, любящій, и всякое несчастіе Его глубоко трогаетъ.

Могла ли такая Семья разлучиться, разстаться, какъ столько другихъ семействъ? «Я всегда думаю о нашихъ дѣвочкахъ, за кого онѣ выйдутъ замужъ, и не могу представить себѣ, какая судьба ихъ ожидаетъ», пишетъ Императрица Государю 1 ноября 1916 г. «Если бы только имъ было дано найти ту глубокую любовь и то счастіе, которое ты мнѣ далъ, мой ангелъ, въ теченіе этихъ двадцати двухъ лѣтъ. Увы, это такъ рѣдко въ наши дни!» [1]) И въ другомъ письмѣ: «Я никогда не сумѣю достаточно благодарить Бога за то чудное счастіе, которое Онъ ниспослалъ мнѣ въ тебѣ и въ нашихъ дѣтяхъ: мы составляемъ одно, мы всѣ тѣсно связаны между собой, что такъ рѣдко въ настоящее время» [2]).

---

[1]) Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna — письмо отъ 1 ноября 1916 г.

[2]) Тамъ же — письмо отъ 6 декабря 1916 г.

Со времени принятія Государемъ Верховнаго Командованія, Ему пришлось переѣхать въ Ставку; иногда Онъ возвращается на нѣсколько дней въ Царское Село, или Императрица пріѣзжаетъ тоже на короткій срокъ въ Могилевъ. Каждая такая разлука болѣзненно Ею переживается. «Съ грустью въ сердцѣ разстаюсь я съ тобою снова», пишетъ Императрица 12 октября 1916 года. «О, какъ я ненавижу эти разлуки! Онѣ разрываютъ мое сердце на части».[1])

Въ эту великую любовь Императрицы къ Государю входитъ еще и чувство почти материнской нѣжности. Иногда даже Ей случается называть Своего мужа и сына «мои два ребенка, большой и маленькій». Она даетъ Ему совѣты, входитъ въ самыя мелкія подробности, подчасъ настаиваетъ передъ Государемъ, чтобы та или иная мѣра была принята, упрекаетъ Его съ нѣжностью за Его слишкомъ чуткую деликатность, которая заставляетъ Его колебаться передъ нѣкоторыми рѣшеніями. Государя это трогаетъ и немножко забавляетъ. «Нѣжно благодарю тебя за твой строгій выговоръ въ письмѣ», пишетъ Онъ 14 декабря 1916 года, «я прочелъ его съ улыбкой, ты со мной говоришь, какъ съ ребенкомъ» . . .

Государя обожаютъ Его дѣти; Онъ ихъ другъ и воспитатель. Впослѣдствіи, въ заточеніи, Онъ имъ будетъ давать уроки съ такой же добросовѣстностью, съ какой Онъ управлялъ Своей Имперіей. И судьба поражаетъ особенно жестоко какъ разъ Его отцовское сердце. Сынъ Его, маленькій Цесаревичъ, страдаетъ страшнымъ недугомъ, передъ которымъ наука оказывается безпомощной: гемофиліей. Этотъ ребенокъ, съ прекраснымъ иконописнымъ лицомъ, можетъ умереть каждое мгновеніе. Дѣти играютъ, бѣгаютъ въ саду, мальчикъ спотыкается о камушекъ и падаетъ. Всякій другой отдѣлался бы синякомъ, но для Него это начало долгой, мучительной болѣзни.

Въ Спалѣ, однажды, Алексѣй Николаевичъ оказывается при смерти. Всякая надежда потеряна; доктора, все испытавъ, отказываются отъ борьбы со смертью. И тогда, какъ послѣднее отчаянное средство, посылаютъ телеграмму простому мужику. Приходитъ отвѣтъ: «Болѣзнь не опасна, ребенокъ поправится, скажите врачамъ, чтобы они его не мучили». И тотчасъ маль-

[1]) Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna — письмо отъ 12 октября 1916 г.

чикъ чувствуетъ себя лучше, страданія прекращаются, Наслѣдникъ выздоравливаетъ.

Объ этомъ разсказываютъ безчисленные свидѣтели.

Французскій посолъ Палеологъ отмѣчаетъ подъ датой 25 декабря 1915 года: «Въ теченіе послѣдней недѣли у Цесаревича, сопровождавшаго своего Отца во время путешествія по Галиціи, появлялось сильнѣйшее кровотеченіе носомъ... Дважды думали, что онъ кончается. Когда Императрица получила страшную вѣсть объ этомъ, Она немедленно призвала Распутина. Старецъ тотчасъ же погрузился въ молитву, послѣ чего смѣло заявилъ: «Благодари Бога, Онъ еще разъ даровалъ мнѣ жизнь твоего сына». На другой день утромъ Государь возвращался въ Царское Село; въ концѣ ночи состояніе Цесаревича внезапно улучшилось, жаръ началъ спадать. Какъ могла Императрица не вѣрить Распутину?» заканчиваетъ Палеологъ [1]).

Въ другой вечеръ ребенку недомогается; Онъ страдаетъ, мечется, не можетъ заснуть; и на этотъ разъ врачи безсильны. Изъ дворца звонятъ по телефону къ Распутину.

«Что, Алеша не спитъ? Ушко болитъ? — Давайте его къ телефону».

И ребенокъ слышитъ издалека ласковый мужицкій голосъ:

«Ты что, Алешенька, полуношничаешь? Болитъ? Ничего не болитъ. Иди сейчасъ, ложись. Ушко не болитъ. Не болитъ, говорю тебѣ. Спи, спи сейчасъ. Спи, говорю тебѣ. Слышишь. Спи».

Черезъ четверть часа опять звонятъ. У Наслѣдника ухо не болитъ. Онъ спокойно заснулъ [2]).

И каждый разъ, когда ребенокъ страдаетъ, простой мужикъ прикосновеніемъ грубой руки своей, ласковымъ словомъ, шуткой, телеграммой, запиской съ каракулями, успокаиваетъ и больного и Его Родителей... И на этотъ разъ еще смерть отступаетъ.

Нужно ли искать другихъ причинъ довѣрія, которое этотъ сибирскій крестьянинъ внушалъ Отцу и Матери, дрожащимъ за существованіе Своего ребенка? Быть можетъ, чувство это было и болѣе глубокимъ, быть можетъ, благодарность къ спасителю Наслѣдника лишь открыла доступъ влеченію Государя и Импе-

---

[1]) M. Paléologue. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, т. II, стр. 137—138.

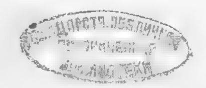
[2]) Е. Ф. Джанумова. Мои встрѣчи съ Григоріемъ Распутинымъ. Современныя Записки, кн. XIV, стр. 274.

ратрицы къ простому народу, къ людямъ скромнымъ, безъ свѣтскаго лоска, съ грубой, но искренней рѣчью. Распутинъ, въ глазахъ Монарховъ, не только мужикъ, онъ представитель стомилліоннаго крестьянства при Государѣ; Распутинъ во дворцѣ — это осуществленіе мечты русскихъ Царей, начиная съ Іоанна Грознаго, мечты, которой никогда не было суждено осуществиться: сліяніе Помазанника Божія съ Своимъ народомъ.

И, дѣйствительно, мужикъ этотъ пріобрѣтаетъ значеніе нѣкоей эмблемы. Онъ не святой, не отшельникъ, но и не погибшій грѣшникъ. Онъ просто человѣкъ, Адамъ, сочетаніе праха и Духа Божія, грѣха и искупленія.

«Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Итакъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Несчастный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти? Благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ. Итакъ, тотъ же самый, я умомъ моимъ служу закону Божію, а плотію закону грѣха». (Посланіе Апостола Павла къ Римлянамъ, глава 7-ая, ст. 19—25.)

Сознавалъ ли Распутинъ всѣ темныя глубины своей жизни? Но онъ чувствовалъ въ себѣ двойное присутствіе зла и Бога. И чувство это его и угнетаетъ, и возвышаетъ. Онъ ступаетъ въ жизни, неся эту двойную тяжесть, подчасъ падая подъ ея бременемъ, но всегда снова подымаясь, со взоромъ, обращеннымъ на кровавый горизонтъ. Онъ видитъ... Онъ видитъ то, что завѣса будущаго скрываетъ отъ взгляда другихъ. Слова странныя, загадочныя и тревожныя, произносятъ его уста. Передъ самой войной, тяжело раненый Гусевой, пишетъ онъ Государю изъ Покровскаго: «Милый другъ, еще разъ скажу, грозна туча надъ Россіей; бѣда, горя много, темно и просвѣту нѣтъ... слезъ то море и мѣры нѣтъ, а крови? что скажу? Словъ нѣтъ, неописуемый ужасъ. Знаю, все отъ Тебя войны хотятъ и, вѣрно не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказаніе, когда умъ отниметъ, тутъ начало конца. Ты Царь, отецъ народа, не попусти безумнымъ торжествовать и

погубить себя и народъ... вотъ, Германію побѣдятъ, а Россія? подумать, какъ воистину не было отъ вѣку горшей страдалицы, вся тонетъ въ крови... велика погибель, безъ конца печаль».[1])

Это глаголъ пророка... Германію побѣдятъ, но что же Россія? Она тонетъ въ крови, гибель ея велика... Какое грозное предостереженіе патріотическимъ восторгамъ первыхъ дней войны! Какая картина ужасной участи несчастной Россіи!

И Царская Семья знаетъ только этотъ ликъ мужика, его духовный образъ, его смѣлое слово, отражающее многомилліонную крестьянскую мысль, его молитву за больного мальчика, радость, которую онъ приноситъ изстрадавшимся Родителямъ.

Но столичное общество, бездѣльное, злостное, жадное къ сенсаціямъ — этимъ не довольствуется. Его не трогаетъ вѣщее слово русскаго человѣка, его забавляетъ, волнуетъ бородатый мужикъ, введенный въ барскія хоромы. Его окружаютъ блестящая молодежь, титулованныя дамы, его наперебой зовутъ къ себѣ, сажаютъ за столъ, уставленный серебромъ и хрусталемъ, напаиваютъ виномъ, ласково и обѣщающе улыбаются. Онъ пьетъ, приходитъ въ мужицкое веселье, вскакиваетъ изъ-за стола: «а ну-ка, голубушки, трепака». И подъ звуки рояля бородатый мужикъ пляшетъ... Онъ ужъ не въ Петербургѣ, не въ гостиной, а у себя въ деревнѣ, и окружаютъ его не разряженныя дамы, а бабы въ платочкахъ. Его везутъ въ ресторанъ, зовутъ цыганъ, льется шампанское...

И на другой день новая злостная клевета ползетъ по городу, новый потокъ грязи льется изъ салоновъ, брызги котораго летятъ до самаго Царскаго дворца.

Но и въ пьяномъ угарѣ, и среди женскихъ улыбокъ, Распутина охватываетъ подчасъ сознаніе и грѣха и страшной судьбы своей. «Знаешь ли ты», говоритъ онъ вдругъ своей сосѣдкѣ за обѣдомъ, «что скоро я умру въ ужасныхъ страданіяхъ? Но что же, Богъ мнѣ далъ чудное призваніе погибнуть за спасеніе обожаемыхъ нашихъ Монарховъ и Святой Руси»...

Въ этомъ сознаніи, быть можетъ, таится мистическая нить между Царемъ и мужикомъ: пріобщеніе къ общей жертвѣ...

---

[1]) N. Sokoloff. Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe. Fig. 7, стр. 33.

История царствованія Императора Николая II привлечетъ вниманіе не одного будущаго историка. Когда страсти, возбужденныя стихійной катастрофой, поразившей Россію, уступятъ мѣсто тому чувству безпристрастнаго вниманія, для котораго необходима нѣкоторая отдаленность изучаемыхъ событій, — тогда только потомство отдастъ справедливость эпохѣ, которая была великимъ царствованіемъ, и Царю, который былъ великимъ Монархомъ.

Конечно, если расцѣнивать царствованія по окончательнымъ ихъ результатамъ, если возлагать на монарховъ всю полноту отвѣтственности за всѣ неудачи и бѣдствія, хотя бы стихійныя, которыя поражаютъ государство, — то пришлось бы произвести историческую переоцѣнку всѣхъ правителей и развѣнчать даже такихъ, какъ Александръ Македонскій, Карлъ Великій, Людовикъ XIV или Наполеонъ, ибо созданныя ими великія государственныя творенія разсыпались послѣ, а иногда даже и при нихъ, и всѣ они, послѣ блестящаго царствованія, оставили своимъ преемникамъ тяжкое наслѣдство.

Но если отдавать каждому монарху славу по его заслугамъ, по результатамъ, достигнутымъ его личнымъ творчествомъ, внѣ зависимости отъ послѣдующихъ разрушительныхъ эфектовъ антигосударственныхъ силъ — то нужно, по справедливости, признать, что исторія Европы насчитываетъ не много государей, которые осуществили столько благодѣтельныхъ реформъ, дали своей странѣ такое громадное развитіе, какъ это сдѣлалъ Императоръ Николай II.

Можно спорить о мнѣніяхъ, объ оцѣнкахъ, но не о фактахъ и о цифрахъ. А тѣ и другія намъ показываютъ, что за двадцать два года царствованія Государя Николая Александровича была начата и отчасти осуществлена величайшая аграрная реформа, которую когда-либо знала исторія, стабилизована національная монета установленіемъ золотой валюты, свершено громадное государственное преобразованіе—установленіе народнаго представительства, а въ области международной — взята инициатива учрежденія международнаго Гаагскаго суда, дѣйствующаго и понынѣ. Если къ этимъ достиженіямъ прибавить, что за двадцать два года царствованія Императора Николая II эко-

2*

номическое развитіе Россіи до войны шло такимъ быстрымъ темпомъ, который уступалъ лишь Соединеннымъ Штатамъ, то насъ не можетъ не охватить чувство гордости за столь близкое и столь славное прошлое нашей Родины.

Такъ, урожай хлѣбовъ поднялся на 116% (пшеница), добыча угля увеличилась на 400%, нефти — на 65%, золота на 43%, мѣди — на 375%, марганца — на 364%, производство сахара — на 245%, хлопка (сборъ волокна) — на 388%, чугуна — на 250%, желѣза и стали — на 224%, золотой запасъ Государственнаго Банка увеличился съ 648 милліоновъ рублей до 2.257,8 м. р. Вся необъятная страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, несущихъ оживленіе и культуру въ отдаленнѣйшіе предѣлы Имперіи; сама Сибирь была прорѣзана до береговъ океана колеею въ восемь тысячъ верстъ длины — самая большая желѣзнодорожная линія въ мірѣ.

Эти цифры особенно интересно сопоставить съ яростными нападками оппозиціи на Царское Правительство, съ обвиненіями въ неумѣломъ хозяйничаніи и въ разорительной финансовой политикѣ; нужно также помнить, что эти блестящіе результаты достигнуты, несмотря на неудачную японскую войну, обошедшуюся въ 2½ милліарда рублей, на смуту 1905 года, на аграрные безпорядки, на саботажъ Государственной Думы. Государство, представляемое, какъ самое отсталое въ Европѣ, съ нищенскимъ населеніемъ, подавленнымъ непосильной тяжестью налоговъ, согласно цифровымъ даннымъ, не только было первымъ по быстрому экономическому росту, но и самымъ устойчивымъ въ финансовомъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ счастливымъ именно по налоговому бремени.

Государственные доходы увеличивались темпомъ, не вѣдомымъ ни одному другому европейскому государству; въ 1867 г. они составляютъ 415 милліоновъ рублей, въ 1897 г. — 1.410 милл. р., въ 1908 г. — 2.418 милл. рублей, и въ 1913 г. — 3.417 милл. рублей. Эти доходы не только покрывали цѣликомъ обыкновенные и чрезвычайные расходы, но оставляли значительные излишки, которые, ко времени войны, достигали 512,2 милл. рублей. Что же, это благосостояніе было ли осуществлено цѣною непосильныхъ налоговъ? И на этотъ вопросъ статистика даетъ назидательный отвѣтъ. Цифра налоговъ, на одну душу, составляла въ 1912 г. (въ рубляхъ):

Прямые налоги: Россія — 3,11, Австрія — 10,19, Франція — 12,35, Германія — 12,97, Англія — 26,75.

Косвенные налоги: Россія — 5,98, Германія — 9,64, Австрія — 11,28, Англія —— 13,86, Франція — 16. Иначе говоря, въ некультурной Россіи, при активномъ государственномъ бюджетѣ, при громадномъ золотомъ запасѣ, угнетенный обыватель платилъ въ 8½ разъ меньше прямыхъ налоговъ, чѣмъ свободный житель либеральной Великобританіи, и въ три съ лишнимъ раза меньше, чѣмъ культурный французъ въ республиканской Франціи.

Но, скажутъ бывшіе враги Царскаго режима, — не хлѣбомъ однимъ живъ человѣкъ; Россія могла преуспѣвать экономически, но отставать культурно; образованіе у насъ преслѣдовалось, стремленіе къ знанію подавлялось, народъ погрязалъ въ невѣжествѣ.

Обратимся еще разъ къ цифрамъ.

За время царствованія Императора Николая II смѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія возросла съ 25,2 милліоновъ до 161,2 милл., т. е. на 628%; общіе правительственные расходы на народное образованіе по всѣмъ вѣдомствамъ, вмѣсто 40 милл., достигли 270 милл., увеличившись, такимъ образомъ, на 570%. Одновременно земскія и городскія самоуправленія увеличили свои расходы на эту потребность на 329%.

Въ связи съ заботами Правительства увеличилось и число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ: въ начальныхъ — на 159%, въ среднихъ — на 264%, въ высшихъ — на 433%. Выработанный въ 1908 году планъ всеобщаго начальнаго обученія началъ осуществляться быстрымъ темпомъ, школы открывались, въ среднемъ, въ количествѣ 10.000 въ годъ; къ началу войны ихъ было уже 130.000. По Совѣтской статистикѣ 1920 г., къ этому времени 86% дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, оказались грамотными; гдѣ эти дѣти научились читать и писать? Въ начальныхъ школахъ отсталаго Царскаго режима.

Прибавимъ, что нигдѣ въ мірѣ женское образованіе не стояло такъ высоко, какъ въ Императорской Россіи; за двадцать лѣтъ число учащихся въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ увеличилось на 420%; что же касается высшаго женскаго

образованія, то можно сказать безъ преувеличенія, что оно получило начало и самое широкое развитіе именно въ Россіи [1]).

Нужно ли еще говорить о достиженіяхъ русской науки, о міровыхъ именахъ, выдвинутыхъ Россіей во всѣхъ областяхъ знанія и духа? Наконецъ, нужно ли прибавить, что и всѣ передовые, либеральные, культурные творцы русской революціи пили изъ той же чаши знанія, которую подносило имъ Царское Правительство, что всѣмъ, что они знаютъ, что пріобрѣли, чѣмъ гордятся, — они всецѣло обязаны заботамъ Монарховъ о народномъ образованіи, объ ихъ же образованіи?

Революція восторжествовала надъ Императорскимъ режимомъ, и мы видимъ, во что она обратила русскую свободную мысль, русскую науку, русское художественное творчество.

Клеветники изъ лѣваго лагеря обычно обвиняли Императора Николая II въ жестокости; «Николай кровавый» — вотъ ходкое прозвище, которое господа эсъ-эры и кадеты давали Государю, когда они подготавливали судъ и расправу надъ Нимъ и старались, впослѣдствіи, отвлечь отъ себя справедливое народное негодованіе. Но, когда февральская революціонная заря смѣнилась суровой большевицкой дѣйствительностью, когда людямъ, совершившимъ, способствовавшимъ или допустившимъ великую измѣну Царю, пришлось расплачиваться за нее собственною шкурою, — тогда обвиненія въ жестокости внезапно смѣнились обвиненіями Государя въ чрезмѣрной мягкости, въ безволіи. — «Ахъ, почему Онъ отрекся! почему не повелѣлъ перевѣшать бунтовщиковъ! Если бы на мѣстѣ Николая II былъ въ это время такой Государь, какъ Николай I, никогда у насъ не произошло бы революціи». Такъ ропщутъ, такъ жалуются, такъ стонутъ бывшіе генералы, помѣщики, профессора, земцы, адвокаты, либералы, депутаты, сановники, обобранные большевиками и прозябающіе въ эмиграціи. Справедливъ ли этотъ упрекъ?

14 декабря 1825 года, съ ранняго утра, на Сенатскую площадь въ С.-Петербургѣ, начали стекаться бунтовавшія гвардей-

---

[1]) Статистическія свѣдѣнія о царствованіи Императора Николая II заимствованы изъ брошюры «Государь Императоръ Николай II Александровичъ» (по даннымъ Энциклоп. Брокгаузъ и Эфронъ, „The Statesman's Year book", трудовъ общаго Съѣзда представителей русской промышленности и торговли въ Парижѣ), Берлинъ, 1922, и изъ замѣчательной книги А. Гулевича „Tsarisme et Révolution". Изд. Alexis Redier, Paris, 1931.

скія части. Наблюдавшій изъ Зимняго дворца за прохожденіемъ войскъ Императоръ Николай I, какъ Онъ и признаетъ въ своемъ дневникѣ, прекрасно понималъ ту опасность, которой грозилъ и Семьѣ Его и Россіи этотъ безсмысленный, слѣпой и кровавый бунтъ. Онъ зналъ, что заговорщиками рѣшено не только истребить въ корнѣ весь Царствующій Домъ, но и опрокинуть вѣковые устои государства, т. е. открыть двери новой пугачевщинѣ и анархіи.

У Николая I имѣются, однако, вѣрныя войска, имѣется артиллерія, которая ждетъ только сигнала, чтобы открыть огонь по бунтовщикамъ. Государя окружаютъ преданные, энергичные военачальники, которые умоляютъ Его дать разрѣшеніе подавить грозное движеніе. Но Онъ колеблется, Онъ не рѣшается, Его мучатъ сомнѣнія — и часы, драгоцѣнные часы, проходятъ въ бездѣйствіи. Вмѣсто картечи, бунтовщикамъ посылаютъ генералъ-адъютанта графа Милорадовича, котораго они съ гикомъ убиваютъ; короткій зимній день уже близится къ вечеру, когда, наконецъ, удается уговорить Царя. Два выстрѣла изъ орудій — и Сенатская площадь пуста, всѣ разлетѣлись, какъ стая воробьевъ.

Такъ поступилъ смѣлый, рѣшительный и строгій Императоръ Николай I.

25 февраля 1917 года петроградскій главноначальствующій генералъ Хабаловъ посылаетъ Государю Николаю II въ Ставку шифрованную депешу о начавшихся безпорядкахъ. Тотчасъ же Государь отвѣчаетъ слѣдующей депешей: «Повелѣваю завтра же прекратить въ столицѣ безпорядки, недопустимые въ тяжелое время войны съ Германіей и Австріей». Приказаніе это военными и административными властями не исполняется; въ самой Ставкѣ окружающіе Государя генералы убѣждаютъ Его уступить революціи. Что же дѣлаетъ Государь? Онъ посылаетъ въ Петроградъ отрядъ войскъ для водворенія порядка и Самъ ѣдетъ туда. Но предательство ждетъ Его по дорогѣ; Онъ попадаетъ въ Псковскую ловушку, всѣ главнокомандующіе фронтами Ему измѣняютъ, у Него не остается ни генераловъ, ни Правительства, ни солдатъ.

И въ Своемъ дневникѣ 2 марта записываетъ Онъ: «Кругомъ измѣна и трусость и обманъ».

Такъ поступилъ слабовольный и мягкій Императоръ Николай II.

Что сдѣлалъ бы другой монархъ на Его мѣстѣ? Вѣроятно то, что сдѣлали столько отрекшихся или покинувшихъ свою страну государей: и Людовикъ XVI, и Карлъ X, и Людовикъ-Филиппъ, и Наполеонъ, и Маноэль Португальскій, и Фердинандъ Болгарскій, и Вильгельмъ II, и Альфонсъ XIII.

И тутъ можетъ быть мѣсто для болѣе справедливаго и, скажу, болѣе глубокаго сужденія объ Императорѣ Николаѣ II. Если вѣрить въ извѣстную логичность, закономѣрность историческихъ событій, то нужно признать, что въ исторіи народовъ бываютъ такіе моменты, когда воля отдѣльнаго, хотя бы и геніальнаго, лица становится безсильной противъ натиска разрушительныхъ силъ, какъ самый талантливый и образованный врачъ безсиленъ остановить развитіе болѣзни, отравившей уже организмъ.

Въ Россіи революціонныя движенія никогда не захватывали народныхъ массъ; пугачевщина, холерные и аграрные безпорядки были просто бунтами, не болѣе, никогда не направленными ни противъ Монарха, ни противъ Царскаго режима. Дѣятели «Земли и Воли» прекрасно понимали эту народную психологію и пытались поднимать мужиковъ противъ помѣщиковъ именемъ Царя.

Политическая же революція родилась въ верхахъ общества; высшее дворянство издавна лелѣяло мысль объ ограниченіи, въ свою пользу, власти самодержавнаго Монарха. Еще въ XVII вѣкѣ князья Голицынъ, Репнинъ и Куракинъ стремились возвести на Престолъ малолѣтняго Петра Алексѣевича, обусловивъ для аристократіи особыя права. Послѣ смерти Петра II мысль эта получила опредѣленное выраженіе при обсужденіяхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ вопроса о преемникѣ Царя. Долгорукіе, Голицынъ и Головкинъ высказывались за ограниченіе Царской власти. «Воля ваша», заявилъ Голицынъ, «кого изволите, только надобно намъ себѣ полегчить». — «Какъ полегчить?» спросилъ канцлеръ Головкинъ. — «Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить». Пока засѣдалъ Верховный Совѣтъ, въ залѣ ожидали высшіе чины государства и тоже шли разговоры. «Теперь время, чтобы самодержавію не быть», говорилъ Ягужинскій Долгорукому.

Не буквально ли то же самое повторяли, почти двѣсти лѣтъ спустя, князья Трубецкіе и Львовы, Родзянки и прочіе представители знати?

Если проектъ конституціи, съ двухпалатной системой, составленный въ 1730 году Голицынымъ, и «кондиціи», поставленныя Верховнымъ Совѣтомъ Аннѣ Іоанновнѣ, и могли быть отвергнуты ею, то только лишь благодаря поддержкѣ духовенства, народа и офицерства изъ мелкаго дворянства. Феофанъ Прокоповичъ говорилъ, что «русскій народъ таковъ отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ», а при обсужденіи дворянами проекта новой формы правленія, слышались возгласы офицеровъ: «Смерть крамольникамъ! Да здравствуетъ Самодержавная Государыня!»

Въ 1916 и 1917 годахъ русскіе офицеры, къ сожалѣнію, уже не кричали ни «смерть крамольникамъ», ни «да здравствуетъ Самодержавный Царь» и жестоко за такое молчаніе поплатились.

Къ этой политической борьбѣ въ XVIII вѣкѣ прибавилось поистинѣ ужасное и развращающее явленіе: цареубійство и дворцовые перевороты. Дидро по возвращеніи во Францію изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ по приглашенію Екатерины II, могъ такъ охарактеризовать форму правленія Россіи:

„C'est une monarchie absolue, temperée par l'assassinat," а Joseph de Maistre, разсказывая о короноваціи Императора Александра I, говорилъ:

„L'Empereur était précédé par les assassins de son grand-père, entouré des assassins de son père et suivi peut-être par ses propres assassins."

За это столѣтіе страшно подешевѣла Царская кровь; крамола и цареубійство стали не только безопасными, но и выгодными занятіями. Толстой, заманившій Царевича Алексѣя на вѣрную смерть, Преображенцы, свергшіе законнаго Государя Іоанна Антоновича, Орловъ, звѣрски забившій Императора Петра III, не только не понесли никакого наказанія, но были осыпаны Царскими милостями. И если Александръ Благословенный и не поступилъ такъ же съ убійцами своего Отца, то они, во всякомъ случаѣ, оставались въ почетѣ, и съ именами графовъ Зубовыхъ, Паленъ и Беннигсенъ не связана въ общественномъ представленіи мысль о позорѣ и ужасѣ цареубійства.

Бунтарство и злословіе въ отношеніи Монарха охватываетъ высшій классъ каждый разъ, когда курсъ государственнаго корабля направляется не по его указкѣ, или даже когда онъ считаетъ свои интересы задѣтыми.

Даже Александръ Благословенный, освободитель отечества отъ нашествія двадесяти языковъ и избавитель Европы отъ тяжелаго ига Наполеона, даже Александръ I, самый мягкій, самый обаятельный, самый «либеральный» изъ русскихъ Царей, подвергался въ петербургскихъ салонахъ злостнымъ и открытымъ нападкамъ, которыя изумляли своей дерзостью иностранныхъ дипломатовъ:

«Ничто не можетъ сравниться съ непочтительностью, съ которой русская молодежь осмѣливается отзываться о своемъ Монархѣ», пишетъ французскій посолъ Савари. «Я испытывалъ большую тревогу насчетъ тѣхъ послѣдствій, которыя подобныя выходки могли имѣть въ странѣ, гдѣ дворцовые перевороты сдѣлались слишкомъ обычнымъ явленіемъ». И объ этихъ тревогахъ онъ сообщаетъ Государю. Но Александръ I давно освѣдомленъ о томъ, что творится и говорится вокругъ Него, и когда Новосильцевъ предостерегаетъ Царя отъ возможной участи Его Отца, Императора Павла, Государь отвѣчаетъ: «Боже мой! Я все это знаю, вижу, но что же я могу сдѣлать противъ рока, который меня къ этому ведетъ?»

Крамольное настроеніе салоновъ высказывается столь открыто, что оно ни для кого не составляетъ уже тайны. Шведскій посланникъ доноситъ своему правительству, что «неудовольствіе противъ Императора все увеличивается, и рѣчи, которыя приходится слышать, поистинѣ страшны. Здѣсь идутъ постоянные разговоры о перемѣнѣ царствованія, и даже доходятъ въ забвеніи присяги до того, что говорятъ о необходимости сослать всю мужескую линію династіи и, такъ какъ Императрица-мать и Императрица Елисавета не обладаютъ необходимыми качествами для царствованія, нужно возвести на престолъ Великую Княгиню Екатерину».

Любопытно и поучительно сравнить эти разсказы дипломатовъ о настроеніяхъ столичнаго общества въ началѣ прошлаго вѣка съ тѣмъ, что другіе дипломаты, какъ Палеологъ, напримѣръ, писали о томъ же до и во время великой войны. Тѣ же пересуды, та же эгоистическая, близорукая злоба къ Монарху, то же предательство. За сто лѣтъ русское высшее общество не измѣнилось.

И таково сужденіе не только иностранцевъ, быть можетъ недостаточно освѣдомленныхъ. Императрица Елисавета Алексѣевна пишетъ своей матери совершенно то же объ обществен-

номъ мнѣніи, которое «кричитъ такъ, что становится страшно». Елисавета Алексѣевна осуждаетъ также родственниковъ Государя: «Съ своей стороны Императрица (вдовствующая) вслѣдствіе того безграничнаго честолюбія, которое заставляетъ ее льстить при всѣхъ случаяхъ общественному мнѣнію, чтобы увеличить свою популярность, первая дала примѣръ неудовольствія и стала громко осуждать политическое поведеніе своего сына... Не могу Вамъ выразить, какъ это меня возмущаетъ!» Потомъ, говоря о фрондерствѣ Великаго Князя Константина Павловича, Елисавета Алексѣевна прибавляетъ: «Увѣряю Васъ, по временамъ мнѣ кажется, что нашъ милый Государь, который лучше всѣхъ своихъ родственниковъ, проданъ и преданъ своей собственной семьей».

Таково настроеніе въ 1809 году. Какъ отнеслось общество къ Государю Александру Павловичу, когда разразилась гроза двѣнадцатаго года?

Москва занята французами, народная армія напрягаетъ героическія усилія, чтобы спасти отечество. А Великая Княгиня Екатерина Павловна пишетъ Государю: «Неудовольствіе достигло высшей мѣры, и Васъ лично далеко не щадятъ. Если даже это доходитъ до меня, то судите сами объ остальномъ. Васъ открыто обвиняютъ въ несчастіи Вашей Имперіи, въ разореніи всѣхъ и каждаго, наконецъ въ томъ, что Вы пожертвовали честью страны и Вашей собственной... Не опасайтесь катастрофы въ родѣ революціи, нѣтъ! Но подумайте сами, каково можетъ быть положеніе вещей въ странѣ, главу которой презираютъ; нѣтъ ничего того, что люди не сдѣлали бы для возстановленія своей чести, но, несмотря на страстное желаніе всѣмъ пожертвовать ради Родины, говорятъ: къ чему это поведетъ, когда все гибнетъ, уничтожается вслѣдствіе бездарности начальниковъ? Мысль о мирѣ, къ счастію, не у всѣхъ на умѣ; напротивъ даже — чувство стыда отъ потери Москвы вызываетъ желаніе мести. Но Васъ осуждаютъ, и безъ стѣсненія; я считаю своимъ долгомъ Вамъ объ этомъ сказать, мой другъ, такъ какъ это слишкомъ важно».

Письмо это отъ 12 сентября 1812 года. Черезъ мѣсяцъ Наполеонъ бѣжалъ изъ Москвы, черезъ три — русскія войска переходили границу, черезъ восемнадцать «потерявшій честь» Александръ I торжественно въѣзжалъ въ Парижъ и прославлялся

всей Европой, какъ ея спаситель; а «бездарные» русскіе начальники становились историческими національными героями.

Вотъ судьба, которая готовилась Царю Николаю II и России послѣ Великой Войны, если бы прогнившее русское общество не открыло дороги революціи.

Это общество могло потомъ курить ѳиміамъ побѣдителю Наполеона, какъ оно разстилалось бы послѣ побѣды и передъ Государемъ Николаемъ II, но чувство презрѣнія къ малодушнымъ и крамольнымъ столичнымъ салонамъ неизгладимо осталось въ сердцахъ обоихъ Монарховъ.

«Быть несправедливымъ къ тому, кого постигло несчастіе, обвинять его, нападать на него — все это вещь обычная», отвѣчаетъ Императоръ Александръ I на рѣзкое письмо сестры. «Никогда не льстилъ я себя никакими иллюзіями на этотъ счетъ; я былъ увѣренъ, что со мною это случится, какъ только судьба мнѣ станетъ враждебной».

И столь же горькія слова вырываются изъ устъ Государя Николая Александровича, когда, обращаясь къ Палеологу, онъ съ возмущеніемъ говоритъ объ «отравленной атмосферѣ Петрограда»:

«И этотъ смрадъ идетъ не изъ народныхъ кварталовъ, а изъ салоновъ. Какой стыдъ! Какое ничтожество! Можно ли быть до такой степени лишеннымъ совѣсти, патріотизма и вѣры!»[1]).

Таковъ былъ «высшій классъ» при Императорѣ Александрѣ I, таковымъ онъ оставался до революціи.

Изъ класса, воспитаннаго на этихъ примѣрахъ, вышли декабристы. Удивительно ли, что ихъ движеніе отражаетъ именно тѣ же самыя побужденія, которыя зрѣли и осуществлялись ихъ предшественниками: ограниченіе Монарха и цареубійство? Вызвало ли движеніе декабристовъ негодованіе въ такъ называемомъ «обществѣ»? Нѣтъ, ихъ чествовали, ихъ прославляли поэты, ими гордились, и отцы приводили ихъ въ примѣръ своимъ сыновьямъ.

Разложеніе высшихъ классовъ не можетъ остаться безъ вліянія на другіе слои общества. Отъ дворянства революціонное броженіе перешло къ новому классу — интеллигенціи, появился организованный терроръ. Русскихъ Царей убійцы преслѣдовали

---

[1]) M. Paléologue. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, т. II, стр. 88—89.

по пятамъ. Императоръ Александръ II погибъ отъ бомбъ народовольцевъ, Его преемникъ былъ спасенъ чудомъ, а Внукъ, Императоръ Николай II, нашелъ, со всѣмъ Своимъ Семействомъ, мученическую смерть отъ руки прямыхъ наслѣдниковъ декабристовъ — большевиковъ.

Кровавая цѣпь преступленій тянется въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ; въ нее постепенно втягиваются всѣ слои правящаго класса, отъ аристократіи до купечества. Одни убиваютъ, а другіе, болѣе робкіе, имъ помогаютъ, или просто сочувствуютъ. Вѣрныхъ Царскихъ слугъ начинаютъ систематически истреблять. Подъ выстрѣлами и бомбами революціонеровъ падаютъ: Великій Князь Сергѣй Александровичъ; министры Плеве, Сипягинъ, Боголѣповъ, Столыпинъ, генералъ-губернаторы и губернаторы графъ Игнатьевъ, Старынкевичъ, Хвостовъ, Александровскій, Слѣпцовъ, петербургскій градоначальникъ фонъ-деръ-Лауницъ, главный военный прокуроръ Павловъ, генералы и адмиралы Чухнинъ, Сахаровъ, Минъ, Карангозовъ, Алихановъ и сотни другихъ. Но не только сановниковъ Имперіи поражаютъ революціонеры, они охотятся, съ револьверомъ въ рукахъ, и за «мелкой сошкой». Изданная въ 1907 году «Книга Русской Скорби», въ четырнадцати томахъ, содержитъ синодикъ этихъ жертвъ краснаго террора. Въ немъ мы находимъ и священниковъ, и урядниковъ, и городовыхъ, и артельщиковъ, и преподавателей. Эти убійства, совершенныя, главнымъ образомъ, эсъэрами, партіей Керенскаго, поражаютъ своей жестокостью. 8 мая 1906 г. революціонеры убиваютъ пристава Орлова, вырываютъ изъ тѣла сердце и печень, рѣжутъ ихъ на куски и бросаютъ въ рѣку; въ Курскѣ, на вокзалѣ, они запираютъ офицера въ вагонъ и сжигаютъ его живымъ. За шесть недѣль только, отъ 1 іюля до 15 августа 1906 г., террористы совершаютъ 613 покушеній и убиваютъ 244 человѣка.

Что это, борьба за свободу? Нѣтъ, разрушеніе Россійскаго государства путемъ систематическаго террора, которымъ дирижируетъ центральный комитетъ эсъ-эровъ, почти сплошь состоящій изъ евреевъ или еврейскихъ наймитовъ: Азефъ, Гоцъ, Швейцеръ, Лейба Сикорскій, Дора Бриллiантъ, Борисъ Савинковъ, Каляевъ и пр.

Что же дѣлаетъ дворянство, интеллигенція, купечество? Когда, во время собранія «профессорской» партіи кадетъ, кто-то съ эстрады сообщаетъ полученное только что извѣстіе объ

убійствѣ адмирала Чухнина, залъ разражается громомъ рукоплесканій. Самъ лидеръ кадетъ, профессоръ Милюковъ, ѣдетъ въ Лондонъ уговаривать Ленина продолжать политическія убійства, которыя будущій диктаторъ считаетъ уже безполезными, а именитый купецъ и милліонеръ Савва Морозовъ посылаетъ большевикамъ деньги и страхуетъ свою жизнь въ ихъ пользу. Въ этой же пляскѣ смерти передъ гибелью Россіи мелькаютъ и извѣстныя дворянскія имена: князья Львовъ, Долгоруковы, Трубецкіе, Шаховской; Родзянко, Самаринъ, генералы, члены Государственнаго Совѣта, депутаты, — цвѣтъ русскаго общества, о которомъ французскій журналистъ Густавъ Эрвэ высказалъ слѣдующее строгое, но справедливое сужденіе: «Мы всѣмъ сердцемъ жалѣемъ русскую аристократію и буржуазію, которыя перенесли съ 1917 года извѣстныя всѣмъ страшныя испытанія; но приходится признать, что, подобно и нашей аристократіи стараго режима, онѣ проявили въ критическій часъ легкомысліе, безразсудность и отсутствіе политической устойчивости, поистинѣ изумительныя. Просто невѣроятно, что, зная исторію бывшихъ революцій, часть русской элиты, своимъ разлагающимъ и мелко фрондирующимъ настроеніемъ, своимъ сочувствіемъ самымъ разрушительнымъ идеямъ, своими интригами во время войны — могла подготовить ужасную катастрофу».

Да, невѣроятно . . . и въ томъ вся трагедія Россіи. Въ Россіи не было почвы для революціи, русскій народъ не бунтовалъ, а работалъ и сражался на фронтѣ, но государство разлагалось благодаря разложенію правящаго класса. Императору Николаю II пришлось нести бремя правленія въ годы, когда верхніе слои населенія изъ творческихъ обратились въ разрушительные элементы. Передъ революціей Россія представляла трагическую картину: Царь и Народъ — здоровыя начала государства, разъединенныя прогнившей общественной прослойкой — правящимъ классомъ.

Позволено, однако, задаться вопросомъ о томъ, являлась ли дѣятельность русскихъ либераловъ и революціонеровъ свободной отъ посторонняго вліянія? Не было ли у русскаго государства врага, неизмѣримо болѣе опаснаго, чѣмъ разношерстный отечественный революціонный сбродъ?

Еще очень недавно, говорить о масонствѣ считалось какъ-то неприлично, признакомъ крайней политической отсталости;

обвиненія въ «масонствѣ» у людей культурныхъ вызывали такую же улыбку, какую вызывало бы обвиненіе въ колдовствѣ.

Теперь многое въ этомъ взглядѣ измѣнилось. И наша «интеллигенція», среда всегда слишкомъ чутко прислушивающаяся къ европейскому общественному мнѣнію, убѣдилась, что именно въ Европѣ началась усиленная кампанія разоблаченія разрушительной дѣятельности масонства, что въ самыхъ демократическихъ государствахъ появились весьма серьезныя лиги, объединенія, журналы, сборники, посвященные борьбѣ съ масонствомъ.

Такимъ образомъ русскіе анти-масоны неожиданно оказались идущими въ самыхъ передовыхъ отрядахъ европейской «правой» общественности. Къ ихъ рядамъ примкнули и такія лица, которыхъ, по ихъ политической фигурѣ, никакъ нельзя было считать «черносотенцами», какъ напр., С. Мельгуновъ, посвятившій вопросу о роли масонства въ русской революціи, цѣлую главу своей интересной книги «На путяхъ къ дворцовому перевороту».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ приведены нѣкоторыя свѣдѣнія о масонскомъ руководствѣ въ подготовкѣ февральскаго переворота. Отмѣтимъ пока только, что послѣ долгаго перерыва масонство возродилось снова въ Россіи въ 1908 г., и что первымъ лицомъ, возведеннымъ пріѣхавшими изъ-за границы высокими братьями, въ соотвѣтствующую степень былъ еврей, присяжный повѣренный Маргуліесъ.

Еврейство — вторая и безмѣрно болѣе могущественная международная организація, способствовавшая разрушенію Россіи.

Надлежитъ, прежде всего, вспомнить, что на гибельную, разрушительную дѣятельность еврейства указывалось многими свѣдущими и проницательными людьми задолго до революціи; еще Достоевскій писалъ, что евреи погубятъ Россію. И, дѣйствительно, Россія оставалась еще единственной страной въ мірѣ, гдѣ Правительство пыталось защищать народъ отъ еврейскаго засилія; отсюда — ненависть международнаго еврейства къ Царскому режиму и та систематическая подрывная работа, которую оно производило для разрушенія Россійской государственности.

Нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи международное еврейство дѣйствовало довольно открыто и не скрывало своихъ конечныхъ цѣлей. Такъ, въ августѣ 1905 г., во время пребыва-

нія С. Ю. Витте (впослѣдствіи графа) въ Америкѣ, къ нему явилась депутація отъ еврейскаго комитета, во главѣ съ Яковомъ Шифомъ и Штраусомъ, чтобы добиться отъ него обѣщанія предоставленія евреямъ равноправія въ Россіи. Витте ихъ принялъ любезно, погоревалъ съ ними объ участи еврейства, но не посулилъ имъ большихъ надеждъ. Тогда Шифъ ядовито и злобно заявилъ: «Если Царь не хочетъ дать своему народу (разумѣй — евреямъ) желанной свободы, тогда революція установитъ республику, благодаря которой эти права будутъ достигнуты». — «Совершенно вѣрно», отвѣтилъ Витте, «это можетъ случиться, но не ранѣе, чѣмъ черезъ сотни лѣтъ, въ теченіе которыхъ царствовать будутъ Романовы». — «А между тѣмъ», прибавляетъ еврейская газета, цитирующая этотъ фактъ, «едва прошло съ тѣхъ поръ пятнадцать лѣтъ и Царя больше нѣтъ среди живыхъ. Его Супруга и Наслѣдникъ также убиты, въ то время, какъ остальные Члены Семьи Романовыхъ находятся въ изгнаніи или въ рукахъ пролетаріата»[1]).

Нельзя болѣе откровенно и нагло признаться въ участіи еврейства не только въ подготовкѣ революціи, но и въ звѣрскомъ убійствѣ Царской Семьи, совершенномъ, по приказанію еврея Свердлова, евреями Голощекинымъ и Юровскимъ.

«Пусть кровь Его падетъ на насъ и на дѣтей нашихъ», кричали евреи тысячу девятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Не тотъ ли самый изступленный крикъ ненависти слышится и теперь въ отношеніи замученнаго ими Русскаго Царя?

На ближайшее, руководящее участіе еврейства въ русской революціи указывали не только русскіе «черносотенцы», но и «просвѣщенные» иностранцы. Говоря о роли евреевъ въ образованіи большевизма и о жалкомъ состояніи, въ которомъ находится Россія, Уинстонъ Черчиль прибавляетъ: «Вліяніе это, вѣроятно, даже превышаетъ всѣ остальныя, исключая вліянія Ленина, т. к. большинство руководителей — евреи. Я скажу даже больше: главное вдохновеніе и направляющая сила идутъ отъ еврейскихъ руководителей» [2]). Укажемъ также на интересныя и документированныя работы Уильтона, французскаго прелата Жуэнъ и т. д. [3])

---

[1]) A. Netchvolodov, L'Empereur Nicolas II et les Juifs, стр. 5, 52, 74.
[2]) A. Netchvolodov. Тамъ же, стр. 56.
[3]) Robert Wilton. Les derniers jours des Romanof.
Monseigneur Jouin. Le Péril Judéo-Maçonnique.

Насколько открытымъ и наглымъ былъ натискъ еврейства на русскую государственность, видно хотя бы изъ того факта, что 15 февраля 1911 года депутація евреевъ, состоящая изъ того же Шифа, Фурта, Маршала, Крауса и судьи Гольдфольджа, осмѣлилась потребовать отъ президента Соединенныхъ Штатовъ Тафта отмѣны почти вѣкового торговаго договора съ Россіей. И когда Тафтъ отказалъ въ этомъ дерзкомъ требованіи, то Шифъ, дрожа отъ бѣшенства, заявилъ: «Въ такомъ случаѣ, это война между нами». И, дѣйствительно, началась невѣроятная газетная и банковская кампанія, въ результатѣ которой Тафту пришлось уступить и договоръ съ Россіей былъ отмѣненъ [1]).

Но давленіе еврейства на Россію не могло бы, конечно, оказать вліянія на ея внутреннюю политику, внести разложеніе въ ея соціальный строй, если бы у международнаго еврейства не оказалось въ русскомъ станѣ своихъ наймитовъ и предателей, а также, къ сожалѣнію, и безсознательныхъ пособниковъ, завороженныхъ громкими фразами о несправедливости къ избранному племени, о его мнимыхъ страданіяхъ, о необходимости дать ему равноправіе.

Среди видныхъ «общественныхъ дѣятелей», находящихся на побѣгушкахъ и на содержаніи у евреевъ, нельзя, прежде всего, не указать на профессора Милюкова, редактора «Рѣчи» — въ С.-Петербургѣ, и «Послѣднихъ Новостей» — въ Парижѣ, газетъ, биткомъ набитыхъ еврейскими журналистами и всегда преслѣдующихъ еврейскіе интересы.

Какъ ни ясна была роль Милюкова и въ прежніе годы, она еще ярче выявилась въ дни еврейскаго тріумфа, послѣ февральской революціи.

Дѣйствительно, едва только образовалось революціонное Временное Правительство, какъ глава анти-русскаго еврейства, все тотъ же Яковъ Шифъ, посылаетъ, въ качествѣ «непримиримаго врага тираническаго самодержавія, безжалостно преслѣдовавшаго нашихъ сородичей», — 6/19 марта, поздравительную телеграмму Милюкову, который отвѣчаетъ ему крайне почтительной благодарственной депешей, начинающейся со слѣдующихъ знаменательныхъ словъ: «Мы объединены съ вами въ нашей общей ненависти къ старому режиму, нынѣ свергну-

---

[1]) Jewish activities in the United States. Vol. II. of the „International Jew“ april 1921, см. А. Нечволодовъ „L'Empereur Nicolas II et les Juifs“. стр. 81.

тому»... И этотъ обмѣнъ телеграммами между господиномъ и слугой приведенъ въ газетѣ „New-York Times“ отъ 10 апрѣля (28 марта) подъ откровеннымъ заглавіемъ: «Благодарность Якову Шифу» [1]).

Въ дальнѣйшемъ Милюковъ продолжаетъ вѣрою и правдою служить евреямъ противъ Россіи; такъ, по его настоянію, Англія вынуждена пропустить въ Россію Бронштейна-Троцкаго, и, при его содѣйствіи, Временное Правительство устраиваетъ пріѣздъ въ Россію Ленина и его банды. Тотъ же Милюковъ, по соглашенію съ своимъ сообщникомъ Бьюкененомъ, скрываетъ отъ Государя телеграмму англійскаго короля, срываетъ всѣми мѣрами переѣздъ Царской Семьи въ Англію и подготовляетъ, такимъ образомъ, осуществленіе кровавой расправы евреевъ съ Екатеринбургскими жертвами.

Но у еврейства постепенно заводятся пособники, вольные или невольные, и среди самого Правительства.

Въ самый тяжелый моментъ войны, представители еврейства предъявляютъ Правительству дерзкій ультиматумъ: или будетъ отмѣнена черта осѣдлости для евреевъ, или Россіи будетъ закрытъ во всемъ мірѣ кредитъ на продолженіе войны. Что дѣлаютъ Царскіе министры? они склоняютъ выю передъ международнымъ еврействомъ и немедленно выполняютъ его требованіе [2]).

Что могъ сдѣлать Государь одинъ противъ натиска международныхъ силъ, безъ поддержки въ разложившемся, развращенномъ, потерявшемъ чувство долга, чести и патріотизма правящемъ классѣ? Будемъ справедливы — при такихъ условіяхъ, какъ это и отмѣчаетъ умный и проницательный Черчиль, всякій монархъ, даже самый геніальный, оказался бы безсильнымъ.

Для спасенія Россіи Государю пришлось бы совершенно смести весь верхній слой русскаго общества, соединить Царя съ народомъ безъ всякихъ посредниковъ, воспитать новыхъ людей, создать другіе устои, — а произвести такую свою револю-

---

[1]) Эти телеграммы были помѣщены въ „New-York Times“ отъ 10 апрѣля 1917 г. Приведены у ген. А. Нечволодова „L'Empereur Nicolas II et les Juifs“, стр. 72. О роли еврейства и масонства также въ Приложеніи (стр. 367).

[2]) Объ этомъ случаѣ подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

цію во время войны, Государь, если бы и хотѣлъ, очевидно не могъ.

Но если гибель Россіи не могла быть тогда предотвращена ни волею, ни жертвенностью Монарха, мы можемъ спросить себя, не выполнилъ ли Государь другой, болѣе высокой, миссіи: спасти отъ позора и крушенія самую идею Монархіи и честь Родины? Не были ли Его слова глубоко пророческими: «Если для спасенія Россіи нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой.»

И, дѣйствительно, не жертвѣ ли нашего Царя Россія обязана спасеніемъ хотя бы своей чести, не эта ли жертва возвысила на небывалую доселѣ высоту славу Царскаго Имени, не она ли вызвала въ русскомъ народѣ трогательныя легенды о чудесномъ спасеніи Царя, легенды, въ которыхъ отражается смутное, но глубокое народное чаяніе: снова увидѣть въ освобожденной Россіи вѣнценоснаго Помазанника?

Близоруки тѣ, кто въ исторіи видятъ только факты; въ ней, какъ и во всемъ мірѣ, надъ матеріей царитъ духъ.

И жизнь Государя Императора Николая Александровича есть примѣръ торжества духа.

ГЛАВА II.

ПОДГОТОВКА РЕВОЛЮЦІИ.

1. Война и оппозиція.

«Считаю своимъ гражданскимъ и служебнымъ долгомъ заявить Совѣту Министровъ, что отечество въ опасности».

Такъ, въ засѣданіи Совѣта Министровъ 16 іюля 1915 года, военный министръ генералъ Поливановъ началъ свой докладъ о положеніи на фронтѣ.

Воцарилось томительное, полное тревоги, молчаніе. А между тѣмъ ни для кого изъ сановниковъ, собравшихся вокругъ этого стола, не была тайной та тяжелая обстановка, въ которой оказалась наша армія подъ давленіемъ нѣмцевъ. Но все же выступленіе Поливанова, съ обычной для него театральностью, съ драматическимъ дрожаніемъ въ голосѣ, произвело на министровъ потрясающее впечатлѣніе.

Послышались тревожныя восклицанія, вопросы, гулъ голосовъ; когда прошла эта первая минута волненія, предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ спокойно обратился къ генералу Поливанову съ просьбой объяснить, на чемъ онъ строитъ свои столь мрачныя заявленія.

Военный министръ, все въ томъ же тонѣ трагическаго пафоса, набросалъ въ темныхъ краскахъ безотрадную картину положенія на фронтѣ. Съ особой силой зазвучалъ голосъ генерала, когда онъ заговорилъ о Ставкѣ. «Въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго», сказалъ онъ, «наблюдается все растущая растерянность. Она теперь охватывается убійственной психологіей отступленія и готовится къ отходу вглубь страны, на новое мѣсто. Назадъ, назадъ и назадъ — только и слышно оттуда». Затѣмъ Поливановъ съ негодованіемъ обрушился на

генерала Янушкевича, который «царитъ надъ всѣмъ и всѣми», заговорилъ объ «угрожающемъ наростаніи раздраженія въ странѣ», о «признакахъ революціонныхъ вѣяній не только въ тылу, но и на фронтѣ» и, наконецъ, воскликнулъ: «Печальнѣй всего, что правда не доходитъ до Его Величества... На рубежѣ величайшихъ событій въ русской исторіи, необходимо, чтобы Русскій Царь выслушалъ мнѣніе всѣхъ отвѣтственныхъ военачальниковъ и всего Совѣта Министровъ, которые должны откровенно сказать Ему о томъ, что приближается, быть можетъ, послѣдній часъ и что необходимы героическія рѣшенія... Мы должны настойчиво просить Государя созвать военный совѣтъ при участіи Правительства въ ближайшіе дни. Иначе можетъ быть поздно».

Министры слушали рѣчь генерала Поливанова съ напряженнымъ вниманіемъ, съ едва скрываемымъ волненіемъ. Остался спокойнымъ одинъ предсѣдатель Совѣта, поглаживая, привычнымъ жестомъ, свои длинныя сѣдыя баки, которыя онъ носилъ по модѣ эпохи Александра II.

Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, старый сановникъ, искушенный въ теченіе полувѣка въ государственныхъ дѣлахъ, находился въ томъ возрастѣ, въ которомъ исчезаютъ иллюзіи, утихаютъ страсти и даже послѣдняя изъ нихъ: честолюбіе — уступаетъ мѣсто тому спокойному равнодушію, которое предшествуетъ небытію.

Въ 1812 году, наканунѣ оставленія Москвы, Кутузовъ дремалъ на военномъ совѣтѣ, пока генералы спорили между собой; долгій опытъ научилъ его тому, что не слова и люди управляютъ событіями, и что, какъ бы ни былъ великъ геній Наполеона, сила вещей заставитъ его скоро покинуть Москву и бѣжать изъ Россіи.

Горемыкинъ также обладалъ такимъ старческимъ опытомъ. Онъ вѣрилъ въ Россію. И во время горячей рѣчи генерала онъ оглядывалъ усталымъ взоромъ своихъ коллегъ по либеральному министерству, назначенному Государемъ для удовлетворенія Государственной Думы. Изъ «бюрократовъ», прошедшихъ полную служебную карьеру, здѣсь были только министры: путей сообщенія Рухловъ, юстиціи — Хвостовъ, земледѣлія — Кривошеинъ и Государственный Контролеръ Харитоновъ. Министръ же народнаго просвѣщенія графъ Игнатьевъ, торговли — князь Шаховской, внутреннихъ дѣлъ — князь Щербатовъ, такъ же

какъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Самаринъ — представляли ту либеральную и фрондирующую аристократію. которая, со временъ декабристовъ, подготавливала пути къ торжеству «грядущаго Хама». Министръ финансовъ Баркъ, бывшій директоръ банка, былъ представителемъ крупныхъ банковскихъ круговъ. Наконецъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ составлялъ какъ бы связь между этими разношерстными элементами. Дипломатъ по карьерѣ, онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по природѣ своей парламентскимъ и политическимъ дѣятелемъ. Его ловкость и гибкость, а также и честолюбіе позволили ему лавировать между всякими теченіями, съ неизмѣнной чуткостью выбирая то изъ нихъ, которое вынесетъ его еще дальше впередъ.

Необходимо прибавить, что въ этотъ періодъ своей дѣятельности Сазоновъ, связанный съ масонствомъ [1]), выполнялъ опредѣленныя заданія, сводящіяся къ постепенному разрушенію русской государственности. Такъ, 10 іюня 1915 г. революціонеръ П. Б. Струве пишетъ Сазонову о необходимости замѣнить военнаго министра ген. Сухомлинова ген. Поливановымъ; любопытно отмѣтить, что черезъ три дня Поливановъ дѣйствительно назначается на этотъ постъ [2]). Надо ли напоминать ту роковую роль, которую сыгралъ этотъ генералъ-предатель, перешедшій впослѣдствіи къ большевикамъ. Но кто былъ самъ Струве, дававшій инструкціи Сазонову? П. Б. Струве, одинъ изъ основателей русской соціалъ-демократической партіи, старый врагъ Монархіи, являлся также авторомъ той знаменитой деклараціи названной партіи, въ которой, между прочимъ, заключается слѣдующій призывъ: «Политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только самъ, и онъ свергнетъ самодержавіе, чтобы затѣмъ уже съ бо́льшей энергіей продолжать борьбу съ капитализмомъ и буржуазіей до полной побѣды соціализма»[3]).

Объ этомъ фактѣ необходимо помнить, чтобы понять все послѣдующее невѣроятное поведеніе гофмейстера Сазонова.

Кромѣ Рухлова и Хвостова, Совѣтъ Министровъ являлся въ эти дни собраніемъ людей, быть можетъ и одушевленныхъ луч-

---

[1]) A. Netchvolodov. L'Empereur Nicolas II et les Juifs, стр. 42 (по даннымъ, приведеннымъ въ журналѣ „La Franc-Maçonnerie" démasquée отъ 10 и 25 дек. 1919 г.).

[2]) Красный Архивъ, кн. 58.

[3]) Ген. А. И. Спиридовичъ. Исторія большевиковъ, стр. 32.

шими намѣреніями, но слабыхъ, безвольныхъ, робкихъ, неспособныхъ ни подняться до высоты событій, ни удержать власть при первой попыткѣ вырвать ее изъ ихъ рукъ.

Поливановъ все продолжалъ говорить, и сквозь яркіе образы его рѣчи старый предсѣдатель съ безпощадной ясностью различалъ грубую ея ткань. И. Л. Горемыкинъ слушалъ молча, но его молчаніе было прекрасно освѣдомленное. Онъ не питалъ никакого довѣрія къ этому политиканствующему генералу, навязанному Правительству лѣвыми представителями Государственной Думы.

Едва военный министръ умолкъ, какъ поднялся невообразимый шумъ. Всѣхъ охватило какое-то возбужденіе; шли не пренія въ Совѣтѣ Министровъ, а безпорядочный перекрестный разговоръ взволнованныхъ людей. Неужели Поливановъ правъ? Неужели все пропало? Но, понемногу, среди этихъ безотрадныхъ восклицаній, послышались болѣе спокойные, болѣе трезвые голоса нѣкоторыхъ министровъ. «Если въ тылу и в штабахъ замѣчается нѣкоторая растерянность», говорили они, «то на фронтѣ, напротивъ, офицерство настроено бодро и не теряетъ вѣры въ конечную побѣду и въ переходъ въ наступленіе. Отходъ объясняется, какъ кутузовскій маневръ заманиванія непріятеля вглубь страны, подальше отъ коммуникаціонныхъ линій. Когда же нѣмцы достаточно зарвутся и отойдутъ отъ своей основной базы, имъ будетъ нанесенъ сокрушительный ударъ и ихъ погонятъ за Вислу».

Была ли въ этомъ мнѣніи нѣкоторая доля оптимизма или нѣтъ, оно, несомнѣнно, разсѣивало ту атмосферу паники, которую пытался создать Поливановъ для намѣченныхъ его партіей цѣлей. Видя эту опасность, онъ, не скрывая озлобленія, воскликнулъ:

«Вопросъ о вѣрѣ въ конечную побѣду, всѣ розсказни доморощенныхъ стратеговъ и писателей военныхъ обзоровъ глубоко меня раздражаютъ. Надо думать не о побѣдахъ, а о томъ, какъ бы спасти жизненные центры Россіи отъ захвата врагомъ. Повторяю, господа, отечество въ опасности».

Разговоръ вернулся къ вопросу о Ставкѣ, которая, по мнѣнію министровъ, захватывала права гражданскихъ властей и даже самого Совѣта Министровъ.

А. В. Кривошеинъ замѣтилъ, по этому поводу, что всѣ эти затрудненія и недоразумѣнія возникаютъ вслѣдствіе двоевла-

стія и разрѣшаются просто Положеніемъ о полевомъ управленіи, по которому Верховнымъ Главнокомандующимъ является самъ Государь Императоръ. Тогда вся полнота власти сосредоточена въ однѣхъ рукахъ. Но предсѣдатель прервалъ здѣсь пренія.

«Господа», сказалъ онъ, «обращаю ваше вниманіе на необходимость съ особой осторожностью касаться вопроса о Ставкѣ. Въ Царскомъ Селѣ накипаетъ раздраженіе и неудовольствіе противъ Великаго Князя. Императрица Александра Өеодоровна, какъ вамъ извѣстно, никогда не была расположена къ Великому Князю Николаю Николаевичу и въ первые дни войны протестовала противъ призванія его на постъ Главнокомандующаго. Сейчасъ же Она считаетъ его единственнымъ виновникомъ переживаемыхъ на фронтѣ несчастій. Огонь разгорается. Опасно подливать въ него масло. Я бы считалъ необходимымъ отложить разрѣшеніе возбужденныхъ вопросовъ и хорошенько еще разъ ихъ обдумать».

Горемыкинъ зналъ, что говорилъ, предлагая отложить обращеніе къ Государю. Ему, въ эту минуту, уже было извѣстно, что Государь рѣшилъ вступить въ командованіе Своими войсками и что Великій Князь Николай Николаевичъ долженъ былъ получить назначеніе на Кавказскій фронтъ. Горемыкинъ не могъ, конечно, разгласить раньше времени это довѣрительное сообщеніе Монарха, но онъ считалъ излишнимъ подвергать обсужденію въ Совѣтѣ вопросъ уже рѣшеный, а тѣмъ болѣе обращаться къ Монарху по этому поводу [1]).

Это засѣданіе 16 іюля 1915 года является весьма важнымъ моментомъ въ исторіи Великой Войны. Его можно назвать первымъ этапомъ надвигающейся революціи. Здѣсь, впервые, военный министръ одной изъ союзныхъ державъ имѣлъ печальное мужество заявить, что онъ не вѣритъ въ побѣду. Конечно, ни Горемыкинъ, ни другіе члены Совѣта Министровъ не могли предвидѣть, что Поливановъ измѣнитъ послѣдовательно и Царю и Временному Правительству, чтобы, наконецъ, перейти къ большевикамъ. Но все же остается удивительнымъ, что поражен-

---

[1]) Указаніе на всѣ подробности засѣданій Совѣта Министровъ въ 1915 г. заимствованы изъ очерка «Тяжелые дни» (секретныя засѣданія Совѣта Министровъ 16 іюля — 2 сентября 1915 года). А. Н. Яхонтова, б. помощника управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ. Архивъ Русской революціи, томъ XVIII.

ческія заявленія военнаго министра не вызвали негодованія его коллегъ; въ этомъ фактѣ отражался уже тотъ упадокъ духа, къ которому привела Правительство систематическая травля его со стороны Государственной Думы.

Дѣйствительно, ни для кого не было тайной, что Поливановъ — креатура Гучкова. Заявленія военнаго министра пріобрѣтали, такимъ образомъ, характеръ зловѣщаго политическаго выступленія.

Въ то время между Государемъ и оппозиціей разыгрывалась рѣшительная политическая борьба, въ которой главнымъ козыремъ у Монарха была побѣда, а у оппозиціи — пораженіе.

Сейчасъ, когда страшныя событія послѣднихъ лѣтъ смѣшали всѣ старыя карты, можетъ показаться невѣроятнымъ, что часть русскаго правящаго класса дѣлала свою ставку на военное несчастіе Родины. Но не слѣдуетъ забывать, что пораженческій духъ всегда былъ близокъ революціоннымъ и даже либеральнымъ кругамъ Россіи, для которыхъ было очевиднымъ, что только неудачи, нищета и лишенія могутъ создать въ странѣ то неудовольствіе, которое, при ловкой пропагандѣ, могло вызвать паденіе режима.

Разсчитывать на экономическія затрудненія оппозиція уже не могла. Съ царствованіемъ Императора Николая II Россія, какъ было сказано выше, вошла въ полосу быстраго матеріальнаго и духовнаго развитія. Главная надежда оппозиціи — возстаніе ста двадцати милліоннаго крестьянства, которое старались бросить противъ помѣщиковъ пропагандой о раздѣлѣ земель, — рухнула, благодаря умѣлой аграрной политикѣ русскихъ Монарховъ. Въ теченіе полувѣка, рядомъ мѣръ, принятыхъ государствомъ, свершался безболѣзненный переходъ земель къ тѣмъ, кто ихъ въ дѣйствительности обрабатывалъ; такимъ образомъ, крестьяне, владѣвшіе, ко времени освобожденія отъ крѣпостной зависимости, приблизительно 120 милліонами десятинъ, пріобрѣли до войны, при посредствѣ государственныхъ земельныхъ банковъ, еще 100 милліоновъ десятинъ, въ то время какъ площадь частновладѣльческихъ земель уменьшилась со 100 до 56 милліоновъ десятинъ. При продолженіи этой политики, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, почти весь запасъ обрабатываемыхъ земель несомнѣнно перешелъ бы къ крестьянамъ, и съ этимъ исчезла бы всякая возможность аграрныхъ смутъ. Для революціи оставалась такимъ образомъ одна только надежда: неудачная война.

И дѣйствительно, во время японской войны, русскіе либеральные круги возлагали свои чаянія на побѣду Японіи. Извѣстно, что лѣвыя партіи использовали военныя затрудненія этой кампаніи для поднятія повсюду революціонныхъ броженій, что и вынудило Правительство заключить преждевременный миръ. Кадетская партія, руководимая Милюковымъ, вела въ Парижѣ активную пропаганду противъ русскихъ займовъ; впослѣдствіи члены первой Думы обратились изъ Выборга съ воззваніемъ къ населенію, увѣщевая его не давать ни одного солдата въ армію и ни одной копѣйки въ казну.

Вся эта анти-русская кампанія «интеллигенціи» велась, къ тому же, не всегда безкорыстно. Такъ, напримѣръ, тотъ же Милюковъ, неосторожно возбудившій противъ газеты «Земщина» дѣло о диффамаціи, оказался изобличеннымъ на судѣ въ полученіи крупной суммы отъ Финляндіи за поддержку въ печати финляндскихъ интересовъ противъ русскихъ.

Что февральская революція 1917 года была сдѣлана при денежной помощи Германіи, при участіи нѣмецкихъ и, какъ ни странно, также англійскихъ агентовъ — не оставляетъ въ настоящее время никакого сомнѣнія. Въ своихъ мемуарахъ Жильяръ приводитъ слѣдующую фразу изъ «Воспоминаній о войнѣ» генерала Людендорфа: «Я часто мечталъ о совершеніи той русской революціи, которая должна была облегчить тяжесть нашего военнаго положенія. Вѣчная химера. Нынѣ она произошла внезапно. Я чувствовалъ, что съ меня свалилась огромная тяжесть».

«То, о чемъ Людендорфъ понятно умалчиваетъ», прибавляетъ съ горечью Жильяръ, «это тѣ настойчивыя усилія, которыя Германія примѣнила, чтобы произошла «внезапно» русская революція»[1]).

Впрочемъ, и лидеръ кадетъ, самъ профессоръ Милюковъ не отказывался признавать роль Германіи въ революціи. Недѣли двѣ послѣ февральскаго бунта, во время засѣданія новоявленнаго Совѣта Министровъ, Милюковъ, занимавшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ, замѣтилъ въ разговорѣ, что ни для кого не тайна, что германскія деньги сыграли свою роль въ числѣ

---

[1]) P. Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de Sa famille, стр. 157.

факторовъ, содѣйствовавшихъ перевороту. Въ ту минуту, когда Милюковъ произнесъ приведенныя слова, Керенскій находился въ далекомъ углу комнаты. Онъ вдругъ остановился и оттуда закричалъ: «Какъ? Что вы сказали? Повторите!» и быстрыми шагами приблизился къ своему мѣсту у стола. Милюковъ спокойно и, такъ сказать, увѣсисто, повторилъ свою фразу. Керенскій словно осатанѣлъ. Онъ кинулся вонъ, за нимъ побѣжали уговаривать и успокаивать другіе министры. «Но, по существу», замѣчаетъ В. Набоковъ, разсказавшій этотъ эпизодъ, «никто изъ оставшихся министровъ не высказалъ ни одного слова по поводу фразы, вызвавшей негодованіе Керенскаго»[1]).

Эти «государственные дѣятели», такъ хорошо освѣдомленные о содѣйствіи нѣмецкаго золота въ захватѣ ими власти, были тѣ самые кн. Львовъ, Коноваловъ, Гучковъ, Терещенко и всѣ вожди русской оппозиціи, столь рѣзко обвинявшей Царское Правительство въ недостаточномъ патріотизмѣ, въ измѣнѣ и бросавшей этотъ упрекъ даже самой Императрицѣ.

О дѣйствіяхъ же Англіи и ея посла будетъ подробнѣе сказано дальше.

Прибавимъ, что, оказавшись у власти, февральскіе «патріоты» весьма активно взялись за выполненіе той работы, для которой русская революція именно и была нужна Германіи: разложеніе арміи и разрушеніе фронта; и чего-же они добились? пріѣзда въ Россію Ленина и его шайки, везшихъ ярко пораженческую программу.

Война, поднявшая во всей странѣ волну патріотическаго чувства, была встрѣчена оппозиціей враждебно. Милюковъ разразился въ «Рѣчи» столь неприличной статьей противъ Сербіи, что газета эта была тотчасъ же закрыта по приказанію Великаго Князя Николая Николаевича. Любопытно отмѣтить, что уже въ эти дни существовала въ Государственной Думѣ полная согласованность дѣйствій между элементами революціонной оппозиціи и тѣми, которые постоянно заявляли о своей вѣрности режиму. Дѣйствительно, запрещеніе газеты «Рѣчь» было отмѣнено по ходатайству предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, которому, такимъ образомъ, удалось сохранить для оппозиціи это отравленное оружіе противъ національной Россіи.

---

[1]) В. Набоковъ. Временное Правительство. Арх. Русск. Рев. т. I, стр. 23.

Родзянко разсказываетъ слѣдующимъ образомъ этотъ не лестный ни для него, ни для Милюкова эпизодъ. Дѣло происходило 26 іюля въ Зимнемъ Дворцѣ послѣ пріема Государемъ, по случаю объявленія войны, членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы. «Подъемъ былъ необычайный. Великій Князь Николай Николаевичъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и сказалъ: «Ну, Родзянко, теперь я тебѣ другъ по гробъ. Все для Думы сдѣлаю. Скажи, что надо». Я воспользовался этимъ и попросилъ возобновить газету «Рѣчь», которую Великій Князь распорядился закрыть за антипатріотическія статьи противъ Сербіи. «Милюковъ наглупилъ», сказалъ я, «и самъ не радъ. Возьмите съ него слово, и онъ измѣнитъ направленіе. А газеты теперь намъ такъ будутъ нужны». На другой день «Рѣчь» была открыта . . .[1])

Одна французская газета какъ-то назвала Милюкова «королемъ безтактности» — le roi des gaffeurs. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ профессоръ интернаціоналистической складки, чуждый Россіи и ея интересамъ, обуреваемый мелкимъ и неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, не разъ попадалъ въ жесточайшій просакъ, не понимая смысла надвигающихся событій, грубо ошибаясь въ общественныхъ настроеніяхъ. Въ началѣ войны незадачливый профессоръ объявилъ себя болгарофиломъ — и Болгарія повернула свое оружіе противъ Россіи; въ началѣ бѣлаго движенія Милюковъ выбралъ германскую оріентацію и велъ переговоры съ нѣмецкими оккупаціонными войсками, заявляя что «Германцы хозяева положенія». Вскорѣ послѣ того произошла капитуляція Германіи. Эта «ошибка» въ своихъ предсказаніяхъ не помѣшала профессору Милюкову явиться въ 1918 году во Францію, откуда онъ былъ, впрочемъ, вынужденъ немедленно тогда же уѣхать по требованію французскаго правительства [2]).

Антинаціональная работа Милюкова и его кадетъ осуществлялась также, но въ болѣе рѣзкой формѣ, крайними лѣвыми партіями; въ своихъ газетахъ «Соціалъ-демократъ», «Коммунистъ», «Голосъ», «Правда», вожди соціализма всѣхъ оттѣнковъ развивали идею активнаго пораженчества, включавшаго также и призывъ къ сверженію Царскаго режима. Въ сентябрѣ 1914 года «тезисы» Ленина были приняты на Циммервальдскомъ соціалистическомъ съѣздѣ и получили нѣкоторое распростране-

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Арх. Рус. Рев. т. XVII, стр. 81.

[2]) В. І. Гурко. «Изъ Петрограда черезъ Москву, Парижъ и Лондонъ въ Одессу.» Арх. Русск. Рев. т. XV, стр. 5—84.

ніе и въ Россіи; въ Государственной Думѣ представителями пораженчества оказались депутаты Керенскій и нѣсколько другихъ, четверо изъ которыхъ: Бадаевъ, Мурановъ, Петровскій и Самойловъ были арестованы, судимы за организацію пропагандныхъ ячеекъ въ войскахъ и приговорены къ разнымъ наказаніямъ, отъ восьми мѣсяцевъ тюрьмы до ссылки въ Сибирь [1]).

Между революціонными группами и кадетами существовала всегда самая интимная связь; вѣрнѣе, кадеты шли на поводу у лѣвыхъ, которые ихъ презирали и не стѣснялись это высказывать. Если кадеты сами не производили террористическихъ дѣйствій, то лишь изъ осторожности, т. к. большинство изъ нихъ принадлежало къ «буржуазіи», имѣло доходныя положенія, или даже состояло на государственной службѣ. Но, не подвергаясь лично риску, они весьма поощряли убійства и грабежи эсъ-эровъ и большевиковъ.

Въ день убійства адмирала Чухнина, когда вѣсть объ этомъ злодѣяніи была сообщена въ Петербургѣ во время открытаго собранія кадетъ, — залъ разразился апплодисментами. Подъ давленіемъ тѣхъ же кадетъ первая Государственная Дума отказалась выразить осужденіе политическимъ убійствамъ. Да какъ могли бы они осудить то, что, по ихъ мнѣнію, способствовало ихъ успѣху? Въ 1902 году, послѣ убійства министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, когда Ленинъ и его группа высказались противъ индивидуальнаго террора, Милюковъ ѣздилъ въ Лондонъ уговаривать Ленина вступить на путь политическихъ убійствъ. «Вы дѣлаете роковую ошибку, противясь террору», убѣждалъ кадетскій лидеръ, «подумайте только, что еще пары убійствъ было бы достаточно, чтобы заставить Правительство дать конституцію» [2]).

Но не одни соціалисты и Милюковскіе интеллигенты мечтали о революціи во время войны. Сколь это намъ ни представляется теперь загадочнымъ, о томъ же чаяли и представители крупной торговли и промышленности. Чтобы понять эту историческую загадку, нужно вспомнить, что Россія не прошла черезъ политическій кризисъ 1789 года, который во Франціи далъ власть третьему сословію — буржуазіи. Россійская Имперія управля-

---

[1]) О пораженческой дѣятельности Керенскаго см. у ген. А. И. Спиридовича «Исторія большевизма въ Россіи», стр. 299.

[2]) Н. Алексѣевъ. В. И. Ленинъ въ Лондонѣ. О Ленинѣ, воспоминанія, кн. IV, Гос. Изд. Москва 1925, стр. 70. J. Jacoby. Lénine. Flammarion, стр. 40

лась не финансистами, не коммерсантами, не адвокатами, не фармацевтами, какъ мы это видимъ въ «демократическихъ» странахъ. Россія управлялась, по выраженію Императора Николая I, «сорока тысячью столоначальниковъ», профессіональной бюрократіей. Чтобы пріобрѣсти крупное положеніе въ государствѣ, чтобы стать министромъ, сенаторомъ, директоромъ департамента, нужно было пройти извѣстную карьеру, подняться постепенно по іерархической лѣстницѣ, пріобрѣтая на службѣ необходимые знанія и опытъ, и никакіе милліоны не могли освободить отъ этой обязанности. Русская крупная буржуазія считала себя обиженной этимъ положеніемъ. Она стремилась играть въ Россіи ту же доминирующую роль, которую западная буржуазія играла въ Европѣ. Представитель купечества Гучковъ, сахарозаводчикъ Терещенко, фабрикантъ Коноваловъ считали себя болѣе достойными министерскихъ портфелей, нежели выслужившіеся чиновники. Непреодолимымъ препятствіемъ къ осуществленію этихъ мечтаній являлся Царскій режимъ и потому они считали, что время наступило для перекройки россійской государственности по мѣркѣ ихъ личныхъ и сословныхъ интересовъ.

Въ своей политической близорукости представители русской буржуазіи не понимали, однако, что ихъ планы отстали болѣе чѣмъ на сто лѣтъ, что буржуазная революція могла удасться въ 1789 году только потому, что у Tiers-Etat тогда не было соперниковъ слѣва; что, свaливъ монархическій дворянскій строй, французская буржуазія оказалась одна у власти; русскіе «дѣятели» проглядѣли и то, что за послѣдній вѣкъ накопились новыя соціальныя силы, которыя всюду вели наступленіе на отживающую буржуазію, и что русскій монархическій строй самъ демократизировался уже настолько, что давно пересталъ быть сословно-дворянскимъ. Такимъ образомъ, «буржуазный» переворотъ терялъ въ Россіи всякій смыслъ, онъ не могъ вызвать народнаго сочувствія и, наконецъ, ему пришлось бы сразу подвергнуться напору неизмѣримо болѣе активныхъ революціонныхъ силъ, совершенно открытая цѣль которыхъ была именно смести безъ остатка всю буржуазію и связанный съ нею строй. Все это было предвидѣно въ программахъ русскихъ революціонныхъ партій и все это въ точности и случилось.

Наиболѣе замѣтнымъ лицомъ среди революціоннаго русскаго купечества былъ, безъ всякаго сомнѣнія, А. И. Гучковъ. Этотъ черный, хмурый, бородатый человѣкъ, таилъ, подъ гру-

бой своей оболочкой, ненасытное и болѣзненное честолюбіе. Александръ Ивановичъ Гучковъ искренне считалъ себя предназначеннымъ къ самой блестящей политической будущности. Поѣздка въ Трансвааль, гдѣ онъ вмѣстѣ съ бурами дрался противъ англичанъ, убѣдила его въ необыкновенныхъ его военныхъ талантахъ; въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ Государственной Думѣ, проглядывалъ будущій военный министръ Временнаго Правительства, допустившій и способствовавшій разложенію русской арміи. Государь съ той проницательностью, которую Онъ всегда проявлялъ, когда воля Его была свободна, сразу разгадалъ этого человѣка и рѣшительно отказывался привлечь его въ составъ Правительства, отчего сердце заносчиваго Гучкова наполнилось упорной ненавистью къ Монарху, не желающему оцѣнить по достоинству его «государственныя дарованія».

Эти два политическихъ дѣятеля, Милюковъ и Гучковъ, господствовали надъ Государственной Думой, въ которой ихъ партіи обладали абсолютнымъ большинствомъ. Лѣвый же секторъ Думы поддерживалъ революціонную дѣятельность большинства. Для защиты государственнаго порядка оставались только правые, къ сожалѣнію малочисленные и плохо организованные.

Нельзя говорить о Государственной Думѣ, не упомянувъ о трагикомической фигурѣ ея предсѣдателя, М. В. Родзянко, огромнаго и толстаго Фальстафа съ громоподобнымъ голосомъ. Крупное состояніе, камергерскій мундиръ, родовитыя связи и безбрежное тщеславіе — дѣлали изъ него самое удобное, подходящее и декоративное подставное лицо для готовящейся революціи. Бѣдный Родзянко далъ себя завлечь въ заговоръ, соблазнившись обѣщаніями поста премьеръ-министра и, быть можетъ, кто знаетъ, и будущаго главы государства. Иллюзіи эти, которыя тщательно разжигались въ его воображеніи въ теченіе всей войны, разсѣялись, какъ дымъ, при первыхъ же раскатахъ революціонной грозы. Государь еще не отрекся, какъ Родзянко оказался уже выброшеннымъ за бортъ своими сообщниками, вмѣстѣ съ другой ненужной бутафоріей, и вскорѣ всѣми забытый, этотъ жалкій политическій паяцъ влачилъ до самой смерти томительные дни безрадостныхъ воспоминаній.

Въ серединѣ лѣта 1915 года обстоятельства, по мнѣнію главарей движенія, какъ нельзя лучше складывались для общаго

наступательнаго дѣйствія противъ режима. Неудачи, послѣдовавшія за блестящими галиційскими операціями, не могли не вызвать въ тылу чувства нѣкоторой подавленности и разочарованія, которыя и было возможно использовать для пропаганды.

Нужно замѣтить, что въ ожиданіи возможныхъ политическихъ перемѣнъ оппозиція выковала себѣ могучее оружіе: знаменитый «Земгоръ». Учрежденіе это, объединяющее земскія и городскія самоуправленія, возникло въ августѣ 1914 года, въ самомъ началѣ войны, съ признаваемой цѣлью оказывать помощь жертвамъ войны. Но постепенно, незамѣтнымъ захватомъ, союзъ расширилъ свою дѣятельность, распространилъ ее не только на устройство лазаретовъ, но и на организацію продовольствія и даже на военное снабженіе арміи.

Странная особенность Земгора заключалась въ томъ, что, осуществляя свою дѣятельность цѣликомъ на счетъ казны, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ организація общественная, ускользалъ отъ всякаго контроля. Куда и какъ тратились громадныя суммы, отпускаемыя Земгору государствомъ, было неизвѣстно, и «общественныя организаціи» тщательно скрывали свою отчетность, если таковая вообще существовала, отъ правительственнаго ока.

Черезъ два года послѣ образованія Земгора «Русское Слово» въ номерѣ отъ 30 іюля 1916 года, дало, подъ видомъ бесѣды съ «компетентнымъ лицомъ», слѣдующую картину дѣятельности этой организаціи. «Союзъ получилъ отъ государства субсидіи, составляющія въ итогѣ около полумилліарда рублей», говорило «компетентное лицо». «Между тѣмъ, до сихъ поръ, то есть въ теченіе двухъ лѣтъ, оказалось невозможнымъ, несмотря на всѣ требованія, добиться отъ Союза оправдательныхъ документовъ, хотя бы приблизительныхъ расходованій этихъ суммъ»... Чѣмъ объяснялось это упорство Земгора, предпочитающаго, вопреки всѣмъ «общественнымъ традиціямъ», скорѣе оставить на себѣ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія въ нечестности, нежели раскрыть свои книги контролю? «Освѣдомленное лицо» и на этотъ вопросъ отвѣчало, указавъ, «къ великому своему сожалѣнію», что, согласно совершенно безспорныхъ свѣдѣній, которыми располагало Правительство, значительныя суммы, заимствованныя изъ того же полумилліарда, отпущеннаго государствомъ на дѣло помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, въ дѣйствитель-

ности расходовались на пропаганду и на подготовку переворота [1]).

Конечно, статья «Русскаго Слова» вызвала въ еврейско-либеральной прессѣ бурю негодованія, но дѣятели Земгора скоро поспѣшили снять маску. Въ книгѣ, напечатанной въ Парижѣ въ 1916 году, но выпущенной уже въ первые дни революціи, авторы, корреспонденты «Русскихъ Вѣдомостей», А. Белевскій и В. Вороновъ, клеймятъ обвиненія «освѣдомленнаго лица» словомъ «диффамація» и завѣряютъ французскаго читателя въ лояльности и вѣрноподданствѣ земгорцевъ. Но пока книга печаталась, произошелъ февральскій переворотъ. И вотъ авторы, не измѣнивъ редакціи своей работы, прибавляютъ къ ней только предисловіе, въ которомъ кричатъ о своей радости и наивно признаются, что «предвидѣли, ждали и звали революцію, но не смѣли надѣяться, что она такъ скоро и такъ кстати наступитъ на благо Россіи и ея союзниковъ» [2]).

Сущность земгорской дѣятельности была явно революціонной; Земгоръ почти открыто ставилъ свою кандидатуру на будущее Правительство и на это также указываетъ совершенно ясно «освѣдомленное лицо» въ статьѣ «Русскаго Слова». Постепенно Союзъ сталъ гнѣздомъ крайнихъ элементовъ; правда, и «маменькины сынки» находили тамъ гостепріимный пріютъ, освобожденіе отъ фронта, недурное жалованье и фантастическую форму печальной извѣстности «земгусаръ», но реальную политическую работу въ лазаретахъ, на фронтѣ, всюду, куда проникали эмиссары Земгора, дѣлали заматерѣлые революціонеры, эсъ-деки и эсъ-эры, преимущественно изъ евреевъ, которые съ наслажденіемъ разрушали на правительственныя же деньги и подъ покровительствомъ русскихъ «общественныхъ дѣятелей» ненавистную имъ русскую государственность.

Съ хозяйственной стороны работа союзовъ создала невообразимую анархію и систему злоупотребленій, вносившую разстройство въ экономическую жизнь страны. Населеніе это видѣло, скорбѣло, но бороться съ этимъ зломъ не могло, не находя поддержки въ Правительствѣ.

Въ всеподданнѣйшей запискѣ, поданной въ январѣ 1917 года Государю «русскими кругами» Кіева, указывалось, между

---

[1]) A. Belevsky et B. Voronoff. Les organisations publiques russes et leur rôle pendant la guerre. Paris. 1917, стр. 292.

[2]) Тамъ же, стр. IX.

прочимъ, что «такъ называемыя общественныя организаціи, подъ которыми разумѣются общеземскіе и общегородскіе союзы, стяжали себѣ въ народѣ и даже въ интеллигентныхъ національныхъ кругахъ самую дурную славу. Народъ видитъ, что и въ эти организаціи вошло все, что убоялось службы на фронтѣ и не мыслитъ добра Россіи. Люди, отличавшіеся на мѣстахъ полнымъ національнымъ индифферентизмомъ, вдругъ облачились въ полувоенные мундиры защитнаго цвѣта и стали почти хозяевами края». Далѣе авторы записки указываютъ на искусственное вздутіе рыночныхъ цѣнъ агентами Земгора, которые «не жалѣя казенныхъ денегъ», платили вдвое и втрое за всѣ продукты, за подвозъ матеріаловъ и за поденныя работы. Но «агенты» не забываютъ и себя; «вслѣдствіе полнаго отсутствія правительственнаго контроля, въ прошломъ, когда зарождались общественныя организаціи, послѣднія установили для своихъ учрежденій безконечные штаты, кошмарныя смѣты и безумно разорительные для страны оклады содержанія, подъемныя, суточныя и разъѣздныя. Агенты общественныхъ организацій сами удивляются баснословнымъ размѣрамъ своего жалованья и всякихъ добавочныхъ, щедро отпускаемыхъ начальствомъ». Авторы записки прекрасно понимали, что эта картина грабежа, спекуляціи и шкурничества таила въ себѣ и болѣе глубокій и опасный смыслъ. «На мѣстахъ зарегистрировано огромное количество фактовъ», писали они, «дающихъ основаніе допустить существованіе сознательныхъ тенденцій у «общественныхъ организацій» — вносить разстройство въ жизнь тыла и создавать атмосферу всеобщаго недовольства»[1]).

Судьба этой замѣчательной записки, въ которой высказывалось еще много другихъ здравыхъ государственныхъ мыслей, оказалась весьма печальной. Несмотря на личную резолюцію Государя, начертанную на поляхъ: «записка достойная вниманія», несмотря на Высочайшія отмѣтки, свидѣтельствовавшія о дѣйствительномъ вниманіи, съ которымъ документъ этотъ былъ прочитанъ Его Величествомъ, несмотря, наконецъ, на чрезвычайно спѣшный характеръ предлагаемыхъ въ ней мѣропріятій — голосъ «русскихъ круговъ Кіева» заглохъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ кн. Голицынъ похоронилъ ее въ слѣдующихъ всеподданнѣйшихъ

[1]) «Монархія передъ крушеніемъ». Гос. издательство. 1927, стр. 285 и слѣд.

выраженіяхъ: «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было всемилостивѣйше препроводить ко мнѣ представленную Вашему Величеству предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта [1]) записку съ изложеніемъ взглядовъ представителей русскихъ общественныхъ круговъ г. Кіева по поводу современныхъ запросовъ политической жизни. На означенной запискѣ Вашимъ Величествомъ собственноручно начертано: «записка достойная вниманія». Вслѣдствіе сего обязываюсь всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству, что упомянутая записка несомнѣнно заслуживаетъ соображенія и, во исполненіе Высочайшаго предуказанія, затронутые въ ней вопросы будутъ подвергнуты подробному обсужденію въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Совѣта Министровъ».

Этимъ благопожеланіемъ и закончилось все дѣло. Были ли, въ дѣйствительности, «подвергнуты подробному обсужденію» или нѣтъ срочныя мѣры, на которыхъ настаивали авторы записки — неизвѣстно. Но ни одна изъ этихъ мѣръ не получила и тѣни осуществленія; а черезъ полтора мѣсяца послѣ отписки князя Голицына сбылись предсказанія «русскихъ людей»: съ помощью «Земгора» и еврейско-либеральной печати, крамольной Государственной Думѣ и всякимъ «общественнымъ организаціямъ» удалось подточить устои россійской государственности, и она рухнула, погребая подъ своими развалинами тѣхъ самыхъ безумцевъ, которые свершили это предательское злодѣяніе.

Авторы «записки» оказались дальновидными также и тогда, когда они предупреждали о продовольственныхъ затрудненіяхъ, умышленно создаваемыхъ общественными организаціями.

Именно этотъ способъ и пытались примѣнить «вредители» въ февралѣ 1917 года, чтобы вызвать въ Петроградѣ безпорядки на почвѣ затрудненій въ подвозѣ продовольствія.

Но фронтъ нуждался не только въ лазаретахъ и питаніи, онъ поглощалъ громадное количество снарядовъ, и «общественность» отлично понимала, что до тѣхъ поръ, пока контроль военной промышленности остается въ рукахъ Правительства, оно можетъ оказаться достаточно сильнымъ, чтобы продержаться до побѣды. Поэтому еще въ іюлѣ 1915 года оппозиція рѣшила вырвать этотъ козырь у Правительства, создавъ свои собственныя организаціи: военно-промышленные комитеты, управляемые

---

[1]) И. Г. Щегловитовымъ.

центральнымъ комитетомъ, во главѣ котораго былъ избранъ все тотъ же злой геній Россіи А. И. Гучковъ.

Едва лишь сформировавшись, военно-промышленный комитетъ открылъ огонь со своихъ батарей. Гучковъ обратился къ предсѣдателю Совѣта Министровъ съ письмомъ столь дерзкаго тона и заключающимъ въ себѣ столь неслыханныя политическія требованія, что оно вызвало чувство возмущенія даже у самыхъ умѣренныхъ изъ министровъ. С. В. Рухловъ выразилъ удивленіе, что Гучковъ осмѣливается превращать свой комитетъ въ какое-то правительство, и что на глазахъ у законнаго Правительства выростаетъ чисто революціонный органъ, который не считаетъ даже нужнымъ скрывать свои цѣли. Министръ юстиціи, говоря о Гучковѣ, замѣтилъ, что эта личность поддерживается всѣми лѣвыми элементами, и что его считаютъ способнымъ воспользоваться событіями, чтобы пойти на Царское Село во главѣ взбунтовавшейся воинской части. «Весьма жаль», прибавилъ министръ, «что личность эта снова всплываетъ на поверхность въ качествѣ предсѣдателя военно-промышленнаго комитета, который можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ оружіемъ въ его политической игрѣ»[1]).

Таково было политическое положеніе Россіи въ тотъ моментъ, съ котораго начинается наше изложеніе. И тутъ произошло событіе, логически вытекавшее изъ обстоятельствъ, и которое могло бы спасти побѣду, Династію и Россію, если бы усилія Верховной Власти не оказались заранѣе парализованными измѣной общественныхъ верховъ и преступной слабостью Правительства.

2. Царь и война.

Отличительной чертой Императора Николая II, по единодушному свидѣтельству всѣхъ, кто Его зналъ, было почти мистическое пониманіе Своего долга. Тамъ, гдѣ Онъ видѣлъ выполненіе обязанности Монарха, Государь, обычно столь уступчивый, становился непобѣдимо упорнымъ.

Такимъ долгомъ Царскаго служенія во время войны Государь считалъ пребываніе Свое среди войскъ и раздѣленіе съ ними опасности, радости и горя. Не разъ Государь говорилъ Горе-

---

[1]) Яхонтовъ. «Тяжелые дни». Архивъ Русской Революціи, томъ XVIII, стр. 59.

мыкину о томъ, что никогда Онъ не проститъ себѣ, что во время японской войны Онъ не сталъ во главѣ дѣйствующей арміи.

Тогда же у Императора Николая II сложилось непоколебимое рѣшеніе въ случаѣ новой войны не разставаться съ арміей и взять на себя бремя Верховнаго Командованія, какъ это, впрочемъ, и предусматривалось самимъ закономъ.

Мысль эта не могла быть осуществлена тотчасъ же послѣ объявленія войны, и Великій Князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, но лишь временно, при чемъ въ самомъ Высочайшемъ указѣ было оговорено, что Государь Самъ станетъ во главѣ Своихъ войскъ, какъ только обстоятельства это позволятъ.

Неудачи, испытанныя всѣми союзниками съ самаго начала военныхъ дѣйствій, несчастная кампанія 1915 года, громадныя потери, понесенныя русскими арміями, вслѣдствіе ошибочныхъ и хаотическихъ дѣйствій Ставки, неотложная необходимость въ принятіи немедленныхъ мѣръ для сосредоточенія всѣхъ усилій и объединенія Верховнаго Командованія, — побудили Государя вернуться къ первоначальному Своему намѣренію. Объ этомъ Онъ сообщилъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, И. Л. Горемыкину, который попытался разубѣдить Его, опасаясь, главнымъ образомъ, страшной отвѣтственности, которую, безъ сомнѣнія, постараются возложить на Монарха въ случаѣ дальнѣйшихъ неудачъ на фронтѣ. Но Горемыкинъ былъ принужденъ склониться передъ благородствомъ мотивовъ Государя. «Священная обязанность русскаго Царя», сказалъ Онъ, «быть среди войскъ и съ ними либо побѣдить, либо погибнуть».

Старый министръ сохранилъ въ тайнѣ оказанное ему Государемъ довѣріе. Но ген. Поливановъ оказался менѣе щепетильнымъ. Едва Государь сообщилъ ему о Своемъ намѣреніи, прося о немъ пока умолчать, какъ военный министръ тотчасъ же кинулся въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ онъ поднялъ настоящее смятеніе, представивъ готовящуюся перемѣну, какъ національную катастрофу. Въ дѣйствительности перемѣна Верховнаго Командованія, являясь актомъ вполнѣ законнымъ и естественнымъ, наносила сокрушительный ударъ честолюбивымъ планамъ Гучкова и его группы. Та кампанія, которую оппозиція вела противъ Великаго Князя Николая Николаевича, съ цѣлью добиться замѣны его кѣмъ-либо изъ гучковскихъ креатуръ, привела къ неожиданному результату: къ громадному

усиленію авторитета Царя, который отнынѣ сосредоточивалъ въ Своихъ рукахъ власть Самодержавнаго Монарха и Верховнаго Начальника арміи.

Досада и озлобленіе оппозиціи увеличивались еще тѣмъ, что всѣ ея возраженія противъ Царскаго рѣшенія разбивались объ ея же доводы, приводимые ранѣе противъ Великаго Князя Николая Николаевича. Не она ли говорила о гибельности двоевластія, о военной и административной неспособности Великаго Князя Николая Николаевича и его окруженія, о необходимости объединенія дѣйствій военныхъ и гражданскихъ властей? Наконецъ, не члены ли военно-морской комиссіи Гос. Думы, подъ предсѣдательствомъ революціонера Шингарева, докладывали Государю въ августѣ 1915, т. е. какъ разъ въ моментъ, когда рѣшеніе Его было уже принято, но еще не объявлено, что «только непререкаемой Царской властью можно установить согласіе между Ставкой Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго и Правительствомъ. Царь можетъ повелѣть своимъ военачальникамъ и правителямъ составить разсчетъ будущихъ дѣйствій на продолжительное время... Царь можетъ расширить рамки разсчетовъ и соображеній... Царь можетъ побудить..., только Царь можетъ повелѣть... и т. д.»[1]).

И теперь всѣ эти положенія осуществлялись, но негаданнымъ способомъ: Великаго Князя Николая Николаевича замѣнялъ не красный генералъ, опирающійся на Царскій авторитетъ, а самъ Монархъ. Совѣтъ Министровъ, обуреваемый въ своемъ большинствѣ страхомъ передъ «прогрессивнымъ» обществомъ, пришелъ въ ужасъ отъ удара, который наносился оппозиціи. На Горемыкина посыпались обвиненія, почему онъ скрылъ отъ своихъ коллегъ Царское рѣшеніе? Горемыкинъ отвѣтилъ спокойно, что онъ не считалъ себя въ правѣ разглашать то, что Государь повелѣлъ ему хранить въ тайнѣ. «Если я сейчасъ говорю объ этомъ», не безъ нѣкотораго ехидства прибавилъ предсѣдатель Совѣта, «то лишь потому, что военный министръ нашелъ возможнымъ нарушить эту тайну и предать ее огласкѣ безъ соизволенія Его Величества». Ни на какой протестъ, ни на какое коллективное выступленіе министровъ противъ рѣшенія Государя, Горемыкина склонить не удалось. «Я человѣкъ старой школы», отвѣчалъ онъ, «для меня Высочайшее повелѣніе — законъ. Я противъ

[1]) «Монархія передъ крушеніемъ». 1914—1917. Гос. изд. 1927, стр. 270—275.

коллективнаго выступленія. Оно не только не принесетъ никакой пользы, но, напротивъ, повредитъ. Вы знаете характеръ Государя, и какое впечатлѣніе на Него производятъ подобныя демонстраціи. Къ тому же, повторяю, рѣшеніе Его непоколебимо, никакія вліянія тутъ не при чемъ. Всѣ толки объ этомъ — вздоръ, съ которымъ Правительству нечего считаться. Я призываю васъ, господа, въ сознаніи назрѣвающихъ событій большой важности, преклониться передъ волею Его Императорскаго Величества, сплотиться вокругъ Него въ тяжелыя минуты, посвятить всѣ силы Нашему Монарху».

«Призывъ И. Л. Горемыкина не произвелъ особаго впечатлѣнія, пройдя мало замѣченнымъ», прибавляетъ Яхонтовъ, составитель журнала Совѣта. Да и могло ли быть иначе, когда самое понятіе о вѣрноподданническомъ долгѣ по отношенію къ Монарху не только отсутствовало у большинства здѣсь сидящихъ сановниковъ «общественной» формаціи, но было имъ просто чуждымъ и даже смѣшнымъ?

Либеральные министры правильно учли возмущеніе оппозиціи. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко уже разсказывалъ повсюду о томъ, что ему будетъ поручено составить лѣвый кабинетъ; разочарованіе оказалось столь горькимъ, что взбѣсившійся Родзянко кинулся въ Совѣтъ Министровъ и велѣлъ доложить о себѣ Кривошеину.

«Вы, вѣроятно, пріѣхали, чтобы предсѣдательствовать надъ нами?» спросилъ съ насмѣшливой улыбкой министръ земледѣлія.

Но у Родзянко были въ запасѣ «свои» министры.

«Нѣтъ», отвѣтилъ онъ заносчиво, «надъ вами я никогда не буду предсѣдательствовать». Затѣмъ предсѣдатель Думы разразился потокомъ упрековъ и жалобъ; онъ даже потребовалъ отъ Совѣта Министровъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Государя, вплоть до угрозы коллективной отставки, если Царь не уступитъ.

Призванный къ порядку и приличію вышедшимъ къ нему также Горемыкинымъ, Родзянко, потерявъ послѣдніе проблески самообладанія, бросился, не прощаясь, къ выходу, заоравъ по пути на швейцара, который протягивалъ ему забытую имъ трость:

«Къ чорту палку!»

Этотъ трагикомическій «выходъ» личности, которая, по словамъ одного изъ министровъ, страдала острымъ приступомъ

маніи величія, оказался, однако, пророческимъ. Нелѣпыя требованія Родзянко заставили предсѣдателя Совѣта пожать плечами. Но недѣлю спустя эти же требованія неожиданно оказались ему предъявленными его же коллегами по кабинету.

Что же произошло за это время?

Произошло то, что оппозиція спохватилась. Государь во главѣ арміи — это новое движеніе на фронтѣ, возрождающаяся надежда, неясная пока заря побѣды. Необходимо было ускорить событія, иначе побѣда могла опередить революцію.

Въ августѣ мѣсяцѣ у А. И. Коновалова, въ Москвѣ, состоялось совѣщаніе главарей оппозиціи. Было рѣшено сдѣлать немедленно рѣшительное усиліе для захвата власти. Для этой цѣли необходимо было прежде всего заставить Правительство подать въ отставку и добиться отъ Государя назначенія новаго министерства подъ предсѣдательствомъ Родзянко или князя Львова, съ предоставленіемъ портфеля иностранныхъ дѣлъ Милюкову, военнаго — Гучкову, торговли и промышленности — Коновалову, юстиціи — Маклакову. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежало бороться всѣми средствами противъ рѣшенія Государя взять на себя Верховное Командованіе и, если Монархъ останется непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи, — то нужно было, въ цѣляхъ пропаганды, представить въ глазахъ общественнаго мнѣнія эту мѣру какъ немилость и неблагодарность къ Великому Князю Николаю Николаевичу и обратить его въ національнаго героя, который и будетъ постоянно противопоставленъ Царю. Странный поворотъ въ этой ярой кампаніи, которую оппозиція вела до этого момента противъ Великаго Князя!

Какъ только былъ установленъ этотъ планъ дѣйствія, московское городское самоуправленіе открыло огонь, вынеся резолюцію, въ которой предъявлялось требованіе о перемѣнѣ Правительства, выражалось довѣріе Великому Князю Николаю Николаевичу и испрашивался Высочайшій пріемъ для московскаго городского головы Челнокова.

Это дерзкое выступленіе Москвы поразило Правительство. Въ Совѣтѣ Министровъ произошли сумбурныя пренія, въ теченіе которыхъ только предсѣдатель Совѣта и министръ юстиціи высказались рѣшительно противъ требованій московской думы, представитель оппозиціи А. Д. Самаринъ, напротивъ, настаивалъ на почти полной капитуляціи Правительства, а остальные ми-

нистры, въ паникѣ и сомнѣніи, казались склонными поддержать своего коллегу.

20 августа, въ Царскомъ Селѣ, состоялось засѣданіе Совѣта подъ предсѣдательствомъ Государя. Горемыкинъ, въ частномъ разговорѣ, такъ резюмировалъ результаты этого засѣданія: «Вчера ясно обнаружилось, что Государь Императоръ остается правымъ, а въ Совѣтѣ Министровъ происходитъ быстрый сдвигъ влѣво, внизъ по теченію».

И тутъ, подъ вліяніемъ коноваловской группы, либеральные министры, къ которымъ присоединился Сазоновъ, ухватились за мысль, брошенную Родзянко: принудить Царя уступить подъ угрозой коллективной отставки министерства. «То есть, говоря просто, вы хотите предъявить своему Царю ультиматумъ», замѣтилъ Горемыкинъ на горячую рѣчь Сазонова.

Идя дальше, престарѣлый предсѣдатель Совѣта съ безпощадной ироніей раскрылъ тѣ темныя побужденія, которыми руководствовались новоявленные защитники Великаго Князя Николая Николаевича:

«Сейчасъ о принятомъ Его Величествомъ рѣшеніи знаютъ всѣ; знаютъ и то, что это рѣшеніе безповоротно. Слѣдовательно, та агитація, которая идетъ вокругъ этого вопроса и связывается съ требованіемъ министерства общественнаго довѣрія, т. е. съ ограниченіемъ Царской власти, является ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ лѣвыхъ круговъ использовать имя Великаго Князя для дискредитированія Государя Императора... По моему, чрезмѣрная вѣра въ Великаго Князя и весь этотъ шумъ вокругъ его имени есть не что иное, какъ политическій выпадъ противъ Царя: Великій Князь служитъ средствомъ»[1]).

«Нельзя же въ такихъ побужденіяхъ винить всю Россію», воскликнулъ министръ внутреннихъ дѣлъ, кн. Щербатовъ. «Я говорю не про всю Россію, которая не кричитъ, а дѣлаетъ свое дѣло», отвѣтилъ съ насмѣшкой Горемыкинъ; «я говорю про лѣвыхъ политиковъ, которые хотятъ создать затрудненія Монархіи и пользуются для этого переживаемымъ Россіей несчастьемъ».

Этотъ прямой ударъ взбѣсилъ Сазонова, который бросилъ заявленіе о невозможности большинства Совѣта работать со своимъ предсѣдателемъ.

---

[1]) Яхонтовъ. «Тяжелые дни». Арх Русск. Рев., т. XVIII, стр. 92—93.

Но угроза эта оставила Горемыкина невозмутимымъ. «Усердно прошу васъ всѣхъ доложить Государю Императору о моей непригодности и о необходимости замѣны меня болѣе подходящимъ къ требованіямъ современности человѣкомъ», спокойно замѣтилъ онъ, «буду до глубины души благодаренъ за такую услугу». А затѣмъ, отвѣчая на едва скрываемое желаніе министровъ-оппозиціонеровъ заставить его самого подать въ отставку, Горемыкинъ преподалъ имъ заслуженный урокъ вѣрноподданства и патріотизма.

«Въ моей совѣсти Государь Императоръ — Помазанникъ Божій, преемственный носитель Верховной власти; Онъ олицетворяетъ собою Россію. Ему 47 лѣтъ, Онъ царствуетъ и распоряжается судьбами русскаго народа не со вчерашняго дня. Когда воля таково человѣка проявилась и путь дѣйствій безповоротно принятъ, вѣрноподданные должны подчиниться, какія бы ни были послѣдствія. А тамъ дальше — воля Божія... Полвѣка я такъ привыкъ понимать свой долгъ служенія Монарху и отъ этого правила не отступлю до конца. Въ переживаемое нами время требованіе отставки и неподчиненіе волѣ Царя считаю актомъ непатріотичнымъ. Онъ будетъ на пользу не Россіи, а противникамъ Престола»...

«Мы должны служить не только Царю, но и Россіи», воскликнулъ патетически Харитоновъ, на что Горемыкинъ рѣзко отчеканилъ: «въ моемъ представленіи *эти понятія нераздѣлимы*. Здѣсь корень нашего разномыслія».

Надежды Сазонова и министровъ оппозиціи представить Государю «ультиматумъ» отъ лица Совѣта разбились о рѣшительное заявленіе Горемыкина, что «пока онъ предсѣдатель, онъ не можетъ допустить представленія Его Императорскому Величеству отъ имени Совѣта Министровъ журнала съ содержаніемъ такого рода».

«Тогда», заявилъ Сазоновъ, «мы, т. е. большинство Совѣта Министровъ, оставляемъ за собою свободу дѣйствій въ доведеніи нашего мнѣнія до свѣдѣнія Государя Императора», на что получилъ ироническій отвѣтъ: «въ ваши частныя выступленія я не считаю возможнымъ вмѣшиваться».

Къ мнѣнію предсѣдателя присоединился и молчавшій во время этихъ горячихъ преній министръ юстиціи А. А. Хвостовъ.

«Для меня этотъ вопросъ разрѣшенъ съ момента присяги. Предъявленіе Царю требованій объ отставкѣ я считаю для себя

абсолютно недопустимымъ. Поэтому ни журнала, ни доклада, ни иной деклараціи не подпишу. По моему, политика уступокъ вообще неправильна, а въ военное время недопустима. Предъявляются требованія объ измѣненіи государственнаго строя не потому, что это измѣненіе необходимо для организаціи побѣды, а потому, что военныя неудачи ослабили положеніе власти и на нее можно дѣйствовать натискомъ, съ ножомъ къ горлу. Сегодня будутъ удовлетворены одни требованія, завтра заявятъ новыя, еще дальше идущія. Политика уступокъ нигдѣ въ мірѣ не приводила къ хорошему, а всегда влекла страну по наклонной плоскости. Призывы, исходящіе отъ Гучкова, лѣвыхъ партій Государственной Думы, отъ коноваловскаго съѣзда и отъ руководимыхъ участниками этого съѣзда общественныхъ организацій, явно разсчитаны на государственный переворотъ. Въ условіяхъ войны такой переворотъ неизбѣжно повлечетъ за собою полное разстройство государственнаго управленія и гибель отечества, поэтому я буду бороться противъ нихъ до послѣдняго издыханія».

Но спокойныя, полныя патріотизма и государственной мудрости, слова министра юстиціи не могли оказать вліянія на попавшихъ подъ масонскія вліянія членовъ Правительства, утратившихъ уже самое представленіе о присягѣ и вѣрности Монарху. На другой же день, за подписью восьми министровъ, было послано Государю слѣдующее коллективное письмо:

«Всемилостивѣйшій Государь.

Не поставьте намъ въ вину наше смѣлое и откровенное обращеніе къ Вамъ. Поступить такъ насъ обязываетъ вѣрноподданническій долгъ, любовь къ Вамъ и Родинѣ и тревожное сознаніе грознаго значенія совершающихся нынѣ событій. Вчера въ засѣданіи Совѣта Министровъ, подъ Вашимъ личнымъ предсѣдательствомъ, мы повергли передъ Вами единодушную просьбу о томъ, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ отстраненъ отъ участія въ Верховномъ Командованіи арміей. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смѣемъ думать, всей вѣрной Вамъ Россіи.

Государь, еще разъ осмѣливаемся Вамъ высказать, что принятіе Вами такого рѣшенія грозитъ, по нашему крайнему разумѣнію, Россіи, Вамъ и Династіи Вашей тяжелыми послѣдствіями.

На томъ же засѣданіи воочію сказалось коренное разномысліе между предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и нами въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри страны событій и въ установленіи образа дѣйствій Правительства. Такое положеніе, во всякое время недопустимое, въ настоящіе дни гибельно. Находясь въ такихъ условіяхъ, мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ».

Эта капитуляція членовъ русскаго Императорскаго Правительства передъ образующейся за кулисами новой революціонной властью была подписана Харитоновымъ, Кривошеинымъ, Сазоновымъ, Баркомъ, кн. Щербатовымъ, Самаринымъ, гр. Игнатьевымъ и кн. Шаховскимъ. Военный и морской министры, не имѣющіе, какъ военные, права подписываться подъ коллективнымъ выступленіемъ, все же довели до свѣдѣнія Государя о своей солидарности со своими коллегами.

Государь, при всей Своей мягкости, былъ возмущенъ дерзкимъ выступленіемъ министровъ. Занятый на фронтѣ, Онъ оставилъ пока этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, но, впослѣдствіи, 16 сентября, вызвавъ въ Ставку Совѣтъ Министровъ, сдѣлалъ ему рѣзкій выговоръ и, говорятъ, разорвалъ ихъ письмо въ клочки, сказавъ: «Это мальчишество. Я не принимаю вашей отставки, а Ивану Логгиновичу я вѣрю»[1]).

По возвращеніи въ Петроградъ Горемыкинъ передалъ Яхонтову: «всѣ получили нахлобучку отъ Государя за августовское письмо и за поведеніе во время августовскаго кризиса»[2]).

Но не только передъ отечественными бунтарями отступало въ паникѣ министерство; оно готово было сдаться безъ боя и внѣшнимъ, международнымъ врагамъ россійской государственности.

4 августа министръ внутреннихъ дѣлъ, кн. Щербатовъ, въ весьма витіеватой и осторожной формѣ сообщаетъ Совѣту Министровъ, что «руководители русскаго еврейства», въ «пылу бесѣды» съ нимъ, прямо заявили ему, что «среди еврейской массы неудержимо растетъ революціонное движеніе» и что «заграницей тоже начинаютъ терять терпѣніе, и можетъ получиться такая обстановка, въ которой Россія не найдетъ ни копѣйки кредита»... Иными словами, пожеланія принимаютъ почти ультимативный тонъ; дойдя до этого признанія, министръ уже съ

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Арх. Русск. Рев., т. XVIII, стр. 105.
[2]) Яхонтовъ. «Тяжелые дни». Арх. Русск. Рев., т. XVIII, стр. 136.

бóльшей развязностью перешелъ къ сущности своего предложенія: отмѣнить для евреевъ черту осѣдлости.

При обсужденіи этого предложенія Кривошеинъ снялъ тотъ флеръ, подъ которымъ кн. Щербатовъ скрывалъ имена «руководителей русскаго еврейства»: Каменка, Гинцбургъ и Варшавскій; эти господа явились также къ министру финансовъ Барку и вполнѣ открыто поставили условія дальнѣйшаго финансированія войны на русскомъ и иностранномъ финансовомъ рынкѣ. Къ стыду русскихъ Царскихъ министровъ, предложеніе кн. Щербатова было принято Совѣтомъ. Особенно бурную радость проявилъ по этому поводу министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, который на обычный вопросъ предсѣдателя: «больше возраженій нѣтъ?» восторженно воскликнулъ: «Не только нѣтъ, но я, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, привѣтствую принятое рѣшеніе»... и уже совершенно неосторожно добавилъ: «Я знаю изъ вѣрнаго источника, что всемогущій Леопольдъ Ротшильдъ и не идетъ дальше городовъ». Этому примѣру откровенности послѣдовалъ и министръ финансовъ Баркъ.

Нашелся, однако, среди министровъ человѣкъ съ простой русской душой, человѣкъ ни къ «обществу», ни къ «правящему классу» не принадлежащій, который поднялъ свой голосъ возмущеннаго протеста противъ постановленія своихъ коллегъ. Это былъ министръ путей сообщенія С. В. Рухловъ. «Вся Россія страдаетъ отъ тяжестей войны, но первыми получаютъ облегченіе евреи», воскликнулъ онъ, «мое чувство не можетъ этого переварить. Подтверждается поговорка, что за деньги все покупается, и такимъ подтвержденіемъ является правительственный актъ. Несомнѣнно всѣ узнаютъ его происхожденіе и мотивы; какое впечатлѣніе это произведетъ не на еврейскихъ банкировъ, а на армію и на весь русскій народъ, который далеко не благодушно смотритъ на роль евреевъ въ переживаемыхъ событіяхъ. Допущеніе евреевъ къ свободному жительству хотя бы только въ городахъ, за чертою осѣдлости, является кореннымъ и безповоротнымъ измѣненіемъ исторически сложившагося законодательства, имѣющаго цѣлью оградить русское достояніе отъ еврейскихъ захватовъ, а русскій народъ — отъ разлагающаго вліянія еврейскаго сосѣдства. И все это производится подъ давленіемъ еврейской мошны. Не Правительство считаетъ это нужнымъ, а его заставляютъ, пользуясь критическими обстоятельствами, переживаемыми Родиной. Русскіе мрутъ въ окопахъ,

а евреи будутъ устраиваться въ сердцѣ Россіи, извлекать выгоды изъ народнаго бѣдствія и всеобщаго разоренія. Русскіе люди несутъ невѣроятныя лишенія и страданія и на фронтѣ и въ тылу, а еврейскіе банкиры покупаютъ своимъ сородичамъ право использовать бѣду Россіи для дальнѣйшей эксплоатаціи обезкровленнаго русскаго народа... Говорилось и о финансовыхъ, и объ экономическихъ, и о военныхъ, и объ общеполитическихъ соображеніяхъ въ пользу жеста по еврейскому вопросу, но не упоминалось объ опасности съ точки зрѣнія разсѣянія по всей Россіи источника революціонной заразы, каковымъ являются евреи; достаточно припомнить роль этого племени въ событіяхъ 1905 года, а въ отношеніи нашего времени министру внутреннихъ дѣлъ вѣроятно извѣстно, какой процентъ іудеевъ приходится на лицъ, ведущихъ революціонную пропаганду и участвующихъ въ различныхъ подпольныхъ организаціяхъ.... У меня рука не подымается поставить свою подпись подъ этимъ журналомъ. Я категорически отказываюсь дать свою подпись, но рѣшенію Совѣта Министровъ подчиняюсь и разногласія не заявляю».

Честное и правдивое заявленіе Рухлова вызвало нѣкоторое смущеніе у министровъ. «Конечно, С. В. Рухловъ глубоко правъ въ своихъ указаніяхъ на разрушительное вліяніе еврейства», замѣтилъ кн. Щербатовъ, «но что же намъ остается дѣлать, когда ножъ приставленъ къ горлу? Если неоспорима зловредность еврейства, то неоспорима и необходимость денегъ для веденія войны. А деньги въ еврейскихъ рукахъ». А А. В. Кривошеинъ съ какой-то безнадежностью прибавилъ: «Я тоже привыкъ отождествлять русскую революцію съ евреями, но тѣмъ не менѣе журналъ о льготахъ этимъ самымъ евреямъ подписалъ, ибо сознаю неизбѣжность такого акта. Какъ я уже говорилъ въ Совѣтѣ Министровъ, нельзя одновременно вести войны и съ германцами, и съ евреями. Это непосильно даже для такой могучей страны, какъ Россія».

Итакъ, въ эти памятные іюльскіе и августовскіе дни 1915 года русское Императорское Правительство капитулировало передъ организованнымъ еврействомъ, капитулировало безъ боя, безъ сопротивленія, съ какой-то трусливой поспѣшностью. И въ результатѣ это самое еврейство черезъ полтора года смело Царскій режимъ и устроило въ Россіи кровавую баню, которая продолжается и до сихъ поръ.

А тѣмъ временемъ натискъ на власть продолжалъ систематически производиться. Въ серединѣ августа среди членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта образовалась группа подъ названіемъ «прогрессивнаго блока», съ обще-либеральной программой, включающей и «министерство общественнаго довѣрія», и амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, и, конечно, еврейское равноправіе. Но настоящая сущность этого новаго хода была какъ нельзя лучше формулирована Горемыкинымъ: «Я считаю самый блокъ, какъ организацію между двумя палатами, непріемлемымъ», сказалъ онъ. «Его плохо скрытая цѣль — ограниченіе Царской власти. Противъ этого я буду бороться до послѣднихъ силъ».

Но по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, которыя вызывали отрицательное отношеніе престарѣлаго предсѣдателя къ новому оружію революціи, блокъ получилъ активную поддержку «лѣвой» части министерства, главнымъ образомъ, Поливанова и Сазонова.

Эти представители революціонной буржуазіи использовали для атаки на Горемыкина вопросъ о роспускѣ Государственной Думы на осенній перерывъ. Такой роспускъ былъ не только законенъ и обыченъ, но, по обстоятельствамъ времени, представлялся почти необходимымъ. Дѣйствительно, Дума, совершенно отбившаяся отъ всякой законодательной работы, обратилась въ сплошной и крикливый митингъ, тормозящій и разстраивающій ходъ государственнаго механизма. Даже лѣвые депутаты признавались Кривошеину, что Дума начинаетъ безудержно катиться по наклонной плоскости.

Однако, министры-оппозиціонеры, начиненные директивами заправилъ Государственной Думы, пытались изобразить естественный актъ Правительства — указъ о роспускѣ законодательныхъ палатъ, какъ вызовъ, брошенный странѣ, вызовъ, который неминуемо произведетъ бунтъ и кровопролитіе. На этомъ основаніи министры предлагали снова возбудить вопросъ объ отказѣ Государя отъ принятія Верховнаго Командованія, т. к. было бы опасно соединить два повода къ безпорядкамъ — эту перемѣну и роспускъ Думы. Но этотъ обходный маневръ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны Горемыкина. Тогда министры, свершивъ новый внезапный поворотъ, заявили, что вопросъ о роспускѣ Думы долженъ быть связанъ съ вопросомъ о новомъ Правительствѣ, пользующемся «общественнымъ довѣ-

ріемъ». «Слѣдовательно», замѣтилъ Горемыкинъ съ обычной своей спокойной ироніей, «вопросъ о роспускѣ Думы долженъ быть отложенъ до распредѣленія портфелей и ограниченія Монарха въ прерогативѣ избранія министровъ?» Такая прямая постановка вопроса не могла быть пріятной министрамъ-оппозиціонерамъ; приходилось раскрыть свои карты, что Кривошеинъ и сдѣлалъ: «Пусть Государь пригласитъ опредѣленное лицо», сказалъ онъ, «и предоставитъ ему намѣтить своихъ будущихъ сотрудниковъ». Было ясно, куда клонилъ Кривошеинъ и его сторонники; здѣсь уже шелъ разговоръ не объ измѣненіи личнаго состава министровъ, а, какъ мѣтко указалъ Горемыкинъ, объ ограниченіи Монарха въ прерогативѣ назначенія ихъ по своему выбору.

По мѣрѣ того, какъ снимались стыдливыя покрывала съ настоящаго лица большинства Совѣта, тонъ министровъ становился все наглѣе и наглѣе по отношенію какъ къ своему предсѣдателю, такъ и къ Монарху. Управляющій дѣлами Совѣта Яхонтовъ отмѣчаетъ, что «Поливановъ больше помалкиваетъ и изрѣдка кусается. Его рѣзкость въ отношеніи Ивана Логгиновича переходитъ границы приличія. Старикъ едва сдерживается при всей своей корректности».

Скоро «старикъ» далъ своимъ коллегамъ новую пищу для злобныхъ выходокъ. Уѣзжая въ Ставку съ докладомъ Государю, Горемыкинъ съ грустью сказалъ Яхонтову: «Да, тяжело огорчать Государя разсказомъ о нашихъ несогласіяхъ и слабонервности Совѣта Министровъ. Его воля избрать тотъ или другой путь дѣйствій. Какое ни будетъ повелѣніе, я исполню, во что бы то ни стало. Моя задача — отвести на себя отъ Царя нападки и неудовольствія. Пусть ругаютъ и обвиняютъ меня, я уже старъ и недолго мнѣ жить. Но пока я живъ, буду бороться за неприкосновенность Царской власти. Сила Россіи только въ Монархіи. Иначе такой кавардакъ получится, что все пропадетъ. Надо прежде всего довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будетъ время, когда прогонимъ нѣмцевъ». Эти простыя, честныя и здравыя мысли были, конечно, совершенно чужды затуманеннымъ головамъ большинства министровъ. И это сразу и обнаружилось при возвращеніи изъ Ставки Горемыкина, привезшаго, какъ и слѣдовало ожидать, Высочайшее повелѣніе о роспускѣ Думы и приказаніе членамъ Совѣта Министровъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Государю на

5

фронтѣ было не до министерскихъ интригъ, но Онъ повелѣлъ Горемыкину передать, что, когда будетъ возможно, Онъ вызоветъ Совѣтъ Министровъ и лично все разберетъ.

Засѣданіе Совѣта прошло подъ знакомъ бури. Тонъ споровъ поминутно подымался, и собраніе скоро обратилось въ крикливый митингъ, въ которомъ спокойнымъ оставался одинъ предсѣдатель. Особенно волновался Сазоновъ, дошедшій до какого-то изступленія въ угрозахъ и обвиненіяхъ противъ Горемыкина. «Кровь завтра потечетъ по улицамъ», выкрикивалъ онъ, «и Россія окунется въ бездну. Зачѣмъ и почему? Это все ужасно. Во всякомъ случаѣ громко заявляю, что отвѣтственность за ваши дѣйствія и за роспускъ Думы въ теперешней обстановкѣ я на себя не принимаю».

«Отвѣтственность за свои дѣйствія я несу самъ и никого не прошу ее дѣлить со мною», невозмутимо отвѣтилъ Горемыкинъ. «Дума будетъ распущена въ назначенный день и нигдѣ никакой крови не потечетъ». А когда, закрывъ засѣданіе, Горемыкинъ выходилъ изъ зала, ошалѣвшій Сазоновъ кричалъ истерическимъ голосомъ: «Я не хочу съ этимъ безумцемъ прощаться и подавать ему руку». Затѣмъ, шатаясь, онъ направился къ двери, поддерживаемый управляющимъ дѣлами Яхонтовымъ и, наконецъ, очутившись въ передней, перешелъ почему-то на французскій языкъ и, взвизгнувъ: «il est fou, ce vieillard!», опрометью бросился вонъ.

Таковъ былъ россійскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ самое тяжелое для Родины время.

Конечно, правъ оказался не истеричный Сазоновъ, а спокойный и опытный Горемыкинъ: Дума была распущена и «нигдѣ никакой крови не потекло». Тщетно главари движенія пытались вызвать броженіе на фабрикахъ; рабочіе хотѣли работать, а не баррикады строить.

Французскій посолъ Палеологъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Опасаться еще нечего; это только генеральная репетиція». Впрочемъ, посолъ гораздо лучше и яснѣе сознаетъ положеніе, чѣмъ представители оппозиціи, во главѣ съ Милюковымъ. За обѣдомъ въ знакомомъ домѣ онъ имъ прочитываетъ настоящую нотацію, съ рѣшительностью указываетъ имъ, насколько поведеніе ихъ безсмысленно и преступно, и прибавляетъ: «Я считаю своимъ долгомъ напомнить вамъ, что вы находитесь про-

тивъ непріятеля и что вы должны отказаться отъ всякаго дѣйствія, всякаго выступленія, которое могло бы ослабить ваши военныя усилія»[1]).

Сконфуженные либералы, повѣсивъ носъ, спѣшатъ обѣщать Палеологу «подумать», но посла не легко провести. Онъ сознаетъ, что готовится революція, и даетъ себѣ ясный отчетъ въ ея ужасныхъ послѣдствіяхъ. Палеологъ депешей сообщаетъ Делькассэ о своихъ сомнѣніяхъ: «до послѣдняго времени можно было предполагать, что до конца войны не произойдетъ революціонныхъ безпорядковъ. Теперь же я за это не поручился бы. Итакъ, ставится вопросъ о томъ, будетъ ли Россія еще въ состояніи, черезъ нѣкоторое болѣе или менѣе отдаленное время, продолжать дѣйствительно выполнять свои обязательства союзницы» . . .[2]).

Посолъ не ошибался. Люди, съ которыми онъ только что обѣдалъ, измѣняли уже своей Родинѣ, а восемнадцать мѣсяцевъ спустя должны были предать и союзниковъ.

Строгій урокъ патріотизма, преподанный имъ Палеологомъ, не могъ, разумѣется, ни повліять на тѣхъ, кто готовили революцію, ни тронуть ихъ совѣсть; но они поняли, что ихъ планы не вызываютъ сочувствія у французскаго посла, а, между тѣмъ, сознавали, что нравственная поддержка союзниковъ имъ необходима для дѣйствія. Они тогда обратили свои взоры на представителя Великобританіи, сэра Джорджа Бьюкенена.

Роль, которую этотъ англичанинъ сыгралъ во время инкубаціоннаго періода революціи, получила весьма строгую оцѣнку въ позднѣйшемъ общественномъ мнѣніи. Но и въ тѣ дни англійское посольство считалось связаннымъ съ оппозиціей и освѣдомленнымъ о готовящейся революціи. Объ этомъ совершенно опредѣленно указываютъ Родзянко, французскій посолъ Палеологъ и англійскій историкъ James Mavor[3]). Даже осторожный Жильяръ признаетъ въ своихъ мемуарахъ, что Бьюкененъ, плохо освѣдомленный, «допустилъ ввести себя въ заблужденіе». Княгиня О. В. Палѣй, супруга Великаго Князя

---

[1]) M. Paléologue. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, т. II, стр. 73.

[2]) Тамъ же, стр. 66.

[3]) J. Mavor. The russian revolution, стр. 57.

Павла Александровича, съ своей стороны такъ отзывается о послѣ:

«Англійское посольство, по приказанію Ллойдъ Джорджа, стало очагомъ пропаганды. Либералы, какъ князь Львовъ, Милюковъ, Родзянко, Маклаковъ, Гучковъ и т. д., встрѣчались тамъ постоянно. Именно, въ англійскомъ посольствѣ было рѣшено сойти съ законныхъ путей и вступить на путь революціи»[1]).

Тщетно, въ своихъ воспоминаніяхъ, Бьюкененъ пытался оправдаться. Онъ вынужденъ былъ самъ признать, что «обвиненіе это все еще тяготѣетъ надъ нимъ и что онъ безсиленъ его сбросить». Недавно за память своего отца вступилась дочь посла, миссъ Мэріель Бьюкененъ, которая въ книгѣ, переведенной и на русскій языкъ, старается, по понятнымъ причинамъ, обѣлить своего отца[2]).

Оставляя даже въ сторонѣ моральный обликъ Бьюкенена и обращаясь къ его же собственнымъ признаніямъ, къ безспорнымъ фактамъ и къ опубликованнымъ документамъ, приходится признать, что дѣятельность этого союзнаго дипломата была, въ теченіе всей войны, направлена ко вреду Россіи и къ скорѣйшему ея разрушенію.

Съ чисто британской самоувѣренной наглостью, Бьюкененъ совершенно открыто вмѣшивается во внутреннюю политику Россіи, громко выражаетъ свои симпатіи и антипатіи, якшается съ оппозиціей, предъявляетъ русскому Правительству и даже Царю требованія, звучащія, какъ угрозы. О нѣкоторыхъ этихъ неприличныхъ выступленіяхъ мы будемъ говорить подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ. Ограничимся здѣсь указаніемъ на болѣе мелкіе случаи вмѣшательства Бьюкенена не въ свое дѣло и дерзкаго нарушенія русскихъ интересовъ.

Въ іюнѣ 1916 года, прослышавъ, что Государь рѣшилъ уволить истеричнаго Сазонова, особенно угоднаго Англіи, Бьюкененъ обращается къ Монарху съ секретной телеграммой отъ 6/19 іюня, въ которой убѣждаетъ Его оставить министра иностранныхъ

---

[1]) Princesse Paley. Souvenirs de Russie 1916—1919, стр. 33.

[2]) Miss Meriel Buchanan. La dissolution d'un Empire.

Г-жа Бьюкененъ, въ своей книгѣ, отвѣчаетъ на нѣкоторыя обвиненія, предъявленныя англійскому послу и, въ частности, на тѣ, которыя я приводилъ въ своей книгѣ „Le Tsar Nicolas II et la révolution". Объ этой полемикѣ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

дѣлъ на мѣстѣ, осмѣливаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, угрожать Царю «серьезными послѣдствіями»[1]).

Когда же Государь, не испугавшись «серьезныхъ послѣдствій», все же уволилъ Сазонова, то за дѣло вытаскиванія провалившагося министра взялся представитель англійскаго правительства. Въ январѣ 1917 года онъ предложилъ Государю не болѣе не менѣе, какъ... назначить Сазонова первымъ министромъ. «Въ Сазоновѣ Ллойдъ Джорджъ былъ увѣренъ», пишетъ канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ [2]).

Наивная британская дерзость сказалась также на одномъ пріемѣ Государемъ англійскаго посла въ 1916 году. Рѣчь шла о болѣе активномъ вступленіи Японіи въ войну, и вотъ Бьюкененъ предложилъ дать Японіи въ видѣ компенсаціи за помощь союзникамъ... сѣверную часть Сахалина. Безполезно говорить о томъ, какъ встрѣтилъ Государь такое предложеніе [3]).

Какія могли быть побужденія у англійскаго посла и его правительства въ этомъ систематическомъ натискѣ на русскую государственность, на силу самодержавія, на національное достоинство Россіи?

Говоря объ обвиненіяхъ кн. Палѣй противъ Бьюкенена, французскій журналистъ де-Ровиль замѣчаетъ, что, для посвященныхъ, въ нихъ нѣтъ ничего новаго и, ставя вопросъ шире, онъ прибавляетъ: «Большевизмъ родился 5 сентября 1914 года въ Лондонѣ; когда Россія потребовала для подписанія договора, чтобы проливы были ей отданы послѣ войны, Англія принуждена была согласиться: тогда содѣйствіе Россіи было необходимо; но, рѣшивъ про себя никогда не допустить Россіи до Средиземнаго моря, гдѣ въ ея рукахъ оказался бы одинъ изъ ключей индійскаго пути, Англія озаботилась, чтобы непредвидѣнный случай сдѣлалъ этотъ договоръ недѣйствительнымъ. Этимъ «непредвидѣннымъ случаемъ» оказалась революція 1917 года — которой и Германія сумѣла воспользоваться — и, если Англія ничего не сдѣлала для спасенія Императора Николая II, двоюроднаго брата своего короля, то потому, что несчастный Царь былъ однимъ изъ подписавшихъ договоръ 5 сентября, и въ случаѣ, если бы Онъ остался въ живыхъ и вновь

[1]) «Монархія передъ крушеніемъ». 1914—1917. Гос. изд. 1927, стр. 13.
[2]) Тамъ же, стр. 66.
[3]) Тамъ же, стр. 64.

пріобрѣлъ Престолъ, Онъ могъ бы напомнить Альбіону о честномъ выполненіи своего обязательства»[1]).

И вотъ, подготовка этого «непредвидѣннаго обстоятельства» и была поручена сэру Джорджу Бьюкенену.

Генералъ Жаненъ приводитъ, со своей стороны, разсказъ одного своего русскаго собесѣдника, въ которомъ послѣдній утверждаетъ, что русская революція вызвана была при содѣйствіи Англіи. «Сэръ Д. Бьюкененъ ее организовалъ, а также и лордъ Мильнеръ... Петроградъ въ то время кишѣлъ англичанами; онъ (собесѣдникъ) могъ бы назвать улицы и номера нѣкоторыхъ домовъ, въ различныхъ частяхъ Петрограда, гдѣ жили англійскіе агенты. Въ первые дни революціи они раздавали деньги солдатамъ, подстрекая ихъ къ бунту, и лично онъ видѣлъ на Милліонной нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ ему за англійскихъ агентовъ, раздающихъ двадцатипятирублевые билеты нижнимъ чинамъ л.-гв. Павловскаго полка, за нѣсколько часовъ до того, какъ они взбунтовались[2]).

А. А. Гулевичъ, всегда прекрасно освѣдомленный въ вопросахъ международной политики и, въ особенности, въ англійскихъ дѣлахъ, утверждаетъ, что, по имѣющимся у него даннымъ, лордомъ Мильнеромъ было израсходовано болѣе 21 милліона рублей на финансированіе русской революціи[3]).

Не удивительно, что Ллойдъ Джорджъ, при извѣстіи о паденіи русской Монархіи, воскликнулъ съ радостью: «Одна изъ цѣлей войны для Англіи наконецъ достигнута».

6 сентября былъ опубликованъ приказъ Государя о принятіи Имъ Верховнаго Главнокомандованія вооруженными сила-

---

[1]) M. de Rauville. Les raisons profondes du désaccord Franco-Britannique. Revue Hebdomadaire 18 août 1925.

Противъ этого мѣста французскаго изданія моей книги возражаетъ г-жа Мэріель Бьюкененъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, г-жа Бьюкененъ не находитъ другого довода какъ то, что Константинополь былъ обѣщанъ Россіи не въ сентябрѣ, какъ указываетъ Rauville, а въ ноябрѣ, а также ссылается на книгу своего отца, въ которой бывшій посолъ заявляетъ, что онъ всегда былъ согласенъ съ лидерами Государственной Думы, что военныя операціи не должны быть затруднены тяжелымъ внутреннимъ кризисомъ. Читатель оцѣнитъ самъ легковѣсность этого опроверженія г-жи Бьюкененъ. (Miss Muriel Buchanan. La dissolution d'un Empire, p. 149—150.)

[2]) Général Janin. Au G. Q. G. russe (Le Monde Slave, № 2, 1927 г., p. 296—297).

[3]) A. de Goulévitch. Tsarisme et révolution, стр. 278.

ми Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ чрезвычайно милостивомъ рескриптѣ на имя Великаго Князя Николая Николаевича, Государь указывалъ причины Своего рѣшенія, продиктованнаго чувствомъ долга къ Родинѣ, и назначалъ Великаго Князя Николая Николаевича Намѣстникомъ на Кавказъ и главнокомандующимъ кавказскимъ фронтомъ.

Къ великому огорченію оппозиціи, отъѣздъ Государя на фронтъ не только не вызвалъ въ войскахъ никакого броженія, но, напротивъ, поднялъ ихъ духъ и ознаменовалъ начало счастливаго перелома въ ходѣ войны.

На фронтѣ начинается кипучая работа. Работаютъ также и петроградскіе либеральствующіе салоны, но производятъ они пессимизмъ, безнадежность, тревогу, неудовольствіе и клевету, которые экспортируются на фронтъ съ цѣлью подточить, растворить мужество, довѣріе, волю бойцовъ.

Государь прекрасно освѣдомленъ объ этомъ.

28 сентября, по возвращеніи изъ Ставки, Государь принимаетъ въ Царскомъ Селѣ французскаго посла. Палеологъ отмѣчаетъ: «У Государя прекрасный видъ, выраженіе увѣренности и спокойствія, котораго я давно у него не наблюдалъ». Закончивъ офиціальную бесѣду, Палеологъ спрашиваетъ Государя о Его впечатлѣніяхъ на фронтѣ. «Превосходныя», отвѣчаетъ Государь. «У меня больше увѣренности, чѣмъ когда-либо. Жизнь, которую я веду во главѣ своихъ войскъ, такая здоровая и бодрящая. Какъ чудесенъ русскій солдатъ! Я не знаю, чего нельзя было бы съ нимъ достигнуть. И у него такая воля къ побѣдѣ, такая вѣра въ нее!»

«Я счастливъ слышать это отъ Васъ», замѣчаетъ обрадованный Палеологъ, «такъ какъ намъ предстоятъ еще огромныя усилія, и мы можемъ быть побѣдителями только благодаря упорству».

Тогда, сжавъ кулаки, Государь заявляетъ:

«Я углубился въ упорство по самыя плечи, я въ него окунулся. И я изъ него выйду только послѣ окончательной побѣды».

Затѣмъ Государь, заговоривъ о жизни Палеолога въ Петроградѣ, замѣчаетъ: «Я Васъ жалѣю, что вамъ приходится жить въ средѣ, столь упавшей духомъ и пессимистически настроенной. Я знаю, что вы мужественно сопротивляетесь отравленной атмосферѣ Петрограда. Но если когда-нибудь вы почувствуете

себя зараженнымъ, прiѣзжайте ко мнѣ на фронтъ, и я вамъ обѣщаю, что вы немедленно поправитесь».

И, омрачившись, Государь прибавляетъ суровымъ тономъ:

«Эти мiазмы Петрограда — ихъ чувствуешь даже здѣсь, на разстоянiи двадцати двухъ верстъ. И этотъ смрадъ идетъ не изъ народныхъ кварталовъ, а изъ салоновъ. Какой стыдъ! Какая мелочность! Можно ли быть до такой степени лишеннымъ совѣсти, патрiотизма и вѣры!» [1])

И въ то самое время, когда Государь говорилъ о доблести русскаго солдата, о долгѣ, о вѣрѣ въ побѣду, петроградское общество, «лишенное совѣсти и патрiотизма», упивалось слухами о готовящемся переворотѣ. На другой же день послѣ этой памятной аудiенцiи, Палеологъ получаетъ блестящее подтвержденiе суроваго мнѣнiя Государя о столичныхъ салонахъ. Г-жа П . . ., у которой онъ обѣдаетъ, съ чисто женскимъ жаромъ говоритъ ему, захлебываясь отъ удовольствiя, о заговорѣ противъ Государя: «Очевидно надо прибѣгнуть къ рѣшительнымъ средствамъ прошлаго, единственно возможнымъ и дѣйствительнымъ при Самодержавiи — надо низложить Государя и провозгласить на Его мѣсто Цесаревича Алексѣя, съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ Регентомъ . . . Время не терпитъ».

Да, время не терпитъ, такъ какъ близкая побѣда Россiи была бы пораженiемъ революцiи.

3. Штурмъ власти.

Московскiя совѣщанiя у Коновалова продолжали собирать главарей оппозицiи; туда же являлись съ докладами делегаты, вернувшiеся съ фронта или изъ провинцiи, куда они были посланы для пропаганды. Такимъ образомъ, составъ этихъ совѣщанiй, достигавшiй иногда до шестидесяти человѣкъ, былъ очень текучiй; неизмѣннымъ оставался лишь президiумъ организацiи: кн. Львовъ, Коноваловъ, Челноковъ, Рябушинскiй и Бубликовъ.

Одинъ изъ участниковъ совѣщанiя резюмировалъ однажды положенiе въ слѣдующихъ выраженiяхъ: «Работа Земгора

---

[1]) Maurice Paléologue. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, т. II, стр. 88—89.

Подобное же заявленiе Государя приведено П. Жильяромъ „Le tragique destin de Nicolas II et de Sa famille“, стр. 113.

на фронтѣ», сказалъ онъ, «располагаетъ въ нашу пользу солдатъ и офицеровъ. Военно-промышленные комитеты держатъ въ своихъ рукахъ рабочихъ. Во всѣхъ земскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ у насъ имѣются вѣрные сторонники. Крупная торговля и промышленность намъ помогаютъ. Намъ остается только поднять мужика и тогда мы покажемъ Николаю такой кулакъ, который испугаетъ его больше нѣмцевъ».

Среди этихъ честолюбивыхъ вожделѣній, которыя разсчитывали на пораженіе и на революцію, съ цѣлью выловить въ ней министерскіе портфели, синекуры, поставки, взятки, нашелся одинъ только голосъ, чтобы крикнуть: «осторожно!». Это былъ голосъ одного изъ кадетскихъ лидеровъ, депутата В. А. Маклакова, которому предполагалось предоставить портфель министра юстиціи въ первомъ революціонномъ правительствѣ. «Въ первый разъ въ жизни я почувствовалъ себя сегодня крайне правымъ», заявилъ онъ однажды, выходя изъ одного изъ коноваловскихъ собраній. Но тщетно Маклаковъ пытался внушить зарвавшимся заговорщикамъ, что революція во время войны повлечетъ крушеніе не только режима, но и самой Россіи. Въ газетной статьѣ онъ аллегорически изобразилъ Россію въ видѣ автомобиля, управляемаго неопытнымъ шофферомъ по опасной дорогѣ. Возможно ли въ такую минуту насильственно смѣнять шоффера? Нѣтъ, нужно сперва миновать опасное мѣсто. Но совѣтъ этотъ не былъ исполненъ. Революція вырвала руль изъ рукъ шоффера и Россія полетѣла въ пропасть.

Полу-конспиративная коноваловская группа не могла, конечно, выступать офиціально. Представителемъ ея въ Петроградѣ являлся предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко. Обуреваемый неограниченнымъ честолюбіемъ, соединеннымъ съ ограниченнымъ умомъ, Родзянко склоненъ былъ уже въ то время смотрѣть на себя, какъ на будущаго, а иногда и на настоящаго главу государства.

Если Государь былъ Помазанникъ Божій, то онъ, Родзянко, поставленъ самимъ Господомъ посредникомъ между Царемъ и представителями народа [1]). Эта, близкая къ помѣшательству, чванливость зарвавшагося «общественнаго дѣятеля» толкала его на самыя грубыя и глупыя выходки. Такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1915 г., онъ предпринялъ нѣчто вродѣ тріумфальнаго объ-

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Арх. Русск. Рев., т. XVII, стр. 46.

ѣзда отвоеванныхъ арміями юго-западнаго фронта бывшихъ австрійскихъ областей. Къ несчастію для надменнаго предсѣдателя, Государь тоже пожелалъ посѣтить свои новыя владѣнія. Родзянко былъ возмущенъ этимъ вторженіемъ Монарха въ его, Родзянко, права. И когда во Львовѣ, послѣ параднаго обѣда, Государь милостиво подошелъ къ нему со словами:

«Думали ли вы, что когда-нибудь мы встрѣтимся съ вами во Львовѣ?» Родзянко дерзко отвѣтилъ:

«Нѣтъ, Ваше Величество я не думалъ и при настоящихъ условіяхъ очень сожалѣю, что Вы, Государь, рѣшились предпринять поѣздку по Галиціи[1]).

Но такія выходки Родзянко не всегда сходили ему съ рукъ, и тогда онъ тотчасъ же смирялся и падалъ духомъ. Въ теченіе лѣта 1916 года ему пришла въ голову совершенно безумная мысль сдѣлать французскому государству, по собственному почину, заказъ аэроплановъ для русской арміи. Задумано, сдѣлано, и Родзянко со спокойной совѣстью отправляется къ себѣ въ деревню; туда, вслѣдъ за нимъ, явился перепуганный его секретарь съ только что полученнымъ письмомъ отъ генерала Алексѣева, слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь Михаилъ Владиміровичъ!

Ваше Превосходительство, черезъ нашего агента во Франціи, обратились къ генералу Жоффру и Альберту Тома съ телеграммой о предоставленіи русской арміи аэроплановъ, опредѣливъ по своему усмотрѣнію число и систему ихъ, внѣ связи съ той общей программой, которая выработана по общему соглашенію между нами, французскимъ и англійскимъ правительствомъ по этому вопросу. Копію веденной Вами переписки, но уже послѣ отправленія своей телеграммы, Вы препроводили Великому Князю Александру Михайловичу. По докладу Государю Императору этой переписки, Его Величество повелѣлъ передать Вамъ Его волю, чтобы Вы устранили себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ военные вопросы, не входящіе въ кругъ вѣдѣнія ни предсѣдателя Государственной Думы, ни члена Особаго Совѣщанія. Дѣло, въ которомъ окажется нѣсколько хозяевъ, считающихъ себя другъ отъ друга независимыми, одинаково компетентными и полновластными въ своихъ распоряженіяхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ

---

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Арх. Русск. Рев., т. XVII, стр. 90.

доведено до полнаго развала. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Михаилъ Алексѣевъ» [1]).

Если честолюбіе вызывало Родзянко на дерзкія выступленія, то это же чувство дѣлало его, подчасъ, необыкновенно уступчивымъ, въ особенности, когда въ игру вступала лесть или жажда отличій. Во время рождественскаго перерыва занятій Государственной Думы, Родзянко былъ съ докладомъ у Государя, послѣ чего послѣдовалъ на его имя рескриптъ объ отсрочкѣ возобновленія сессіи Думы.

«Выходило такъ, будто вопросъ обсуждался на аудіенціи и было достигнуто какое-то соглашеніе», сознается Родзянко. Депутаты были удивлены и возмущены такимъ поведеніемъ своего предсѣдателя; уступчивость его приписывали надеждѣ получить какую-то Царскую награду. «Толки оправдались, и 6 декабря я узналъ о пожалованіи мнѣ Анны первой степени. Надо сказать, что раньше, безъ моего вѣдома, министръ Поливановъ представлялъ меня къ наградѣ за особыя заслуги по снабженію арміи, но тогда въ наградѣ было отказано»[2]). Времена измѣнились, и Родзянко, «безъ его вѣдома», ленту все же получилъ.

Но это поползновеніе предсѣдателя Государственной Думы къ самостоятельности вызвало нѣкоторую тревогу въ коноваловской группѣ. Рѣшили послать къ Родзянко князя Львова, который въ теченіе цѣлаго вечера и до трехъ часовъ ночи подогрѣвалъ его революціонныя чувства, увѣряя Родзянко, что возмущеніе противъ Царя охватило уже всю Россію.

Въ итогѣ предсѣдатель Думы взялся загладить свой «промахъ» дерзкимъ письмомъ на имя Горемыкина, которое, размноженное въ тысячахъ экземпляровъ, и было распространено по всей Россіи для поднятія престижа оппозиціи.

Здѣсь приходится подойти къ коренному вопросу, вокругъ котораго и происходила вся подготовка государственнаго переворота. Чисто политическія идеи, способныя увлекать «интеллигенцію» до забвенія ею войны и національной побѣды, оставляли народную массу, солдата, офицера, обывателя даже, совершенно равнодушными. Если мужикъ понималъ свободу печати, какъ право свободно ставить казенную печать, то и «обыватель», по выраженію Щедрина, не зналъ точно, чего ему хочется: севрюжины или конституціи.

---

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Арх. Русск. Рев., т. XVII, стр. 137.
[2]) Тамъ же, стр. 111.

Итакъ, вызвать революцію чисто политическую было невозможно, да и у союзниковъ такая революція не получила бы ни одобренія, ни симпатій. Оставалось одно: революцію, предназначенную въ дѣйствительности къ прекращенію войны, возможно было совершить только во имя войны же.

И въ самомъ дѣлѣ, въ «лѣвыхъ», въ махрово «пацифическихъ» кругахъ начинается, какъ бы по тайному приказу, отчаянная сверхъ-патріотическая демонстрація. Всякіе политиканы, спекулянты, соціалисты, рецидивисты, либералы, окопавшіеся въ тылу молодые люди, адвокаты безъ кліентовъ, профессора безъ кафедръ, неудачники — всѣ въ одинъ голосъ присваиваютъ себѣ исключительную монополію патріотизма. Каждый, кто не носитъ печати оппозиціи, объявляется измѣнникомъ и предателемъ Родины. Государь могъ, если желалъ, смѣнять министровъ, поручать портфели даже депутатамъ, совѣщаться съ лидерами Думы, все это напрасно. Всякій новый министръ, будь онъ даже членъ Думы, тотчасъ же подвергался травлѣ и обвинялся въ томъ, что онъ ведетъ страну къ гибели. Но клевета не могла ограничиваться только министрами. Не перемѣны Правительства старались добиться, а перемѣны режима; нужно было, значитъ, мѣтить въ голову. На Государя нельзя было рискнуть бросить тѣнь, но на Императрицу?

«Уже съ осени 1915 года нѣмцы, вслѣдствіе тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчали ихъ попытки прямо дискредитировать Государя, обратили свои усилія противъ Императрицы и начали противъ Нея подпольную и весьма ловко веденную кампанію, которая не замедлила принести плоды. Они не останавливались ни передъ какими пріемами; они обратились къ старому средству: поразить Монарха въ лицѣ Его Супруги. Играя на томъ фактѣ, что Императрица была нѣмецкая принцесса, они попытались, путемъ весьма ловкой пропаганды, представить Ее, какъ измѣнницу Россіи. Обвиненіе это встрѣтило сочувствіе въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ и сдѣлалось опаснымъ оружіемъ противъ Династіи»[1]). Этотъ отзывъ Жильяра, нѣсколько односторонній въ отношеніи нѣмцевъ, даетъ, тѣмъ не менѣе, весьма вѣрную картину начала той кампаніи, которую оппозиція повела противъ Императрицы съ цѣлью подорвать и самый режимъ.

«Александра Ѳеодоровна не нѣмка ни душой, ни сердцемъ и никогда ею не была», заявляетъ также французскій посолъ

---

[1]) P. Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de Sa famille, стр. 144.

Палеологъ. «Ея воспитаніе, образованіе, умственная и моральная формація были совершенно англійскими; ... основа же Ея характера стала вполнѣ русской... Она любитъ Россію горячей любовью»[1]). Наконецъ, что еще значительнѣе, англійскій посолъ Бьюкененъ, котораго нельзя, конечно, заподозрить въ симпатіи ни къ Россіи, ни къ Царскому режиму, ни къ Императрицѣ, въ одномъ изъ своихъ секретныхъ донесеній успокаиваетъ свое правительство относительно слуховъ о вліяніи Императрицы на возможное заключеніе сепаратнаго мира:

«Настроеніе Императрицы вполнѣ твердое. Несмотря на то, что здѣсь часто говорятъ, Она не союзница, работающая на пользу Германіи».

Нужно прибавить, что клеветническіе слухи объ Императрицѣ, если и были пущены Германіей, въ чемъ возможно сомнѣваться, расцвѣли, какъ и указываетъ Жильяръ, пышнымъ и ядовитымъ цвѣтомъ на прогнившей почвѣ столичныхъ «салоновъ». Кому изъ насъ, свидѣтелей этой ужасной эпохи, не приходилось слышать самыя невѣроятныя, самыя фантастическія и злостныя сплетни, всегда будто бы исходящія изъ «самыхъ авторитетныхъ источниковъ». Изъ этихъ же «источниковъ» черпаютъ свои свѣдѣнія о Россіи иностранные путешественники и, вернувшись домой, послѣ русскаго гостепріимства, обращаются въ безпощадныхъ критиковъ Царскаго режима и самого Монарха. Мы приводили выше презрительный отзывъ англійскаго генерала сэра Джона Ханбери-Вильямса объ этихъ зарвавшихся и завравшихся иностранцахъ, которые, точно провели время своего путешествія въ помойныхъ ямахъ Петрограда, «ибо иначе они не могли бы собрать свѣдѣній болѣе лживыхъ, несправедливыхъ и столь же ошибочныхъ, какъ и злостныхъ»[2]).

Этими «помойными ямами» были столичные салоны, отъ которыхъ, по словамъ Государя, неслись такіе отвратительные міазмы до самаго Царскаго Села.

Русскій «правящій классъ» и здѣсь оплевывалъ самого себя, какъ слабоумный больной, умирающій на собственномъ гноищѣ. Революціонное общество, конечно, использовало и этихъ мало-

---

[1]) M. Paléologue. La Russie des Tsars, т. I, стр. 249—250.

[2]) Major General sir John Hanbury Williams. Chief of the British Military Mission in Russia 1914—1917. The Emperor Nicolas II, as I knew Him., стр. 8.

почтенныхъ союзниковъ и отравленное оружіе, которое они ему дали въ руки, но справедливость заставляетъ признать, что тотчасъ послѣ побѣды революціи дѣятели ея отбросили эту, ставшую ненужной, клевету.

Чрезвычайная комиссія, учрежденная соціалистомъ-революціонеромъ Керенскимъ и руководимая другимъ соціалистомъ-революціонеромъ Муравьевымъ, установила, послѣ весьма тщательнаго слѣдствія, полную вздорность обвиненій, взведенныхъ на Императрицу. Князь Львовъ, въ своемъ показаніи слѣдователю Соколову, заявилъ по этому поводу, что: «однимъ изъ существенныхъ вопросовъ, которые смущали общественное мнѣніе, была вѣра въ то, что Государь, подъ вліяніемъ своей Супруги, нѣмки по происхожденію, былъ готовъ заключить сепаратный миръ и даже предпринялъ нѣкоторые шаги въ этомъ смыслѣ. Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ. Керенскій, въ своихъ докладахъ Временному Правительству, рѣшительно и съ полной убѣжденностью заявилъ, что невиновность Государя и Императрицы была безспорно установлена»[1]). Къ этому показанію можно прибавить заявленіе товарища прокурора Руднева, которому въ чрезвычайной комиссіи было поручено слѣдствіе надъ Монархами, министра юстиціи Переверзева, наконецъ, и слова самой Императрицы, которыя мы находимъ въ трогательномъ письмѣ Ея къ А. А. Вырубовой. Царская Семья узнаетъ въ Тобольскѣ о германскомъ наступленіи... Для Нея это можетъ стать спасеніемъ отъ неволи, отъ мукъ, отъ самой смерти. А Императрица пишетъ: «Такой кошмаръ, что нѣмцы должны спасти всѣхъ и порядокъ наводить. Что можетъ быть хуже и болѣе унизительно, чѣмъ это?»[2]). Такъ думала, такъ писала та, которую обвиняли въ измѣнѣ своему Отечеству въ пользу Германіи.

Въ кампанію клеветы противъ Императрицы и режима входило и другое, болѣе ядовитое обвиненіе. Тѣмъ, которыхъ нельзя было убѣдить въ предательствѣ Государыни, говорили, подчасъ даже съ притворной жалостью, о Ея пагубномъ вмѣшательствѣ въ государственныя дѣла, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Распутина. Глупая и вредная сплетня эта разсчитана была на невѣжественнаго слушателя. П. П. Стремоуховъ, въ прекрасномъ, прочувствованномъ очеркѣ своемъ: «Императрица

---

[1]) N. Sokoloff. Enquête judiciaire, стр. 105.

[2]) Письма Высочайшихъ Особъ къ А. А. Танѣевой (Вырубовой). Русская Лѣтопись, кн. IV, стр. 226. Письмо отъ 3 марта 1918 г.

Александра Өеодоровна въ Ея письмахъ»[1]), показалъ рядомъ ссылокъ на письма Государыни, насколько Ея «вмѣшательство» было всегда полезнымъ, патріотическимъ, обдуманнымъ. Здѣсь, къ сожалѣнію, нѣтъ мѣста для приведенія всѣхъ цитатъ, собранныхъ П. П. Стремоуховымъ, но читатель можетъ судить о «духѣ» совѣтовъ Императрицы хотя бы по слѣдующимъ немногимъ отрывкамъ:

«Многіе чудесные храбрые молодые люди не получили никакихъ наградъ, а высокопоставленныя лица получаютъ ордена. Такъ какъ Алексѣевъ не можетъ все дѣлать, то мой слабый мозгъ представляетъ себѣ, что можно бы поручить это нѣсколькимъ спеціалистамъ, чтобы они просмотрѣли огромный списокъ и наблюдали, чтобы не было никакихъ несправедливостей». (29 августа 1915 г.) Эта мысль «чтобы не было несправедливостей» все время заботитъ Императрицу; 24 августа того же года Она пишетъ: «Только что выяснилось, что отнынѣ доктора могутъ получать только три военныя награды, что несправедливо, такъ какъ они постоянно подвергаются опасности и до сихъ поръ множество ихъ не получало наградъ... Доктора и санитары дѣлаютъ чудеса, ихъ постоянно убиваютъ. Нельзя достаточно вознаградить тѣхъ, которые работаютъ подъ огнемъ». Она сообщаетъ Государю о всякомъ упущеніи, которое доходитъ до Ея свѣдѣнія. «Пожалуйста, скажи, чтобы кто-нибудь отправился и посмотрѣлъ четыре тяжелыя батареи, которыя уже нѣкоторое время стоятъ совсѣмъ готовыми здѣсь, въ Царскомъ Селѣ (какъ мнѣ говорятъ), никто не думаетъ о томъ, чтобы ихъ отправить». (17 сентября 1916).

«Есть еще другой вопросъ, о которомъ надо серьезно подумать», пишетъ Она 3 сентября 1915 г. — «топлива не будетъ и будетъ очень мало мяса, такъ что въ результатѣ могутъ произойти исторіи и безпорядки...» Къ вопросу продовольственному Императрица возвращается неоднократно, настаивая на регулированіи цѣнъ. «У насъ всего достаточно», пишетъ Она, «но не хотятъ подвозить, а когда подвозятъ, то цѣны для всего неприступныя».

Императрицу заботитъ и то, что дороговизна поражаетъ прежде всего бѣдныхъ людей; съ этимъ примириться Она не можетъ: «Стыдно заставлять бѣдныхъ людей такъ страдать»,

---

[1]) П. П. Стремоуховъ. Императрица Александра Өеодоровна въ Ея письмахъ. Русская Лѣтопись, кн. VI.

а въ другомъ письмѣ, говоря о повышени платы за проѣздъ на трамваяхъ, Она говоритъ: «Это несправедливо по отношенію къ нуждающимся — пусть богатые будутъ обложены, но не другіе . . .» (16 іюня 1916). Гдѣ же во всемъ этомъ «вредное вмѣшательство», гдѣ «вліяніе», «давленіе на волю Государя», «авторитетный тонъ»?

Императрица сообщаетъ Государю о томъ, что слышитъ и, если настаиваетъ на чемъ-нибудь, то всегда съ большой и чуткой нѣжностью: «Прости меня, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, я тебя обожаю слишкомъ глубоко, чтобы утомлять тебя такимъ письмомъ въ такое время, если бы душа и сердце мнѣ не подсказали его» . . .

Русская Царица работаетъ вмѣстѣ съ Государемъ на великое русское дѣло; но «салоны» недовольны, фрондируютъ и сплетничаютъ о «вмѣшательствѣ». Императрицѣ это извѣстно и Она возмущена: «Вотъ, сердятся, что я вмѣшиваюсь», пишетъ Она, — «но это мой долгъ помогать тебѣ. Даже въ этомъ обвиняютъ меня милые министры и общество, которое все критикуетъ, а сами занимаются вещами, которыя ихъ совершенно не касаются» (14 сентября 1915).

Салоны, конечно, сплетничали по природной глупости. Но политическіе круги, вѣрнѣе, ихъ руководители, ненавидѣли Императрицу не за вмѣшательство вообще, а за Ея твердыя политическія убѣжденія, за Ея вѣру въ Божественное Помазанничество Царя, за Ея необыкновенную проницательность въ отношеніи не только явныхъ, но также и тайныхъ враговъ Монархіи и Россіи.

«Никогда не забывай, что ты есть и долженъ оставаться Самодержавнымъ Императоромъ. Мы не подготовлены къ конституціонному правленію» (17 іюня 1915). «И всѣ эти министры, которые между собою ссорятся, тогда какъ всѣ должны были бы въ такое время дружно работать и забывать свои личныя обиды, имѣть цѣлью благо своего Царя и народа, — это приводитъ меня въ бѣшенство. Попросту говоря, это предательство, потому что народъ объ этомъ знаетъ, народъ чувствуетъ, что въ Правительствѣ раздоры, и лѣвые этимъ пользуются» (10 іюня 1915). Она не только обличаетъ преступность Гучкова и Родзянко, но разгадываетъ министровъ и генераловъ. «Какъ я буду радоваться, когда ты отдѣлаешься отъ Бончъ-Бруевича», пишетъ Она 28 января 1916 года, а Поливанова Она настойчиво проситъ смѣнить, т. к. «онъ просто революціонеръ подъ крылышкомъ

Гучкова». Какъ извѣстно, оба эти генерала, любимцы оппозиціи, не только измѣнили Монархамъ, но продались впослѣдствіи большевикамъ.

Оппозиція видѣла въ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ смѣлую защитницу Монархіи и Россіи, живое препятствіе къ торжеству революціи, а потому ненавидѣла Ее.

«Я спокойно и съ чистою совѣстью передъ всею Россіей отправила бы Львова въ Сибирь, Милюкова, Гучкова, Поливанова — въ Сибирь. Идетъ война и въ такое время внутренняя война есть государственная измѣна» (14 декабря 1916).

Не заключается ли въ этихъ строкахъ чуткое пониманіе историческаго момента, великой смертельной опасности, угрожавшей Россіи, и государственное твердое рѣшеніе какъ нужно ее спасти? И, если мы, прошедшіе тяжелый опытъ революціи, можемъ въ чемъ-либо не согласиться съ Императрицей, то въ томъ лишь, что преступники и предатели эти достойны были не Сибири, а висѣлицы.

Въ письмахъ Императрицы мы находимъ отпечатокъ тревожной заботы рѣшительно о всѣхъ проявленіяхъ государственной жизни и, въ особенности, о нуждахъ народа; мы находимъ проникновенное пониманіе будущихъ судебъ Россіи; подчасъ рѣзкое, но всегда вѣрное и чуткое сужденіе о дѣятеляхъ государственныхъ и общественныхъ. «Лютеранская принцесса по рожденію, Императрица восприняла Православіе съ глубиною совершенно исключительною для нашего времени. Въ этомъ отношеніи Свой долгъ Супруги православнаго Монарха Она исполнила. Монархическую идею, въ самодержавномъ ея пониманіи, Она приняла всѣмъ Своимъ существомъ . . . эту идею Она приняла, какъ велѣніе Божіе со дня священнаго коронованія и пронесла ее черезъ всѣ испытанія, борясь и страдая до послѣдняго дня Своей земной жизни, увѣнчанной мученической кончиною. Мужа и дѣтей Своихъ Она любила безумно и отдавала Имъ всю себя. Россію, простой народъ, солдатъ возлюбила всѣмъ сердцемъ . . . Враговъ Своего народа ненавидѣла, солдату служила, какъ простая сестра милосердія. Друзей Своихъ любила настойчиво и неизмѣнно. Когда девятый валъ накатился на Монархію, Она не пряталась, а приняла ударъ полною грудью. Чего же еще можно требовать отъ человѣка?»[1]).

---

[1]) П. П. Стремоуховъ. Императрица Александра Ѳеодоровна въ Ея письмахъ. Русская Лѣтопись, кн. VI, стр. 108—109.

Да, бо́льшаго отъ человѣка требовать нельзя. Но именно за эти высокія качества Императрицы и ненавидѣло Ее петербургское «общество», которое ни однимъ изъ этихъ качествъ не обладало; именно за Ея стойкость ненавидѣлъ Ее либерально-революціонный сбродъ, который справедливо видѣлъ въ Ней самую вѣрную поддержку Государя.

И клевета плелась, ширилась, распространялась, отравляя понемногу «общественное мнѣніе» и подготовляя его къ предстоящему перевороту.

Въ этихъ письмахъ, по временамъ, упоминается о совѣтахъ или указаніяхъ Распутина; Императрица, какъ мы говорили, видѣла въ немъ спасителя Своего Сына, и человѣка, одареннаго свыше способностью предвидѣнія; была ли Она неправа въ этомъ Своемъ сужденіи? Во всякомъ случаѣ, въ Распутинѣ было еще и другое: простой мужицкій здравый смыслъ, знаніе крестьянскаго быта, отраженіе народныхъ чувствъ и чаяній — все то, что самые преданные люди изъ придворнаго окруженія, самые талантливые министры, не могли сказать Императрицѣ, потому что они и сами этого не знали. Кто, кромѣ Распутина, могъ разсказать Ей о цѣнѣ трамвайныхъ билетовъ или о томъ, какъ въ булочныхъ отвѣшиваютъ хлѣбъ? Все это ускользнуло бы отъ вниманія Правительства и Монарховъ, а между тѣмъ жизнь соткана изъ этихъ мелочей. Съ точки зрѣнія нуждъ деревни Распутинъ говорилъ о несвоевременности призыва ополченія второго разряда. Былъ ли онъ и поддержавшая его Императрица не правы въ этомъ вопросѣ? «Сотни тысячъ людей болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста были бы оторваны отъ производительнаго труда и сведены въ команды, для обученія которыхъ не хватало бы офицеровъ... они стали бы только благодарнымъ элементомъ для пропаганды. Обиліе «бородачей» и ихъ роль въ революціонные дни въ тылу и на фронтѣ достаточно оправдываютъ такую точку зрѣнія»[1]).

Но Императрица видитъ въ Распутинѣ и «Божьяго человѣка», который неоднократно спасалъ Ея Сына отъ смерти. Среди окружающей лжи и лицемѣрія Она все больше и больше вѣритъ людямъ простымъ, по душѣ или по положенію. Она довѣряетъ А. А. Вырубовой — этому большому ребенку съ пре-

---

[1]) П. П. Стремоуховъ. Императрица Александра Өеодоровна въ Ея письмахъ. Русская Лѣтопись, книга VI, стр. 83.

даннымъ сердцемъ, Она вѣритъ сѣрому русскому мужику Распутину.

Такое довѣріе, но въ гораздо болѣе сильной степени, оказывали разнымъ простымъ людямъ очень многіе монархи, русскіе и иностранные. Сколько сановниковъ Россійской Имперіи начали свою карьеру тѣмъ, что «торговали блинами», «чистили Царскіе сапоги», или «пѣли на клиросѣ»? Не довѣрялъ ли Императоръ Павелъ I болѣе всего своему брадобрею Кутайсову, также, какъ другой брадобрей былъ ближайшимъ совѣтникомъ Людовика XI? Не совѣтовался ли о государственныхъ дѣлахъ съ простымъ крестьяниномъ Томасомъ Мартэнъ умнѣйшій скептикъ Людовикъ XVIII и впослѣдствіи его братъ Карлъ. X?

И такими примѣрами полна вся исторія. Однако, никто не обвиняетъ ни Петра Великаго, ни Павла I, ни Людовика XI, ни Людовика XVIII, ни Карла X, что они довѣряли мужику или брадобрею больше, чѣмъ своимъ родовитымъ сановникамъ. Почему же вдругъ такое негодованіе въ отношеніи Императора Николая II и Императрицы Александры Ѳеодоровны?

Если бы Распутина возвели въ свѣтлѣйшіе, какъ Меншикова, или въ графы, какъ Кутайсова; если бы его облачили въ шитый золотомъ мундиръ и отвели ему для жительства богатый дворецъ, то петроградская знать, многіе представители которой сами происходили изъ такихъ же выслужившихся въ разное время простолюдиновъ, потянулась бы, безъ всякаго сомнѣнія, къ новому сановнику и аристократу. Распутинъ же оставался просто мужикомъ въ поддевкѣ и потому его презирали.

Но и самое пресловутое «политическое вліяніе» его — чистѣйшій миѳъ, и тѣ, которые утверждаютъ это, не могутъ привести конкретныхъ примѣровъ такого вліянія. Совершеннѣйшая ложь, что кто-либо изъ министровъ могъ быть назначенъ или смѣщенъ по желанію Распутина.

Такъ, этому вліянію приписываютъ назначеніе А. Д. Протопопова министромъ внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности Протопоповъ былъ назначенъ по настоянію Родзянко, при чемъ кандидатура эта поддерживалась также англійскимъ королемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ Сазоновымъ и военнымъ министромъ генераломъ Шуваевымъ. Такимъ образомъ Протопоповъ былъ „persona grata“ никакъ не у «правыхъ»; его общественная карьера, положеніе товарища предсѣдателя Госу-

6*

дарственной Думы, предсѣдателя парламентской комиссіи, ѣздившей за границу, пребываніе его въ «прогрессивномъ блокѣ» — все это дѣлало его желаннымъ кандидатомъ именно оппозиціи. Ни о какомъ вліяніи Распутина на это назначеніе тогда никто, конечно, и не заикался. Клевета эта была сфабрикована тогда, когда оказалось, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ не желаетъ повиноваться указамъ Родзянко и прогрессивнаго блока, а ведетъ свою линію.

Именно въ это время, дабы скомпрометировать Протопопова, этого фаворита Государственной Думы внезапно обратили въ распутинскаго ставленника. Пусть это противорѣчило тѣмъ панегирикамъ, которые тѣ же люди столь недавно ему воспѣвали, съ этимъ родзянковская компанія не считалась.

Но если Распутинъ никого не «назначалъ», то онъ также никого и не «смѣщалъ». Графъ Коковцовъ, ярый врагъ Распутина, оставался долгіе годы предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, а И. Л. Горемыкинъ, къ которому Распутинъ относился съ уваженіемъ, пробылъ на этомъ посту сравнительно короткое время. Генералъ Воейковъ, не любившій Распутина, который платилъ ему тѣмъ же, оставался дворцовымъ комендантомъ до самой революціи. Также оставался ялтинскимъ градоначальникомъ до своей смерти генералъ Думбадзе, выславшій Распутина изъ Ялты и открытый его врагъ. Но все это не мѣшало оппозиціи утверждать, что всѣ враги и недоброжелатели Распутина платились за это своимъ положеніемъ и карьерой.

При обслѣдованіи впослѣдствіи роли Распутина Чрезвычайной слѣдственной комиссіей, никакихъ слѣдовъ вліянія Распутина на правительственныя лица и учрежденія, кромѣ записокъ съ просьбами объ ускореніи мелкихъ дѣлъ о пенсіяхъ, пособіяхъ и тому подобныхъ, найти не удалось. Эти записки писались обыкновенно «старцемъ» по утрамъ, на пріемахъ въ его маленькой квартирѣ, въ которой толпились просители. Распутинъ раздавалъ имъ горстями деньги, которыя онъ вытаскивалъ изъ кармана, а если его просили о мелкомъ заступничествѣ, то онъ тутъ же писалъ на клочкѣ бумаги свои знаменитыя записки: «Енералу Фавейку. Милай, дорогой, устрой ее. Григорій». Этимъ заканчивалось и дѣло, и «вліяніе» Распутина.

Частыя посѣщенія Распутинымъ Дворца также сплошная легенда; никто безъ вѣдома дворцоваго коменданта и началь-

ника дворцовой охраны проникнуть во Дворецъ не могъ, а оба они, и генералъ Воейковъ, и генералъ Спиридовичъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что Распутинъ бывалъ тамъ чрезвычайно рѣдко.

Не приходится говорить и о «неприличномъ поведеніи» старца во Дворцѣ, о чемъ такъ много ходило самыхъ отвратительныхъ слуховъ. Слѣдователь А. Ф. Романовъ, которому въ Чрезвычайной слѣдственной комиссіи было поручено изучить «дѣло Распутина», утверждаетъ что «тамъ (во Дворцѣ) онъ не былъ ни пьянъ, ни распущенъ. Тамъ онъ говорилъ о Богѣ и нуждахъ народныхъ»[1]). О другихъ слухахъ, позорящихъ уже самую Императрицу и связанныхъ съ именемъ Распутина, А. Ф. Романовъ отзывается какъ о «гнусной легендѣ», о «нелѣпости, которую стыдно даже опровергать», о «позорной клеветѣ, которая заставляла, какъ показали свидѣтели, несчастную Царицу плакать цѣлыя ночи горькими, безсильными слезами».

Такова была дѣйствительность, но оппозиція полагала, что въ Распутинѣ она имѣетъ крупный козырь противъ Государя и Императрицы, при условіи, конечно, должной обработки общественнаго мнѣнія. И эта обработка шла усиленнымъ темпомъ. О безграничномъ вліяніи Распутина на Государя, о его постоянныхъ посѣщеніяхъ Дворца, объ его оргіяхъ плелись цѣлыя легенды съ невѣроятными унизительными подробностями. Источникомъ этихъ легендъ были «салоны» и думскіе круги во главѣ съ Родзянко.

Сознавая, однако, безпочвенность всѣхъ этихъ обвиненій, Родзянко дѣятельно занялся составленіемъ «дѣла» о Распутинѣ. Къ этой работѣ была привлечена цѣлая комиссія: Гучковъ, Бадмаевъ, Родіоновъ и другіе. Тутъ всѣ средства были пущены въ ходъ; графъ Сумароковъ добывалъ «свѣдѣнія» черезъ своего агента за границей, Родіоновъ доставилъ выкраденныя будто бы письма Императрицы и Великихъ Княженъ, князь Юсуповъ доносилъ о томъ, что происходитъ во Дворцѣ. Великимъ информаторомъ этой тайной компаніи былъ монахъ-разстрига, извѣстный скандалистъ Иліодоръ, личный врагъ Распутина.

Къ шпіонству, клеветѣ и кражѣ Родзянко и его компанія прибавили подлогъ; такъ, напримѣръ, по рукамъ ходила отпеча-

---

[1]) А. Ф. Романовъ. Императоръ Николай II и Его Правительство (по даннымъ Чрезвычайной слѣдственной комиссіи), Русская Лѣтопись, книга II, стр. 1—38.

танная въ громадномъ количествѣ экземпляровъ «фотографія, на которой, въ обстановкѣ оконченнаго обѣда или ужина — столъ съ остатками ѣды, недопитыми стаканами, — изображены Распутинъ и какой-то священникъ съ какими-то смѣющимися женщинами; сзади ихъ балалаечники. Впечатлѣніе кутежа въ отдѣльномъ кабинетѣ. При ближайшемъ изслѣдованіи этой фотографіи Чрезвычайной слѣдственной комиссіей было обнаружено, что на ней вытравлены двѣ мужскія фигуры: одна между Распутинымъ и стоящей рядомъ съ нимъ сестрой милосердія, а другая — между священникомъ и стоящей рядомъ съ нимъ дамой. Въ дальнѣйшемъ оказалось, что фотографія была снята въ лазаретѣ имени Императрицы послѣ завтрака по поводу открытія. «Два лица» взяли подъ руки — одинъ Распутина и сестру милосердія, а другой — священника и одну даму, привели ихъ въ столовую, старались ихъ разсмѣшить и въ такомъ видѣ сфотографировалъ ихъ заранѣе приглашенный фотографъ. Затѣмъ иниціаторы вытравили свои изображенія и предполагали представить фотографію Императрицѣ въ доказательство безпутнаго поведенія Распутина»[1]).

Пресловутому монаху-разстригѣ Иліодору, сбѣжавшему заграницу, была заказана книга «разоблаченій» о Распутинѣ. Сочиненіе это, вышедшее подъ трескучимъ названіемъ «Святой чортъ», содержало рядъ телеграммъ съ номерами и датами, которыми Распутинъ будто бы обмѣнивался съ Высокими Особами. Чрезвычайная слѣдственная комиссія установила, что всѣ эти телеграммы подложныя и никогда посылаемы не были.

Но этимъ подлоги не ограничились. Родзянковская компанія надѣялась шантажировать Государя выкраденнымъ письмомъ Императрицы къ Распутину. Но это письмо оказалось столь чистымъ и благороднымъ, что оно могло бы служить только къ чести Императрицы, потому Родзянко рѣшилъ его утаить, а въ обращеніе были пущены подложныя «копіи» этого письма, совершенно иного содержанія.

Вдовствующая Императрица Марія Өеодоровна, узнавъ о существованіи украденнаго письма, потребовала его у Родзянко. Когда же послѣдній въ этомъ Ей отказалъ, Она спросила:

«Не правда ли, вы его уничтожите?»

---

[1]) А. Ф. Романовъ. Императоръ Николай II и Его Правительство. Русская Лѣтопись, книга II, стр. 19.

«Да, Ваше Величество, я его уничтожу», обѣщалъ Родзянко и тутъ же прибавляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «это письмо и по сейчасъ у меня»[1]).

Предсѣдатель Государственной Думы солгалъ Императрицѣ, какъ онъ лгалъ всюду и вездѣ.

Впослѣдствіи, уже въ эмиграціи, раскаяніе, проснувшаяся совѣсть или просто страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ заставили Родзянко сдѣлать слѣдующее заявленіе: «Я самымъ рѣшительнымъ и категорическимъ образомъ отбрасываю появившіяся въ послѣдніе дни царствованія Николая II недостойныя и грязныя инсинуаціи на Царскую Чету, всѣ тѣ памфлеты бульварнаго характера, которые принимались легко на вѣру взбудораженной толпой... Да будетъ грѣшно и позорно не только тѣмъ, кто это говорилъ, но и тѣмъ, кто смѣлъ тому повѣрить»[2]).

Нельзя произнести надъ самимъ Родзянко болѣе строгаго осужденія нежели то, которое заключается въ этихъ словахъ.

Но вся эта клеветническая дѣятельность Думской группы была только подготовкой: чтобы превратить ее во всероссійскій скандалъ былъ задуманъ слѣдующій планъ: Распутина обвинятъ въ печати въ хлыстовствѣ; такъ какъ «старцу» уже была создана репутація близкаго къ Царской Семьѣ человѣка, то обвиненіе его въ принадлежности къ запрещенной закономъ сектѣ ляжетъ тѣнью, въ глазахъ православныхъ, и на самого Царя. Если брошюру или газету конфискуютъ, то въ Государственной Думѣ будетъ сейчасъ же предъявленъ Правительству запросъ, при обсужденіи котораго, съ парламентской каѳедры, возможно будетъ, черезъ Распутина, чернить и поносить Государя и Императрицу.

Все это было разыграно въ точности. Была написана невѣроятно пасквильная брошюра, которую, въ выдержкахъ, помѣстили и въ Гучковскомъ «Голосѣ Москвы»; пасквиль и номеръ газеты были, конечно, изъяты изъ обращенія и въ Государственной Думѣ былъ внесенъ запросъ. Обвиненіе Распутина въ сектантствѣ было совершенно вздорное; Чрезвычайная слѣдственная комиссія, въ своемъ стремленіи найти улики противъ Распутина, поручила разсмотрѣніе этого вопроса профессору Московской

---

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Архивъ Русской Революціи. Томъ XVII, стр. 39—42.

[2]) М. В. Родзянко. Тамъ же, стр. 20 и 26.

Духовной академіи по каѳедрѣ сектантства Громогласову, который по изслѣдованіи всего имѣющагося матеріала пришелъ къ заключенію, что ни въ поступкахъ, ни въ словахъ и писаніяхъ Распутина нѣтъ ни малѣйшаго признака хлыстовства[1]).

Все же, съ такимъ легковѣснымъ обвинительнымъ матеріаломъ Родзянко дерзнулъ поѣхать къ Государю. Судить объ этомъ пріемѣ мы можемъ только по запискамъ самого Родзянко, отличающимся вообще тономъ нестерпимаго хвастовства; но, какъ человѣкъ неумный, онъ не могъ и не умѣлъ искажать правду достаточно тонко, чтобы дѣлать ложь правдоподобной; поэтому сквозь бахвальство и выдумки, въ разсказѣ Родзянко все же просвѣчиваетъ канва дѣйствительныхъ фактовъ, а иногда даже прорываются по истинѣ изумительныя признанія.

Эти свойства родзянковскихъ повѣствованій и позволяютъ намъ судить о томъ, насколько докладъ его вышелъ неудачнымъ и конфузнымъ для него.

Государь былъ широко образованъ; Онъ особенно хорошо былъ освѣдомленъ въ вопросахъ церковныхъ и религіозныхъ. Ему не трудно было сразу убѣдиться во всей вздорности обвиненія Распутина въ хлыстовствѣ; выслушавъ внимательно Родзянко, Онъ задалъ ему нѣсколько простыхъ и мѣткихъ вопросовъ, смутившихъ обвинителя.

Растерявшійся Родзянко сослался на брошюру Михаила Новоселова и сразу перешелъ къ другому обвиненію: Распутинъ агентъ масоновъ; и, увидѣвъ недоумѣніе Царя передъ этой новой нелѣпостью, Родзянко пустилъ въ ходъ послѣднее отравленное средство: присутствіе Распутина грозитъ серьезной опасностью для Наслѣдника.

Ударъ былъ разсчитанъ вѣрно — поразить Государя въ Его отцовское сердце. И Царь, по словамъ Родзянко, взволновался. Но на Его вопросъ объ основаніяхъ для опасеній, Родзянко отвѣчать было нечего; его воображеніе отказалось придти ему на помощь [2]).

Родзянко, несмотря на всю свою наглость, не рѣшился сказать Государю о другомъ слухѣ, который въ то время усиленно

---

[1]) В. М. Рудневъ. Правда о Царской Семьѣ. Русская Лѣтопись, кн. II, стр. 43—44.

[2]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи, стр. 45.

распространялся въ «обществѣ»: Распутинъ — нѣмецкій агентъ. Такое прямое обвиненіе, конечно, вызвало бы тотчасъ же строгое разслѣдованіе, чего Родзянко именно не хотѣлъ, ибо вся сплетенная клевета могла распространяться, какъ плѣсень, только въ темнотѣ и неминуемо исчезла бы при яркомъ свѣтѣ. Но слухъ, пущенный о шпіонской дѣятельности Распутина и объ его стараніяхъ убѣдить Государя заключить сепаратный миръ, держался такъ упорно, что, несмотря на его вздорность, французскій посолъ Палеологъ нашелъ нужнымъ слухъ провѣрить. Онъ встрѣтился съ Распутинымъ въ одномъ частномъ домѣ и имѣлъ съ нимъ разговоръ, который произвелъ на него столь благопріятное впечатлѣніе, что собесѣдники, разставаясь, обнялись [1]). Но личными впечатлѣніями посолъ не ограничился. «Я организовалъ вокругъ Распутина сѣть наблюденій и информацій; смѣю думать, что я былъ прекрасно освѣдомленъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ; никогда я не получилъ малѣйшаго указанія на то, что онъ, будто бы, толкалъ Государя на заключеніе съ германцами сепаратнаго мира».

И когда Палеологъ объ этомъ прямо спросилъ самого Распутина, то «старецъ» столь же прямо ему отвѣтилъ: «Дураки есть вездѣ. Я постоянно говорю Государю, что мы должны воевать до побѣднаго конца».

«Вотъ какъ Распутинъ говорилъ о войнѣ въ своихъ бесѣдахъ съ Государемъ и Императрицей, и этому я имѣю еще и другія доказательства», заканчиваетъ свой разсказъ Палеологъ.

Люди, имѣющіе здоровую голову на плечахъ, конечно не вѣрили въ «измѣну» Распутина. Но «дураки», по выраженію Распутина, могли вѣрить, и этимъ создавалась та атмосфера, которая и нужна была заговорщикамъ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ клеветническихъ обвиненій: «Распутинъ нѣмецкій агентъ, Распутинъ управляетъ Россіей», «дураки» выводили заключеніе,

---

[1]) Такъ разсказываетъ Палеологъ этотъ случай въ своихъ воспоминаніяхъ, появившихся въ 1924 г. подъ названіемъ «La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre», т. I, стр. 308—311. Впослѣдствіи, въ другомъ своемъ сочиненіи „Alexandra Féodorovna, Impératrice de Russie“, изданномъ въ 1932 г., бывшій посолъ повторяетъ свой разсказъ о встрѣчѣ съ Распутинымъ, но, подъ вліяніемъ «общественнаго мнѣнія», уснащаетъ его нѣсколькими бранными словами по адресу «старца» и скромно умалчиваетъ объ объятіяхъ съ нимъ (стр. 145—146).

что нѣмецкій агентъ управляетъ Россіей, а такъ какъ такое положеніе, конечно, терпимо быть не можетъ, то, слѣдовательно, нужно сдѣлать революцію. Но этой же клеветой Распутина прямо подводили подъ револьверъ убійцъ, заранѣе давъ имъ отпущеніе за уничтоженіе «нѣмецкаго агента». Этимъ именно впослѣдствіи и оправдывался князь Юсуповъ въ своихъ французскихъ воспоминаніяхъ. Онъ подтверждаетъ свое обвиненіе Распутина слѣдующимъ фактомъ: однажды, будучи у Распутина, онъ увидѣлъ, какъ онъ разговариваетъ въ столовой съ нѣсколькими «подозрительными лицами»: «Четверо изъ нихъ были опредѣленно еврейскаго типа. Трое другихъ странно походили другъ на друга: у нихъ былъ красноватый цвѣтъ лица, свѣтлые волосы и маленькіе глаза... Они что-то записывали, вытаскивали бумажки изъ кармановъ и пересмѣивались»[1]). Сомнѣнія нѣтъ, — это были нѣмецкіе шпіоны, и князь тотчасъ же рѣшилъ Распутина убить.

Трудно допустить все-таки, чтобы князь Юсуповъ могъ повѣрить хотя на одну минуту, что Распутинъ сталъ бы принимать семь нѣмецкихъ агентовъ у себя на квартирѣ, находящейся днемъ и ночью подъ неусыпнымъ наблюденіемъ цѣлаго штата сыщиковъ, которые не только стояли у воротъ, но и на лѣстницѣ и даже въ передней, записывая имена всѣхъ посѣтителей и точный часъ ихъ прихода и ухода. Но тѣмъ не менѣе князь Юсуповъ распространялъ по Петрограду, что Распутинъ измѣнникъ и что онъ въ этомъ лично убѣдился. Какъ «дураки» могли бы не вѣрить столь родовитому свидѣтелю, къ тому же свойственнику Династіи?

Между тѣмъ оппозиція, пользуясь отравленнымъ оружіемъ, сама была весьма близка къ измѣнѣ. Самый переворотъ во время войны былъ измѣной, а къ тому же этотъ переворотъ, спасавшій Германію отъ гибели, былъ совершенъ не безъ участія нѣмецкихъ денегъ. Мало того, многіе изъ «дѣятелей» оппозиціи проявляли тогда же необыкновенную «симпатію» къ непріятелю. Керенскій, какъ извѣстно, былъ пораженецъ; его другъ Муравьевъ, впослѣдствіи предсѣдатель Чрезвычайной комиссіи, состоялъ открыто, во время войны, повѣреннымъ нѣмецкихъ фирмъ. Внесенный въ Государственную Думу

---

[1]) Prince F. Youssoupoff. La fin de Raspoutine, стр. 125.

законопроектъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія въ Россіи таинственно тормозился, и бюро прогрессивнаго блока отстранило даже докладчика по этому законопроекту, князя Мансырева. Несмотря на требованіе націоналистовъ, Милюковско-Гучковское большинство Думы отказывалось исключить депутата Лемпицкаго, поступившаго въ германскую армію и сражавшагося противъ Россіи.

Конечно, можно и должно отдать справедливость преданности Престолу и Россіи русскихъ вѣрноподданныхъ, выходцевъ изъ Германіи; ничего не было и не могло быть болѣе нелѣпаго какъ господствовавшее тогда въ нѣкоторыхъ кругахъ «внутреннее германофобство». Но лицемѣріе оппозиціи въ этомъ и заключалось, что, тайно потворствуя непріятелю, оно обвиняло, вмѣстѣ съ тѣмъ, Правительство и самую Императрицу въ «нѣмецкихъ симпатіяхъ».

Къ стыду для Великобританіи, ея посолъ, какъ мы уже говорили, опозорился участіемъ въ заговорѣ противъ Правительства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ. Англійское посольство сдѣлалось конспиративнымъ центромъ, въ которомъ велся подкопъ подъ русскую Монархію и мощь Россіи. Конечно, сэръ Джорджъ Бьюкененъ весьма мало интересовался формой правленія въ Россіи. Его озабочивалъ только вопросъ о Константинополѣ и Дарданеллахъ и господствующемъ вліяніи Россіи на послѣвоенномъ мирномъ конгрессѣ. Къ этому моменту Англіи нужна была не Россія сильная, а Россія слабая, и посолъ заранѣе готовъ былъ поддержать всякое правительство, которое согласилось бы отказаться отъ условій, заключенныхъ между союзниками въ пользу Россіи.

Конечно, ни Государь, ни Его Правительство никогда не пошли бы на такое малодушное предательство русскихъ интересовъ, но «либеральное» общество смотрѣло на этотъ вопросъ иначе. Въ то время, какъ Государь подчинялъ политику національнымъ интересамъ Россіи, «общество» подчиняло эти интересы успѣху революціи.

Палеологъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ поразительное безразличіе, съ которымъ Государственная Дума относилась къ результатамъ для Россіи побѣдной войны. «Параграфъ министерской декларації, касающійся Константинополя,

не вызвалъ отзвука ни въ публикѣ, ни въ Думѣ», записываетъ онъ 4 декабря 1916 года. «Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я наблюдаю въ народной душѣ это постепенное исчезновеніе византійской мечты». А въ салонахъ столицы безъ обиняковъ заявляютъ послу, что «никто больше не думаетъ о Константинополѣ»[1]). Такимъ образомъ, легко можно понять, почему англійскій посолъ поддерживалъ тѣхъ, кто «не думали больше о Константинополѣ», противъ Того, Кто думалъ о Царьградѣ, какъ о русскомъ оплотѣ на Ближнемъ Востокѣ.

27 октября 1916 года, на банкетѣ англо-русскаго общества британскаго флага, Бьюкененъ произнесъ рѣчь, въ которой, говоря о цѣляхъ войны, онъ ни намекомъ не упомянулъ о Константинополѣ и о проливахъ. Въ отвѣтной своей рѣчи, полной цвѣтистыхъ комплиментовъ по адресу Англіи, Родзянко также обошелъ молчаніемъ историческія стремленія Россіи, осуществленіе которыхъ было ей обѣщано союзниками. Такимъ образомъ, молчаливый сговоръ между посломъ и оппозиціей состоялся; будущее революціонное правительство отказывалось отъ Константинополя; три милліона русскихъ солдатъ отдали свою жизнь напрасно.

Но недостаточно было заручиться согласіемъ новаго режима; нужно было еще нанести смертельный ударъ власти существующей и правящей. Этой-то цѣли сэръ Джорджъ и посвятилъ вторую часть своей рѣчи. Прозрачными намеками упомянулъ онъ о какомъ-то заговорѣ, будто бы существующемъ въ пользу заключенія сепаратнаго мира, и, наконецъ, весьма дерзко заявилъ, что недостаточно одержать побѣду на полѣ брани, но что нужно еще побѣдить и внутреннихъ враговъ. Всѣ поняли, о комъ шла рѣчь: внутренніе враги — это Государь и Его Правительство.

Эта наглая рѣчь зарвавшагося британца и послужила трамплиномъ для знаменитаго Милюковскаго выступленія 1 ноября въ Государственной Думѣ. Вотъ что было условлено для этой манифестаціи. Нѣсколько членовъ Думы, изъ крайнихъ лѣвыхъ, обрушатся съ рѣзкими нападками на предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюрмера, обвиняя его въ измѣнѣ. Милюковъ под-

---

[1]) M. Paléologue. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, т. III, стр. 107.

хватитъ это обвиненіе, ссылаясь на рѣчь Бьюкенена, и закончитъ выпадомъ противъ Императрицы. Но, осторожности ради, Милюковъ формулируетъ это обвиненіе въ видѣ оглашенія цитаты изъ нѣмецкой газеты, въ которой говорилось, что назначеніе Штюрмера произошло по желанію Императрицы: «Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert».

Такимъ образомъ изъ рѣчи Милюкова выходило, что Императрица поддерживала измѣнниковъ. Однако, Родзянко, струсивъ, отказался взять подъ свою отвѣтственность эту манифестацію Милюкова. Послѣ своей вступительной рѣчи онъ заявилъ себя нездоровымъ и передалъ предсѣдательствованіе товарищу предсѣдателя Варунъ-Секрету, который, впослѣдствіи, отговорился тѣмъ, что не понялъ цитаты Милюкова и потому его и не остановилъ.

Эта мерзкая комедія была разыграна въ точности; Родзянко ушелъ, и Милюковъ могъ безпрепятственно произнести свою «историческую» рѣчь, въ которой онъ, передъ націей и арміей, бросалъ въ русское Правительство и въ русскую Императрицу самую злостную и подлую клевету.

Рѣчь эта, по справедливости, разсматривается какъ «штурмовой сигналъ» русской революціи.

Въ ту же ночь Родзянко получилъ отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь Михаилъ Владиміровичъ.

До свѣдѣнія моего дошло, что въ сегодняшнемъ засѣданіи Государственной Думы, членъ Думы Милюковъ въ своей рѣчи позволилъ себѣ прочитать выдержку изъ газеты, издающейся въ одной изъ воюющихъ съ нами странъ, въ которой упоминалось Августѣйшее имя Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ недопустимомъ сопоставленіи съ именами нѣкоторыхъ другихъ лицъ, при чемъ со стороны предсѣдательствовавшаго не было принято никакихъ мѣръ воздѣйствія.

Придавая совершенно выдающееся значеніе этому обстоятельству, небывалому въ лѣтописяхъ Государственной Думы, и не сомнѣваясь въ томъ, что вами будутъ приняты рѣшительныя мѣры, я былъ бы весьма признателенъ вашему превосходитель-

ству, если бы вы сочли возможнымъ увѣдомить меня о поставленномъ рѣшеніи вами»[1]).

Съ своей стороны, министръ двора графъ Фредериксъ написалъ Родзянко, призывая его къ приличію, напоминая ему, что онъ имѣетъ честь носить званіе камергера Высочайшаго Двора, а также просилъ его увѣдомить о томъ, что онъ имѣетъ въ виду предпринять по поводу упоминанія Царскаго имени въ рѣчи Милюкова.

Одновременно Штюрмеръ, въ другомъ письмѣ, просилъ доставить ему копію стенограммы безъ цензуры предсѣдателя, сообщая, что рѣчь Милюкова можетъ быть предметомъ судебнаго преслѣдованія.

Дѣло принимало тревожный оборотъ. Родзянко, одинаково трусившій и предъ своими строгими сообщниками и передъ Правительствомъ, офиціально отвѣтилъ обоимъ министрамъ, что онъ не обязанъ передъ ними отчитываться, но все же не посмѣлъ не послать полной стенограммы, а Фредериксу поспѣшилъ секретно написать, обѣщая ему исключить изъ этой стенограммы выраженія, касающіяся Императрицы. Но и тутъ Родзянко, по обыкновенію, солгалъ: офиціально фразы эти были выпущены, но, въ дѣйствительности, громадное количество экземпляровъ рѣчи Милюкова, въ неизмѣненномъ видѣ, было отпечатано и распространено по всей Россіи.

Читавшіе ее думали, что въ Государственной Думѣ Милюковъ долженъ былъ говорить иносказательно и вкладывали въ его рѣчь больше, чѣмъ въ дѣйствительности было сказано. Для отвѣтственнаго заявленія «испытаннаго вождя оппозиціи» должны были, очевидно, имѣться солидныя данныя. И никто не могъ предполагать, что у Милюкова, въ сущности, никакихъ матеріаловъ не было, что рѣчь его переполнена была сплетнями, что канвой для этой рѣчи (по утвержденію Милюкова) послужили показанія авантюриста — арестованнаго Манасевича-Мануилова — дошедшія до парламентской трибуны черезъ третьи руки — и безотвѣтственныя цитаты изъ вѣнской газеты «Neue Freie Presse». Надо признать, что въ историческомъ аспектѣ «зна-

---

[1]) Текстъ этого письма приведенъ въ статьѣ Родзянко «Крушеніе Имперіи» (Арх. Русск. Рев., т. XVII, стр. 147). Однако, нѣкоторая неуклюжесть слога позволяетъ думать, что письмо приведено Родзянко въ измѣненномъ видѣ.

менитая» рѣчь поражаетъ своей необоснованностью во всѣхъ частяхъ»[1]).

Вся эта возмутительная провокація и непонятное безучастіе власти, которая такъ и не рѣшилась преслѣдовать виновниковъ, вызвали въ національныхъ кругахъ сильное возмущеніе. Даже старый революціонеръ В. Л. Бурцевъ, хорошо освѣдомленный объ источникахъ Милюкова, былъ глубоко возмущенъ его выходкой и тогда же заявилъ: «Рѣчь историческая, но она вся построена на лжи»[2]). Такимъ образомъ подготавливалась буря, которая вскорѣ разразилась.

Въ засѣданіи Думы 22 ноября, членъ Думы Н. Е. Марковъ II-ой, отвѣчая, между прочимъ, на рѣчь Милюкова, показалъ, ссылаясь на документы, всю подоплеку затѣянной провокаціи. Рѣчь Маркова не могла поколебать, конечно, распропагандированнаго и революціонно-настроеннаго большинства Думы, но отзвуки ея въ общественномъ мнѣніи могли оказаться весьма нежелательными для престижа оппозиціи. Необходимо было заставить оратора замолчать; для этого были пущены въ ходъ обычные «культурные» пріемы парламента: крики, свистки, ругательства, стукъ пюпитровъ. Напрасный трудъ! Марковъ II-ой, казалось, приросъ къ кафедрѣ всей своей грузной фигурой и невозмутимо продолжалъ свои разоблаченія, которыя приходилось записывать стенографисткамъ. Оставалось одно средство: лишить оратора слова. Внимательно слѣдившій за рѣчью, Родзянко ждалъ удобнаго момента. И въ то время, какъ Марковъ бросилъ одному изъ крикуновъ: «Стемпковскій, успокойтесь!», Родзянко остановилъ его и лишилъ слова. Фокусъ былъ продѣланъ и Милюковъ оказался избавленнымъ отъ непріятнаго оппонента.

Возмущенный этимъ произволомъ, сознавая себя жертвой самаго грубаго злоупотребленія предсѣдательской властью, Н. Е. Марковъ, обернувшись къ Родзянко, бросилъ ему въ лицо: «Вы старый дуракъ и мерзавецъ!»[3]).

---

[1]) С. Мельгуновъ. На путяхъ къ дворцовому перевороту, стр. 72.

[2]) Тамъ же, стр. 72.

[3]) Весь этотъ инцидентъ приведенъ по газетнымъ отчетамъ, по статьѣ Родзянко «Крушеніе Имперіи» и по разсказу Маркова II-го, сдѣланному послѣднимъ лично автору. Слѣдуетъ замѣтить, что слова Маркова II-го: «Вы старый дуракъ» были исключены изъ стенограммы по распоряженію Родзянко, который предпочелъ сохранить слово «мерзавецъ».

Родзянко поблѣднѣлъ и замеръ въ недоумѣніи, графъ Бобринскій, сидѣвшій рядомъ, въ страхѣ схватился за графинъ. Потомъ, оправившись, Родзянко позвонилъ и сказалъ громкимъ голосомъ:

«Депутатъ Марковъ II-й позволилъ себѣ тяжело оскорбить предсѣдателя Думы въ безпримѣрныхъ выраженіяхъ. Поэтому я передаю предсѣдательствованіе старшему товарищу, который доложитъ Государственной Думѣ весь инцидентъ и предложитъ его обсудить». Поднялась суматоха, многіе не разслышали словъ Маркова и не понимали, что случилось. Послышались возгласы, вопросы: «Какъ онъ оскорбилъ? что онъ сказалъ?»

Графъ Бобринскій, принявъ предсѣдательствованіе, сообщилъ Думѣ о происшедшемъ и предложилъ примѣнить къ Маркову II-му «высшую мѣру» дисциплинарнаго взысканія, исключеніе на 15 засѣданій, что и было сдѣлано.

По существующимъ правиламъ, провинившіеся депутаты могли представить Думѣ свои объясненія, которыя сводились обыкновенно къ смягченію своего проступка. Когда же слово было предоставлено Маркову, онъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Я подтверждаю то, что я сказалъ. Я хотѣлъ оскорбить вашего предсѣдателя и, въ его лицѣ, я хотѣлъ оскорбить васъ, господа. Здѣсь были произнесены слова оскорбленія Высокихъ Лицъ и вы на нихъ не реагировали, въ лицѣ вашего предсѣдателя, пристрастнаго и непорядочнаго... я оскорбляю всѣхъ васъ»[1]).

Случись выступленіе Маркова два года, или хотя годъ передъ этимъ, впечатлѣніе отъ него было бы совершенно другое. Но за это время политическое разложеніе пошло быстрымъ темпомъ; правая группа, и такъ никогда особеннымъ вліяніемъ не пользовавшаяся, почти совершенно завяла; нѣкоторые изъ ея наиболѣе талантливыхъ представителей: Пуришкевичъ, Шульгинъ, почуявъ возможную гибель монархическаго корабля, поспѣшили перебраться на болѣе надежный, по ихъ мнѣнію, корабль революціи. На правыхъ скамьяхъ Думы оставалась группа перепуганныхъ, потерявшихъ вѣру въ себя, людей. Бо́льшая часть изъ нихъ, уступая давленію большинства, малодушно отреклись отъ Н. Е. Маркова, нѣкоторые вышли даже совсѣмъ изъ фракціи.

---

[1]) М. В. Родзянко. «Крушеніе Имперіи». Арх. Русск. Рев., т. XVII, стр. 150.

Въ то же время оппозиція какъ всегда сумѣла раздуть весь инцидентъ, исказить его смыслъ, представить Родзянко въ роли жертвы долга, создать шумиху въ цѣляхъ возвеличенія Думы и посрамленія «правыхъ». На Родзянко посыпались визиты сочувствія, письма, телеграммы, карточки, и эта единственная попытка опровергнуть клевету на Императрицу была сорвана дружными усиліями «передового» общества.

Нѣсколько дней спустя, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ убійственную для оппозиціи рѣчь. Съ цифрами въ рукахъ, ораторъ показалъ, что столь прославленныя «общественныя организаціи», будто бы снабжавшія армію вмѣсто неспособнаго Царскаго Правительства, въ дѣйствительности почти ничего для войны не сдѣлали. Такъ, напримѣръ, военно-промышленный комитетъ, управляемый Гучковымъ, едва оказался въ состояніи поставить полтора процента всѣхъ артиллерійскихъ заказовъ, которые были выполнены казенными заводами. «Оппозиція дѣлаетъ все для войны», сказалъ Н. А. Маклаковъ, «но для войны съ порядкомъ; она все дѣлаетъ для побѣды, но для побѣды надъ Правительствомъ. Здѣсь, въ тылу, пытаются обмануть Россію, но мы ее не предадимъ. Мы ей служили, мы вѣрили въ нее и съ этимъ чувствомъ мы будемъ бороться и умремъ за нее».

Пророческія слова! Двадцать мѣсяцевъ спустя Н. А. Маклаковъ, вѣрный присягѣ и долгу, доблестно палъ отъ пуль враговъ своего отечества — большевиковъ; въ это же время «герои революціи» — Керенскіе, Милюковы, Гучковы и Родзянки малодушно бѣжали изъ Россіи, спасаясь отъ зажженнаго ими же пожара.

Первые же дни вступленія Государя Императора въ Верховное Главнокомандованіе ознаменовались большой побѣдой на юго-западномъ фронтѣ.

Арміи Лечицкаго, Щербачева и Брусилова подъ общимъ водительствомъ генералъ-адъютанта Иванова, внезапно для австрійцевъ, перешли въ контръ-наступленіе и, потѣснивъ ихъ, взяли до 150 тысячъ плѣнныхъ.

Эта побѣда имѣла своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ остановку всего катастрофическаго отступленія русскихъ армій въ лѣтнюю кампанію 1915 года.

Съ момента принятія на себя Верховнаго Главнокомандованія, Государь занялся подготовкой широкой операціи, которая

должна была рѣшить судьбу войны. Въ самомъ началѣ войны пришлось отказаться, по настоятельной просьбѣ французовъ, отъ выполненія плана, выработаннаго генеральнымъ штабомъ, и перейти въ энергичное наступленіе въ Восточной Пруссіи для облегченія французскаго фронта, тѣснимаго нѣмцами. Россіи это стоило арміи Самсонова, погибшаго въ бою, но за то Франція была спасена на Марнѣ. Теперь же предстояло предпринять новое наступленіе, единовременно на трехъ русскихъ фронтахъ: сѣверномъ, западномъ и юго-западномъ. Этотъ планъ, разсмотрѣнный на военномъ совѣтѣ 14 апрѣля 1916 года, былъ утвержденъ Государемъ и выполненіе его было назначено на середину іюня.

Главный ударъ опять направлялся по нѣмцамъ, а именно долженъ былъ наноситься западнымъ фронтомъ въ направленіи на Вильно, на юго-западный же фронтъ выпадала второстепенная задача привлечь на себя вниманіе наступленіемъ въ направленіи на Ковель. Но судьбѣ угодно было разрушить планъ русскаго штаба.

6 и 8 мая итальянская армія, атакованная австрійцами, потерпѣла два серьезныхъ пораженія. Положеніе становилось весьма тревожнымъ, и итальянское главное командованіе стало настойчиво добиваться, какъ непосредственно, такъ и черезъ генерала Жоффра, немедленнаго наступленія русскихъ силъ на Австрію, въ помощь погибающей Италіи. Докладывая объ этомъ Государю, Алексѣевъ указывалъ, что «выполненіе немедленной атаки, согласно настояній итальянской главной квартиры, неподготовленное и, при неустранимой нашей бѣдности въ снарядахъ тяжелой артиллеріи, производимое только во имя отвлеченія вниманія и силъ австрійцевъ отъ итальянской арміи, не обѣщаетъ успѣха. Такое дѣйствіе поведетъ только къ разстройству нашего плана во всемъ его объемѣ»[1]).

Приходилось еще разъ рѣшать вопросъ: готовить ли русскую побѣду или спасать союзниковъ. Все болѣе и болѣе настойчивыя домоганія итальянцевъ и личная телеграмма короля Виктора Эммануила Государю вынудили Алексѣева, съ разрѣшенія Государя, опередить назначенный срокъ для наступленія на юго-западномъ фронтѣ. Побѣдное наступленіе Брусилова, начавшееся 22 мая, дѣйствительно спасло Италію отъ разгрома и

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ ген. Алексѣева отъ 13 мая 1916 г. (Монархія передъ крушеніемъ. 1914—1917. Гос. изд. 1927, стр. 250.)

вызвало выступленіе Румыніи, но задуманная и подготовленная операція на всѣхъ фронтахъ, какъ предвидѣлъ генералъ Алексѣевъ, не могла осуществиться и Россія потеряла лишній годъ войны. Роковой годъ! Не будь этой задержки, не восторжествовала бы революція [1]).

Къ концу 1916 года положеніе на всѣхъ фронтахъ укрѣпилось, снаряды доставлялись въ достаточномъ количествѣ, части были комплектованы и Ставка готовила, къ началу 1917 года, рѣшительную кампанію противъ обезсилѣвшей Германіи.

Между тѣмъ, все усиливавшаяся оппозиція со стороны Государственной Думы угрожала сорвать осуществленіе этого плана и парализовать дѣятельность Правительства. Передъ Государемъ встала необходимость принять неотложное рѣшеніе: или нанести крамольной шайкѣ, подрывающей побѣду, сокрушительный ударъ, разогнать Думу и обратиться съ воззваніемъ прямо къ населенію; или же войти съ оппозиціей въ соглашеніе, дабы выиграть время, необходимое для окончанія войны. Первый способъ былъ, конечно, и проще и вѣрнѣе; всѣ лидеры оппозиціи, смѣлые на словахъ, были весьма робки на дѣлѣ, что они и доказали впослѣдствіи, когда власть оказалась въ ихъ рукахъ. Одна возможность военной диктатуры приводила ихъ въ трепетъ; осуществленіе же этой угрозы разсѣяло бы какъ дымъ весь оппозиціонный духъ.

Но въ то время Государь могъ еще предполагать, какъ многіе, что рѣшительныя дѣйствія Правительства вызовутъ хотя бы нѣкоторый отпоръ, волненія, выступленія, которыя придется подавить силой. Такое подобіе гражданской войны, такое пролитіе русской крови въ тылу, въ то время когда она лилась на фронтѣ, были для Государя предположеніемъ совершенно недопустимымъ. По натурѣ стойкій въ Своихъ убѣжденіяхъ, но мягкій въ Своихъ дѣйствіяхъ, Государь съ самаго начала войны держался политики примиренія съ Государственной Думой и уступокъ ея требованіямъ. Подъ напоромъ Думы были уволены и министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ и предсѣдатель Совѣта Министровъ Горемыкинъ; дабы дать залогъ желанія совмѣстной работы съ представителями общественности, Государь призвалъ въ министерство предводителя дворянства Сама-

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Деникинъ, не освѣдомленный объ этихъ переговорахъ съ Италіей, приписываетъ приказъ о преждевременномъ наступленіи Брусилова легкомыслію Ставки.

7*

рина, депутата Хвостова и, наконецъ, товарища предсѣдателя Государственной Думы Протопопова, рекомендованнаго Ему Родзянко.

Всѣ эти уступки не только не смягчили оппозиціи, но вызвали ее на все новыя и новыя выходки. Всякое министерство, каково бы оно ни было, встрѣчало въ Думѣ рѣшительный, рѣзкій и грубый отпоръ и подвергалось невѣроятнымъ и самымъ клеветническимъ обвиненіямъ. Даже думскій ставленникъ Протопоповъ, какъ только обратился въ министра внутреннихъ дѣлъ, подвергся со стороны своихъ бывшихъ коллегъ самой безсовѣстной и жестокой травлѣ.

Въ октябрѣ этого года петроградское охранное отдѣленіе представило министру внутреннихъ дѣлъ секретный докладъ о политическомъ положеніи въ странѣ. Оно было весьма грозное. Пропаганда Гучкова, членовъ Думы, Земгора и германскихъ агентовъ на фронтѣ возымѣла свое дѣйствіе, и въ нѣкоторыхъ частяхъ замѣчалось уже тревожное настроеніе. Помощникъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген. Клембовскій, съ цѣлью борьбы съ этимъ начинающимся разложеніемъ въ арміи, предложилъ организовать рядъ контръ-пропагандъ въ войскахъ, но сообщники заговорщиковъ, въ частности, ген. Рузскій, поспѣшили возстать противъ этого плана, который и не былъ осуществленъ [1]).

Измѣна уже явно подрывала возможность побѣды.

Всецѣло преданный мысли о войнѣ, о чести русскаго оружія, Государь пытался затормозить, хотя бы на срокъ, быстрое наступленіе революціи. Онъ пожертвовалъ Штюрмеромъ и поручилъ предсѣдательствованіе въ Совѣтѣ Министровъ А. Ѳ. Трепову, который до сихъ поръ пользовался, какъ будто, нѣкоторой симпатіей либеральныхъ круговъ. Но и эта жертва оказалась напрасной: едва новый предсѣдатель Совѣта показался на трибунѣ Государственной Думы для прочтенія деклараціи, какъ онъ былъ встрѣченъ настоящей бурей криковъ, ругательствъ и свистковъ и стукомъ кулаками по пюпитрамъ.

Треповъ выдержалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ этотъ постоянный бой съ Думой и, наконецъ, просилъ Государя его освободить. Эта постоянная смѣна министровъ, получившая названіе «министерской чехарды», приписывалась, да приписывается

---

[1]) Красный Архивъ, кн. 17.

нѣкоторыми неисправимыми умами еще и теперь, капризу Государя. Между тѣмъ, почти всѣ перемѣны въ правительственномъ составѣ были произведены подъ давленіемъ Государственной Думы, и цѣль ихъ была, какъ сказано выше, выиграть время, не обострять конфликта, не создавать тяжкихъ затрудненій въ тылу въ то время, какъ подготавливался рѣшительный ударъ на фронтѣ, обезпечивающій побѣдный конецъ войны.

Этимъ именно желаніемъ и объясняется рѣшеніе Государя составить безцвѣтное министерство подъ предсѣдательствомъ кн. Голицына, безъ опредѣленной окраски, способное ужиться съ взбунтовавшейся Думой и обезпечить, такимъ образомъ, арміи тѣ нѣсколько мѣсяцевъ относительнаго спокойствія въ тылу, которые необходимы были для завершенія задуманной операціи.

Между тѣмъ, заговоръ созрѣвалъ. Но если переворотъ являлся уже вопросомъ рѣшеннымъ, то заговорщики все еще колебались въ выборѣ способовъ его совершенія. Для подсчета своихъ силъ было рѣшено созвать въ декабрѣ общій съѣздъ Земгора; однако, у Правительства хватило мужества запретить эту манифестацію. Тогда кн. Львовъ собралъ у себя нѣсколькихъ лидеровъ оппозиціи и предложилъ имъ слѣдующій планъ: свергнуть Государя и замѣнить Его Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, который тотчасъ же призоветъ къ власти отвѣтственное министерство подъ предсѣдательствомъ, разумѣется, того же князя Львова. Однако, переговоры, веденные черезъ тифлисскаго городского голову Хатисова, не привели ни къ чему. Приходилось подготовить новый планъ, который и былъ вскорѣ вполнѣ выработанъ, какъ мы дальше увидимъ.

Въ это же время произошло событіе, хотя и совершенно неожиданное для общественнаго мнѣнія, но входящее также въ планъ заговорщиковъ. Въ ночь на 17 декабря въ Юсуповскомъ дворцѣ былъ убитъ Распутинъ. Можно, конечно, различно судить объ этомъ человѣкѣ; можно видѣть въ немъ простого мужика, случаемъ вознесеннаго до подножія Престола, сверхчеловѣка, обыкновеннаго кутилу, мудраго старца, честнаго Царскаго слугу, но въ одномъ мнѣніи расходиться нельзя: въ томъ, что за всю исторію Россіи едва ли было совершено болѣе подлое и трусливое преступленіе. Убійцы, мнящіе себя мстителями, могли открыто поразить своего врага пулей и смѣло понести за это отвѣтственность; они могли охотиться за нимъ, какъ террористы охотились за министрами и губернаторами; они могли

объявить ему войну, какъ революція Царскому режиму. Но они этого не сдѣлали. Распутинъ былъ замaненъ во дворецъ князя Юсупова и ему было поднесено отравленное угощеніе. Когда ядъ не подѣйствовалъ, то заговорщики стрѣляли въ беззащитнаго своего гостя, въ изступленіи били его кастетомъ и живого бросили въ прорубь рѣки. Совершивъ свое черное дѣло, они не только не имѣли мужества въ немъ признаться, но дали своему Монарху честное слово, что въ преступленіи этомъ они не повинны. Честное слово убійцъ!...

Но за этими преступниками стояла другая воля; кто именно являлся вдохновителемъ убійцъ, вѣроятно, никогда точно не будетъ извѣстно. Главными исполнителями были князь Ф. Ф. Юсуповъ, депутатъ В. М. Пуришкевичъ и докторъ санитарнаго отряда Пуришкевича Лазовертъ, а другой депутатъ В. А. Маклаковъ снабдилъ убійцъ ціанистимъ каліемъ и кастетомъ и въ день убійства уѣхалъ въ Москву, чтобы обезпечить себѣ alibi [1]. Въ числѣ участниковъ былъ и Великій Князь Дмитрій Павловичъ.

Ударъ былъ хорошо разсчитанъ; послать рядового террориста для убійства Распутина было, конечно, дѣломъ не труднымъ, но и мало эффектнымъ, но толкнулъ на преступленіе «народнаго представителя» и родственника Царской Семьи являлось поистинѣ мастерскимъ ходомъ: учитывая безнаказанность убійцъ, заговорщики устроили всенародную демонстрацію открытаго бунта высшихъ классовъ и безпомощности Правительства.

Если рѣчь Милюкова была первымъ ударомъ въ набатный колоколъ революціи, то выстрѣлъ кн. Юсупова былъ вторымъ ударомъ въ этотъ колоколъ. Третій и послѣдній ударъ долженъ

---

[1]) В. А. Маклаковъ, вопреки утвержденію В. М. Пуришкевича, отрицаетъ передачу имъ яда. (Изъ дневника В. М. Пуришкевича. Убійство Распутина.) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, видную роль въ подготовкѣ убійства Распутина сыграла англійская контръ-развѣдка. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1933 г. сэръ Самуэль Хоръ, бывшій во время войны начальникомъ отдѣленія Intelligence Service въ Россіи, призналъ, на банкетѣ, что Государь и русское Правительство были столь увѣрены въ его участіи въ этомъ преступленіи, что послу сэру Джорджу Бьюкенену пришлось ѣздить въ Царское Село для объясненій. Другой англійскій офицеръ Локкеръ-Лампсонъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля въ недавнемъ процессѣ между кн. Юсуповой и одной кинематографической фирмой, показалъ, что онъ зналъ о готовящемся убійствѣ. См. J. Jacoby. Raspoutine, стр. 101.

былъ прозвучать во Псковѣ, какъ сигналъ чернымъ силамъ на растерзаніе несчастной, кровью истекающей Россіи.

Въ теченіе того же мѣсяца Императрица съ дочерьми посѣтила Новгородъ. Послѣ обхода раненыхъ въ лазаретахъ Государыня поѣхала помолиться въ Десятинный монастырь. Въ одной изъ келій, покрытая веригами, лежала почитаемая старица Марія Михайловна. Когда Императрица вошла въ келью, старица, простирая къ Ней изсохшія руки, воскликнула слабымъ голосомъ: «Вотъ идетъ мученица Царица Александра» и благословила Ее. «А ты, красавица, не страшись тяжелаго креста», повторила она нѣсколько разъ [1]). Черезъ нѣсколько дней послѣ этого старицы не стало.

Этотъ 1916 годъ заходилъ, казалось, въ какомъ-то кровавомъ заревѣ. Кровь въ окопахъ, кровь въ юсуповскомъ дворцѣ, болѣзнь Цесаревича. Тревожныя предчувствія, зловѣщія предзнаменованія ползутъ, какъ черныя тучи по этому огненному небу. Измѣна противъ Царя, противъ Россіи, противъ побѣды, противъ союзниковъ, назрѣвающая революція, а тамъ, въ отдаленіи, тѣнь большевизма, Ленинъ и его шайка, ожидающіе сигнала, который должны дать Родзянки и Гучковы.

Величественная тема для античной трагедіи, надъ героями которой властвуетъ слѣпой и безжалостный Рокъ.

4. Военный заговоръ.

Ни коноваловская группа, ни Родзянко, ни даже соціалисты не питали никакихъ надеждъ на возможность совершенія переворота безъ согласія и реальной помощи военачальниковъ. Было совершенно очевидно, что Государь неуязвимъ среди арміи, пока высшее командованіе остается Ему вѣрнымъ; только предательство генераловъ могло поставить армію передъ совершившимся фактомъ: отреченіе или даже смерть Государя.

Поэтому, съ самаго начала войны, революціонный центръ пытался обезпечить себѣ содѣйствіе генераловъ: были начаты переговоры, нащупывалась почва, возбуждались честолюбивыя мечты. Такимъ путемъ понемногу образовалась ячейка военныхъ, согласныхъ оказать помощь предстоящему перевороту.

[1]) Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna — письмо отъ 12 декабря 1916 г.

Во главѣ этой организаціи стоялъ Гучковъ. Вокругъ него блестящій штабъ «героевъ тыла»: Якубовичъ, Тумановъ, Энгельгардтъ, Гильбихъ, Туганъ-Барановскій. Но все это мелкая сошка; въ заговоръ необходимо было втянуть крупныхъ военныхъ начальниковъ. Эта задача чрезвычайно облегчалась посѣщеніемъ фронта членами Думы, какъ это дѣлали члены Конвента во время французской революціи. Но эти послѣдніе ѣздили въ армію для организаціи побѣды, въ то время какъ Родзянки, Гучковы и Демидовы готовили пораженіе. Мало-по-малу и въ Петроградѣ и на фронтѣ удалось выдѣлить группу генераловъ, на которыхъ заговорщики могли разсчитывать: помощникъ военнаго министра генералъ Поливановъ, генералы Крымовъ, Хагондоковъ, главнокомандующіе фронтами Брусиловъ и Рузскій и начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго Алексѣевъ.

Съ этого момента оппозиція всячески выдвигаетъ этихъ генераловъ, дабы въ нужный моментъ обезпечить за ними тѣ положенія, которыя дали бы имъ возможность рѣшить участь Монархіи. Комиссія по государственной оборонѣ и вся Дума вмѣстѣ съ ней настойчиво проводятъ генерала Поливанова въ военные министры. Наконецъ Государь уступаетъ тому, что Онъ считаетъ желаніемъ страны. Вынужденный уйти послѣ несчастной лодзинской операціи, ген. Рузскій, благодаря проискамъ оппозиціи, получаетъ командованіе сѣверо-западнымъ фронтомъ, въ районъ котораго входила столица. Итакъ, Поливановъ въ военномъ министерствѣ, Рузскій — командующій столицей, оставалось только замѣнить Великаго Князя Николая Николаевича генераломъ Алексѣевымъ, чтобы обезпечить успѣхъ переворота. Тогда начинается ожесточенная кампанія противъ Верховнаго Главнокомандующаго, кампанія, отзвуки которой мы приводили въ описаніи засѣданій Совѣта Министровъ, которымъ начинается эта глава. На этотъ разъ желаніе Государя совпадало съ желаніемъ оппозиціи, но по совершенно различнымъ причинамъ: заговорщики добивались смѣны Верховнаго Главнокомандующаго для замѣщенія этой должности своимъ человѣкомъ, Государь же считалъ Своимъ долгомъ Самому стать во главѣ Своихъ войскъ, какъ это и предусматривалось закономъ.

Отсюда и разочарованіе заговорщиковъ, отсюда ихъ старанія разубѣдить Государя, отсюда ихъ бѣшенство, когда стало очевиднымъ, что рѣшеніе Его безповоротно. Однако, у оппозиціи оставалось еще нѣкоторая надежда: начальникомъ штаба

Главковерха былъ назначенъ ген. Алексѣевъ; такимъ образомъ, заговорщики все же имѣли своего человѣка на весьма отвѣтственномъ мѣстѣ.

Но оппозиціи суждено было понести еще одинъ чувствительный ударъ: 15 марта 1916 г. ген. Поливановъ, совершенно скомпрометированный и разоблаченный, былъ уволенъ отъ должности военнаго министра. Весь тщательно подготовленный планъ, казалось бы, совершенно провалился: одинъ изъ самыхъ крупныхъ заговорщиковъ выведенъ изъ строя, и Государь въ безопасности въ Ставкѣ до окончанія войны.

Но Гучковъ съ неутомимой энергіей вновь принялся плести свою паутину. Онъ сталъ осаждать Алексѣева письмами, влѣзъ въ его довѣріе, льстилъ ему, обрабатывалъ всячески его слабую, шатающуюся волю. Письма эти не остались тайной, они прочитывались цензурой и докладывались Государю. И, странная вещь: довѣріе, которое Алексѣевъ сумѣлъ внушить Государю и Императрицѣ, было столь велико, что его не коснулась и тѣнь подозрѣнія даже при чтеніи этой крамольной переписки. Въ глазахъ Монарховъ виновенъ одинъ Гучковъ, а «бѣдный старикъ» Алексѣевъ — его жертва.

И мнѣніе это не вполнѣ ошибочно: ген. Алексѣевъ далеко не былъ убѣжденнымъ заговорщикомъ. Онъ измѣнялъ Государю, но такъ же легко измѣнилъ бы и своимъ сообщникамъ, и отнюдь не изъ корыстныхъ побужденій, а въ зависимости отъ настроенія, которому поддавалась его нерѣшительная натура. Ведя переговоры съ заговорщиками, ген. Алексѣевъ готовилъ одновременно и проектъ военной диктатуры, который и представилъ Государю 15 іюня 1916 года [1]).

Что получилось бы отъ этого проекта, неизвѣстно, если бы оппозиція не оказалась о немъ освѣдомленной. Незадолго передъ этимъ думскимъ руководителямъ удалось добиться оставленія въ должности начальника главнаго артиллерійскаго управленія ген. Маниковскаго, который долженъ былъ уйти въ запасъ. Въ благодарность за эту услугу, ген. Маниковскій сообщилъ Родзянко копію секретнаго доклада Алексѣева. Перепуганный Родзянко помчался въ Ставку, гдѣ онъ принялся за Алексѣева, требуя отъ него объясненій. Генералъ, весьма недовольный, попытался узнать отъ Родзянко, кто его выдалъ; затѣмъ онъ началъ

[1]) Полный текстъ этого доклада, съ помѣтками Государя, приведенъ въ книгѣ «Монархія передъ крушеніемъ». 1914—1917. Гос. изд. 1927, стр. 259.

распространяться на тему о дезорганизаціи, царившей въ тылу, объ отсутствіи согласія въ дѣйствіяхъ военныхъ и гражданскихъ властей, словомъ, не говоря прямо о своемъ проектѣ военной диктатуры, все же, косвеннымъ путемъ, эту мысль защищалъ.

Среди этого потока словъ Родзянко пытался угадать настоящія намѣренія Алексѣева. Кого онъ мѣтилъ въ диктаторы? Великаго Князя Сергѣя Михайловича? Но Великій Князь — въ Петроградѣ, во главѣ Правительства, Государь — въ Ставкѣ, во главѣ арміи, это предвѣщало крушеніе революціонныхъ мечтаній и конецъ заговорамъ; не только роль Мирабо ускользала отъ Родзянко, но и предсѣдательское кресло въ Думѣ сильно могло подъ нимъ заколебаться.

Онъ принялся съ жаромъ разубѣждать Алексѣева въ необходимости диктатуры, доказывая ему, что для водворенія порядка и единства, достаточно усилить власть предсѣдателя Совѣта Министровъ. Затѣмъ, со свойственной ему беззастѣнчивостью, Родзянко пытался «запугать» Великаго Князя Сергѣя Михайловича, прося Алексѣева ему передать, что если Великій Князь «не прекратитъ своихъ интригъ, то онъ его разоблачитъ съ кафедры Государственной Думы». Наконецъ, желая использовать свой пріѣздъ въ Ставку для успѣха плана заговорщиковъ, Родзянко настойчиво сталъ просить Алексѣева предоставить отставленному ген. Рузскому какое-либо отвѣтственное командованіе.

Вся эта наглая и напыщенная болтовня не могла понравиться Алексѣеву, который впервые встрѣчался съ Родзянко. Онъ отвѣчалъ уклончиво, а въ отношеніи Рузскаго даже рѣшительно отказалъ Какъ мы скоро увидимъ, это благое настроеніе ген. Алексѣева продержалось недолго и ему суждено было сыграть въ крушеніи Россіи самую существенную и пагубную роль. Родзянко ушелъ тоже недовольнымъ отъ Алексѣева, котораго онъ охарактеризовалъ какъ «умнаго и ученаго военнаго, но нерѣшительнаго и лишеннаго широкаго политическаго кругозора»[1]).

Однако, Родзянко рѣшилъ не уѣзжать изъ Ставки, не выяснивъ тревожнаго вопроса о диктатурѣ. Во время Высочайшаго пріема онъ заговорилъ съ Государемъ на эту щекотливую тему. Но Государь умѣлъ быть непроницаемымъ.

«Какая диктатура?» спросилъ Онъ.

---

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Арх. Русск. Рев., т. XVII, стр. 129.

Въ отвѣтъ Родзянко подалъ Ему копію доклада Алексѣева; Государь посмотрѣлъ на него и равнодушно лишь замѣтилъ:

«Да, у меня въ дѣлахъ есть такая бумага».

Встревоженный Родзянко снова пустился въ критику проекта. Государь, выслушавъ его внимательно, спросилъ:

«Что же вы посовѣтуете сдѣлать для упорядоченія тыла?»

Тутъ Родзянко набрался храбрости; насталъ моментъ рискнуть главнымъ козыремъ.

«Ваше Величество», отвѣтилъ онъ съ пафосомъ, «я могу предложить Вамъ одинъ выходъ изъ создавшагося положенія: дайте отвѣтственное министерство. Вы только расширите права, которыя Вы уже дали конституціей, но власть Ваша останется незыблемой. Только отвѣтственность будетъ лежать не на Васъ, а на Правительствѣ, а Вы попрежнему будете утверждать законы, распускать законодательныя учрежденія и рѣшать вопросы войны и мира».

Если бы Родзянко обладалъ хотя бы крупицей государственнаго разума, онъ, конечно, этой фразы не произнесъ бы. Онъ долженъ былъ бы знать, и его личные доклады у Государя могли бы его въ этомъ убѣдить, что Императоръ Николай Второй, больше чѣмъ какой-либо изъ Монарховъ, былъ глубоко проникнутъ чувствомъ Своей жертвенной отвѣтственности передъ Богомъ за Россію и за Свой народъ и что ничто не было Ему болѣе чуждо и оскорбительно, чѣмъ легкомысленное предложеніе сложить съ себя, ради личнаго спокойствія, эту отвѣтственность, сохранивъ себѣ лишь блескъ и выгоды Царскаго положенія. Впослѣдствіи, въ трагическіе псковскіе дни, Государь высказалъ ген. Рузскому Свои взгляды на этотъ вопросъ.

Но теперь Онъ не сталъ пытаться пробить толстую, непроницаемую оболочку самодовольнаго непониманія Родзянко. Онъ хотѣлъ только выяснить, какъ далеко зашло честолюбіе предсѣдателя Думы.

Внимательно выслушавъ его, Государь отвѣтилъ:

«Хорошо, я подумаю», и прибавилъ: «а кого бы вы порекомендовали въ предсѣдатели Совѣта Министровъ?»

У Родзянко, конечно, былъ давно заготовленный кандидатъ на этотъ высокій постъ: онъ самъ. Но говорить объ этомъ было рано. Онъ назвалъ адмирала Григоровича, давно находившагося на поводу у оппозиціи. Затѣмъ, разойдясь, Родзянко рискнулъ посовѣтовать и другое министерское назначеніе: товарища пред-

сѣдателя Государственной Думы Протопопова. Такимъ образомъ, Родзянко надѣялся ввести въ Правительство своихъ людей, которые и поведутъ политику оппозиціи.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Петроградъ, неутомимый предсѣдатель Государственной Думы снова выѣхалъ на юго-западный фронтъ, къ главнокомандующему Брусилову. На этотъ разъ его сопровождали два лица, депутатъ Маклаковъ и нѣкій Терещенко, безцвѣтный, но богатый и снѣдаемый честолюбіемъ молодой человѣкъ, изъ кіевскихъ сахарозаводчиковъ, купившій заранѣе, какъ говорили, министерскій портфель въ будущемъ революціонномъ правительствѣ за пожертвованіе въ пять милліоновъ рублей.

Эта депутація, съ Родзянко во главѣ, повидимому быстро поладила съ Брусиловымъ, какъ это видно изъ послѣдующихъ дѣйствій этого генерала, который, измѣнивъ Царю, измѣнилъ также и Временному Правительству, перекинулся къ большевикамъ и умеръ въ Москвѣ въ высокихъ красныхъ должностяхъ.

Наконецъ, въ теченіе лѣта 1916 года, заговорщикамъ удалось снова вытянуть ген. Рузскаго, который получилъ командованіе сѣвернымъ фронтомъ. Это назначеніе имѣло рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго хода событій и, быть можетъ, для судебъ Россіи.

Дѣйствительно, будь въ мартѣ мѣсяцѣ въ Псковѣ, гдѣ былъ штабъ фронта, вмѣсто предателя Рузскаго, вѣрный присягѣ главнокомандующій, Государь нашелъ бы у него поддержку и не произошло бы измѣною вырванное отреченіе.

Наконецъ, и колеблющійся Алексѣевъ рѣшился примкнуть къ заговору. У начальника штаба Главковерха оказались впослѣдствіи защитники и заступники, преимущественно изъ среды генераловъ Ставки; и ген. Лукомскій, и ген. Тихменевъ воздаютъ ему хвалу и оправдываютъ его передъ судомъ исторіи. Напрасныя старанія! Мы имѣемъ убійственное для ген. Алексѣева свидѣтельство гр. П. Н. Апраксина, которому ген. Н. І. Ивановъ разсказывалъ 5 октября 1916 г., какъ Алексѣевъ предлагалъ ему войти въ заговоръ. Когда же Ивановъ отказался отъ этого предательства, то Алексѣевъ, дабы предупредить докладъ объ этомъ Государю, самъ тотчасъ же отправился къ Нему и, продолжая лицемѣрно играть передъ Царемъ роль безхитростнаго, но преданнаго слуги, сумѣлъ до того очернить ген. Иванова, представивъ его въ обликѣ какого-то беззастѣнчиваго клеветника, что

возмущенный Государь на другой же день пересталъ разговаривать съ Ивановымъ и даже его замѣчать, къ великому огорченію старика [1]). Но несправедливость, хотя бы и невольная, была настолько чужда благородной душѣ Государя, что, несмотря на Свое довѣріе къ словамъ Алексѣева, Онъ все же вернулъ Иванову Свою милость и, какъ будетъ сказано дальше, именно его выбралъ для отвѣтственнаго порученія.

Въ январѣ 1916 г. кн. Львовъ и московскій городской голова Челноковъ были вызваны въ Ставку на совѣщаніе по продовольствію арміи. Здѣсь и произошелъ рѣшительный разговоръ между ген. Алексѣевымъ и великимъ конспираторомъ кн. Львовымъ. Пока Челноковъ являлся къ Государю и совѣщался о продовольствіи, т. е. дѣлалъ то дѣло, за которымъ пріѣхалъ, кн. Львовъ все время сидѣлъ въ вагонѣ; у него былъ Алексѣевъ, съ которымъ онъ велъ съ глазу на глазъ бесѣду въ теченіе часа, какъ тогда же отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ С. Мельгуновъ.

Но еще съ конца 1915 года, въ Ставкѣ, съ легкой руки начальника штаба Главковерха, началась исподволь подготавливаться измѣна Царю.

Въ этотъ заговоръ, конечно, былъ посвященъ сперва только тѣсный кругъ довѣренныхъ Алексѣеву лицъ, но все же слухи о немъ просочились довольно быстро наружу. 9 ноября Лемке записываетъ въ свой дневникъ: «Очевидно что-то зрѣетъ... Недаромъ есть такіе пріѣзжающіе, о цѣли появленія которыхъ ничего не удается узнать, а часто даже и фамилію не установишь. Имѣю основаніе думать, что Алексѣевъ долго не выдержитъ своей роли, что-то у него есть, связывающее его съ ген. Крымовымъ именно на почвѣ политической, хотя и очень скрываемой дѣятельности»; черезъ нѣкоторое время Лемке опять записываетъ: «Меня ужасно занимаетъ вопросъ о зрѣющемъ заговорѣ. Но узнать что-либо опредѣленное не удается. По нѣкоторымъ обмолвкамъ Пустовойтенко видно, что между Гучковымъ, Коноваловымъ, Крымовымъ и Алексѣевымъ зрѣетъ какая-то конспирація, какой-то заговоръ, которому не чуждъ еще кое-кто»[2]).

---

[1]) Фактъ, приведенный гр. П. Н. Апраксинымъ въ его замѣчаніяхъ къ настоящей книгѣ.

[2]) С. Мельгуновъ. На путяхъ къ дворцовому перевороту, стр. 98.

Планъ заговорщиковъ въ началѣ былъ весьма туманнымъ; всѣ разговоры вертѣлись вокругъ «отвѣтственнаго министерства», согласіе на которое нужно вырвать у Царя; но препятствіемъ являлась Императрица, твердо и непоколебимо стоящая на стражѣ Монархіи; Ее рѣшено было удалить, хотя бы насильственно. Объ этомъ говорятъ открыто въ арміи и въ салонахъ; объ этомъ пишетъ кн. Юсупова. Но Алексѣевъ слишкомъ хорошо зналъ рыцарскій характеръ Государя, чтобы допустить, хотя на одно мгновеніе, что Онъ можетъ примириться съ ссылкой Императрицы въ Крымъ и вообще пойти съ заговорщиками въ какой-либо компромиссъ. И потому, въ теченіе лѣта 1916 въ Ставкѣ идутъ совѣщанія, въ которыхъ обсуждается уже возможность низложенія Государя [1]).

Въ концѣ 1916 года, военный заговоръ созрѣлъ настолько, что онъ уже пересталъ составлять тайну для общественнаго мнѣнія. О немъ совершенно открыто говорили и въ Ставкѣ и въ столичныхъ салонахъ. Въ декабрѣ Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, встревоженная доходящими до нея свѣдѣніями, послала своего секретаря В. В. фонъ Меккъ предупредить Императрицу о готовящейся измѣнѣ генераловъ [2]).

Но «штатскіе» все еще трусили и ни на что не рѣшались. Въ сентябрѣ 1916 г. на тайномъ совѣщаніи у М. М. Федорова собираются представители радикальнаго дворянства и буржуазіи: Родзянко, Милюковъ, Шидловскій, Шингаревъ, Годневъ, Вл. Львовъ, Некрасовъ, Терещенко и Гучковъ. Настроеніе у всѣхъ тревожное; изъ разговоровъ выясняется, что ни у кого нѣтъ охоты дѣйствовать, но что всѣ хотятъ воспользоваться революціей кѣмъ-то другимъ поднятой. Пусть кто-то строитъ баррикады и умираетъ на нихъ; «послѣ стихійной анархіи и уличныхъ волненій настанетъ моментъ организаціи новой власти, и тутъ придетъ нашъ чередъ, какъ людей государственнаго опыта, которые, очевидно, будутъ призваны къ управленію страной».

Такъ, по словамъ Гучкова, разсуждали будущіе февральскіе дѣятели. Онъ держался другого мнѣнія. «Мнѣ кажется, господа», заявилъ тогда онъ, «что мы ошибаемся, когда предполагаемъ, что какія-то однѣ силы выполнятъ революціонное дѣйствіе, а какія-то другія будутъ призваны для созданія верховной

[1]) С. Мельгуновъ. На путяхъ къ дворцовому перевороту, стр. 99.
[2]) Изъ замѣчаній гр. П. Н. Апраксина къ настоящей книгѣ.

власти. Я боюсь, что тѣ, кто будутъ дѣлать революцію, сами станутъ во главѣ этой революціи». [1])

Гучковъ зналъ, что онъ говорилъ, и его ставка была не на штатскихъ, а на военныхъ.

Царило убѣжденіе, что во главѣ заговора стояли Родзянко и англійскій посолъ Бьюкененъ и что самый переворотъ долженъ былъ быть совершенъ офицерами гвардіи. Къ Родзянко стали постоянно обращаться жаждущіе «сенсацій» съ нескромными вопросами, а «представители высшаго общества» наперебой выражали ему сочувствіе и подбодряли его «взять на себя эту отвѣтственность передъ страной и спасти армію и Россію», т. е. измѣнить Царю и Родинѣ.

Польщенный, но трусившій Родзянко, не отрицая переворота, отрицалъ свое въ немъ участіе. «Я ни на какую авантюру не пойду», увѣрялъ онъ, «какъ по убѣжденію, такъ и въ силу невозможности впутывать Думу въ неизбѣжную смуту. Дворцовые перевороты не дѣло законодательныхъ палатъ, а поднимать народъ противъ Царя — у меня нѣтъ ни охоты, ни возможности».

Родзянко не точно выражался: охота у него была, но смѣлости не было. Домъ его сдѣлался настоящимъ штабомъ революціи, куда заговорщики съѣзжались подъ покровительствомъ парламентской неприкосновенности.

Въ началѣ января 1917 года Родзянко собралъ у себя главарей движенія; предстояло сговориться окончательно съ представителемъ военныхъ генераломъ Крымовымъ, пріѣхавшимъ спеціально съ фронта. Передъ собравшимися заговорщиками ген. Крымовъ держалъ «пламенную» рѣчь, требуя, отъ имени арміи, немедленнаго государственнаго переворота. Только переворотъ этотъ должна была совершить Государственная Дума . . . а армія ее поддержитъ.

Крымовъ замолкъ и нѣсколько секундъ всѣ сидѣли смущенные и удрученные. Первымъ прервалъ молчаніе Шингаревъ:

«Генералъ правъ, переворотъ необходимъ . . . но кто на него рѣшится?»

Шидловскій съ озлобленіемъ сказалъ:

«Щадить и жалѣть Его нечего, когда Онъ губитъ Россію».

Многіе изъ членовъ Думы соглашались съ Шингаревымъ и Шидловскимъ; поднялись шумные споры. Тутъ же были при-

---

[1]) Изъ воспоминаній А. И. Гучкова. «Послѣднія Новости» № 5647 отъ 9 сентября 1936 г.

ведены слова Брусилова: «Если придется выбирать между Царемъ и Россіей — я пойду за Россіей»[1]).

Такъ, во время войны, въ квартирѣ предсѣдателя русскаго парламента, камергера Родзянко, говорили о своемъ Государѣ и Верховномъ Главнокомандующемъ представители «цвѣта общества»: генералы, дворяне, члены Думы и, наконецъ, «именитый» купчикъ Терещенко, который въ своемъ стремленіи перещеголять «хорошихъ господъ», такъ разошелся въ своемъ революціонномъ жарѣ и оказался столь «краснымъ» и рѣзкимъ, что испугалъ самого Родзянко. Въ дѣйствительности, послѣдній чувствовалъ себя нѣсколько смущеннымъ; представляя себѣ переворотъ, какъ дѣло арміи, онъ мечталъ только извлечь изъ него, безъ риска, наибольшее удовлетвореніе для своего болѣзненнаго честолюбія. Между тѣмъ, онъ чувствовалъ себя постепенно лично втянутымъ въ опасное и рискованное дѣло, которое могло окончиться Шлиссельбургомъ или Сибирью.

На требованія Крымова и наиболѣе рьяныхъ заговорщиковъ онъ растерянно возражалъ:

«Я никогда не пойду на переворотъ... я присягалъ... прошу васъ объ этомъ въ моемъ домѣ не говорить... Если армія можетъ добиться отреченія, пусть она это дѣлаетъ черезъ своихъ начальниковъ, а я до послѣдней минуты буду дѣйствовать убѣжденіемъ, а не насиліемъ»... и т. д.

Любопытно отмѣтить ту осторожность, съ которой обѣ группы заговорщиковъ: военные и штатскіе, пытались другъ на друга свалить инициативу и отвѣтственность предстоящаго переворота. «Начинайте, и мы васъ поддержимъ», говорилъ Крымовъ; «нѣтъ, пусть армія добивается отреченія», отвѣчалъ Родзянко. Въ этомъ сплетеніи интересовъ трудно было уже опредѣлить, гдѣ кончалась измѣна Монарху и начиналась измѣна Отечеству, гдѣ кончался страхъ передъ полиціей и начиналось недовѣріе заговорщиковъ другъ къ другу.

Какъ это всегда бываетъ, когда въ одномъ дѣлѣ участвуютъ различные честолюбія и интересы, революціонная общественность, стремясь къ общей цѣли, дѣлилась на нѣсколько конкурирующихъ между собой группировокъ.

Были группы «буржуазной» оппозиціи; «первую изъ этихъ группъ составляютъ руководящіе «дѣльцы» парламент-

---

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Арх. Русск. Рев., т. XVII, стр. 158.

скаго прогрессивнаго блока, возглавляемые перешедшимъ въ оппозицію и упорно стремящимся «къ премьерству» предсѣдателемъ Государственной Думы, камергеромъ Родзянко», доносилъ 26 января 1917 г. начальникъ петроградскаго охраннаго отдѣленія, ген. Глобачевъ [1]).

«Во главѣ второй группы», указывается въ томъ же докладѣ, «дѣйствующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало выхватить будущую добычу изъ рукъ представителей думской оппозиціи, стоятъ не менѣе жаждущіе власти А. И. Гучковъ, князь Львовъ, С. Н. Третьяковъ, А. И. Коноваловъ, М. М. Федоровъ и нѣкоторые другіе»; группа эта, «скрывая до поры до времени свои истинные замыслы, самымъ усерднымъ образомъ идетъ на встрѣчу первой».

Думская группа съ Родзянко проектировала инсценировку «народныхъ» волненій въ Петроградѣ, во время которыхъ депутація отъ рабочихъ должна была явиться въ Государственную Думу съ выраженіемъ «категорической рѣшимости поддержать Думу въ ея борьбѣ съ нынѣ существующимъ Правительствомъ». Такимъ образомъ могла бы образоваться новая власть, опирающаяся на какое-то законное основаніе: волю народа.

Гучковцы же не вѣрили въ народныя выступленія и разсчитывали только на «неизбѣжный въ самомъ ближайшемъ будущемъ дворцовый переворотъ, поддержанный всего на всего одной, двумя сочувствующими воинскими частями».

Впослѣдствіи, когда при дружныхъ усиліяхъ обоихъ теченій революція одержала успѣхъ, гучковская группа сняла маску и весьма безцеремонно устранила Родзянко отъ всякаго участія въ дѣлахъ.

Можетъ показаться страннымъ, что столь раздробленныя силы, столь различныя программы, такіе сталкивающіеся интересы оказались въ итогѣ способными свалить безъ особаго труда русскаго великана. Конечно, въ это время, великанъ этотъ былъ уже «на глиняныхъ ногахъ», но и въ такомъ случаѣ все же требовалось такое большое усиліе, котораго отъ подобныхъ разношерстныхъ элементовъ трудно было ожидать.

Но если мы отойдемъ отъ деталей и взглянемъ на общую картину событій, то сейчасъ же увидимъ въ ней совершенно явную

[1]) А. Блокъ. Послѣдніе дни стараго режима. Арх. Русск. Рев., т. IV, стр. 15—16.

планомѣрность; кажущаяся суетливость отдѣльныхъ группъ пріобрѣтаетъ вполнѣ раціональный характеръ; честолюбивые, эгоистическіе поступки нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей оказываются, быть можетъ негаданно для нихъ, направленными къ общей цѣли. Неожиданно выплываютъ и столь же быстро исчезаютъ временные кумиры, каждый остается на политической сценѣ не столько, сколько онъ того жаждетъ, а сколько ему это кто-то позволяетъ.

Эта гармонизація казавшейся хаотичной картины зависитъ отъ палочки невидимаго дирижера: международнаго масонства. Вопросъ этотъ чрезвычайно важный и требовалъ бы спеціальнаго изслѣдованія. Но и того, что мы знаемъ, достаточно, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія относительно существованія «закулисной» стороны русской революціи, многимъ изъ ея дѣятелей, быть можетъ, въ то время и неизвѣстной.

Такъ, напримѣръ, внезапное появленіе Керенскаго въ рядахъ Временнаго Правительства обычно приписывается случаю, неожиданному давленію со стороны вновь образованнаго Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, малодушію комитета Государственной Думы. Всѣ эти причины дѣйствительны, но только внѣшнія.

Правда, о Керенскомъ никто, казалось бы, и не думалъ раньше, а между тѣмъ, онъ предназначается съ самаго начала на большую роль.

Дѣйствительно, въ книгѣ XXVI Краснаго Архива опубликованъ загадочный документъ, найденный большевиками среди бумагъ Гучкова; документъ этотъ озаглавленъ: диспозиція № 1, подписанъ «Комитетомъ Народнаго Спасенія», датированъ 8 сентября 1915 и предусматриваетъ подробную организацію переворота во главѣ съ ея ячейкой, состоящей изъ кн. Львова, Гучкова и Керенскаго!

Замѣтимъ, что въ это время не только Керенскій, но даже и кн. Львовъ не считались серьезными кандидатами въ революціонные премьеры. Великимъ фаворитомъ былъ и остался до конца 1916 г. Родзянко, который, также внезапно, замѣняется кандидатурой кн. Львова. Наконецъ, еще одно обстоятельство: Керенскій утверждалъ, что съ Гучковымъ онъ не былъ знакомъ до революціи, а съ Львовымъ встрѣтился впервые лишь осенью 1916. Между тѣмъ, всѣ они попадаютъ въ первое революціонное правительство на предназначавшіяся имъ издавна роли; сыгравъ

эти роли, они, волею или неволею, уходятъ, или, вѣрнѣе, кѣмъ-то смѣщаются.

Что связало этихъ трехъ, незнакомыхъ будто бы между собой лицъ? На этотъ вопросъ мы находимъ ясный отвѣтъ въ журналѣ «La Franc-maçonnerie démasquée» (10 et 25 décembre 1919); въ «Русскомъ Знамени» (отъ 25 января и 8 февраля 1912) и въ «Земщинѣ» (отъ 18 января 1912): Гучковъ, Львовъ и Керенскій принадлежали къ масонству и, слѣдовательно, получали отъ него директивы. На это указываютъ также и ген. А. М. Нечволодовъ и радикальный писатель С. Мельгуновъ.

Но столь законспирированная «тройка» работаетъ не изолированно; черезъ Керенскаго — она связана съ вполнѣ явной «пятеркой», состоящей изъ того же Керенскаго, Терещенко, Некрасова, Коновалова и Ефремова. «Изъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ только Коноваловъ могъ быть не масономъ, но логически приходится заключить, что и онъ принадлежалъ къ составу масонскаго ордена 1915 года», замѣчаетъ Мельгуновъ.

Наконецъ, изъ недавно появившихся воспоминаній Гучкова мы узнаемъ объ образованіи еще одной «тройки», состоящей изъ Гучкова, Некрасова и Терещенко.

Изъ этихъ безспорныхъ данныхъ выясняется постепенно то общее очертаніе заговора, который казался съ перваго взгляда раздѣленнымъ на отдѣльные независимые кружки. Замѣчательно, что Временное Правительство образуется именно изъ этихъ масонскихъ «троекъ» и «пятерки». Родзянко, не входящій въ нихъ, не войдетъ и въ Правительство. Неясно участіе Милюкова въ этихъ организаціяхъ, но вся его карьера показываетъ, что онъ былъ всегда въ услуженіи у масоновъ, а не среди ихъ главарей. Проф. Милюковъ, человѣкъ не идейный, не могъ быть надежнымъ конспираторомъ; онъ и въ Временное Правительство войдетъ не какъ хозяинъ, а какъ исполнитель.

Какъ это ни странно, но центральной фигурой этихъ организацій, по масонской линіи, нужно считать сравнительно мало извѣстнаго и скромнаго Некрасова. Этотъ инженеръ, съ простоватой внѣшностью дюжаго, краснощекаго деревенскаго парня, былъ выдвинутъ кадетами въ товарищи предсѣдателя Государственной Думы; онъ и является, въ дѣйствительности, связующимъ звеномъ между всѣми группами; мало того — онъ, главнымъ образомъ, вербуетъ новыхъ крупныхъ заговорщиковъ, переговаривается съ Астровымъ, съ Шульгинымъ, съ Маклаковымъ и

8*

добивается отъ Гучкова болѣе активныхъ дѣйствій; впослѣдствіи, когда сметаются дѣятели «перваго призыва» кн. Львовъ, Милюковъ, Гучковъ, — Некрасовъ остается при всѣхъ комбинаціяхъ, составляетъ вмѣстѣ съ Керенскимъ и Терещенко, пресловутую директорію, а когда и эти исчезаютъ, Некрасовъ все еще остается, на этотъ разъ уже у большевиковъ [1]).

Наконецъ, въ тройкѣ Гучкова-Некрасова-Терещенко вырабатывается окончательный планъ. «Представлялись три конкретныя возможности», разсказываетъ Гучковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «первая — захватить Государя въ Царскомъ Селѣ или въ Петергофѣ. Выполненіе этого плана было сопряжено со значительными затрудненіями... Другая возможность — захватить Государя въ Ставкѣ»... И здѣсь, по мнѣнію Гучкова, встрѣчались препятствія. «Поэтому мы остановились на третьей возможности — захватъ Царскаго поѣзда на пути между Петроградомъ и Ставкой. Изучивъ маршруты Царскихъ поѣздовъ, мы выяснили, какія воинскія части расположены вдоль пути и остановились на нѣсколькихъ участкахъ желѣзной дороги, вдоль которой были расположены гвардейскія кавалерійскія части. Вотъ среди офицерства этихъ частей мы и стали производить развѣдку... Мы знали, что гвардейскіе офицеры, больше чѣмъ армейскіе, проникнуты отрицательнымъ отношеніямъ къ Правительству»...[2]). Къ своей работѣ Гучковъ привлекъ еще одного цѣннаго сотрудника, князя Д. Л. Вяземскаго, «человѣка вдумчиваго, съ большимъ благородствомъ души». Этотъ «окопавшійся» въ должности уполномоченнаго отряда Бѣгового общества князь находилъ, что «на высшихъ классахъ общества, пользующихся въ Россіи привилегіями, лежитъ сугубая обязанность спасти ее отъ того управленія, которое ведетъ ее къ гибели». Иначе говоря, сдѣлать революцію.

Чѣмъ князь Вяземскій былъ особенно «цѣннымъ человѣкомъ» для заговорщиковъ, кромѣ своей «вдумчивости» и «благородства души»?

«Во-первыхъ», поясняетъ Гучковъ, «онъ не находился подъ наблюденіемъ, какъ мы всѣ, а во-вторыхъ, имѣлъ большія связи

---

[1]) Роль масонства въ русскомъ развалѣ не кончилась съ революціей. Эта роль, весьма активная, продолжается въ эмиграціи при преступномъ попустительствѣ «общественности». (См. прил. стр. 369.)

[2]) Изъ воспоминаній А. И. Гучкова. «Послѣднія Новости» № 5647, отъ 9 сентября 1936 г.

въ кругахъ гвардейскаго офицерства. Ему поручено было выяснить настроенія офицерства запасныхъ частей, стоявшихъ на охранѣ дороги, а также привлечь къ нашему заговору какихъ-либо военныхъ изъ высшаго офицерскаго состава».

И князь съ «благородной душой» ѣдетъ уговаривать офицеровъ измѣнять присягѣ. И не безъ успѣха. «Вяземскій вскорѣ привлекъ въ нашу группу одного ротмистра, а затѣмъ онъ и Терещенко отправились на фронтъ, вербовать заговорщиковъ въ тѣхъ гвардейскихъ полкахъ, запасныя части которыхъ были расположены между Петроградомъ и Ставкой на жел.-дор. путяхъ, а ротмистръ, получившій назначеніе въ запасномъ эскадронѣ, началъ тамъ свою работу»[1].

Молодые гвардейскіе офицеры легко шли на эту «работу», но «среди болѣе высокаго офицерства» заговорщики встрѣчали «атмосферу сочувствія, но отказъ отъ прямого отвѣтственнаго участія въ дѣлѣ».

Съ однимъ виднымъ военнымъ, близкимъ къ придворнымъ кругамъ, князь Вяземскій имѣлъ совершенно откровенный разговоръ, сообщивъ ему планъ «захвата» Государя. «Видный военный» отнесся къ этому весьма сочувственно, но одновременно наотрѣзъ отказался отъ активнаго участія въ заговорѣ. «Не знаю, дѣйствовали ли тутъ привычная лояльность, связанная съ присягой на вѣрность Царю, или просто страхъ отвѣтственности или кары», недоумѣваетъ Гучковъ.

Въ этихъ воспоминаніяхъ, пропитанныхъ насквозь лицемѣріемъ, Гучковъ ясно старается «выгородить» генераловъ, сваливая всю отвѣтственность за предательство на болѣе молодое офицерство. Но установить, гдѣ кончается «сочувствіе» и начинается дѣйствительное «участіе», конечно невозможно. Тутъ играла роль не вѣрность присягѣ, ибо эта присяга обязывала господъ генераловъ, къ которымъ обращались заговорщики, тотчасъ же ихъ велѣть арестовать и предать въ руки военнаго правосудія; генералы просто опасались за свое положеніе: а вдругъ переворотъ не удастся? И потому, если Ставка и была готова на измѣну, то другіе высшіе чины арміи могли, дѣйствительно, колебаться.

По плану, составленному «тройкой», при содѣйствіи пре-

---

[1]) Изъ воспоминаній А. И. Гучкова. «Послѣднія Новости» № 5651, отъ 13 сентября 1936 г.

дателей изъ состава гвардейскаго офицерства, Царскій поѣздъ долженъ былъ быть остановленъ ночью и отъ Государя было бы потребовано отреченіе въ пользу Наслѣдника Цесаревича. А если бы Государь отказался подписать это отреченіе? На этотъ вопросъ въ то время отвѣтъ былъ ясенъ: Государя умертвили бы такъ же, какъ другіе генералы и офицеры гвардіи убили Императора Павла I, тоже отказавшагося отречься; не одинъ ли изъ заговорщиковъ изъ «тройки» Терещенко проповѣдывалъ именно цареубійство на совѣщаніи у Родзянко и не другой ли заговорщикъ, октябристъ Шидловскій, кричалъ, на этомъ же совѣщаніи, что Государя «нечего щадить»?

Но послѣ провала революціи, послѣ Екатеринбургскаго злодѣянія, послѣ гибели національной Россіи, уцѣлѣвшимъ заговорщикамъ, перешедшимъ на бѣженское положеніе, уже невозможно было ни кичиться цареубійствомъ, ни даже признаваться въ этомъ намѣреніи. Они могли бы промолчать, но тяжкая отвѣтственность, которую эти люди понесли передъ русскимъ народомъ, побудила ихъ прибѣгнуть къ жалкому лепету оправданія.

И вотъ на вопросъ, какъ заговорщики поступили бы съ Государемъ, если бы Онъ отказался отречься, Гучковъ отвѣчаетъ: «Признаться мы объ этомъ не думали, ибо крѣпко вѣрили въ то, что предпринятое нами дѣло осуществится именно такъ, какъ мы того хотѣли. Во всякомъ случаѣ мы были далеки отъ мысли о возможности пролитія крови».

Отвратительное и трусливое лицемѣріе! Кто повѣритъ, что эти политическіе дѣятели и конспираторы могли бы «не подумать» о томъ, какъ поступить, если бы ихъ предательское дѣло не удалось!

Но воздѣйствіе на высшихъ чиновъ арміи дало вскорѣ болѣе реальные результаты. Ихъ «сочувствіе» къ перевороту смѣнилось согласіемъ активнаго въ немъ участія. Въ связи съ этимъ и самый планъ захвата Царскаго поѣзда значительно упрощался и роль «ротмистровъ» отходила на второй планъ.

Въ самомъ началѣ ноября кн. Львовъ послалъ къ ген. Алексѣеву въ Ставку довѣренное лицо, чтобы окончательно сговориться о назначеніи времени для предстоящаго переворота. Алексѣевъ молча выслушалъ слова эмиссара, подошелъ къ стѣнному календарю и сталъ отрывать листки одинъ за другимъ, пока не остановился на датѣ 30 ноября. Тутъ онъ сказалъ:

«Передайте кн. Львову, что все, о чемъ онъ просилъ, будетъ выполнено»[1]).

Однако, съ дѣломъ вышла задержка. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого знаменательнаго разговора ген. Алексѣевъ сказался больнымъ и уѣхалъ на лѣченіе въ Крымъ, сдавъ должность ген. В. І. Гурко. Была ли эта болѣзнь настоящая, «медвѣжья» или «дипломатическая», трудно сейчасъ сказать; вѣроятно, въ рѣшеніе генерала входили свойственная ему осторожность и надежда, что какъ-нибудь дѣло устроится безъ него и если оно не удастся, то его отсутствіе изъ Ставки дастъ ему возможность снять съ себя и всякую отвѣтственность въ заговорѣ.

Надежды его, однако, не оправдались, переворотъ былъ отложенъ, и въ декабрѣ депутація заговорщиковъ, съ княземъ Львовымъ во главѣ, выѣхала для окончательныхъ переговоровъ съ Алексѣевымъ, Рузскимъ и Брусиловымъ. Ген. Алексѣевъ находился въ это время въ Крыму. Разсказывая впослѣдствіи объ этомъ посѣщеніи эмиссаровъ-заговорщиковъ, Алексѣевъ увѣрялъ, что онъ отнесся отрицательно къ ихъ предложенію и даже, будто бы, «просилъ ихъ, во имя сохраненія арміи, не дѣлать этого шага»[2]).

Слова эти дышатъ лицемѣріемъ и ложью. Тяжкая отвѣтственность, которую несетъ передъ исторіей Алексѣевъ, несомнѣнно побудила его искать оправданія въ искаженіи истины.

Мы привели выше неопровержимыя доказательства предательства Алексѣева. Но и помимо нихъ, не очевидно ли, что если бы онъ дѣйствительно не участвовалъ въ заговорѣ, то при первыхъ же словахъ эмиссаровъ, онъ приказалъ бы ихъ немедленно арестовать; если бы у него даже не хватило смѣлости выполнить этотъ долгъ присяги, то онъ, по крайней мѣрѣ, предупредилъ бы Государя о готовящемся противъ него злодѣяніи. Но Алексѣевъ не только ничего этого не сдѣлалъ, но въ точности выполнилъ всѣ указанія заговорщиковъ, начиная съ возвращенія въ Ставку, гдѣ присутствіе его замѣстителя, генерала Гурко, вѣрнаго Государю, являлось непреодолимымъ препятствіемъ къ выполненію заговора.

Съ Брусиловымъ и Рузскимъ депутація также сговорилась быстро.

---

[1]) С. Мельгуновъ. На путяхъ къ дворцовому перевороту, стр. 98.
[2]) Ген. Деникинъ. Очерки Русской Смуты, т. I, выпускъ 1, стр. 37.

Такимъ образомъ, вопросъ близился къ разрѣшенію и главари оппозиціи, въ рядѣ совѣщаній, стали намѣчать уже составъ будущаго революціоннаго правительства. И тутъ тщеславный Родзянко понесъ первое изъ тѣхъ горькихъ разочарованій, которыя съ этого момента преслѣдовали его до самой смерти. При обсужденіи кандидатуръ на постъ будущаго премьера, собраніе, по настоянію Милюкова, связаннаго съ Гучковской группой, остановилось не на Родзянко, а на кн. Львовѣ. Съ другой стороны, стремясь заручиться поддержкой крайнихъ лѣвыхъ, а также дать залогъ миролюбія Германіи, заговорщики рѣшили предоставить портфель также и лидеру соціалистовъ-революціонеровъ, пораженцу и циммервальдцу Керенскому.

Всѣ мѣры были, наконецъ, приняты. Паутина измѣны, которая сплелась вокругъ Монарха, была готова въ нужный моментъ Его опутать и принудить къ бездѣйствію.

5. Наканунѣ катастрофы.

Ни Государь, ни Его Правительство не могли, конечно, не знать того, что стало уже достояніемъ толпы. Наступилъ для власти тотъ моментъ, когда нужно было или дѣйствовать, или сдаться безъ боя.

И, дѣйствительно, стали циркулировать въ городѣ слухи о предстоящихъ рѣшительныхъ мѣрахъ со стороны Правительства, о роспускѣ Думы и даже объ арестѣ главныхъ вожаковъ оппозиціи. Говорили также, что министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ распорядился вооружить полицію пулеметами. Этотъ слухъ особенно встревожилъ заговорщиковъ, такъ какъ полиція, вѣрная присягѣ и хорошо вооруженная, легко могла бы справиться со всякими «народными» волненіями и даже и съ возможнымъ выступленіемъ распропагандированныхъ воинскихъ частей, состоящихъ, по большей части, изъ запасныхъ.

Комиссія по государственной оборонѣ, обратившаяся въ нѣчто въ родѣ штаба революціи, потребовала разоруженія полиціи; она настаивала даже, но генералъ Бѣляевъ категорически отказался это сдѣлать.

Робкій Родзянко почуялъ приближеніе грозы. Питая весьма небольшое довѣріе къ своимъ сообщникамъ, онъ бросился за помощью къ дворянству. 3 января, вызванные его телеграммой,

спѣшно пріѣхали въ Петроградъ изъ Москвы предсѣдатель общедворянскаго объединенія Самаринъ, оба вице-предсѣдателя, князь Куракинъ и Карповъ, и московскій губернскій предводитель дворянства Базилевскій. Лица эти, къ которымъ присоединился петроградскій губернскій предводитель дворянства Сомовъ, собрались у Родзянко и, выслушавъ его тревоги и опасенія, порѣшили, что въ случаѣ роспуска Думы и ареста ея предсѣдателя, представители дворянства «возьмутъ на себя защиту достоинства и чести Россіи». Странная иллюзія представителей класса, нѣкогда считавшагося правящимъ, но давно растерявшаго свое историческое наслѣдіе и государственное значеніе. Впрочемъ, и другіе главари, кн. Львовъ, Коноваловъ, Челноковъ, также поспѣшили принести Родзянко выраженіе своей «нравственной» поддержки[1]).

Игра принимала опасный оборотъ. Стоитъ Государю рѣшиться нанести оппозиціи сокрушительный ударъ, приказать арестовать зачинщиковъ, обратиться съ манифестомъ къ народу — и все можетъ еще измѣниться, заговоръ рушится, Престолъ укрѣпляется, война продолжается до побѣднаго конца. Но рѣшится ли Государь? Узнать о намѣреніяхъ Монарха Родзянко трудно, въ пріемѣ ему можетъ быть отказано, какъ уже дважды случилось. Вмѣсто него поѣхалъ въ Царское сообщникъ революціи, англійскій посолъ Бьюкененъ, который и долженъ былъ предъявить Государю родъ ультиматума.

Противъ обыкновенія посла ввели не въ Царскій кабинетъ, а въ пріемную, гдѣ Государь принялъ его стоя, съ лицомъ холоднымъ и непроницаемымъ.

«Сердце у меня упало», признается Бьюкененъ, «и на мгновеніе мнѣ пришла мысль отказаться отъ своего намѣренія. Императоръ Всероссійскій — Самодержецъ, каждое желаніе котораго имѣетъ силу закона, а, между тѣмъ, я собрался не только не считаться съ явно даннымъ мнѣ Имъ предупрежденіемъ, но принять на себя еще бóльшую вину, выйдя изъ предѣловъ дѣйствія посла».

Тѣмъ не менѣе, Бьюкененъ, съ чисто англо-саксонскимъ самомнѣніемъ, позволилъ себѣ преподать русскому Императору совѣты о томъ, что Ему надлежитъ дѣлать для управленія государствомъ.

---

[1]) О роли А. Д. Самарина см. приложеніе стр. 371.

«Ваше Величество», закончилъ онъ, «разрѣшите мнѣ сказать Вамъ, что Вы имѣете передъ собою одинъ вѣрный путь: уничтожить преграду, отдѣляющую Васъ отъ Вашего народа и снова заслужить его довѣріе». На это наглое заявленіе Государь, выпрямившись, и строго взглянувъ на посла, отвѣтилъ:

«Думаете ли вы, что я долженъ заслужить довѣріе моего народа или что онъ долженъ заслужить мое довѣріе?»[1])

Аудіенція кончилась печально для сэра Джорджа, который вернулся ни съ чѣмъ. Приходилось Родзянко ѣхать самому, для чего онъ просилъ пріема, который и былъ ему назначенъ.

Повѣствованія Родзянко носятъ характеръ такого наивнаго хвастовства, что относиться къ нимъ нужно съ чрезвычайной осторожностью. Дѣйствительно ли онъ держалъ себя, во время Высочайшихъ пріемовъ, столь нагло, какъ онъ это разсказываетъ, или въ этомъ нужно видѣть обычное для него стремленіе возвеличить свою «революціонную» роль? Но на этотъ разъ его беззастѣнчивая дерзость превысила всѣ границы.

По его словамъ, онъ началъ съ обычной жалобы на Правительство и, перейдя скоро къ обвиненіямъ противъ Императрицы, осмѣлился заявить, что «въ странѣ растетъ негодованіе на Императрицу и ненависть къ Ней», что «Ее считаютъ сторонницей Германіи, которую Она охраняетъ», и что «объ этомъ говорятъ даже среди простого народа».

Государь, возмущенный, прервалъ Родзянко.

«Дайте факты», сказалъ Онъ, «гдѣ факты, подтверждающіе ваши слова?»

Родзянко на мгновеніе смутился.

«Фактовъ нѣтъ», признался онъ и снова пустился въ критику Императрицы, Правительства и самаго режима.

Государь слушалъ молча, подавленный этимъ злобнымъ недоброжелательствомъ, которое столь упорно преслѣдовало Его даже въ самыхъ дорогихъ Ему чувствахъ. Правъ ли Онъ былъ, попытавшись царствовать кротко и милостиво, давъ Россіи народное представительство, открывъ путь къ самымъ широкимъ реформамъ? Не переоцѣнилъ ли Онъ честь и патріотизмъ русскаго «общества», не слѣдовало ли бы Ему прибѣгнуть къ желѣзной строгости, какъ предокъ Его, Императоръ Николай I, или отецъ, Императоръ Александръ III?

---

[1]) Д. Бьюкененъ. Моя миссія въ Россіи, т. II, стр. 36—37.

Онъ закрылъ лицо руками.

«Неужели», подумалъ Онъ вслухъ, «я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался».

«Да, Ваше Величество», поспѣшилъ отвѣтить ничего не понявшій Родзянко, «двадцать два года Вы стояли на неправильномъ пути»[1]).

Революціонная общественность пыталась использовать, въ своихъ цѣляхъ, и вліяніе членовъ Императорскаго Дома; особенно легко поддавался этой провокаціи благородный, но слабовольный и простодушный Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Обработанный Родзянко, Милюковымъ и главарями заговора, которые собирались сдѣлать изъ него, послѣ отреченія Государя, призрачнаго регента, Великій Князь точно передавалъ Государю тѣ заявленія, которыя его заставляли учить почти наизусть. 8 января Великій Князь пріѣхалъ къ Родзянко, который не пропустилъ и на этотъ разъ случая «распропагандировать» Великаго Князя Михаила Александровича и, кстати, незамѣтно продвинулъ свою собственную кандидатуру. Запугавъ Великаго Князя надвигающейся революціей, предсѣдатель Думы указалъ, что единственнымъ спасеніемъ является назначеніе во главѣ министерства лица, «облеченнаго довѣріемъ страны». Намекъ былъ ясный, Великій Князь его подхватилъ.

«Такимъ лицомъ могли бы быть только вы, Михаилъ Владиміровичъ, вамъ всѣ довѣряютъ», сказалъ онъ.

«Что же, если бы явилась необходимость во мнѣ, я готовъ отдать всѣ свои силы Родинѣ», отвѣтилъ съ пафосомъ Родзянко. «Вы, Ваше Высочество, какъ единственнный братъ Царя, должны Ему сказать всю правду... Вы должны убѣдить Вашего Державнаго Брата»... не унимаясь, училъ онъ Великаго Князя, который уѣхалъ вполнѣ готовый поддержать передъ Государемъ всѣ требованія, внушенныя ему Родзянко [2]).

Однако, ни выходка Бьюкенена, ни докладъ Родзянко, ни вмѣшательство Великаго Князя не произвели, повидимому, ожидаемаго впечатлѣнія на Государя; Онъ, казалось, замкнулся въ одно изъ тѣхъ рѣшеній, которыя Онъ долго обдумывалъ и которымъ Онъ потомъ оставался непоколебимо вѣрнымъ. Но какое это было рѣшеніе?

---

[1]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи. Архивъ Русской Революціи, т. XVII, стр. 163.

[2]) М. В. Родзянко. Крушеніе Имперіи, стр. 161.

7 февраля 1917 года петроградское охранное отдѣленіе донесло, что рабочая секція комитета, предсѣдательствуемаго Гучковымъ, готовитъ на 14 февраля серьезные безпорядки въ столицѣ. Они пріурочивались къ плану группы Родзянко и должны были явиться той манифестаціей, которая открыла бы Думѣ возможность взять власть въ свои руки. Тотчасъ же министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ принялъ рѣшительныя мѣры безопасности; рабочая секція была арестована и привлечена къ отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ столица была изъята изъ вѣдѣнія ген. Рузскаго, главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ, и подчинена особо назначенному генералу Хабалову. Эти рѣшенія всполошили революціонный муравейникъ; если Государь рѣшился на борьбу, нельзя было больше медлить. Но прежде было рѣшено сдѣлать послѣднюю попытку произвести на Него давленіе.

Родзянко испросилъ Высочайшій пріемъ, который и былъ назначенъ на 10 февраля.

Едва Родзянко вошелъ къ Государю, какъ онъ понялъ, что готовится гроза. Царь, всегда столь привѣтливый, былъ на этотъ разъ холоденъ и высокомѣренъ, какимъ Онъ умѣлъ быть, когда хотѣлъ. Подобно Бьюкенену предсѣдатель Думы почувствовалъ, что приготовленныя слова замираютъ на его устахъ; вмѣсто обычнаго разговорнаго изложенія, онъ началъ читать написанный докладъ. Составленный въ предвидѣніи другого пріема, докладъ этотъ былъ весьма дпиненъ и заключалъ рѣзкую критику Правительства, восхваленіе Государственной Думы и даже, удивительная вещь! — опасеніе, что побѣда можетъ укрѣпить режимъ.

Государь слушалъ съ видимымъ нетерпѣніемъ и, наконецъ, прервалъ Родзянко:

«Нельзя ли поторопиться», замѣтилъ Онъ рѣзко, «меня ждетъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ».

Затѣмъ, когда Родзянко принялся за свою обычную критику Протопопова, Царь опять рѣзко его остановилъ:

«Вѣдь Протопоповъ былъ вашимъ товарищемъ предсѣдателя въ Думѣ, почему же теперь онъ вамъ не нравится?»

Трудный вопросъ . . . Могъ ли Родзянко отвѣтить, что Протопоповъ не оправдалъ ожиданій заговорщиковъ и предпочелъ быть вѣрнымъ Царю, а не революціи?

«Съ тѣхъ поръ какъ Протопоповъ сдѣлался министромъ, онъ положительно съ ума сошелъ», сказалъ онъ и, перейдя на патетическій тонъ, воскликнулъ:

«Ваше Величество, нужно же принять какія-либо мѣры. Я указываю здѣсь на эти мѣры; что же Вы хотите во время войны потрясти страну революціей?»

Эта наглая выходка Родзянко положила предѣлъ терпѣнію Государя. Онъ всталъ и холодно сказалъ:

«Мои свѣдѣнія совершенно противоположны, а что касается настроеній Думы, то, если Дума позволитъ себѣ такія же рѣзкія выступленія, какъ прошлый разъ, она будетъ распущена».

Жребій былъ брошенъ. Родзянко снялъ маску вѣрноподданнаго.

«Я считаю своимъ долгомъ, Государь, высказать Вамъ свое убѣжденіе, что этотъ докладъ мой у Васъ послѣдній», заявилъ онъ дерзко.

«Почему?» спросилъ Государь.

«Потому, что не пройдетъ трехъ недѣль, какъ вспыхнетъ революція».

По возвращеніи въ Петроградъ Родзянко засталъ на перронѣ вокзала своего секретаря, нѣкоего Садыкова, недалекаго молодого человѣка, пріѣхавшаго встрѣтить патрона. Въ то время, какъ Родзянко въ придворномъ мундирѣ проходилъ мимо начальника станціи, послѣдній отвѣсилъ ему низкій поклонъ.

«Вотъ человѣкъ и не подозрѣваетъ, что видитъ меня въ этомъ нарядѣ послѣдній разъ», замѣтилъ Родзянко Садыкову.

Не могъ предсѣдатель Думы сдѣлать въ своихъ воспоминаніяхъ болѣе яснаго признанія, что въ это время ему точно было извѣстно не только о готовящемся переворотѣ, но и о времени, въ которое онъ долженъ былъ произойти.

Но все это творилось въ верхахъ; народъ оставался чуждъ этой революціонной лихорадкѣ правящихъ классовъ; однако какая-то глухая тревога стала проникать постепенно и въ деревню.

Въ началѣ февраля, во время пріѣзда Государя съ фронта въ Царское Село, дежурному флигель-адъютанту полковнику Мордвинову доложили однажды передъ обѣдомъ, что прибывшій изъ отдаленной губерніи старикъ-крестьянинъ настоятельно проситъ о пріемѣ его Государемъ и при томъ немедленно и по весьма важному государственному дѣлу. Мордвиновъ вышелъ къ позднему

посѣтителю, который на всѣ вопросы, въ чемъ заключается его просьба и что именно онъ хотѣлъ бы передать Государю, отвѣчалъ, что хочетъ видѣть Батюшку-Царя по весьма важному для всей русской земли дѣлу и что сказать о томъ никому не можетъ. «И тебѣ, батюшка, прости, не скажу, хотя ты и довѣренный человѣкъ, и Великимъ Князьямъ, и министрамъ не скажу, а скажу только одному Его Царскому Величеству». На доводы Мордвинова, что Государь сейчасъ занятъ и что безпокоить Его нельзя, старикъ заволновался, настаивая, чтобы его допустили къ Царю, «а то, можетъ, будетъ и поздно, и большая бѣда случится; много народу напрасно погибнетъ».

Старикъ внушалъ довѣріе. Мордвиновъ доложилъ о немъ Государю.

«Вотъ какой упорный», съ добродушной улыбкой отвѣтилъ Государь. «но все же сейчасъ не могу. Вы видите» — и Онъ указалъ на цѣлую гору бумагъ на письменномъ столѣ. «Можетъ быть потомъ... Впрочемъ, попытайтесь еще разъ узнать отъ него, въ чемъ дѣло. Скажите ему, что я вамъ это поручилъ, а потомъ передайте мнѣ его просьбу за обѣдомъ».

Выслушавъ Мордвинова, старикъ долго колебался, пытливо смотрѣлъ на него и вдругъ, таинственно наклонившись къ его уху, хотя никого другого въ комнатѣ не было, отрывисто и волнуясь зашепталъ: «Задумано злое дѣло... хотятъ погубить Батюшку-Царя, а Царицу и дѣтокъ спрятать въ монастырь... Сговаривались давно, а только рѣшено это начать теперь... Самое позднее черезъ три недѣли начнется... Схватятъ сначала Царя и посадятъ въ тюрьму, и васъ всѣхъ, кто около Царя, и главное начальство также посадятъ по тюрьмамъ... Только пусть Батюшка-Царь не безпокоится... Мы Его выручимъ, насъ много»...

Напрасно Мордвиновъ пытался разспросить старика подробнѣе; на всѣ вопросы ходокъ все такъ же таинственно повторялъ: «Они задумали, по всей Россіи они ѣздятъ, и къ намъ пріѣзжали сговариваться, говорили пора начинать... не сомнѣвайся, вѣрно говорю... Какъ наши узнали, такъ сейчасъ меня и послали... Я, какъ въ чемъ былъ, сѣлъ на машину... три дня ѣхалъ, торопился»...

За обѣдомъ Государь казался еще болѣе грустнымъ и озабоченнымъ, чѣмъ обыкновенно за послѣднее время. Выслушавъ разсказъ Мордвинова, Онъ замѣтилъ: «Ахъ, опять о заговорѣ,

я такъ и думалъ, что объ этомъ будетъ рѣчь, мнѣ и раньше уже говорили. Добрые, простые люди все безпокоятся... Я знаю, они любятъ меня и нашу Матушку-Россію и, конечно, не хотятъ никакого переворота. У нихъ-то ужъ навѣрно болѣе здраваго смысла, чѣмъ у другихъ»...[1]).

Такимъ образомъ, медленно, упорно просачивалась въ крестьянской массѣ мысль объ измѣнѣ «господъ» Царю; мысль чреватая грозными послѣдствіями, подготовившая, послѣ революціи, внезапное крушеніе русскаго фронта и отказъ арміи сражаться за новыхъ самозванныхъ хозяевъ земли русской, предавшихъ Родину и Царя.

22 февраля Государь, пробывшій нѣсколько дней въ Царскомъ Селѣ, выѣхалъ снова въ Ставку. Въ этотъ день Императрица чувствовала себя нервной, подавленной, встревоженной мрачными предчувствіями. Въ моментъ прощанія, не въ силахъ скрыть своего горя, Она разрыдалась. Государь Ее успокаивалъ, утѣшалъ, обѣщая скоро вернуться. Потомъ, подъ трезвонъ колоколовъ Ѳеодоровскаго Собора, Царскій автомобиль выѣхалъ изъ дворцовыхъ воротъ, увозя въ послѣдній разъ Императора Всероссійскаго.

---

[1]) А. Мордвиновъ. Отрывки изъ воспоминаній. Русск. Лѣт., кн. V, стр. 69.

Өеодоровскій Государевъ Соборъ въ Царскомъ Селѣ.
Сооруженъ Императоромъ Николаемъ II.

Глава III.

ПАДЕНІЕ ИМПЕРІИ [1]).

1. Первые безпорядки.

Едва успѣлъ Государь покинуть Петроградъ, какъ, по какому-то таинственному сигналу, сразу на нѣсколькихъ заводахъ начинаются забастовки. Среди рабочихъ шныряютъ какія-то подозрительныя личности, создавая панику самыми невѣроятными слухами: столица останется безъ хлѣба, транспортъ затормозился, скоро начнется голодъ. Тотчасъ же толпы перепуганныхъ людей приступомъ берутъ булочныя; весь имѣющійся хлѣбъ раскупается нарасхватъ; недоумѣвающіе булочники съ ужасомъ смотрятъ на свои опустошенныя лавки, куда продолжаетъ ломиться толпа. На самомъ же дѣлѣ въ Петроградѣ въ это время имѣется въ запасѣ болѣе полумилліона пудовъ муки, количество достаточное для прокормленія населенія въ теченіе двѣнадцати дней. Къ тому же снабженіе столицы продолжается безъ перерыва и основаній для какихъ бы то ни было опасеній нѣтъ; главный начальникъ петроградскаго военнаго округа ген.-лейт. Хабаловъ на другой день, 24 февраля, расклеиваетъ объ этомъ объявленіе на стѣнахъ.

Заявленіе это успокаивающе дѣйствуетъ на желудки, но не на головы. Темные люди, появляющіеся изъ подполья только въ тревожные дни, снуютъ повсюду, сѣя ненависть, натравливая

---

1) Исторія этихъ роковыхъ дней изложена весьма объективно А. Блокомъ, который, по порученію Временнаго Правительства, составилъ сводку, въ хронологическомъ порядкѣ, показаній, данныхъ разными лицами Чрезвычайной комиссіи, составленной для слѣдствія надъ бывшими министрами. Эта сводка появилась въ т. IV «Архива Русской Революціи» подъ названіемъ «Послѣдніе дни стараго режима». Часть свѣдѣній, приведенныхъ въ настоящей главѣ, заимствована изъ этой сводки.

чернь на полицію. Торопливыя руки тщетно пытаются выламывать булыжники съ замерзшей мостовой и, за неимѣніемъ камней, засыпаютъ кусками отколотаго льда безпомощную полицію. Да, безпомощную, ибо она ни отъ кого не получаетъ распоряженій, и толпа инстинктивно чувствуетъ, что за этимъ грознымъ символомъ власти — осталось пустое мѣсто.

Что же дѣлаютъ министры, главный начальникъ округа, генералы? Что дѣлаютъ всѣ тѣ, кому, уѣзжая, Государь поручилъ столицу? Въ теченіе этихъ трагическихъ дней, они не перестанутъ безконечно совѣщаться, гонимые мятежомъ изъ одного дворца въ другой, въ длительной агоніи малодушной власти, не имѣющей ни силъ защищаться, ни мужества погибнуть съ честью.

24 февраля, когда мятежъ выражается еще только въ хулиганствахъ толпы на Невскомъ, совѣщаются и у ген.-лейт. Хабалова, совѣщаются и въ Маріинскомъ дворцѣ. Къ какому же рѣшенію приводятъ эти безконечные разговоры? Поручить снабженіе столицы городской думѣ и вызвать кавалерійскій полкъ. И это все! Наружно все еще относительно спокойно. Только кое-гдѣ замѣчаются волненія, какъ тѣ приступы лихорадки, которые повторяются отъ времени до времени въ большихъ городахъ. Завтра навѣрное все пройдетъ безслѣдно. Все же въ городѣ царитъ глухая тревога и тоска сжимаетъ сердца, какъ это бываетъ передъ большой бѣдой.

Французскій посолъ ѣдетъ на концертъ по безлюднымъ улицамъ и входитъ въ почти пустой залъ; пріѣхавшая съ нимъ дама резюмируетъ свои впечатлѣнія въ пророческой фразѣ: «Мы можетъ быть присутствуемъ при послѣднемъ вечерѣ этого режима».

Однако въ толпѣ, заполняющей на другой день съ утра улицы, совершенно незамѣтно еще мрачнаго, революціоннаго одушевленія. Сегодня бастуютъ, значитъ праздникъ, и густая толпа гуляющихъ чинно ходитъ взадъ и впередъ по тротуарамъ Невскаго. Самое же дѣйствіе разыгрывается посреди улицы на мостовой; тамъ собираются кучки людей, затѣваются манифестаціи подъ предводительствомъ юношей съ крючковатыми носами и курчавыми волосами. А толпа любопытна, какъ всякая толпа. Будетъ ли укротитель разорванъ на части, или загонитъ бичомъ звѣря въ клѣтку?

Но съ каждымъ часомъ толпа дѣлается гуще, заливаетъ мостовую, идетъ вслѣдъ за манифестантами, возвышаетъ и свой голосъ. Кто-то бросаетъ ручную гранату въ солдатъ, гдѣ-то стрѣляютъ, кричатъ... Одинъ полицейскій приставъ раненъ, другой убитъ на Знаменской площади. Уже нѣтъ ни гуляющихъ, ни манифестантовъ, все смѣшалось въ бурное море, гдѣ волны вздымаются все выше и выше. Немного мужества и энергіи и все можетъ быть еще спасено!

Изнервничавшіяся въ этой грозовой обстановкѣ войска, чувствуя свое позорное безсиліе, теряютъ терпѣніе и готовы перейти на сторону мятежниковъ. Но только бы услышать приказаніе стрѣлять, и снова окрѣпнутъ ихъ сердца, защелкаютъ ружейные затворы и мятежъ разсѣется какъ дымъ.

Между тѣмъ, единственно, что безпокоитъ военнаго министра генерала Бѣляева въ данную минуту, это «тяжелое впечатлѣніе, которое произведетъ на нашихъ союзниковъ видъ труповъ на Невскомъ». Во что бы то ни стало надо избавить отъ этого тяжелаго зрѣлища столь чувствительные нервы иностранныхъ дипломатовъ. Главное, не надо пускать въ ходъ оружіе. Впрочемъ генералъ Хабаловъ и не нуждается въ такихъ совѣтахъ благоразумія. Можно думать, что его хватилъ внезапный параличъ воли. Онъ колеблется, виляетъ, упускаетъ драгоцѣнное время. И только въ 4 часа 40 минутъ, наконецъ, рѣшается извѣстить о происходящемъ Ставку шифрованной телеграммой. Въ то же самое время министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ посылаетъ дворцовому коменданту генералу Воейкову подобное же донесеніе, оканчивающееся слѣдующими успокоительными словами: «Прекращенію дальнѣйшихъ безпорядковъ принимаются энергичныя мѣры военнымъ начальствомъ. Москвѣ спокойно».

Это ложь, никакихъ мѣръ не принято; обманули министра, обманываютъ и Государя.

Но Государь, съ тѣмъ даромъ предчувствія, который нерѣдко удивлялъ окружающихъ, казалось, угадываетъ правду, таящуюся за безпечнымъ тономъ телеграммы. Онъ приказываетъ телеграфировать Хабалову: «Повелѣваю завтра же прекратить въ столицѣ безпорядки, недопустимые въ тяжелое время войны съ Германіей и Австріей».

«Прекратить безпорядки», не есть ли это ожидаемый отвѣтъ на рапортъ главнаго начальника округа? Но Хабаловъ потря-

9*

сенъ. Онъ сразу поставленъ въ необходимость либо дѣйствовать, либо ослушаться Государя.

Въ 10 часовъ вечера онъ созываетъ у себя начальниковъ частей и читаетъ имъ Высочайшую телеграмму. Завтра остается лишь примѣнить законъ: послѣ трехъ предупрежденій — стрѣлять. Ночью министры собираются у своего предсѣдателя. Небывалое въ исторіи засѣданіе Совѣта, гдѣ кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ, министра юстиціи и прокурора Святѣйшаго Синода, всѣ объяты однимъ желаніемъ: уйти, бѣжать, исчезнуть, отказавшись отъ своихъ портфелей. И какъ волнуются они, узнавъ, что по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ арестовано около ста самыхъ опасныхъ зачинщиковъ. «Какая неосторожность, какъ посмѣлъ онъ это сдѣлать, не спросивъ насъ!»

Обсуждаются различныя мѣры. Распустить Думу, этотъ очагъ интригъ? Объявить осадное положеніе? Нѣтъ, лучше пойти на уступки, протянуть время, обратиться къ посредничеству предсѣдателя Думы и лидеровъ оппозиціи. Это капитуляція. Нерадивые пастыри поручаютъ свои стада волкамъ, которые ихъ и растерзаютъ.

На другой день, въ воскресенье, 26 февраля, генералъ Хабаловъ приказываетъ расклеить объявленіе о томъ, что войска примѣнятъ оружіе противъ нарушителей порядка. Это не мѣшаетъ бандамъ хулигановъ и фанатиковъ забрасывать камнями солдатъ, которые отвѣчаютъ выстрѣлами. На мостовой лежатъ убитые и раненые. Эта попытка противодѣйствія со стороны властей безпокоитъ лидеровъ оппозиціи, которые все еще воображаютъ, что они распоряжаются огромной манифестаціей, предназначенной для запугиванія Царя. Они понимаютъ, что нѣсколькихъ мѣткихъ пуль достаточно, чтобы вся ихъ предательская затѣя лопнула, какъ мыльный пузырь.

Поэтому предсѣдатель Думы Родзянко съ утра суетится, стараясь парализовать отпоръ Правительства, — онъ бѣжитъ къ одному изъ министровъ, Риттиху, вытаскиваетъ его изъ кровати, везетъ съ собой къ военному министру, звонитъ по телефону Хабалову: «Зачѣмъ проливать кровь?» восклицаетъ Родзянко, «Въ войска бросали гранаты? Неправда, гранату бросилъ городовой! Достаточно приказать полить толпу изъ пожарной кишки, чтобы она разбѣжалась и все успокоилось». Къ тому же онъ находитъ, что вся комедія длилась достаточно долго. Пора уже

использовать ея результаты, прежде чѣмъ Правительство успѣетъ опомниться.

И Родзянко посылаетъ Государю слѣдующую телеграмму: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общественное недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое Правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца».

Какъ видно, эта телеграмма очень ловко составлена. Эти отрывочныя, взволнованныя фразы должны пробудить въ Царѣ все возрастающую тревогу, страхъ отвѣтственности и желаніе переложить эту отвѣтственность на того, чье имя ясно подсказывается: на самого Родзянко.

Впрочемъ и самъ предсѣдатель Думы опасается открытаго разрыва съ законностью и предпочитаетъ получить власть изъ рукъ Государя, чѣмъ «по волѣ народа».

Тѣмъ временемъ, столь неосторожно зажженный пожаръ все разгорается. Около 4 часовъ дня рота запаснаго батальона Павловскаго полка дѣлаетъ попытку взбунтоваться. Этихъ запасныхъ, которымъ въ сущности просто хочется вернуться къ себѣ домой, удается успокоить словами. Но это грозный, страшный признакъ начинающагося въ войскахъ броженія. Правительство понимаетъ это и къ вечеру рѣшается принять двѣ важныя мѣры, на которыя до тѣхъ поръ не отваживалось: роспускъ Думы и объявленіе осаднаго положенія. Будь это рѣшеніе принято на два дня раньше, все могло бы быть спасено. Но теперь уже поздно, и на другой день блѣдное февральское солнце всходитъ надъ послѣднимъ днемъ Царскаго режима.

Въ этотъ день 27-го февраля Дума открыто становится на сторону мятежа. Предупрежденная объ указѣ о роспускѣ, она рѣшаетъ не подчиниться ему. Это уже открытый бунтъ. Всегда осторожный Родзянко пытается еще снять съ себя отвѣтственность, посылая Государю отчаянную телеграмму: «Положеніе ухудшается. Надо принимать немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба Родины и Династіи».

Въ теченіе дня событія смѣняются съ кинематографической быстротой. Взбунтовавшаяся учебная команда Волынскаго полка убиваетъ одного изъ своихъ офицеровъ и, увлекая за собой нѣсколько частей Преображенскаго и Литовскаго полковъ, заполняетъ Кирочную, громя казармы жандармскаго дивизіона и школу прапорщиковъ инженерныхъ войскъ. Въ то же время небо освѣщается кровавымъ заревомъ пылающаго окружнаго суда, подожженнаго хулиганами. Двери тюрьмы «Кресты» выламываются толпой, и на волю выпускаютъ цѣлую партію убійцъ и грабителей. Автомобили, биткомъ набитые пьяными вооруженными солдатами, молодыми людьми еврейскаго типа и растрепанными дѣвицами, мчатся во весь опоръ по улицамъ, подъ звуки Марсельезы и безпорядочной стрѣльбы. Евреи и хулиганы арестовываютъ офицеровъ, которые, съ краской стыда на лицѣ, принуждены сдавать имъ оружіе. Горсточка солдатъ, которыми располагаетъ Правительство, мало-по-малу таетъ; чернь уже чуетъ кровь; отрядъ подъ командой полковника Кутепова, посланный противъ бунтовщиковъ, задержанъ по дорогѣ и требуетъ подкрѣпленій, которыхъ уже нѣтъ больше.

Правительство, или вѣрнѣе группа растерянныхъ людей, представляющихъ его, дѣйствуетъ точно во снѣ. На генерала Хабалова жалко смотрѣть, «руки трясутся, равновѣсіе, необходимое для управленія въ такую серьезную минуту, онъ утратилъ», говоритъ военный министръ.

Въ зданіе градоначальства собирается совѣщаніе военныхъ, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, который замѣчаетъ у своихъ подчиненныхъ «полное отсутствіе идей и иниціативы». Собравшіеся офицеры кажутся растерянными, они разглагольствуютъ, колеблются передъ дѣйствіемъ, совѣтуютъ вступить въ переговоры съ Родзянко. Генералъ Бѣляевъ рѣшается наконецъ назначить болѣе энергичнаго человѣка, генерала Занкевича, командующимъ запасными гвардейскими частями. Уже семь часовъ вечера, зимній день клонится къ концу. Но еще ничего не сдѣлано, ничего не рѣшено. Въ градоначальствѣ стоитъ гулъ отъ голосовъ генераловъ и офицеровъ, которые безцѣльно мечутся въ тревогѣ.

Въ этотъ моментъ пріѣзжаетъ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, командующій гвардейскимъ экипажемъ. Онъ возмущенъ трусостью военныхъ властей, выражаетъ свое неудовольствіе на то, что не былъ извѣщенъ о происходя-

щихъ событіяхъ, и настаиваетъ, чтобы генералъ Бѣляевъ принялъ болѣе энергичныя мѣры. Но что можно сдѣлать съ этимъ перепуганнымъ стадомъ? Великій Князь предлагаетъ послать моряковъ гвардейскаго экипажа; эти отборныя войска могли бы служить могучей поддержкой для тѣхъ слабыхъ частей, которыми располагаетъ еще Правительство. Но вѣдь это означало бы борьбу, активное дѣйствіе, — все, чего генералъ Хабаловъ хочетъ во что бы то ни стало избѣжать. Онъ старается уклониться отъ прямого отвѣта подъ предлогомъ, что гвардейскій экипажъ ему не подчиненъ. Великій Князь все же настаиваетъ и посылаетъ потомъ двѣ самыя вѣрныя роты. Неизвѣстно, какая ихъ постигла участь въ невѣроятной сумятицѣ этого рокового вечера.

Событія быстро слѣдуютъ за событіями, какъ удары молота, дробящаго въ пыль все, что составляло великое Государство Россійское. Министры блѣдные, дрожащіе, растерянные собираются въ Маріинскомъ дворцѣ; они съ минуты на минуту ожидаютъ ареста; какіе-то обрывки предложеній слышатся въ ихъ рѣчахъ: — попросить непопулярнаго Протопопова подать въ отставку, объявить осадное положеніе. Но сквозь эти слова все яснѣе просвѣчиваетъ тайное желаніе этихъ жалкихъ людей: уйти, спастись, бѣжать съ тонущаго корабля. И дѣйствительно, зачѣмъ ждать? Съ лихорадочной поспѣшностью составляется телеграмма Государю. Пусть Онъ скорѣе Самъ назначитъ генерала, облеченнаго полномочіями для подавленія возстанія и составитъ отвѣтственное министерство подъ предсѣдательствомъ политическаго дѣятеля, пользующагося всеобщимъ довѣріемъ. Такимъ малодушнымъ самоубійствомъ кончаетъ свое существованіе печальной памяти министерство князя Голицына.

Приходитъ отвѣтъ отъ Государя, твердый и ясный. Это призывъ къ чести и къ долгу: «О главномъ начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе начальнику моего штаба съ указаніемъ немедленно прибыть въ столицу. То же и относительно войскъ. Лично вамъ предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣнъ въ личномъ составѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, считаю ихъ недопустимыми. Николай».

Но тутъ министры протестуютъ, они во что бы то ни стало хотятъ исчезнуть, скрыться, сбѣжать отъ опасности. И они бѣгутъ, къ кому? Къ Родзянко. Насколько князь Голицынъ и

его коллеги спѣшатъ освободиться отъ портфеля, настолько же Родзянко мечтаетъ о немъ. Такимъ образомъ соглашеніе между ними можетъ легко состояться. Нужно повліять на рѣшеніе Государя, но такъ какъ телеграмма князя Голицына дала осѣчку, мѣры на этотъ разъ будутъ приняты самыя рѣшительныя.

Въ огромномъ кабинетѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ собирается странное общество: глава Правительства князь Голицынъ, глава революціи Родзянко, военный министръ и братъ Государя. Здѣсь наскоро перекраиваются основные законы Россійскаго Государства, составляется отвѣтственное министерство, подъ предсѣдательствомъ князя Львова, назначается регентомъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Но почему Родзянко упускаетъ портфель, къ которому онъ протягивалъ уже руки? Ему объяснили, что одного его имени, ненавистнаго Государю, было бы достаточно, чтобы провалить всю комбинацію.

Великій Князь вызываетъ ген. Алексѣева по прямому проводу, сообщаетъ ему о намѣченномъ проектѣ и проситъ немедленно доложить о немъ Государю. Затѣмъ всѣ съ трепетомъ ждутъ отвѣта; онъ приходитъ скоро: «Его Величество благодаритъ за вниманіе, выѣдетъ завтра и самъ приметъ рѣшеніе». [1])

Рѣшительный въ исторіи Россіи день прошелъ въ безполезной бѣготнѣ взадъ и впередъ, въ болтовнѣ, въ посылкѣ телеграммъ, между тѣмъ, какъ на улицахъ льется кровь, и то небольшое количество вѣрныхъ войскъ, которое остается въ распоряженіи генерала Занкевича, таетъ съ каждымъ часомъ. Наступаетъ ночь. Ничего не сдѣлано. Событія воспринимаются съ какимъ-то тупымъ безразличіемъ. Вопросъ уже не въ томъ, чтобы подавить мятежъ, а въ томъ, чтобы запереться въ какомъ-нибудь дворцѣ и держаться тамъ, пока можно. Генералъ Занкевичъ предлагаетъ встрѣтить смерть въ Зимнемъ Дворцѣ, генералъ Комаровъ, комендантъ Зимняго Дворца, предпочитаетъ, чтобы для этого было выбрано другое мѣсто. Въ это время пріѣзжаетъ военный министръ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ; Великому Князю предоставляется рѣшить вопросъ, и онъ соглашается съ мнѣніемъ Комарова. Куда же въ такомъ случаѣ отправиться? Въ Петропавловскую крѣпость? «Невозможно», отвѣчаетъ по телефону комендантъ крѣпости, баронъ

---

[1]) А. Блокъ. Послѣдніе дни стараго режима, стр. 36. Ген. Лукомскій. Изъ воспоминаній. Архивъ Русской Революціи, т. II, стр. 17.

Стааль, дорога туда преграждена баррикадами. Наконецъ, уже на зарѣ, рѣшаютъ отправиться въ Адмиралтейство, которое и укрѣпляется по мѣрѣ возможности.

Въ то время пока министры и генералы, подобно блѣднымъ тѣнямъ на берегахъ Стикса, ожидаютъ Хароновой ладьи, революція быстро организуется въ Таврическомъ Дворцѣ. Но Государственная Дума, всѣми силами призывавшая паденіе стараго режима, почувствовала себя весьма растерянной при видѣ толпы распущенныхъ солдатъ и черни, наводнившей съ утра Таврическій Дворецъ. Солдаты инстинктивно обратились къ единственной законной власти, оставшейся послѣ капитуляціи Правительства: къ Государственной Думѣ. Царь на фронтѣ, улица въ рукахъ черни, — необходимо было создать какую-то силу для противодѣйствія анархіи.

По мнѣнію лидеровъ оппозиціи, народное движеніе уже исполнило свое дѣло — доказало Государю необходимость призвать къ власти буржуазію; теперь пора было утихомирить бурю, но ровно настолько, чтобы стало возможно вступить въ переговоры съ Царемъ.

Въ Екатерининскомъ залѣ непрерывно слышался звучный голосъ Родзянко, обращающійся къ толпѣ. Его слова встрѣчались криками «ура», а за стѣнами военные оркестры безъ остановки играли тягучую, на русскій ладъ передѣланную, Марсельезу.

Около двухъ часовъ пополудни, члены Думы собрались въ Полуциркульномъ залѣ, чтобы обсудить положеніе и попробовать создать нѣчто вродѣ Временнаго Правительства; — по Думскому обычаю записалось несмѣтное количество ораторовъ, и рѣчи слѣдовали за рѣчами, полныя блестящаго и пустого краснорѣчія. Но пока главари оппозиціи, опьяненные побѣдой, исходили въ пустословіи, въ другой сторонѣ дворца, въ комнатѣ № 12, тѣ, кого считали «пушечнымъ мясомъ» мятежа — соціалисты всѣхъ оттѣнковъ, быстро организовывали ту новую власть, въ которой содержались уже всѣ зачатки большевизма.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, этотъ революціонный органъ, имѣлъ свою исторію: созданный двѣнадцать лѣтъ назадъ съ вѣдома предсѣдателя Совѣта Министровъ графа Витте, во время первыхъ безпорядковъ въ Петербургѣ, онъ возглавлялся сперва евреемъ Хрусталевымъ-Носаремъ, а потомъ евреемъ же Бронштейнъ-Троцкимъ. Совѣтъ 1905 года былъ

ликвидированъ Правительствомъ, но бациллы его, хотя и утратившія часть своей вредоносной силы, тѣмъ не менѣе жили еще въ организмѣ Россіи. Поэтому, 27 февраля, какъ только начались безпорядки, комитетъ дѣйствія, собравшійся тайно въ домѣ № 144 на Невскомъ проспектѣ, рѣшилъ возможно скорѣе возродить изъ пепла умершій Совѣтъ. Тотчасъ былъ отданъ объ этомъ тайный приказъ и два дня спустя, въ то время, когда члены Думы, преисполненные гордости, подъѣзжали къ Таврическому Дворцу, подъ клики праздной толпы, другіе, менѣе блестящіе люди, проскальзывали вслѣдъ за ними и были встрѣчаемы Керенскимъ, Чхеидзе и Скобелевымъ, которые «блѣдные, съ горящими глазами», направляли ихъ въ комнату № 12, гдѣ скоро собралось такимъ образомъ девять человѣкъ [1]).

«Время не ждало», разсказывалъ впослѣдствіи одинъ изъ присутствовавшихъ, «событія требовали скорыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій». Было поэтому рѣшено безотлагательно создать Совѣтъ рабочихъ депутатовъ; въ рабочіе кварталы были посланы эмиссары, приглашающіе отъ имени исполнительнаго комитета Совѣта избрать делегатовъ, которые въ тотъ же день, въ семь часовъ вечера, должны были собраться на первое общее собраніе Совѣта.

Другой призывъ главарей обращался спеціально къ солдатамъ. Совѣтъ (въ это время еще не существовавшій) сообщалъ имъ, что принимаетъ мѣры для улучшенія ихъ довольствія. Большевицкая пропаганда начиналась съ желудка. Около девяти часовъ нѣсколько комнатъ дворца наполнились разношерстной толпой сѣрыхъ шинелей, рабочихъ въ картузахъ, интеллигентовъ и молодыхъ людей съ еврейскими носами. Членъ Думы Чхеидзе, позвонивъ въ колокольчикъ, объявилъ засѣданіе открытымъ. Были избраны: предсѣдатель — Чхеидзе и два вице-предсѣдателя — Керенскій и Скобелевъ, а также исполнительный комитетъ.

Тѣмъ временемъ члены Государственной Думы продолжали безъ устали разглагольствовать; наступила ночь, но никакого рѣшенія еще не было принято. Наконецъ отзвукъ того, что замышлялось въ комнатѣ № 12, достигъ до ушей лидеровъ оппозиціи. Тотчасъ же группа Родзянко и Милюкова вступила въ

---

[1]) Извѣстія Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ № 155 (отъ 27 августа 1917) и Русская Лѣтопись, кн. I, стр. 10.

переговоры съ вожаками Совѣта и ровно въ полночь эти переговоры привели къ созданію исполнительнаго комитета Государственной Думы, на который временно и возлагалась власть.

Этотъ комитетъ казался довольно умѣреннымъ по составу, хотя представителей правыхъ партій туда не допустили, а представителямъ лѣвыхъ — Керенскому и Чхеидзе — выпадала очень видная роль. Въ сущности это была полнѣйшая капитуляція «буржуазныхъ» элементовъ революціи передъ представителями пролетаріата. Никогда Родзянко и его единомышленники въ самыхъ своихъ смѣлыхъ чаяніяхъ не шли дальше конституціонной монархіи, управляемой высшими финансовыми кругами и возглавляемой Государемъ, играющимъ лишь декоративную роль. То крикливое и всклокоченное чудовище, которое внезапно выскочило изъ комнаты № 12, какъ чортъ изъ коробки, окончательно запугало непримиримыхъ противниковъ «царизма».

Съ этого момента судьба Россіи была рѣшена; — долгая, мучительная агонія, которая восемь мѣсяцевъ спустя должна была довести страну до большевизма.

2. Въ ставкѣ.

Царскій поѣздъ прибылъ въ Могилевъ 23 февраля. Во время своихъ пребываній въ Ставкѣ, Государь занималъ скромный губернаторскій домъ, гдѣ Онъ отвелъ себѣ только четыре комнаты, предоставивъ остальныя лицамъ Своей свиты. Порядокъ дня былъ распредѣленъ въ Ставкѣ съ незыблемой точностью.

Каждое утро, послѣ чая, Государь отправлялся къ начальнику штаба, генералу Алексѣеву, съ которымъ работалъ до завтрака. Къ завтраку приглашались начальники военныхъ миссій союзныхъ государствъ, а также министры и генералы, пріѣзжавшіе съ докладомъ къ Государю. Остатокъ дня былъ посвященъ работѣ съ перерывомъ для прогулки пѣшкомъ, передъ трехчасовымъ чаемъ; къ обѣду также приглашались военные агенты.

Первыя извѣстія о безпорядкахъ въ Петроградѣ были получены 25 февраля по телеграммамъ генерала Хабалова и министра внутреннихъ дѣлъ. Мы уже говорили выше объ этихъ запоздалыхъ донесеніяхъ, дававшихъ къ тому же весьма неточное

понятіе о происходившемъ. Несмотря на оптимистическія увѣренія въ телеграммѣ военнаго министра, Государь какъ будто почувствовалъ надвигающуюся грозу мятежа и повелѣлъ Хабалову прекратить безпорядки; приказъ этотъ, какъ мы видѣли, совершенно сбилъ съ толку нерѣшительнаго начальника округа. Хотя этотъ обмѣнъ телеграммами не вышелъ за предѣлы кабинетовъ Государя и генерала Алексѣева, все же мало-по-малу какое-то смутное безпокойство овладѣло приближенными Государя; Онъ же Самъ, по обыкновенію, оставался непроницаемымъ.

Въ этотъ же день, сопровождаемый флигель-адъютантомъ полк. Мордвиновымъ, Государь отправился на обычную прогулку; цѣлью ея Онъ избралъ часовню, воздвигнутую въ нѣскольких верстахъ отъ Могилева въ память сраженія, даннаго въ 1812 году Наполеону. Государь казался спокойнымъ, но задумчивымъ. Несмотря на ледяной вѣтеръ, Онъ былъ одѣтъ по обыкновенію въ гимнастерку. По дорогѣ Ему встрѣчались крестьяне въ тулупахъ, кланявшіеся Ему съ тѣмъ благоговѣніемъ, которое русскій народъ всегда проявлялъ къ Помазаннику Божію; нѣкоторые изъ нихъ крестились.

Государь остановился у одной повозки и съ обычной привѣтливостью бесѣдовалъ съ ѣхавшей въ ней крестьянской семьей. Съ Мордвиновымъ Онъ говорилъ о Своемъ безпокойствѣ относительно здоровья Дѣтей: Великая Княжна Анастасія Николаевна только что заболѣла корью, одна лишь Великая Княжна Марія Николаевна еще не заразилась, но Государь боялся, что и Она сляжетъ, какъ сестры и братъ. О возстаніи, о телеграммахъ, о политическомъ положеніи — ни слова.

На другой день, 26 февраля, въ 12 часовъ 40 минутъ, была получена новая телеграмма отъ генерала Хабалова. Она была успокоительнаго содержанія: произошло нѣсколько стычекъ, войска примѣнили оружіе, но теперь въ столицѣ царитъ порядокъ.

Между тѣмъ, въ десять съ половиной часовъ вечера, какъ громъ среди яснаго неба, пришла телеграмма Родзянко: возстаніе разрастается, надо немедленно идти на уступки, иначе все погибло.

Государь еще довѣрялъ Своимъ министрамъ и не допускалъ мысли, чтобы они стали скрывать отъ Него правду.

Онъ бросилъ на столъ телеграмму Родзянко, замѣтивъ министру двора графу Фредериксу: «Опять этотъ толстякъ Род-

зянко мнѣ написалъ разный вздоръ, на который я ему не буду даже отвѣчать»[1]).

Но безпокойное настроеніе все же продолжалось. Принялъ ли Хабаловъ всѣ нужныя мѣры? спрашивали себя въ окруженіи Царя; не разыграется ли снова завтра съ еще бóльшей силой возстаніе, какъ плохо затушенный пожаръ? Однако надо было подать примѣръ спокойствія; Государь предложилъ сыграть партію въ домино; вечеръ тянулся вяло и всѣ рано разошлись.

Первыя телеграммы, полученныя на другой день утромъ, дышали еще какимъ-то офиціальнымъ оптимизмомъ. Но около полудня Императрица протелеграфировала Государю: «Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было»[2]). Затѣмъ, въ часъ дня, другая телеграмма: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войскъ перешло на сторону революціи».

Одновременно новое требованіе Родзянко, гдѣ проглядываетъ уже просто страхъ: «Необходимо принять энергичныя мѣры, рѣшается судьба Династіи». Такъ вскрылась наконецъ правда, которую таили отъ Государя!

Около двухъ часовъ пополудни, спускаясь послѣ завтрака по лѣстницѣ, полковникъ Мордвиновъ былъ остановленъ штабнымъ офицеромъ. «Генералъ Алексѣевъ приказалъ передать лично вамъ эти телеграммы и проситъ васъ, чтобы вы лично же, не передавая никому другому, немедленно доложили Его Величеству». Офицеръ казался очень взволнованнымъ. Мордвиновъ спросилъ его, что это за телеграммы. «Вотъ, прочтите сами, что дѣлается въ Петроградѣ. Сейчасъ, когда я уходилъ изъ штаба, я мелькомъ видѣлъ, что получились еще болѣе ужасныя извѣстія». Телеграммы были распечатаны, Мордвиновъ пробѣжалъ ихъ. Одна была отъ генерала Бѣляева, другая отъ генерала Хабалова. Въ обѣихъ говорилось почти одно и то же: что войска отказываются употреблять оружіе и переходятъ на сторону бунтующей черни, что взбунтовавшіеся запасные батальоны Гренадерскаго и Волынскаго полковъ перебили часть

---

[1]) А. Блокъ. Послѣдніе дни стараго режима, стр. 31. Приведено по показанію гр. Фредерикса.

[2]) А. Блокъ. Тамъ же, стр. 38.

своихъ офицеровъ, что волненіе охватываетъ и другія части и что необходима немедленная помощь.

Мордвиновъ поднялся наверхъ къ кабинету Государя. Онъ постучалъ и вошелъ.

Государь стоялъ около Своего письменнаго стола и разбиралъ какія-то бумаги. «Въ чемъ дѣло, Мордвиновъ?» спросилъ Онъ. Наружно Государь былъ совершенно спокоенъ, но Мордвиновъ чувствовалъ по тону Его голоса, что Ему не по себѣ, и что внутренно Его что-то очень заботитъ и волнуетъ. «Ваше Величество», сказалъ онъ, «генералъ Алексѣевъ просилъ Вамъ представить эти только что полученныя телеграммы. Онѣ ужасны... въ Петроградѣ съ запасными творится что-то невѣроятное»...

Государь молча взялъ телеграммы, бѣгло просмотрѣлъ ихъ, положилъ ихъ на столъ и задумался.

«Ваше Величество, что прикажете передать генералу Алексѣеву?» прервалъ Мордвиновъ эту мучительную паузу.

«Я уже знаю объ этомъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія генералу Алексѣеву. Надо надѣяться, что все это безобразіе будетъ скоро прекращено», отвѣтилъ съ сильной горечью и немного раздраженно Государь. Мордвиновъ позволилъ себѣ настаивать.

«Я еще увижу генерала Алексѣева и переговорю съ нимъ», спокойно, но довольно нетерпѣливо прервалъ его Государь и снова взялъ со стола положенныя телеграммы, чтобы ихъ перечитать.

Мордвиновъ вышелъ встревоженный и разстроенный [1]).

Въ происходящей борьбѣ между Государемъ и революціей, между побѣдой и пораженіемъ, между Россіей и надвигавшейся анархіей, этотъ день 26 февраля является рѣшительнымъ. Если до сихъ поръ Государь могъ надѣяться на перемиріе между политическими партіями передъ лицомъ общаго врага, на вспышку патріотизма со стороны оппозиціи, — эта иллюзія разсѣялась при видѣ мятежа, заботливо подготовленнаго Родзянками, Гучковыми и Милюковыми.

Въ этотъ день Онъ съ утра принялъ Свое рѣшеніе: во что

[1]) А. Мордвиновъ. Отрывки изъ воспоминаній. Русская Лѣтопись, кн. V, стр. 92.

бы то ни стало подавить возстаніе, чтобы спасти фронтъ, чтобы продолжать войну, чтобы сохранить честь Родины.

Надо замѣтить, что въ теченіе этихъ трагическихъ дней, въ которые рѣшалась судьба Россіи, одинъ лишь Государь сохранилъ ясный взглядъ на положеніе, и будь хоть одно изъ Его приказаній толково исполнено, спасены были бы и режимъ, и страна, и побѣда.

Но, можетъ быть, именно моральное одиночество Императора Николая II и Его Семьи и составляло всю великую трагедію Его существованія. Нужно признаться, что Государь былъ окруженъ бездарностями, царедворцами, хотя и честными, но слабыми и эгоистичными, которыхъ смылъ не девятый, а первый валъ бури. Само же Правительство состояло изъ круглыхъ нулей. А дальше уже господствовала измѣна. Ставка Верховнаго Главнокомандующаго въ лицѣ начальствующихъ лицъ почти вся стояла за государственный переворотъ. Мы уже говорили выше о военномъ заговорѣ, который зрѣлъ въ Петроградѣ и къ которому мало-по-малу примкнули нѣкоторые генералы въ Ставкѣ и главнокомандующіе фронтами. Такимъ образомъ, въ теченіе этихъ тревожныхъ дней, когда побѣда и пораженіе зависѣли отъ даннаго во-время распоряженія, отъ какого-нибудь получаса выиграннаго у возстанія, отъ быстро принятаго и тотчасъ исполненнаго рѣшенія, Государь видѣлъ вокругъ себя лишь растерянныя лица, смущенные взоры и то пассивное и эластичное сопротивленіе, которое никакая сила сломить не можетъ, и которое, какъ щупальцы спрута, въ концѣ концовъ парализуетъ и душитъ свою жертву.

Къ вечеру генералъ Алексѣевъ получилъ отъ обезумѣвшаго предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Голицына телеграмму, въ которой онъ настаивалъ на своей отставкѣ, а также на отставкѣ всего кабинета и просилъ составить лѣвое министерство подъ предсѣдательствомъ князя Львова. Это дезертирство Царскаго Правительства ожидалось и учитывалось заранѣе въ Ставкѣ; телеграмма князя Голицына пробудила аппетиты и честолюбія, удовлетворить которые долженъ былъ новый режимъ. Алексѣевъ, чувствуя себя больнымъ, хотѣлъ послать эту телеграмму съ офицеромъ, но генералъ-квартирмейстеръ Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Лукомскій настоялъ, чтобы онъ самъ отправился къ Государю. Вернувшись минутъ черезъ

десять, Алексѣевъ сказалъ, что Государь остался очень недоволенъ содержаніемъ телеграммы князя Голицына и заявилъ, что Самъ составитъ отвѣтъ.

«Но вы попробовали уговорить Государя согласиться на просьбу предсѣдателя Совѣта Министровъ? Вы сказали, что и вы раздѣляете ту же точку зрѣнія?» спросилъ Лукомскій.

«Государь со мною просто не хотѣлъ и говорить. Я чувствую себя совсѣмъ плохо и сейчасъ прилягу. Если Государь пришлетъ какой-нибудь отвѣтъ, сейчасъ же придите мнѣ сказать». И Алексѣевъ, еще не совсѣмъ оправившійся отъ своей болѣзни, ушелъ къ себѣ.

Черезъ нѣкоторое время дежурный офицеръ прибѣжалъ предупредить генерала Лукомскаго, что Государь идетъ въ ихъ помѣщеніе. Лукомскій тотчасъ же спустился и на лѣстницѣ встрѣтилъ Государя, который спросилъ его:

«Гдѣ генералъ Алексѣевъ?»

«Онъ у себя въ комнатѣ; чувствуетъ себя плохо и прилегъ. Прошу Ваше Императорское Величество пройти въ Вашъ кабинетъ, а я сейчасъ позову генерала Алексѣева».

Государь не любилъ безпокоить людей.

«Нѣтъ, не надо. Сейчасъ же передайте генералу Алексѣеву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этомъ скажите, что это мое окончательное рѣшеніе, котораго я не измѣню, а потому мнѣ докладывать еще что-либо по этому вопросу безполезно».

Генералъ Лукомскій взялъ телеграмму, написанную рукою Государя на голубомъ телеграфномъ бланкѣ, и отнесъ ее генералу Алексѣеву.

Какъ мы знаемъ, эта телеграмма призывала князя Голицына и министровъ исполнить свой долгъ и извѣщала о присылкѣ главноначальника, облеченнаго полномочіями. Этимъ временнымъ диктаторомъ былъ генералъ Ивановъ, бывшій главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ.

Итакъ Государь проявилъ Свою волю; Государь отказывался сдаться передъ мятежомъ; Государь принималъ мѣры для подавленія его. Достигни генералъ Ивановъ со своимъ отрядомъ Петрограда, удайся ему собрать нѣсколько вѣрныхъ частей, юнкеровъ, полицію, пусти онъ въ ходъ артиллерію, и революція разсѣялась бы какъ дымъ, вмѣстѣ съ Родзянками, Милюковыми, Алексѣевыми, политиканами въ погонѣ за министерскими порт-

фелями, не въ мѣру честолюбивыми генералами, мелкими аферистами, ловящими рыбу въ мутной водѣ, и крупными акулами, плывущими за государственнымъ кораблемъ.

Генералъ Лукомскій впалъ въ отчаяніе. Онъ снова сталъ настаивать на томъ, чтобы генералъ Алексѣевъ пошелъ умолять Государя уступить князю Голицыну и Родзянко. Алексѣевъ, усталый, больной, подчиняясь, по обыкновенію, болѣе сильной волѣ, отправился, послѣ нѣкотораго колебанія, къ Государю и, вернувшись, сказалъ, что Его Величество рѣшенія не мѣняетъ.

Между тѣмъ выборъ генерала Иванова произвелъ на приближенныхъ Государя хорошее впечатлѣніе. Его командованіе на юго-западномъ фронтѣ было удачнымъ; его большая сѣдая борода, добродушный разговоръ, обходительность, простота вызывали къ нему симпатію. Даже самое имя его — Ивановъ — какое-то нарицательно-русское, какъ будто указывало, что именно онъ, посланный самою судьбою человѣкъ для безболѣзненнаго усмиренія бунта запасныхъ, на которыхъ мѣтко сказанная шутка, крѣпкое словцо, находчивость могутъ произвести бо́льшее впечатлѣніе, чѣмъ стрѣльба изъ пулеметовъ.

Въ этотъ вечеръ генералъ Ивановъ, приглашенный къ Высочайшему столу, оправдалъ свою репутацію. Сидя рядомъ съ Государемъ, онъ, съ присущимъ ему добродушіемъ, разсказывалъ, какъ ему удалось остановить безпорядки въ Кіевѣ одними убѣдительными словами, безъ пролитія крови. Ничего не могло быть Государю болѣе по душѣ.

Вечеромъ было получено отъ Великаго Князя Михаила Александровича сообщеніе по прямому проводу, о которомъ мы говорили выше. Положеніе становилось опаснымъ; таковъ же былъ смыслъ двухъ послѣднихъ телеграммъ Императрицы. Судьба Семьи, больныхъ Дѣтей, Императрицы, отрѣзанныхъ въ Царскосельскомъ дворцѣ, тревожили Государя. Если Онъ и не вполнѣ повѣрилъ офиціальному оптимизму первыхъ донесеній Правительства относительно петроградскихъ событій, все же до полученія невѣроятной телеграммы князя Голицына, Государь не могъ подозрѣвать ни о размѣрѣ движенія, ни о степени растерянности министерства. Съ этого момента настроеніе въ Ставкѣ рѣзко измѣнилось. Безпечность сразу перешла въ подавленность. Адмиралъ Ниловъ не переставая твердилъ: «Насъ всѣхъ вздернутъ на фонарь», а дворцовый комендантъ Воейковъ, который устраивалъ свою квартиру, «прибивалъ шторки, привѣ-

шивалъ картинки» и шутилъ съ сослуживцами, вдругъ понялъ трагичность положенія и сталъ ходить совершенно растерянный.

За вечернимъ чаемъ министръ Двора графъ Фредериксъ явился доложить Государю объ извѣстіяхъ изъ Царскаго Села, только что полученныхъ по телефону отъ оберъ-гофмаршала графа Бенкендорфа. Тотчасъ же послѣ этого лицамъ Свиты было приказано готовиться къ отъѣзду.

Въ 9 часовъ вечера дворцовый комендантъ передалъ ген. Лукомскому приказаніе Государя немедленно приготовить литерные поѣзда для отъѣзда въ Царское Село. Государь хотѣлъ выѣхать никакъ не позже 11 часовъ вечера.

Ген. Лукомскій, конечно, понималъ, что теперь, когда рѣшалась судьба Монархіи въ Россіи, не только каждый часъ, но каждая минута были дороги. И, дѣйствительно, если бы Государь выѣхалъ немедленно, какъ Онъ того хотѣлъ, Царскій поѣздъ не былъ бы задержанъ въ пути, ему не пришлось бы перемѣнить направленіе на Псковъ, гдѣ и была приготовлена ловушка. И тогда ген. Ивановъ со своимъ эшелономъ нашелъ бы въ Царскомъ не изнывающую отъ страшной тревоги за горячо любимаго Супруга, несчастную, окруженную дрожащими, растерянными людьми женщину, а Государя, отъ котораго онъ могъ бы услышать опять то же отчетливое и рѣшительное приказаніе: подавить во что бы то ни стало предательскій бунтъ.

Ген. Лукомскій спѣшить не пожелалъ и заявилъ Воейкову, что литерные поѣзда отправить раньше шести часовъ утра невозможно; «надо приготовить свободный пропускъ по всему пути и всюду разослать телеграммы».

Какія телеграммы разослалъ ген. Лукомскій, мы не знаемъ, но какой свободный пропускъ онъ приготовилъ Царскому поѣзду, мы увидимъ дальше.

Если бы объ этомъ фактѣ не разсказалъ самъ ген. Лукомскій въ своихъ воспоминаніяхъ, можно было бы подумать, что здѣсь просто злостная и неправдоподобная клевета на него. Какъ допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы генералъ-квартирмейстеръ осмѣлился отказать въ немедленномъ исполненіи Высочайшаго повелѣнія? Какъ повѣрить, чтобы Державный Верховный Главнокомандующій во время войны могъ оказаться не въ состояніи срочно выѣхать туда, гдѣ неотложно требовалось Его присутствіе? Какъ не счесть за выдумку, что чинъ

Ставки могъ бы единолично задержать Царя, а слѣдовательно и ходъ исторіи на цѣлые семь роковыхъ для Россіи часовъ?

Но ген. Лукомскій этой затяжкой не удовольствовался; онъ пытался доказать Воейкову, что «рѣшеніе Государя ѣхать въ Царское Село можетъ повести къ катастрофическимъ послѣдствіямъ, что, по его мнѣнію, Государю необходимо оставаться въ Могилевѣ» . . .

Ген. Воейковъ въ споръ съ ген. Лукомскимъ вступать не пожелалъ; онъ кратко отвѣтилъ, что Государь рѣшенія Своего не измѣнитъ, и просилъ срочно отдать необходимыя распоряженія.

Лукомскій рѣшилъ все же испробовать послѣднее средство: побѣжалъ къ больному Алексѣеву, разбудилъ его, заставилъ одѣться и направилъ къ Государю, чтобы отговорить Его отъ поѣздки. Алексѣевъ покорно все это выполнилъ, былъ довольно долго у Государя и, вернувшись, сказалъ, что Его Величество страшно безпокоится за Императрицу и за Дѣтей и рѣшилъ ѣхать въ Царское Село.

Поведеніе ген. Лукомскаго въ эти тревожные дни можетъ показаться загадочнымъ, но онъ самъ беретъ на себя трудъ раскрыть намъ свои настоящія мысли. По его мнѣнію, «выходъ, конечно, былъ. Это немедленный отъѣздъ Государя въ районъ Особой арміи и отправка въ Петроградъ и Москву сильныхъ и вполнѣ надежныхъ отрядовъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Лукомскій находитъ, что «рѣшеніе подавить революцію силою оружія, заливъ кровью Петроградъ и Москву, не только грозило прекращеніемъ на фронтѣ борьбы съ врагомъ, а было бы единственно возможнымъ только именно съ прекращеніемъ борьбы, съ заключеніемъ позорнаго сепаратнаго мира. Послѣднее же было такъ ужасно, что представлялось неизбѣжнымъ сдѣлать все возможное для мирнаго прекращенія революціи» . . . Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ ген. Лукомскій говоритъ, что «не только наши союзники никогда этого не простили бы Россіи, но и общественное мнѣніе Россіи этого не простило бы Государю» [1]).

Разсужденія эти могли бы казаться наивными даже и въ описываемые дни; теперь же, когда мы знаемъ, къ чему повело то, что революцію «силою оружія» не подавили, и что обѣ столицы кровью также залиты не были; когда мы знаемъ, что рецептъ

[1]) Генералъ А. С. Лукомскій. Воспоминанія, т. I, стр. 126—135.

уступокъ, который рекомендовалъ какъ разъ ген. Лукомскій, привелъ не только къ позорному сепаратному миру и къ гибели Государя и Царской Семьи, но и къ крушенію самой Россіи и къ порабощенію русскаго народа; когда и самъ ген. Лукомскій оказался жалкой щепкой, выкинутой бурей на чужеземный берегъ, — то мы съ трудомъ можемъ допустить, чтобы его слова исходили дѣйствительно отъ чистаго сердца.

Въ чемъ же тутъ дѣло? А въ томъ, что, по мнѣнію ген. Лукомскаго, поѣздка Государя въ Особую армію, «на которую можно вполнѣ положиться», была бы умѣстна только въ томъ случаѣ, «если бы Государь не желалъ идти ни на какія уступки»[1]). Итакъ, изъ словъ ген. Лукомскаго явствуетъ, что изъ трехъ возможныхъ рѣшеній: ѣхать въ Особую армію, ѣхать въ Царское Село, оставаться въ Ставкѣ — только послѣднее вызывало необходимость пойти на сговоръ съ революціей. Вотъ почему ген. Лукомскій на этомъ рѣшеніи такъ упорно и настаивалъ.

Прибавимъ еще одну невѣроятную подробность. Несмотря на задержку Царскаго поѣзда на цѣлые лишнихъ семь часовъ, рѣшительно ничего не было предпринято за это время для обезпеченія безпрепятственнаго проѣзда Государя. Если этого не сдѣлалъ ген.-квартирмейстеръ, то со стороны другихъ отвѣтственныхъ лицъ было преступной небрежностью не взять на себя заботу о безопасности Государя, пославъ впереди литерныхъ поѣздовъ поѣздъ съ эшелономъ войскъ, или хотя бы обезпечить Царскіе поѣзда достаточной охраной, чтобы очистить путь отъ взбунтовавшейся черни.

Около часа ночи Государь, одѣтый въ походную шинель изъ солдатскаго сукна и въ папахѣ, вышелъ изъ Своего кабинета и, пожавъ руку генералу Алексѣеву, сѣлъ въ автомобиль съ графомъ Фредериксомъ. Генералъ Ивановъ былъ уже на платформѣ. Государь пригласилъ его войти въ Свой вагонъ, гдѣ между ними и произошелъ откровенный разговоръ о создавшемся тревожномъ положеніи: «Я берегъ не самодержавную власть, а Россію», сказалъ Государь. «Я не убѣжденъ, что перемѣна формы правленія дастъ спокойствіе и счастье народу». Затѣмъ Онъ съ горечью упомянулъ о той клеветѣ, которая преслѣдовала Императрицу и Его Самого, о безплодности Его усилій и лучшихъ намѣреній, всегда дурно истолкованныхъ не-

---

[1]) Генералъ А. С. Лукомскій. Воспоминанія, т. 1, стр. 129.

доброжелательной молвой. Царившая кругомъ тишина, гнетущая тревога послѣднихъ часовъ, этотъ отъѣздъ въ ночь и въ неизвѣстность, смутное предчувствіе надвигающейся катастрофы, слова Государя, звучащія какъ политическое завѣщаніе цѣлаго Царствованія — все это глубоко взволновало стараго солдата. Отвѣчая Государю, онъ чувствовалъ, какъ у него сжималось горло, и голосъ его нѣсколько разъ прерывался [1]).

Было около двухъ часовъ, когда Государь отпустилъ Иванова. Онъ обнялъ его, и оба перекрестились.

3. Начало развала.

Не успѣлъ Думскій комитетъ образоваться, какъ онъ сразу же столкнулся съ затрудненіями, которыхъ, конечно, не предвидѣли зачинщики «буржуазной» революціи. Новая власть, выросшая, какъ ядовитый грибъ, въ ночь на 27 февраля, — Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, — съ перваго же дня проявила полнѣйшее презрѣніе къ формамъ законности, за которую въ отчаяніи цѣплялась Дума. Послѣ крушенія Царскаго Правительства, снесеннаго революціонной волной, единственная законная власть, существовавшая въ столицѣ, была Дума, — учрежденіе государственное и къ тому же избранное самимъ народомъ. На фронтѣ Государь, въ Петроградѣ Дума — вотъ тѣ два центра, которые, согласившись между собой, могли еще предотвратить катастрофу.

Дума не только могла, но, можетъ быть, въ началѣ и хотѣла сыграть такую роль. То, что Дума, послѣ паденія министерства князя Голицына, не пыталась посягнуть на самый принципъ Монархіи, было хорошимъ признакомъ; войска, непрерывно прибывающія съ музыкой въ Таврическій Дворецъ, какъ будто представляли поддержку порядка противъ надвигающейся анархіи.

Въ такомъ смыслѣ и было понято и Государемъ, и Императрицей, и окружавшими Ихъ лицами, составленіе Думскаго комитета.

Утромъ 28 февраля Императрица говорила Жильяру, воспитателю Наслѣдника:

---

[1]) Ген. Д. Н. Дубенскій. Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи. Русская Лѣтопись, кн. III, стр. 40.

«Дума оказалась на высотѣ. Она, полагаю, поняла, что странѣ грозитъ опасность, но боюсь, что уже слишкомъ поздно, — образовался соціалъ-революціонный комитетъ, который не хочетъ признавать власти Временнаго Правительства»[1]).

Итакъ, на мѣстѣ развалившагося Царскаго Правительства, встаютъ двѣ новыя, враждебныя другъ другу силы: Думскій комитетъ и соціалистическій Совѣтъ. Дума — это парламентскій режимъ, Совѣтъ — анархія.

Надо или выбирать между ними, или ждать. Но чего? Возвращенія Государя, прибытія войскъ генерала Иванова? Но не пріѣдетъ ли Государь слишкомъ поздно, не свершится ли все въ теченіе этихъ нѣсколькихъ часовъ неустойчиваго равновѣсія, когда одного момента слабости со стороны Думы достаточно, чтобы разразились сдерживаемыя доселѣ разрушительныя силы?

1 марта Великій Князь Павелъ Александровичъ дѣлаетъ со своей стороны попытку спасти положеніе уступкой: онъ составляетъ, отъ имени Государя, манифестъ, дарующій конституцію; этотъ документъ, отпечатанный на машинкѣ, немедленно отправляется въ Александровскій дворецъ на подпись Императрицѣ. Несмотря на просьбы генерала Гротена, который даже становится передъ Ней на колѣни, Императрица отказываетъ въ Своей подписи; формально Она права, ибо ничья подпись не можетъ замѣнить подпись Государя на такомъ важномъ актѣ. Впрочемъ, какъ мы увидимъ, Императрица, въ теченіе этихъ тревожныхъ дней, проявляя мужество и силу духа необычайныя, неизмѣнно показывала, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣръ истинной вѣрноподданной. Признавая лишь волю Государя, Она осуждала всѣ попытки, предпринятыя безъ Его вѣдома, даже тѣми, кто надѣялся уступками сохранить Ему Престолъ, и объ этомъ сообщала Супругу Своему въ письмахъ, посланныхъ Ему въ эти тяжелые дни.

Но время не терпитъ, быть можетъ манифестъ ненадолго успокоитъ умы. Великій Князь Павелъ Александровичъ подписываетъ его и срочно посылаетъ Великимъ Князьямъ Михаилу Александровичу и Кириллу Владиміровичу, которые тоже ставятъ свои подписи. Манифестъ тотчасъ относятъ въ Думу, гдѣ передаютъ Милюкову, который, бросивъ на него бѣглый взглядъ, прячетъ его небрежно въ портфель, замѣтивъ: «Вотъ интересный документъ». Мы увидимъ впослѣдствіи, что это не было един-

---

[1]) P. Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille, стр. 176.

ственнымъ документомъ капитальной важности, перехваченнымъ не особенно щепетильнымъ лидеромъ кадетовъ.

По Царскосельской дорогѣ поѣзда больше не ходятъ, телефонныя сообщенія прерваны. Встревоженный Великій Князь Павелъ Александровичъ посылаетъ въ тотъ же вечеръ слѣдующее письмо своему племяннику Великому Князю Кириллу Владиміровичу:

1 марта 1917 г.

Дорогой Кириллъ,

Ты знаешь, что я черезъ Н. И. въ контактѣ съ Государственной Думой. Новое теченіе, желающее назначить Мишу регентомъ, мнѣ ужасно не нравится. Это недопустимо и возможно, что это только интриги Брасовой, а, можетъ быть, это только сплетни. Но мы должны быть на чеку и всячески, всѣми способами, сохранить Ники Престолъ. Если Ники подпишетъ манифестъ о конституціи, нами утвержденный, то вѣдь этимъ исчерпываются всѣ требованія народа и Временнаго Правительства. Переговори съ Родзянко и покажи ему это письмо.

Крѣпко тебя обнимаю.

Твой дядя Павелъ.

На слѣдующій день Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ отвѣчаетъ слѣдующимъ письмомъ, имѣющимъ несомнѣнное историческое значеніе:

2 марта 1917 г.

Дорогой дядя Павелъ,

Относительно вопроса, который тебя безпокоитъ, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно съ тобою согласенъ, но Миша, несмотря на мои настойчивыя просьбы работать ясно и единомышленно съ нашимъ Семействомъ, прячется и только сообщается секретно съ Родзянко. Я былъ всѣ эти послѣдніе дни совершенно одинъ, чтобы нести всю отвѣтственность передъ Ники и Родиной, спасать положеніе, признавая Временное Правительство.

Обнимаю Кириллъ.

Въ теченіе этого дня Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ не оставался бездѣятельнымъ. Два дня тому назадъ, какъ мы говорили, онъ предлагалъ растерянному Хабалову поддержку Гвардейскаго экипажа для подавленія возстанія; теперь онъ воз-

обновляетъ это предложеніе Родзянко, приводя въ Думу отрядъ этой части. Неожиданно счастливый случай для Думы укрѣпить свою власть, опираясь на представителя Царствующей Династіи! Но Родзянко отклоняетъ это предложеніе, и жестъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича остается напраснымъ.

Теперь, когда историческая перспектива позволяетъ намъ судить о событіяхъ въ общей ихъ картинѣ, а не по отдѣльнымъ эпизодамъ, мы понимаемъ, что составившееся въ то время мнѣніе о роли Думы и въ частности Родзянко, было совершенно ошибочно. Происходило это заблужденіе оттого, что Государь и Его Семья, несмотря на все презрѣніе, съ которымъ Они относились къ февральскимъ революціонерамъ, все же переоцѣнивали значеніе этихъ людей. Государю не могло придти въ голову, что столь жаждавшій власти Родзянко окажется неспособнымъ удержать эту власть хотя бы въ теченіе двадцати четырехъ часовъ. Двадцать четыре часа! Ровно столько, сколько было нужно, чтобы подавить возстаніе, давъ возможность Государю и генералу Иванову пріѣхать во-время.

Но въ тотъ самый моментъ, когда Дума со своимъ предсѣдателемъ, либеральное русское общество, Земгоръ, прогрессивный блокъ, фрондирующая аристократія, большая пресса, интеллигенція — словомъ все то, что воображало себя представителями Россіи, казалось побѣдили Царское самодержавіе; въ тотъ самый моментъ, когда какъ будто ничто уже не препятствовало осуществленію ихъ завѣтныхъ мечтаній: всесильнаго парламента, правящаго черезъ своихъ министровъ самой большой имперіей въ мірѣ; въ этотъ моментъ опьяненія побѣдой — неожиданно рухнуло все. Власть, организовавшаяся подъ шумокъ въ комнатѣ № 12, вдругъ подняла свой голосъ, чтобы наложить рѣшительное veto на туманныя чаянія русскихъ жирондистовъ.

Совѣтъ, захвативъ революцію въ свои руки, требовалъ подчиненія своей волѣ буржуазнаго Временнаго Правительства, роль котораго сводилась бы только къ расчисткѣ развалинъ самодержавія. Исполнивъ свое дѣло, эти политическіе метельщики должны были исчезнуть, чтобы уступить мѣсто настоящимъ представителямъ пролетаріата. Либеральная Имперія? Конституція? Демократическая республика? Все это дѣтскія игрушки, миражъ для забавы общественнаго мнѣнія при Царскомъ режимѣ; теперь же съ этой бутафоріей пора было по-

кончить. Едва составленный Думскій комитетъ, такимъ образомъ, уже являлся устарѣвшимъ, и сама Дума, наканунѣ еще столь горделивая, когда она стояла во главѣ оппозиціи, разсѣивалась, какъ дымъ. Ее должно было замѣнить Временное Правительство, то есть министерство, не имѣющее уже ничего конституціоннаго и находящееся въ полномъ подчиненіи у Совѣта. Поднялись пререканія объ условіяхъ, объ именахъ, объ обязанностяхъ этого новаго двуликаго Правительства. Временами Родзянко въ ужасѣ отступалъ отъ разверзнувшейся у ногъ его пропасти; онъ предлагалъ соціалистамъ Совѣта взять на себя власть цѣликомъ. Жалкое признаніе безпомощности, полнѣйшая капитуляція буржуазныхъ элементовъ передъ кулакомъ второго интернаціонала, подготовлявшаго пути большевизму! Но Совѣтъ отказался. «Буржуи», начавшіе революцію, сами обязаны вырыть ту могилу, въ которой будутъ погребены ихъ надежды.

Совѣтъ примѣнялъ тѣ же пріемы для оказанія давленія на Думскій комитетъ, какіе примѣняла оппозиція для терроризированія Царскаго Правительства — запугиваніе призракомъ кровопролитія; но Чхеидзе и прочіе агенты большевизма вели свою игру рѣшительнѣе, чѣмъ Родзянко. Малѣйшая попытка сопротивленія подавлялась при помощи искусно вызваннаго волненія толпы на улицѣ.

Черезъ два дня послѣ своего созданія Думскій исполнительный комитетъ фактически уже больше не существовалъ. Становилась ясной необходимость какой-то власти, какого-то правящаго центра. На самомъ дѣлѣ, это Правительство было уже давнымъ-давно подготовлено, министерскіе портфели распредѣлены не безъ упорной борьбы, разочарованій честолюбій, ожесточенныхъ соревнованій; но все же эта власть, продуманная до мельчайшихъ подробностей, существовала, и можно сказать, что на этотъ разъ, вопреки пословицѣ, удалось заранѣе раздѣлить шкуру неубитаго еще медвѣдя.

Государь безъ власти, всемогущая Дума и отвѣтственное министерство — вотъ та программа, къ осуществленію которой всегда стремилась либеральная оппозиція съ упорствомъ, готовымъ даже пожертвовать интересами національными въ пользу интересовъ политическихъ. Но едва только взошла заря этихъ чаяній, какъ одна изъ этихъ иллюзій разсѣялась, какъ призракъ. Дума перестала существовать. Останется ли по крайней

мѣрѣ призракъ Царя? О Государѣ Николаѣ II безполезно было и говорить, Онъ никогда не согласился бы царствовать, не управляя, заботясь только о Своемъ «цивильномъ листѣ».

Но если, какъ было рѣшено, добиться Его отреченія? Въ такомъ случаѣ все еще могло уладиться; на Престолъ вступилъ бы малолѣтній Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ, въ качествѣ конституціоннаго Монарха, съ регентствомъ Великаго Князя Михаила Александровича, человѣка добраго, прекраснаго, но слабаго, безвольнаго, который добросовѣстно сталъ бы исполнять все, что ему предпишутъ.

Между тѣмъ, главари Думскаго комитета начинали чувствовать свое положеніе непрочнымъ. Таврическій дворецъ день и ночь наводнялся бунтующей, нервной, несдержанной толпой. Каторжники, выпущенные на волю «освобожденнымъ» народомъ, обращались въ политическихъ вожаковъ, къ словамъ которыхъ прислушивалась чернь; запасные, мечтавшіе о возвращеніи въ свои деревни, разинувъ рты, упивались ихъ пораженческимъ краснорѣчіемъ. Подъ сводами большого Екатерининскаго зала, видѣвшаго нѣкогда блескъ двора Великой Императрицы, какъ прибой морскихъ волнъ, колыхалась сѣрая масса, сѣрыя солдатскія шинели, сѣрыя папахи, сѣрыя истомленныя волненіемъ и тремя безсонными ночами лица. Временами поднималась буря, крики переходили въ вой, — это приводили бывшаго министра, арестованнаго солдатней. Всѣ они, безъ исключенія, держали себя съ холоднымъ презрительнымъ достоинствомъ, несмотря на угрожающіе крики, сжатые кулаки и щелканье ружейныхъ затворовъ.

Столь неосторожно поднятая либералами мутная волна грозила уже захлестнуть тотъ самый новый режимъ, который долженъ былъ явиться зарей свободы.

Ночь съ 1 на 2 марта прошла въ возрастающей съ каждымъ часомъ тревогѣ. Самъ Совѣтъ чувствовалъ себя безсильнымъ противостоять народному потоку. «Все погибло», заявилъ даже предсѣдатель Совѣта Чхеидзе. Около трехъ часовъ утра человѣкъ восемь измождённыхъ, дрожащихъ отъ страха людей собрались въ одной изъ маленькихъ комнатъ Думскаго дворца.

Извнѣ доносился ревъ торжествующаго мятежа, гдѣ-то стрѣляли, организовывалась оккультная и неумолимая власть, диктующая свою волю, направляющая удары, шагающая черезъ трупы. А здѣсь, подъ рѣзкимъ свѣтомъ электричества, падающимъ на

ихъ землистыя лица, тряслись, какъ въ лихорадкѣ, новые властители Россіи, члены исполнительнаго комитета Государственной Думы. Непостоянная толпа уже позабыла объ этихъ жалкихъ паяцахъ, имена которыхъ не запомнитъ даже исторія.

Тутъ, среди испуганнаго шепота, появился Гучковъ. Мертвенно-блѣдный, съ трясущейся челюстью, этотъ гордый трибунъ разсказалъ, что только что убили ѣхавшаго съ нимъ князя Вяземскаго, что войска взбунтовались въ казармахъ... Они не признавали больше никакого Правительства, положеніе было безнадежно...

Богамъ революціи нужна была жертва. И этой жертвой долженъ быть Царь.

«Тогда, можетъ быть, когда мы бросимъ имъ корону Романовыхъ, народъ пощадитъ насъ; Ставка, Алексѣевъ и генералы, давно уже сочувственно относятся къ мысли о государственномъ переворотѣ. — Надо рѣшаться, чтобы другіе не сдѣлали этого раньше насъ: минута запозданія, нерѣшительности и мы погибли». — «Поѣду просить Государя отречься отъ Престола», заявляетъ Гучковъ. «Кто поѣдетъ со мной?» — «Я», отвѣчаетъ Шульгинъ. И два члена русской Директоріи, поднявъ воротники, чтобы скрыть свои лица, отправляются отдаленными закоулками на вокзалъ и умоляютъ начальника станціи дать имъ возможность проѣхать въ Псковъ. Черезъ десять минутъ поѣздъ увозитъ ихъ, а съ ними и судьбу Россіи.

Таковы были жалкіе люди, которые выдали себя передъ Государемъ за уполномоченныхъ представителей русскаго народа! [1])

. . . .

Между тѣмъ, неумолимая Сила, управляющая судьбами людей и государствъ, одновременно двигала свои фигуры на шахматной доскѣ исторіи.

Пока Царскій поѣздъ мчался къ назначенной судьбой цѣли, солнце взошло надъ послѣдними остатками Императорскаго Правительства, переходившаго изъ одного убѣжища въ другое и, наконецъ, укрывшагося подъ сѣнью «свѣтлой Адмиралтейской иглы»... Здѣсь оставалось всего нѣсколько генераловъ: воен-

---

[1]) По разсказу В. В. Шульгина, приведенному въ «Послѣднихъ Новостяхъ» 4 января 1922 г. и въ Русской Лѣтописи, кн. III, стр. 211—212.

ный министръ, главный начальникъ округа, комендантъ Петрограда, градоначальникъ.

Гдѣ же были министры, предсѣдатель Совѣта Министровъ, гражданскія власти? Они растаяли во тьмѣ этой тревожной ночи. Однако дѣйствовать было необходимо: только что отпечатали афиши объ осадномъ положеніи, надо было ихъ расклеить на стѣнахъ столицы. Но... не нашлось ни кистей, ни клея. Хабаловъ вялымъ голосомъ приказалъ двумъ околоточнымъ развѣсить нѣсколько такихъ афишъ на рѣшеткѣ Александровскаго сада. Первый же порывъ вѣтра весело закрутилъ по Адмиралтейской площади клочки разорванныхъ бумагъ: это все, что осталось отъ осаднаго положенія и отъ самаго Правительства.

Около восьми часовъ утра генералъ Ивановъ, выѣзжая вмѣстѣ со своимъ отрядомъ изъ Могилева, вызвалъ по прямому проводу главнаго начальника Петроградскаго округа и поставилъ ему цѣлый рядъ вопросовъ относительно положенія. Въ отвѣтахъ Хабалова звучала полнѣйшая безнадежность: вѣрныхъ частей больше нѣтъ, городъ во власти мятежниковъ, министры арестованы.

Въ полдень морской министръ адмиралъ Григоровичъ, желая выслужиться передъ новой властью, послалъ своего адъютанта предложить генераламъ немедленно покинуть Адмиралтейство. Собравшись на послѣднее совѣщаніе, они постановили не продолжать сопротивленія, хотя, по правдѣ сказать, особо героическаго сопротивленія оказано и не было. Бродившіе во дворѣ остатки частей были распущены. Въ тотъ же день солдатня арестовала генерала Хабалова; что же касается военнаго министра генерала Бѣляева, то, укрывшись сначала въ своемъ казенномъ домѣ, затѣмъ въ министерствѣ, потомъ въ Генеральномъ штабѣ, преслѣдуемый, загнанный чернью, онъ, наконецъ, съ отчаянія бросился прямо къ волку въ пасть, то есть въ Государственную Думу.

Тамъ онъ заявилъ, что желаетъ лишь вернуться къ частной жизни и готовъ даже дать подписку остаться въ распоряженіи Думы. Въ отвѣтъ на это его отправили въ казематъ Петропавловской крѣпости, поразмыслить на покоѣ о великодушіи новыхъ властителей Россіи.

4. Кругомъ измѣна и трусость и обманъ.

Было около шести часовъ утра, когда Царскій поѣздъ отбылъ изъ Могилева. Свита Государя уѣхала немного раньше, и оба поѣзда, какъ темные призраки съ яркими огнями, мчались въ блѣднѣвшую уже синюю, звѣздную, зимнюю ночь, среди спящихъ полей, селъ и городовъ.

На другой день миновали благополучно Смоленскъ и Вязьму. На пути между Вязьмой и Бологое офицеры перваго поѣзда узнали отъ находящагося на вокзалѣ инженера, что въ Петроградѣ составлено Временное Правительство; рѣшено было сообщить это извѣстіе дворцовому коменданту генералу Воейкову, сопровождавшему Государя; письмо на его имя было передано офицеру, который сошелъ, чтобы дождаться Царскаго поѣзда. Въ Бологомъ былъ полученъ отвѣтъ генерала Воейкова: приказаніе во что бы то ни стало доѣхать до Царскаго Села.

Настала ночь; около часа первый поѣздъ прибылъ на станцію Малая Вишера. Къ генералу Цабель явился перепуганный офицеръ и сообщилъ, что слѣдующія станціи — Любань и Тосно — уже заняты взбунтовавшимися войсками.

Итакъ путь въ Царское былъ отрѣзанъ; надо было ждать пріѣзда Государя, а затѣмъ выяснится, какія придется принять рѣшенія.

Тѣмъ временемъ, Царскій поѣздъ слѣдовалъ двумя часами позднѣе по тому же маршруту, восторженно встрѣчаемый на станціяхъ народомъ. Въ эту благонамѣренную и тихую провинціальную глушь о петроградскомъ возстаніи доносились лишь отдаленные слухи, неопредѣленные и неясные.

Для молодыхъ солдатъ, ожидавшихъ на вокзалѣ заброшенной станціи поѣзда, который увезетъ ихъ на фронтъ, все: дѣйствительность и надежда, — воплощалось въ томъ человѣкѣ, чье блѣдное, печальное и задумчивое лицо мелькнуло за сверкающими окнами Царскаго вагона.

И какія мысли тревожили сердце Самодержца, властителя ста восьмидесяти милліоновъ людей и обладателя шестой части земного шара, когда, одиноко сидя въ Своемъ вагонѣ, Онъ слышалъ тысячи восторженныхъ голосовъ, поющихъ «Боже, Царя храни»? Гдѣ правда? Кому вѣрить? Министрамъ и генераламъ, слабымъ, нерѣшительнымъ, растеряннымъ или голосу этихъ солдатъ, идущихъ на смерть съ молитвой за Царя? И

что такое представляла въ сравненіи съ этой огромной Имперіей, съ этими милліонами людей, живущими и умирающими въ вѣрности Помазаннику Божію, горсточка бунтовщиковъ, заливающихъ кровью улицы Петрограда?

Между тѣмъ изъ Ставки приходили странныя телеграммы... повидимому тамъ поднималась паника передъ развертывающимися въ столицѣ событіями... мятежъ какъ будто распространялся, и Правительство было не въ силахъ возстановить порядокъ.

Генералъ Алексѣевъ сообщалъ, на основаніи донесенія военнаго министра генерала Бѣляева, что большинство войскъ въ столицѣ перешло на сторону возставшихъ, и что одна лишь Государственная Дума и ея предсѣдатель Родзянко могли бы еще имѣть достаточно авторитета, чтобы удержать порядокъ.

Государю было извѣстно, что Родзянко давно стремился стать предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Этотъ либеральный баринъ, ставшій, благодаря гибкости своихъ политическихъ взглядовъ, во главѣ оппозиціи, не внушалъ Ему никакого довѣрія. Все же, при создавшемся положеніи и несостоятельности министерства князя Голицына, Государю приходилось считаться съ человѣкомъ, котораго Его штабъ и всѣ прочіе генералы представляли Ему, какъ единственно способнаго привести всѣхъ къ соглашенію и заградить путь революціонному потоку.

Итакъ Родзянко была послана телеграмма, приглашающая его выѣхать навстрѣчу Государю, чтобы переговорить о положеніи.

Но полученная тутъ же совершенно неожиданно телеграмма, подписанная нѣкимъ Бубликовымъ, именующимъ себя министромъ путей сообщенія, и извѣщающая, что старая власть свергнута и учреждено Временное Правительство, вызвала тягостное недоумѣніе. Кто былъ этотъ Бубликовъ, вчера неизвѣстный никому, а сегодня одинъ изъ самозванныхъ правителей Россіи?

Около двухъ часовъ ночи Царскій поѣздъ тихимъ ходомъ подошелъ къ станціи Малая Вишера. Вокзалъ былъ слабо освѣщенъ и замѣчалось какое-то большое оживленіе.

Выходя изъ вагона на платформу, флигель-адъютантъ полковникъ Мордвиновъ столкнулся съ генераломъ Дубенскимъ, сопровождавшимъ первый поѣздъ.

«Вы какими судьбами остались здѣсь?» удивленно спросилъ Мордвиновъ.

«Мы всѣ здѣсь, весь нашъ поѣздъ», съ озабоченной тревогой отвѣтилъ Дубенскій, «намъ не совѣтуютъ ѣхать дальше, такъ какъ по слухамъ Любань и Тосно тоже заняты революціонерами, и мы рѣшили подождать васъ, чтобы спросить, какъ поступить дальше».[1])

Разбудили генерала Воейкова. Заспанный Воейковъ вошелъ въ вагонъ Государя и скоро вышелъ съ приказаніемъ вернуться въ Бологое. Оттуда будетъ взято направленіе на Псковъ, гдѣ стоитъ штабъ главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта, генерала Рузскаго [2]).

Роковое рѣшеніе! Государь не зналъ, что генералъ-адъютантъ Рузскій былъ на сторонѣ революціи, и что Псковъ становился такимъ образомъ западней, куда невидимая рука направляла слишкомъ довѣрчиваго Монарха.

Стоялъ холодный, но солнечный день; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе сѣверной весны, пробужденія природы отъ зимней спячки.

Оба поѣзда мчались на всѣхъ парахъ къ Пскову, куда должны были прибыть вечеромъ. Въ Старой Руссѣ на платформѣ станціи скопилась многочисленная толпа; когда Императорскій поѣздъ прошелъ мимо замедленнымъ ходомъ, могучее «ура» сотрясло воздухъ. Монахини мѣстнаго монастыря тѣснились вокругъ станціонной часовенки. Давно уже разсѣялся въ голубомъ воздухѣ дымъ паровоза, а монашенки все еще глядѣли своими дѣтски невинными глазами вслѣдъ незабвенному видѣнію и шептали съ благодарностью: «Слава Богу, удалось хотя въ окошкѣ увидать Батюшку Царя».[3])

Около восьми часовъ вечера Царскій поѣздъ прибылъ на станцію Псковъ.

Древній, славный нѣкогда Псковъ незамѣтно сошелъ на лѣнивое, спокойное, никакими событіями не нарушаемое, прозябаніе, подъ малиновый звонъ колоколовъ безчисленныхъ своихъ монастырей. Даже война не смогла стрях-

---

[1]) А. Мордвиновъ. Отрывки изъ воспоминаній, Русская Лѣтопись, кн. V, стр. 102.

[2]) Ген. Д. Н. Дубенскій. Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи, Русская Лѣтопись, кн. III, стр. 43.

[3]) Ген. Д. Н. Дубенскій. Тамъ же, стр. 45.

нуть этого оцѣпененія; оживленіе крупнаго военнаго центра, рой офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, наполняющій улицы, проходящія войска, прибытіе партіи раненыхъ, все это скользило по поверхности, не задѣвая мелочнаго распорядка жизни маленькаго города.

И всѣ тѣ событія, которымъ суждено было произойти въ теченіе этихъ трехъ мартовскихъ дней, тоже не вышли за предѣлы Царскаго поѣзда, станціи и штаба генерала Рузскаго. Даже самъ Псковскій губернаторъ, приглашенный къ Царскому столу, вернулся къ себѣ со спокойной душой, не подозрѣвая о разыгрывающейся трагедіи, свидѣтелемъ которой онъ случайно оказался.

Главнокомандующій арміями сѣвернаго фронта, извѣщенный телеграммой о скоромъ прибытіи Государя, предусмотрительно запросилъ инструкцій изъ Ставки.

За два дня до этого генералъ Рузскій получилъ отъ предсѣдателя Думы длинную телеграмму, въ которой Родзянко настойчиво уговаривалъ его добиться отъ Государя согласія на созданіе парламентскаго министерства, подъ предсѣдательствомъ самого же Родзянко. Рузскій, почуя въ Родзянко возможнаго вождя нарождающейся революціи, поспѣшилъ телеграфировать Государю. Тѣмъ не менѣе, зная, какъ высоко ставилъ Государь Свой долгъ Императора Самодержца, генералъ Рузскій предусмотрительно оставилъ себѣ на всякій случай лазейку, составивъ телеграмму въ столь неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что ее можно было растолковать двояко, въ зависимости отъ того, что возьметъ окончательно верхъ, порядокъ или мятежъ [1]).

Но съ тѣхъ поръ положеніе измѣнилось. 28 февраля генералъ Алексѣевъ сообщаетъ Рузскому копію своей телеграммы генералу Иванову. Въ этой телеграммѣ Алексѣевъ даетъ совѣтъ остановить начатыя дѣйствія и вступить въ переговоры съ временнымъ комитетомъ, созданнымъ Думой. 1 марта Родзянко телеграфируетъ Рузскому, что Царское министерство пало и власть перешла къ временному комитету, составъ котораго сообщается другой телеграммой петроградскаго телеграфнаго агентства: Родзянко, Керенскій, Чхеидзе, Шульгинъ, Милюковъ, Карауловъ, Коноваловъ, Дмитрюковъ, Ржевскій, Шидловскій, Некрасовъ, Львовъ.

---

[1]) Эти телеграммы и слѣдующія, относящіяся къ событіямъ, связаннымъ съ отреченіемъ Государя, приведены полностью въ кн. III Русской Лѣтописи, стр. 112—160.

Наконецъ 1 марта въ 5 ч. 45 м. генералъ Рузскій получаетъ изъ Ставки точныя инструкціи требовать отъ Государя, тотчасъ по Его прибытіи, назначенія Родзянко предсѣдателемъ Совѣта министровъ.

Генералъ Рузскій соображаетъ, что между только что создавшимся революціоннымъ Правительствомъ и Ставкой существуетъ тайное соглашеніе. Онъ понимаетъ въ этотъ моментъ, что судьба государства зависитъ исключительно отъ него; у него въ рукахъ преданная и вѣрная армія, гдѣ онъ легко можетъ почерпнуть нужныя части для подавленія петроградскаго возстанія. Но, съ другой стороны, выскажись онъ за Родзянко и за Ставку, и Государь, одинъ, всѣми покинутый, принужденъ будетъ уступить.

Генералъ Рузскій, какъ мы видѣли, ожидалъ возможности государственнаго переворота. Онъ готовъ измѣнить своему Царю, но хочетъ самъ выбрать для этого время.

Государь не подозрѣвалъ о намѣреніяхъ Своего генералъ-адъютанта; Онъ вполнѣ довѣрялъ ему и съ нетерпѣніемъ ждалъ его, чтобы обсудить необходимыя мѣры.

Черезъ нѣсколько минутъ по прибытіи Царскаго поѣзда генералъ Рузскій появился на платформѣ.

Наружность главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта не имѣла ничего воинственнаго. Это былъ старикъ съ блѣднымъ, худымъ и брюзгливымъ лицомъ, съ рѣдкими, сѣдыми усами и маленькими, прикрытыми очками, безпокойными глазами. Онъ шелъ большими шагами, согнувшись, въ небрежно накинутой на плечи сѣрой шинели и въ сапогахъ съ калошами.

Генерала Рузскаго сопровождалъ его начальникъ штаба генералъ Даниловъ, маленькій брюнетъ, извѣстный въ арміи подъ прозвищемъ «черный Даниловъ».

Пока ходили докладывать Государю, генералъ Рузскій, полулежа на диванѣ, въ купе князя Долгорукова, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ на многочисленные вопросы лицъ Свиты.

Наконецъ послышался глухой старческій голосъ министра Двора графа Фредерикса: «Николай Владиміровичъ», сказалъ онъ, «Вы знаете, что Его Величество слѣдуетъ въ Царское Село, гдѣ находится сейчасъ Императрица съ больными Дѣтьми. Вы знаете, что въ столицѣ возстаніе; не имѣя возможности достигнуть Царскаго, Государь рѣшилъ ѣхать въ Псковъ, чтобы посо-

вѣтоваться съ вами. Ваша обязанность помочь возстановить порядокъ».

Генералъ Рузскій въ отвѣтъ разразился горькими упреками, повторяя на всѣ лады, что никто не слушалъ его совѣтовъ и что теперь слишкомъ поздно, чтобы спасти положеніе.

«Но надо же наконецъ что-нибудь сдѣлать!» послышалось нѣсколько взволнованныхъ голосовъ.

Генералъ Рузскій промолчалъ. Потомъ, съ насмѣшливой улыбкой, онъ отчеканилъ:

«Теперь остается только сдаться на милость побѣдителя».

Эти слова произвели впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Въ это мгновеніе пустые и легкомысленные царедворцы, привыкшіе эгоистично тѣшить себя поверхностнымъ оптимизмомъ, вдругъ съ ужасомъ и негодованіемъ увидѣли, какую пропасть вырыла передъ ними измѣна.

Становилось очевиднымъ, что Родзянко, Ставка и генералъ Рузскій дѣйствовали въ полномъ согласіи, и что вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ долженъ былъ лишь замаскировать настоящую цѣль возстанія: отреченіе Государя[1]).

Государь принялъ главнокомандующаго и послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ пригласилъ его къ Своему столу, назначивъ ему на вечеръ частную аудіенцію.

Обѣдъ прошелъ быстро... настроеніе было натянутое... Одинъ Государь, спокойный и любезный какъ всегда, совершенно просто разговаривалъ съ генераломъ Рузскимъ и графомъ Фредериксомъ, сидящимъ съ Нимъ рядомъ.

Послѣ обѣда главнокомандующій ушелъ за необходимыми документами и возвратился къ десяти часамъ.

Государь сидѣлъ за столомъ, передъ Нимъ была разложена большая карта сѣвернаго фронта. Генералъ сѣлъ противъ Него.

Послѣ своей болтовни въ купе кн. Долгорукова Рузскій сталъ осторожнѣе. Въ своей рѣчи онъ ограничился указаніемъ на всѣ преимущества парламентаризма, приведя въ примѣръ Англію, гдѣ король царствуетъ, но не управляетъ, а парламентъ управляетъ, но не царствуетъ.

Государь возражалъ спокойно и убѣжденно. Онъ говo-

---

[1]) Генералъ Даниловъ въ своихъ мемуарахъ тщательно скрылъ весь этотъ эпизодъ. Здѣсь онъ приводится по воспоминаніямъ полк. А. Мордвинова, Русская Лѣтопись, кн. V, стр. 106, и ген. Дубенскаго, Русская Лѣтопись, кн. III, стр. 48, расходящихся лишь въ незначительныхъ подробностяхъ

рилъ, что ничего не желаетъ для себя самого, но не считаетъ себя въ правѣ передать власть въ руки политическихъ дѣятелей, которые сегодня могутъ причинить родинѣ огромный вредъ, а завтра умоютъ руки, подавъ въ отставку. «Я отвѣтственъ передъ Богомъ и Россіей за все, что случилось и случится», сказалъ Государь. «Будутъ ли министры отвѣтственны передъ Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, безразлично, я никогда не буду въ состояніи, видя, что дѣлается министрами не ко благу Россіи, съ ними соглашаться, утѣшаясь мыслію, что это не моихъ рукъ дѣло, не моя отвѣтственность».

Затѣмъ Государь перебралъ по очереди всѣхъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, на которыхъ указывали для составленія перваго лѣваго министерства. Онъ доказывалъ генералу Рузскому, что всѣ эти трибунные ораторы совершенно неопытны въ дѣлѣ управленія государствомъ и не сумѣли бы въ данный моментъ оказаться на высотѣ положенія.

Пророческія слова! Какое страшное подтвержденіе получили они черезъ нѣсколько дней!

Изъ всѣхъ участниковъ этой разыгравшейся въ продолженіе недѣли трагедіи, Государь былъ несомнѣнно единственнымъ лицомъ, понявшимъ съ перваго же дня необходимость дѣйствовать твердо и не поддаваться угрозамъ кучки мятежниковъ. Но съ каждымъ часомъ Онъ все яснѣе сознавалъ невозможность положиться на Свое Правительство и на высшее военное командованіе. Мысль о задолго подготовленной измѣнѣ еще не приходила Ему въ голову, и довѣріе къ Своимъ генераламъ не было еще поколеблено. Но настойчивость генерала Алексѣева, князя Голицына, Великаго Князя Сергѣя Михайловича и даже брата, Великаго Князя Михаила Александровича, открывали Ему такую картину растерянности и паническаго страха передъ нѣсколькими бунтующими батальонами запасныхъ солдатъ, такое разложеніе правящихъ классовъ и правительственнаго аппарата, что Онъ почувствовалъ невозможность найти въ нихъ необходимую опору для борьбы.

Кромѣ того гражданская война, какъ бы ни была она коротка, могла пошатнуть положеніе на фронтѣ; между тѣмъ не было той жертвы вплоть до Престола и самой Своей жизни, которой не принесъ бы Государь ради побѣды.

Приходилось уступить, чтобы спасти положеніе, и генералъ Рузскій разстался съ Государемъ, унося Его согласіе на

составленіе отвѣтственнаго министерства. Россійское Самодержавіе перестало существовать[1]).

Генералъ Рузскій извѣстилъ Ставку о только что принятомъ рѣшеніи и вызвалъ для разговора по прямому проводу Родзянко.

Едва только Рузскій отдалъ это распоряженіе, какъ ему принесли манифестъ, составленный въ Ставкѣ, текстъ котораго былъ переданъ по телеграфу. Этотъ документъ, предназначенный для подписи Государю, содержалъ назначеніе Родзянко предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

И тутъ снова заговорщики слишкомъ поторопились. Въ то время, какъ Государь, примирившійся съ мыслью призвать къ власти Родзянко, только что отдалъ соотвѣтствующія приказанія, Ставка своимъ нетерпѣніемъ совершила большую неосторожность, какъ бы навязывая Государю это назначеніе.

Генералъ Рузскій, съ этой телеграммой въ рукахъ, вернулся въ Царскій вагонъ, гдѣ былъ тотчасъ принятъ Государемъ. Генералъ замѣтилъ въ Немъ какую-то перемѣну. Слушая текстъ манифеста, прочитаннаго ген. Рузскимъ, Государь не выразилъ никакого удивленія и казался даже какъ бы странно разсѣяннымъ и равнодушнымъ.

Когда Рузскій выразилъ нѣкоторую тревогу по поводу окончательнаго рѣшенія Государя, Онъ холодно отвѣтилъ, что разъ оба генерала, Рузскій и Алексѣевъ, находящіеся въ постоянномъ разногласіи, на этотъ разъ сходятся во мнѣніи, то и Онъ присоединяется къ нимъ. Государь прибавилъ, что рѣшеніе это, хотя и очень тягостное, внушено Ему чувствомъ долга передъ Родиной и принято Имъ безповоротно [2]).

Только что выработанное соглашеніе естественно влекло за собою пріостановку военныхъ дѣйствій противъ возставшаго Петрограда. Составленная въ этомъ смыслѣ телеграмма, подписанная Государемъ, была послана генералу Иванову.

Было больше часа ночи, когда Государь отпустилъ главнокомандующаго. Шагая черезъ рельсы запасныхъ путей, подъ холоднымъ свѣтомъ сверкающихъ звѣздъ, старый генералъ чувствовалъ себя утомленнымъ, но удовлетвореннымъ.

---

[1]) С. Н. Вильчковскій. Пребываніе Государя Императора въ Псковѣ 1 и 2 марта 1917 г., по разсказу ген.-адъют. Н. В. Рузскаго. Русск. Лѣт., кн. III, стр. 170.

[2]) С. Н. Вильчковскій. Тамъ же, стр. 170.

Въ концѣ концовъ событія складывались для него благопріятно; онъ оставался генералъ-адъютантомъ Государя и въ то же время заслуживалъ благодарность новаго министерства, составленнаго при его содѣйствіи. Онъ думалъ о своемъ предстоящемъ разговорѣ съ Родзянко и о чувствѣ удовлетворенія честолюбиваго предсѣдателя Думы, когда онъ сообщитъ ему эти счастливыя извѣстія.

Но радость генерала была преждевременна. Ни онъ, ни генералъ Алексѣевъ, ни Родзянко, опьяненные своею ролью великихъ заговорщиковъ, не понимали, что они лишь жалкіе маріонетки въ чьей-то невидимой рукѣ и что близко то время, когда по окончаніи представленія, та же рука вышвырнетъ ихъ въ сорную корзину.

5. Миссія генерала Иванова.

Послѣ столь взволновавшаго его разговора съ Государемъ, генералъ Ивановъ занялся выполненіемъ порученной ему миссіи. Прежде всего надо было добиться точныхъ свѣдѣній о положеніи въ столицѣ, но какимъ образомъ это сдѣлать? Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ переговорить по прямому проводу съ главнымъ начальникомъ петроградскаго военнаго округа, генералъ Ивановъ наконецъ добился генерала Хабалова. Мы уже передавали выше полученные отъ послѣдняго безнадежные отвѣты. Тѣмъ не менѣе генералъ Ивановъ отправилъ около 11 часовъ утра свой отрядъ, составленный изъ Георгіевскаго батальона, полу-роты Императорскаго Желѣзнодорожнаго полка и роты лейбъ-гвардіи Собственнаго Его Величества пѣхотнаго полка. Этого было, конечно, недостаточно, но генералъ Ивановъ разсчитывалъ на Тарутинскій полкъ, присланный съ сѣвернаго фронта, и на кавалерійскія и артиллерійскія части, которыя должны были придти съ западнаго фронта.

Но не зналъ старый генералъ, что измѣна проникла уже въ ряды его отряда. Такъ генералъ Пожарскій, командовавшій Георгіевскимъ батальономъ, еще наканунѣ объявилъ своимъ офицерамъ, что онъ запретитъ солдатамъ стрѣлять, хотя бы ему пришлось ослушаться приказанія начальства.

Генералъ Ивановъ выѣхалъ изъ Могилева на два часа позже своего отряда, который онъ нагналъ въ Оршѣ. Назна-

ченіе его не пришлось по вкусу начальствующимъ лицамъ въ Ставкѣ, игравшимъ въ руку революціи. Успокаивали ихъ немного лишь возрастъ и слабость генерала. «Трудно себѣ представить», говоритъ генералъ Деникинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «болѣе неподходящее лицо для выполненія порученія столь огромной важности, по существу — военной диктатуры. Дряхлый старикъ, честный солдатъ, плохо разбиравшійся въ политической обстановкѣ, не обладавшій уже ни силами, ни энергіей, ни волей, ни суровостью». [1])

Преувеличеніе, конечно, карикатурная оцѣнка соперника; но все же, не будучи ходячей развалиной, какъ рисуетъ его Деникинъ, генералъ Ивановъ былъ совершенно лишенъ той смѣлости, которая «города беретъ».

Къ тому же присылка частей, ожидаемыхъ съ фронта, какъ-то странно запаздываетъ или просто отмѣняется. Генералъ Ивановъ не понимаетъ, въ чемъ дѣло, и весь слѣдующій день проходитъ въ обмѣнѣ телеграммами объ ускореніи отправки вспомогательныхъ частей. Часть этихъ депешъ не доходитъ по назначенію; впрочемъ Ставка объ этомъ особенно и не старается; когда нужно будетъ, ея телеграммы не пропадутъ [2]).

Всѣ эти непонятныя задержки смущаютъ въ концѣ концовъ ген. Иванова, дальнѣйшій путь котораго идетъ уже не прямо, а зигзагами, какъ ходъ шахматнаго коня. По дорогѣ встрѣчаются поѣзда, идущіе изъ столицы. Они переполнены вооруженной, орущей солдатней, агитаторами, дезертирами,

---

[1]) Г. Деникинъ, Очерки Русской смуты, т. I, в. 1, стр. 50.

[2]) Ген. Тихменевъ въ своей брошюрѣ «Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ пребыванія Императора Николая II въ Ставкѣ» разсказываетъ, что, бесѣдуя съ ген. Ивановымъ передъ отъѣздомъ послѣдняго, онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что телеграммы изъ Ставки будутъ доходить до Иванова. «Я оказался правъ», продолжаетъ ген. Тихменевъ. «Изъ нѣсколькихъ посланныхъ Ивановымъ телеграммъ (о чемъ я узналъ отъ него уже позже) я получилъ только одну. А моихъ телеграммъ онъ не получилъ вовсе».

Можетъ, конечно, показаться страннымъ, что въ тотъ день, когда революція локализировалась еще лишь только въ Петроградѣ, и войска въ дѣйствующихъ арміяхъ оставались вѣрными, Ставка вдругъ потеряла контроль телеграфныхъ сообщеній, да еще съ поѣздомъ Иванова, везшимъ эшелонъ войскъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что рядъ другихъ телеграммъ Ставки прекрасно доходилъ по назначенію и получался незамедлительный отвѣтъ. Къ нимъ относятся всѣ депеши Ставки, связанныя съ отреченіемъ Государя, а также рядъ телеграммъ во время слѣдованія поѣзда

всей накипью, выкинутой мятежомъ изъ Петрограда. Генералъ Ивановъ приказываетъ остановить эти поѣзда. Съ нихъ сходитъ цѣлая орава, которой онъ грозитъ ужаснѣйшими наказаніями; отъ гнѣва трясется его сѣдая борода, онъ грозенъ, но не страшенъ. Въ концѣ концовъ всѣ снова садятся по вагонамъ, и разъѣзжаются, не причинивъ другъ другу особаго вреда; задержано только по приказанію генерала человѣкъ двадцать зачинщиковъ. Что дѣлать съ этой сволочью? Генералъ Ренненкампфъ, не задумываясь, приказалъ бы украсить ими вѣтви ближайшихъ деревьевъ, но генералу Иванову претятъ суровыя мѣры: онъ будетъ возить за собой своихъ плѣнниковъ, пока ихъ всѣхъ, одного за другимъ, не выпустятъ на волю, какъ почтовыхъ голубей, несущихъ радостную вѣсть о русской революціи.

Въ Вырицѣ свѣдѣнія плохія: министры въ Петроградѣ арестованы и войска въ Царскомъ Селѣ взбунтовались. Въ связи съ этимъ генералъ Ивановъ рѣшаетъ измѣнить свой планъ; вмѣсто того, чтобы продвигаться къ столицѣ, онъ спѣшно бросается на спасеніе Императрицы и Царскихъ Дѣтей въ Царское. Къ вечеру онъ прибываетъ туда со своимъ отрядомъ.

Какъ обстоитъ въ этотъ моментъ положеніе? Въ рукахъ у Иванова георгіевскіе кавалеры, Тарутинскій полкъ только что прибылъ въ Александрово, повсюду въ окрестностяхъ — Гатчинѣ, Вырицѣ, — вѣрныя войска, готовыя выступить. Итакъ генералъ Ивановъ можетъ дѣйствовать рѣшительно, и таково его твердое намѣреніе: занять въ Петроградѣ Царскосельскій вокзалъ, помѣстить тамъ свой штабъ, собрать крѣпкое ядро изъ лучшихъ частей, обратиться съ требованіемъ къ мятежникамъ, посѣять въ ихъ рядахъ панику и разногласіе и, если представится необходимымъ, прибѣгнуть къ пороху. Такъ быстро можно покончить съ крикунами, вся смѣлость которыхъ про-

---

ген. Иванова. (Ген. Ивановъ 28 февр., спѣшно, секретно № 1 главкозапу и № 2 главкосѣву; Даниловъ, 28 февр. № 1165-Б и № 1166-В; Рузскій, 28 февр. № 1168-В; Гулевичъ, 1 марта № 535; Тихменевъ генералу Иванову 1 марта № 278; подполк. Кринскій ген. Тихменеву № 3; ген. кн. Трубецкой ген. Иванову, 1 марта, № 154). Наконецъ, предательская телеграмма ген. Алексѣева ген. Иванову, отъ 28 февраля, въ которой нач. штаба главковерха сообщалъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія о положеніи въ Петроградѣ, была послана Иванову въ десяти экземплярахъ, дабы онъ ее получилъ навѣрняка, гдѣ бы онъ ни находился. (А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. Архивъ Русской Революціи, т. IV, стр. 43 и 47.)

исходитъ лишь отъ слабости властей. Вотъ что генералъ Ивановъ намѣревается сдѣлать . . . но не дѣлаетъ.

Вмѣсто того, чтобы сразу приступить къ этой рѣшительной чисткѣ, онъ медлитъ въ Царскомъ, тѣмъ самымъ отдавая своихъ солдатъ въ жертву эмиссаровъ бунтовщиковъ, старающихся ихъ распропагандировать, и генерала Пожарскаго, который твердитъ имъ на всѣ лады, что грѣшно стрѣлять по народу.

Между тѣмъ Ставка съ безпокойствомъ слѣдитъ за событіями.

Въ этотъ моментъ Государь находится въ Псковѣ. Онъ попался въ столь ловко разставленныя сѣти. Да, но Онъ еще можетъ изъ нихъ вырваться; Онъ попрежнему Верховный Главнокомандующій, имѣющій право приказывать. Генералъ Ивановъ со своей стороны тоже можетъ дѣйствовать и трескотня нѣсколькихъ пулеметовъ превратитъ тогда бунтующую толпу въ стадо, объятое паникой . . . Нѣтъ, нужно во что бы то ни стало парализовать дѣйствія генерала Иванова, и его бомбардируютъ телеграммами, ища его повсюду; онъ получаетъ одну изъ нихъ ночью. Это телеграмма [1]) генерала Алексѣева: порядокъ возстановленъ въ Петроградѣ, тамъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ Государя, миссія генерала Иванова становится такимъ образомъ безполезной.

Все это наглая ложь. Алексѣевъ обманываетъ Иванова, какъ онъ все время обманывалъ Царя. Но старый генералъ недовѣрчивъ. Эти уговоры кажутся ему подозрительными. Онъ получилъ приказаніе дѣйствовать и онъ обязанъ дѣйствовать. Но прежде чѣмъ выступить на Петроградъ, необходимо обезпечить безопасность Царской Семьи и для этого обезоружить Царскосельскій гарнизонъ. Это можетъ сдѣлать оставшійся вѣрнымъ и къ тому же довольно многочисленный дворцовый гарнизонъ. Все это хорошо, но здѣсь возникаетъ формальное препятствіе: дворцовый гарнизонъ подчиненъ только дворцовому коменданту, должность котораго въ это время исполняетъ ген. Ресинъ; захочетъ ли ген. Ресинъ исполнить приказаніе Иванова? Вѣроятно нѣтъ, если не будетъ на то особаго распоряженія Императрицы. И, несмотря на ночной часъ, генералъ Ивановъ рѣшаетъ поѣхать во Дворецъ просить объ этомъ Императрицу.

---

[1]) Телеграмма 28 февраля 1917 г. № 1833. Русская Лѣтопись, кн. III, стр. 120.

Ивановъ смотритъ на этотъ шагъ какъ на формальность, онъ такъ увѣренъ въ согласіи Ея Величества, что беретъ съ собой заготовленное имъ воззваніе къ населенію.

Проходя мимо и. д. дворцоваго коменданта ген. Ресина, генералъ Ивановъ передаетъ ему черновикъ своего приказа. «Распорядитесь, чтобы этотъ приказъ былъ сейчасъ же отпечатанъ, я велю завтра расклеить его на стѣнахъ Петрограда», говоритъ онъ ему. Но часъ спустя, Ивановъ, подавленный, выходитъ отъ Императрицы. «Все измѣнилось», объясняетъ онъ Ресину. «Я доложилъ Ея Величеству мой планъ дѣйствій и Она его одобрила. Но, когда я попросилъ Ея приказанія для приведенія его въ исполненіе, Она наотрѣзъ отказалась»... — «Государь далъ вамъ порученіе», сказала мнѣ Она, «вы должны повиноваться Ему, а не Мнѣ. Поступайте согласно вашей совѣсти»,... Но трудно было генералу Иванову разобрать, что подсказываетъ ему совѣсть. Онъ получаетъ телеграмму отъ Государя, съ нѣсколькими милостивыми словами и просьбой ничего не предпринимать до Его пріѣзда; съ другой стороны извѣстія, доходящія изъ Петрограда повидимому подтверждаютъ оффиціальный оптимизмъ: Дума проявила свои монархическія чувства, теперь остается только не мѣшать ей возстановить порядокъ... потомъ Богъ дастъ все наладится... [1]).

Поколебленный, хотя и не убѣжденный, генералъ Ивановъ рѣшаетъ возвратиться въ Вырицу, собрать тамъ кой-какія части, достигнуть Гатчины, гдѣ гарнизонъ остался вѣрнымъ и оттуда идти на Петроградъ. Какъ только Дума узнаетъ объ этомъ планѣ, начинается паника: инженеръ Ломоносовъ, ставшій во время революціи во главѣ управленія желѣзныхъ дорогъ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что между его сослуживцами обсуждался уже слѣдующій важный вопросъ: будутъ ли они повѣшены по всѣмъ правиламъ искусства, или просто на фонаряхъ. Одинъ изъ инженеровъ, Сѣдельниковъ, перепуганный такими мрачными шутками, предпочитаетъ бѣжать. То же намѣреваются сдѣлать и другіе; но событія съ часа на часъ измѣняютъ положеніе. Кому-то приходитъ наконецъ мысль загородить путь на Гатчину, устроивъ на пути крушеніе, вслѣдствіе чего генералъ Ивановъ оказывается отрѣзаннымъ отъ войскъ

---

[1]) Ген. Лукомскій. Изъ воспоминаній, стр. 21.
Неопубликованный дневникъ графа П. Н. Апраксина.

этого города. Тогда генералъ рѣшаетъ идти на Петроградъ съ тѣмъ отрядомъ, который у него подъ рукой.

Онъ звонитъ по телефону въ министерство путей сообщенія.

«Я генералъ Ивановъ».

«Я профессоръ Ломоносовъ».

«Мнѣ управляющій Виндавской линіи сказалъ, что вы распоряжаетесь движеніемъ, и что онъ безъ васъ не можетъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Что это значитъ?»

«Будемъ хитрить», рѣшаетъ Ломоносовъ и отвѣчаетъ:

«Ваше превосходительство, въ столь отвѣтственное время распоряженіе дорогами должно быть сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Линія же Витебскъ-Петроградъ одна изъ важнѣйшихъ въ военномъ отношеніи».

«Кто вы такой?» недоумѣваетъ Ивановъ.

«Послѣ ареста начальника управленія Бѣляшева, я несу его обязанности».

«По Высочайшему повелѣнію я слѣдую въ Петроградъ», заявляетъ генералъ, очевидно предполагавшій, что Ломоносову ничего не извѣстно объ его миссіи. И Ломоносовъ спѣшитъ укрѣпить его въ этомъ заблужденіи.

«Хотя изъ Ставки такого распоряженія не было», говоритъ онъ, «я вамъ вѣрю на слово, но не могу вамъ гарантировать безопасный проѣздъ въ Петроградъ».

«Почему?»

«Для встрѣчи вашего поѣзда на 6-ой верстѣ сосредоточено четыре батареи артиллеріи и тысячъ двадцать пѣхоты. Переговорите съ Думой».

Ломоносовъ лжетъ безъ зазрѣнія совѣсти; онъ бросаетъ свою послѣднюю карту.

Ивановъ продолжаетъ:

«Очень признателенъ за эти свѣдѣнія. Они вполнѣ точны?»

«Помилуйте, ваше превосходительство! осмѣлюсь ли я»...

Генералъ Ивановъ колеблется, поѣздъ его маневрируетъ у самой Гатчины, которую онъ считаетъ ключемъ Петрограда. Эти передвиженія возбуждаютъ безпокойство въ Петроградѣ. Новый министръ путей сообщенія посылаетъ ему телеграмму за телеграммой, настаивая на отводѣ войскъ, присутствіе которыхъ — о иронія! мѣшаетъ будто бы Государю пріѣхать въ Свою столицу. Генералъ Ивановъ не сдается, онъ ожидаетъ обѣщанной

поддержки съ фронта; не получая ее, онъ посылаетъ генералу Алексѣеву настойчивую телеграмму: нѣтъ извѣстій объ обѣщанныхъ войскахъ, поѣздъ его задержанъ, онъ проситъ принять срочныя мѣры для обузданія администраціи пути, которая, повидимому, перешла на сторону революціи.

Наивный Ивановъ! какъ Алексѣевъ долженъ смѣяться, читая его телеграмму! Да, смѣяться, ибо въ Псковѣ въ это время идетъ рѣшительная игра, и у Ставки въ рукахъ уже всѣ козыри.

Въ Псковѣ ожидаютъ прибытія думскихъ эмиссаровъ, которые явятся требовать отъ Государя отреченія, и ген. Даниловъ, на свой страхъ, отдаетъ приказъ войсковымъ частямъ, посланнымъ съ сѣвернаго фронта въ распоряженіе генерала Иванова, повернуть обратно.

У Иванова остается только его маленькій отрядъ, путь на Гатчину отрѣзанъ. Что онъ можетъ сдѣлать? Только ждать. И въ эту же ночь, въ Своемъ вагонѣ на станціи Псковъ, Государь подписываетъ Свое отреченіе.

На другой день, 3 марта, слѣдующая телеграмма Родзянко, какъ громомъ, поражаетъ генерала Иванова.

№ 185. Генералъ-Адъютантъ Алексѣевъ телеграммой отъ сего числа № 1892 увѣдомляетъ назначеніе главнокомандующимъ войсками Петроградскаго округа генералъ-лейтенанта Корнилова. Проситъ передать Вашему Высокопревосходительству приказаніе о возвращеніи вашемъ въ Могилевъ.

Это конецъ. Измѣна побѣдила.

А между тѣмъ: ... «растерянность и всеобщее непониманіе положенія въ столицѣ были такъ велики, что одинъ твердый батальонъ, во главѣ съ начальникомъ, понимавшимъ, чего онъ хочетъ, могъ повернуть вверхъ дномъ всю обстановку» [1]).

Да, рѣшительный начальникъ, батальонъ вѣрныхъ солдатъ, быстрота дѣйствій, и судьба Россіи — да и всего міра — была бы иная.

6. Отреченіе.

Что произошло за это время въ Псковѣ?

Эта ночь, 1 марта, въ Царскомъ поѣздѣ прошла въ тревожномъ ожиданіи. Генералъ Рузскій долженъ былъ вернуться доложить Государю о своемъ разговорѣ съ Родзянко, но время про-

---

[1]) Деникинъ. Очерки Русской Смуты, т. 1, в. I, стр. 47.

ходило, брезжилъ уже голубой свѣтъ наступающаго утра, а о главнокомандующемъ все еще не было никакихъ извѣстій.

Государь тоже не спалъ. Уйдя въ Свое купе, Онъ горячо молился; несчастный Отецъ не могъ оторвать глазъ отъ портрета отрока — Наслѣдника, на котораго, казалось, смерть уже наложила свою печать, и Онъ покрывалъ поцѣлуями изображеніе Своего больного Сына [1]).

Государь не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ благотворнаго дѣйствія манифеста, подписаннаго Имъ съ такимъ тяжелымъ чувствомъ. Онъ зналъ тѣхъ людей, которые присваивали себѣ теперь право распоряжаться судьбами Россіи. Онъ зналъ ихъ самомнѣніе, ихъ неспособность, ихъ полнѣйшее непониманіе дѣйствительности. Какъ Онъ говорилъ генералу Рузскому, мысль быть превращеннымъ въ конституціоннаго Монарха возмущала Его религіозное чувство, Его понятіе о долгѣ и объ отвѣтственности передъ Богомъ. Вѣроятно, тогда уже мысль объ отреченіи явилась Ему, какъ выходъ изъ положенія.

Но все же въ четверть шестого, напрасно прождавъ прибытія генерала Рузскаго, Государь приказалъ телеграфировать генералу Алексѣеву опубликовать манифестъ, подписанный въ эту ночь, послѣ чего Онъ легъ отдохнуть.

Въ теченіе этого времени главнокомандующій велъ съ предсѣдателемъ Государственной Думы разговоръ, который могъ бы показаться совершенно безсвязнымъ, если бы съ тѣхъ поръ не стала извѣстна настоящая его подкладка.

По мѣрѣ того, какъ на аппаратѣ развертывалась лента съ отпечатанными на ней словами двухъ лицъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга сотнями верстъ, — слова эти, одни за другими, немедленно передавались въ Ставку, гдѣ, такимъ образомъ, слѣдили за всѣмъ разговоромъ.

Генералъ Рузскій начинаетъ съ краткаго описанія прибытія Государя и разговора, который онъ имѣлъ съ Нимъ; говоритъ объ отвѣтственномъ министерствѣ, о назначеніи Родзянко и спрашиваетъ его мнѣніе относительно немедленнаго опубликованія манифеста. Родзянко, въ порывѣ удовлетвореннаго честолюбія, хочетъ знать точный текстъ манифеста, но тотчасъ же спохватывается, входитъ въ туманныя объясненія о разверты-

[1]) По разсказу камердинера Государя. (Д. Н. Дубенскій. Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи. Русская Лѣтопись, кн. III, стр. 57.)

вающихся въ Петроградѣ событіяхъ, запутывается, повторяется, говоритъ о самомъ себѣ, какъ объ единственномъ лицѣ, чьи приказанія исполняются безпрекословно, объявляетъ съ самодовольствомъ, что онъ велѣлъ заключить въ крѣпость всѣхъ министровъ прежняго Правительства и тутъ же признается, что боится самъ туда же попасть съ минуты на минуту. Однимъ словомъ манифестъ опоздалъ. Государю остается только одно — отречься отъ Престола. Генералъ Рузскій пораженъ внезапной перемѣной требованій Родзянко. Неужели для него недостаточно уже стать предсѣдателемъ Совѣта Министровъ? Не мѣтитъ ли онъ въ президенты будущей Россійской республики? Не хочется ли ему стать регентомъ Государства, съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ въ качествѣ подставного лица? Или же Родзянко чувствуетъ, что тайныя силы, направляющія все движеніе, уже обошли его, и вся его наглость лишь маска, подъ которой скрывается гримаса страха?

Одно генералъ Рузскій понимаетъ ясно, это то, что во второй разъ за эти сутки судьба Монархіи оказалась у него въ рукахъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него спитъ въ Своемъ вагонѣ Тотъ, Кому онъ присягалъ въ вѣрности; самъ онъ командуетъ цѣлымъ фронтомъ, одного небольшого отряда котораго было бы достаточно для окончательнаго усмиренія возстанія; поможетъ ли онъ Государю удержать Престолъ, возьметъ ли онъ на себя роль Монка? Да, но послѣднія слова Родзянко еще пріятно звучатъ въ его ушахъ: «Да поможетъ вамъ Богъ, нашъ доблестный вождь, — скоро побѣдить непріятеля!» — Нашъ доблестный вождь! Не есть ли это обѣщаніе, которое надо понять съ полу-слова! Въ концѣ концовъ, если Государь отречется отъ Престола, постъ верховнаго главнокомандующаго освободится, и онъ, Рузскій, конечно имѣетъ больше правъ на него, чѣмъ эта тряпка Алексѣевъ . . . Какъ всѣ неврастеники, Рузскій подверженъ такимъ болѣзненнымъ колебаніямъ воли, порывамъ отчаянія и надежды.

Разговоръ съ Родзянко, начатый въ три съ половиной часа ночи, оканчивается только въ семь съ половиною утра.

Генералъ Рузскій, совершенно измученный, не зная, какъ поступить, рѣшаетъ немного отдохнуть, прежде чѣмъ явиться къ Государю. «Утро вечера мудренѣе», говоритъ пословица, и

хотя утро уже настало, старому генералу кажется, что еще продолжается все тотъ же безконечный вчерашній день.

Пока Рузскій дремалъ, въ Ставкѣ приняты были важныя рѣшенія. Новое требованіе Родзянко вовсе не являлось неожиданностью для генерала Алексѣева и его штаба. Возможность отреченія давно уже предвидѣлась Алексѣевымъ; съ терпѣніемъ исполнительнаго штабного офицера издавна и тайно подготовлялъ онъ тотъ государственный переворотъ, который и долженъ былъ осуществиться.

По полученіи телеграммы, содержащей сумбурныя заявленія Родзянко, генералъ Алексѣевъ понимаетъ, что насталъ часъ раскрыть свои карты. Онъ такъ торопится вырвать отъ Государя отреченіе, что поручаетъ представителю министерства иностранныхъ дѣлъ въ Ставкѣ Базили, составить немедленно проектъ манифеста объ отреченіи, который по телеграфу будетъ сообщенъ Государю. Кромѣ того онъ велитъ передать Рузскому приказаніе разбудить Государя, «отбросивъ всякіе этикеты», и безотлагательно сообщить Ему новое требованіе предсѣдателя Думы и настойчивый совѣтъ Ставки согласиться на него.

Начинается разговоръ по прямому проводу между генералъ-квартирмейстеромъ Ставки Лукомскимъ и генераломъ Даниловымъ, замѣняющимъ главнокомандующаго. Генералъ Лукомскій и «черный Даниловъ» фамильярно и съ оттѣнкомъ пренебрежительности разсуждаютъ о Государѣ.

Даниловъ не усматриваетъ препятствій къ тому, чтобы разбудить Государя, «отбросивъ всякіе этикеты», но онъ не смѣетъ безпокоить главнокомандующаго, который только что легъ спать. Къ тому же уже девять часовъ, а въ десять генералъ Рузскій долженъ отправиться къ Государю. Даниловъ высказываетъ при этомъ опасеніе, что главнокомандующему будетъ нѣсколько затруднительно добиться отреченія Государя, послѣ того, какъ онъ самъ же увѣрялъ Его, что для успокоенія умовъ достаточно будетъ образовать отвѣтственное министерство. Лукомскій на лету подхватываетъ этотъ добрый совѣтъ и въ десять часовъ 15 минутъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Рузскій является къ Государю, генералъ Алексѣевъ отправляетъ всѣмъ главнокомандующимъ фронтами циркулярную телеграмму, призывая ихъ присоединяться къ его голосу, чтобы убѣдить Царя отречься отъ Престола [1]).

---

[1]) Телеграмма генерала Алексѣева отъ 2 марта № 1872.

Телеграмма эта, сыгравшая такую рѣшительную роль въ русской трагедіи, была составлена въ очень настойчивыхъ выраженіяхъ; генералъ Алексѣевъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ обрисовывалъ положеніе въ столицѣ, увѣрялъ, что отреченіе Царя требовалось самимъ народомъ, что отказъ въ этомъ вызвалъ бы забастовку желѣзнодорожныхъ служащихъ, пагубную для снабженія фронта. Всѣ эти свѣдѣнія были совершенно ложны, какъ сознался самъ генералъ Алексѣевъ двадцать четыре часа спустя. Они предназначались только для того, чтобы поразить воображеніе тѣхъ главнокомандующихъ, которые не знали о заговорѣ, о другихъ же заботиться не приходилось.

Въ наступившіе потомъ позорные дни Алексѣевъ не могъ простить себѣ посылки этой телеграммы, слѣдствіемъ которой явилось крушеніе фронта, арміи и самой Россіи.

Генералъ Рузскій еще не ознакомился съ телеграммой, но онъ уже извѣщенъ своимъ начальникомъ штаба Даниловымъ о желаніи Ставки. Жребій брошенъ, пѣтелъ пропѣлъ: главнокомандующій арміями сѣвернаго фронта добровольно становится на сторону революціи.

Государь проснулся около восьми часовъ. За утреннимъ чаемъ Онъ казался блѣднымъ и утомленнымъ, но какъ всегда былъ внѣшне спокойнымъ и любезнымъ, не выказывая ничѣмъ волновавшихъ Его чувствъ.

Въ десять съ половиною часовъ Государь принимаетъ Рузскаго. Генералъ старается скрыть волненіе. Видя осунувшееся лицо, лучистые, сѣрые, задумчивые глаза своего Государя, которые какъ бы читаютъ въ его темной душѣ, генералъ Рузскій чувствуетъ, что языкъ его отказывается произнести приготовленныя слова. Онъ молча кладетъ передъ Государемъ ленту своего ночного разговора съ Родзянко; онъ знаетъ, что эта узкая полоса бумаги, которую Государь теперь внимательно читаетъ, повторяетъ и хвастовство Родзянко, и оскорбительные выпады противъ Императрицы, и обвиненія Царскаго Правительства и, наконецъ, наглое требованіе отреченія. Склонившись надъ столомъ, Государь прочтетъ все это, изопьетъ до конца чашу горечи.

Чтеніе окончено. Государь встаетъ съ кресла и отходитъ къ окну вагона; генералъ Рузскій тоже встаетъ. Наступаетъ минута ужасной тишины. Государь возвращается къ столу, ука-

зываетъ генералу на стулъ, приглашая опять сѣсть и спокойнымъ, ровнымъ голосомъ начинаетъ говорить о возможности отреченія.

«Мое твердое убѣжденіе, что я рожденъ для несчастья», говоритъ Онъ. «Я ясно сознавалъ уже вчера вечеромъ, что никакой манифестъ не поможетъ. Если надо, чтобы я отошелъ въ сторону для блага Россіи, я готовъ на это, но я опасаюсь, что народъ этого не пойметъ. Мнѣ не простятъ старообрядцы, что я измѣнилъ своей клятвѣ, данной въ день Священнаго Коронованія, меня обвинятъ казаки, что я бросилъ фронтъ»[1]).

Послѣ этого Государь задаетъ вопросы о подробностяхъ разговора съ Родзянко, обдумываетъ, какъ бы вслухъ, возможныя рѣшенія. Рузскій высказываетъ надежду, что Родзянко быть можетъ преувеличиваетъ опасность положенія и что манифестъ все успокоитъ, хотя не скрываетъ, что видимо въ Ставкѣ склоняются къ мнѣнію о необходимости отреченія... старая лиса думаетъ избѣгнуть такимъ образомъ непріятной обязанности настаивать самому передъ Государемъ...

Въ это время подаютъ срочную телеграмму Алексѣева. Рузскій проситъ у Государя позволенія ее распечатать и начинаетъ читать вслухъ. По мѣрѣ того, какъ онъ произноситъ предательскія слова телеграммы, Рузскій чувствуетъ, какъ онъ блѣднѣетъ подъ взглядомъ Царя.

Телеграмма эта — циркуляръ генерала Алексѣева, разосланный главнокомандующимъ, о которомъ мы говорили выше. Алексѣевъ требуетъ отъ генераловъ немедленно поддержать передъ Государемъ его мнѣніе о необходимости отреченія.

Рузскій видитъ, что попалъ въ западню. Невозможно уклониться отъ прямого отвѣта, какъ онъ надѣялся, невозможно перенести на Ставку всю отвѣтственность предпринятаго шага, невозможно умыть руки, какъ Пилатъ. Надо отвѣтить, высказаться открыто, здѣсь же, передъ ожидающимъ Государемъ, за или противъ отреченія, за или противъ революціи.

«Что же вы думаете, Николай Владиміровичъ?» спрашиваетъ Государь.

---

[1]) С. Н. Вильчковскій. Пребываніе Государя Императора въ Псковѣ 1 и 2 марта 1917 г. по разсказу ген.-адъют. Н. В. Рузскаго, Русская Лѣтопись, кн. III, стр. 178.

Смущенный и встревоженный, Рузскій мнется и старается выиграть время.

«Вопросъ такъ важенъ и такъ ужасенъ, что я прошу разрѣшенія Вашего Величества обдумать эту депешу, раньше чѣмъ отвѣчать. Депеша циркулярная. Посмотримъ, что скажутъ главнокомандующіе остальныхъ фронтовъ. Тогда выяснится вся обстановка».

Государь видитъ растерянность генерала. Онъ смотритъ на него съ жалостью.

«Да, и мнѣ надо подумать», говоритъ Онъ и отпускаетъ Рузскаго до завтрака.

Передъ завтракомъ Государь вышелъ изъ вагона и нѣкоторое время гулялъ одинъ по платформѣ. Въ умѣ Своемъ Онъ перебиралъ событія, обрушившіяся на Него съ такой быстротой въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и пробовалъ разобраться въ этомъ невѣроятномъ сплетеніи роковыхъ причинъ.

Не прошло и сорока восьми часовъ со времени Его отъѣзда изъ Ставки, гдѣ окруженный вѣрными войсками, Онъ повелѣвалъ почти двумястами милліонами подданныхъ, какъ Ему уже приходится слушать дерзкіе совѣты, почти приказанія Своихъ генераловъ объ отреченіи отъ Престола.

Онъ, соединявшій въ себѣ двойную и могущественную власть Самодержца и Верховнаго Главнокомандующаго, ясно сознавалъ, что генералъ Рузскій не подчинится Его приказу, если Онъ велитъ подавить мятежъ, бушующій въ столицѣ. Онъ чувствовалъ, что тайная измѣна опутывала Его, какъ липкая паутина, но назвать прямо нѣкоторыя имена, Ему было слишкомъ тяжело.

Генералъ Рузскій медлилъ явиться. Государь позавтракалъ одинъ, противъ Своего обыкновенія, ибо за Высочайшимъ столомъ продолжалъ соблюдаться строжайшій этикетъ, не отмѣненный даже въ эти тревожные дни.

Между тѣмъ, главнокомандующій съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта другихъ генераловъ на телеграмму Алексѣева. Въ зависимости отъ того, будутъ ли эти отвѣты склоняться за или противъ отреченія, самъ онъ, Рузскій, увидитъ, какъ ему надо поступить. Наконецъ въ два съ половиной часа пришла длинная телеграмма изъ Ставки, содержащая отвѣты Великаго Князя Николая Николаевича, генераловъ Брусилова и Эверта.

Всѣ три главнокомандующіе высказывались въ пользу отреченія.

Это было могучее оружіе въ рукахъ Рузскаго; тѣмъ не менѣе у него не хватило смѣлости говорить съ глазу на глазъ съ Государемъ. Завтракая съ генералами Даниловымъ и Саввичемъ, онъ заявилъ имъ: «Я вижу, что Государь мнѣ не вѣритъ. Сейчасъ пойдемъ къ Нему втроемъ, пускай Онъ, помимо меня, еще выслушаетъ васъ».

Всѣ трое немедленно были приняты Государемъ въ салонъ-вагонѣ.

Даниловъ и Саввичъ чувствовали себя страшно смущенными той печальной ролью, которую имъ приходилось играть. Государь предложилъ всѣмъ сѣсть. Рузскій взялъ стулъ, но оба генерала не рѣшились этого сдѣлать и во все время разговора стояли на вытяжку.

Генералъ Рузскій доложилъ Государю отвѣты главнокомандующихъ. Моментъ былъ тяжелый. Несмотря на всю Свою выдержку, Государь не могъ скрыть чувства горечи, прочтя телеграмму Своего начальника штаба, этого человѣка, облагодѣтельствованнаго Имъ и отрекающагося отъ Него въ несчастіи.

Генералъ Рузскій безстрастнымъ голосомъ сталъ перечислять всѣ причины, требующія отреченія отъ Престола; онъ заговорилъ о желаніи Ставки.

«Да», замѣтилъ Государь, «но я не знаю, хочетъ ли этого вся Россія».

Эти простыя слова смутили главнокомандующаго, который обратился за поддержкой къ своимъ помощникамъ.

«Я прошу Ваше Величество выслушать мнѣнія моихъ помощниковъ, они оба въ высшей степени самостоятельные и притомъ простые люди».

Рѣшеніе Царя было уже принято; Ему претила комедія, которая разыгрывалась передъ Нимъ, Онъ спѣшилъ съ ней покончить. Встревоженный Рузскій продолжалъ настаивать. Наконецъ Государь, обратившись къ застывшимъ въ своихъ позахъ генераламъ, произнесъ:

«Хорошо, но только я прошу откровеннаго мнѣнія».

Оба «въ высшей степени самостоятельные» генерала повторили безъ ошибки затверженный урокъ. Все же генералъ Саввичъ почувствовалъ, что рыданья сдавливаютъ ему горло, когда онъ

заявилъ, что вполнѣ присоединяется къ мнѣнію главнокомандующаго.

Наступило общее молчаніе, длившееся одну — двѣ минуты... затѣмъ Государь сказалъ:

«Я рѣшился. Я отказываюсь отъ Престола» и перекрестился. Перекрестились и генералы.

Произошло событіе огромной важности, самое, быть можетъ, значительное во всей тысячелѣтней исторіи Россіи: отреченіе Помазанника Божія, Царя Самодержца Святой Руси.

Впослѣдствіи, гораздо уже позднѣе, въ Своей Екатеринбургской тюрьмѣ, когда въ ожиданіи смерти Государь, казалось, освободился отъ всѣхъ страстей и заботъ земныхъ, Онъ произнесъ однажды слѣдующія слова: «Богъ не покидаетъ меня. Онъ даетъ мнѣ силы простить всѣмъ врагамъ, но я еще не могу побѣдить себя въ одномъ: я не могу простить генерала Рузскаго».

Государь удалился къ себѣ и черезъ нѣсколько минутъ появился дворцовый комендантъ Воейковъ. Характера замкнутаго и насмѣшливаго, сухой и холодный въ обращеніи, Воейковъ, несмотря на свою искреннюю преданность Государю, не пользовался симпатіями Царскаго окруженія. Его, совершенно впрочемъ напрасно, считали человѣкомъ, имѣющимъ вліяніе на Царя.

Его встрѣтили неохотно и недружелюбно, и разговоръ начиналъ становиться непріятнымъ, когда вошелъ блѣдный, разстроенный графъ Фредериксъ. Онъ только что узналъ изъ устъ самого Государя объ Его отреченіи.

Этотъ восьмидесятилѣтній старикъ, вѣрой и правдой служившій тремъ Императорамъ, не могъ свыкнуться съ мыслью видѣть въ своемъ Государѣ лишь частнаго человѣка.

«Никогда не ожидалъ, что доживу до такого ужаснаго конца. Вотъ что бываетъ, когда переживешь самого себя», повторялъ онъ съ горечью.

Снова вошелъ Государь съ двумя, только что составленными Имъ телеграммами въ рукахъ и передалъ ихъ генералу Рузскому, для немедленной ихъ отправки.

Первая телеграмма на имя Родзянко, была слѣдующаго содержанія:

«Нѣтъ той жертвы, которой я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой Матушки Россіи.

Посему я готовъ отречься отъ Престола въ пользу моего сына съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при мнѣ до совершеннолѣтія».

Генералъ Рузскій посовѣтовалъ прибавить къ этому «при регентствѣ моего брата, Великаго Князя Михаила Александровича», что и было приписано.

Вторая телеграмма на имя генерала Алексѣева содержала лишь слѣдующія слова: «Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи, я готовъ отречься отъ Престола въ пользу моего сына. Прошу всѣхъ служить Ему вѣрно и нелицемѣрно».

Но едва только Рузскій ушелъ отъ Государя съ этими двумя документами, какъ ему вручили телеграмму изъ Петрограда, извѣщавшую о прибытіи къ семи часамъ двухъ делегатовъ Государственной Думы.

Это событіе совершенно измѣняло только что принятыя рѣшенія. Было очевидно, что прежде всего надо узнать о намѣреніяхъ новаго Правительства и о предложеніяхъ, которыя представятъ Государю его эмиссары Гучковъ и Шульгинъ. Генералъ Рузскій немедленно возвратился доложить объ этомъ Государю, который потребовалъ отъ него обратно Свои ненужныя телеграммы.

Главнокомандующему все же удалось сохранить у себя одну изъ нихъ съ цѣлью использовать ее для своей выгоды, въ зависимости отъ того, какъ повернутся событія.

Между тѣмъ Свита, собравшаяся въ это время въ купе лейбъ-медика профессора Федорова, узнала отъ графа Фредерикса о происшедшихъ событіяхъ. Послѣ момента невольнаго ужаса, даже эти безпечные люди сообразили, какую опасность представляетъ оставшаяся въ рукахъ Рузскаго телеграмма объ отреченіи. Отъ Государя получить разрѣшеніе вернуть назадъ роковую телеграмму удалось, но генералъ Нарышкинъ, посланный съ этимъ деликатнымъ порученіемъ къ Рузскому, добиться возвращенія этого документа не смогъ.

Началось хожденіе взадъ и впередъ; нѣсколько разъ являлись къ Государю, то генералъ Рузскій, желающій облечь свой отказъ въ почтительную подобающую для Монарха форму, то профессоръ Федоровъ отъ имени Свиты, настаивавшій на возвращеніи телеграммы. Въ концѣ концовъ Рузскому пришлось уступить: онъ передалъ предметъ этого спора Нарышкину, который вручилъ его Государю.

Среди всѣхъ этихъ людей, обуреваемыхъ различными чувствами: честолюбіемъ, страхомъ, негодованіемъ, надеждою, одинъ только Государь сохранялъ спокойствіе.

За эти ужасные двадцать четыре часа, проведенные на затерянной, глухой станціи, вдали отъ Ставки, отъ столицы, отъ Семьи, въ ожиданіи и тревогѣ, Онъ больше научился познанію человѣческой души, чѣмъ за двадцать лѣтъ царствованія. На Его глазахъ вѣрность, преданность, присяга всѣхъ тѣхъ, на кого Онъ былъ въ правѣ разсчитывать, обращались въ прахъ.

Но, какъ бы ни были горьки Его чувства, вызванныя: «измѣной, трусостью и обманомъ», Государь ничѣмъ этихъ чувствъ не выдалъ.

Эти часы скорби и смиренія наложили на лицо Императора Николая II ту печать умиротвореннаго спокойствія, которое освѣщаетъ лики отшедшихъ отъ мірскихъ суетъ угодниковъ, то внутреннее сіяніе, передъ которымъ опускали глаза самые свирѣпые палачи, выраженіе того истиннаго величія, съ которымъ Онъ прошелъ черезъ всѣ испытанія, униженія, муки, чтобы встрѣтить смерть и войти въ безсмертіе.

Около пяти часовъ Государь вышелъ передъ чаемъ на обычную прогулку съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ полковникомъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ; Онъ шелъ не спѣша, спокойно разговаривая съ герцогомъ. Извѣстіе объ отреченіи уже распространилось, и Государь чувствовалъ на себѣ взоры любопытные, печальные, сочувствующіе, враждебные... Но Онъ продолжалъ идти все тѣмъ же медленнымъ и размѣреннымъ шагомъ. Проходя мимо свитскаго вагона, Государь увидѣлъ у окна генерала Дубенскаго и привѣтливо кивнулъ ему головой.

Вернувшись къ себѣ, Государь имѣлъ съ лейбъ-медикомъ профессоромъ С. П. Федоровымъ знаменательный по своимъ послѣдствіямъ разговоръ:

«Неужели Вы думаете, Ваше Величество, что Вамъ разрѣшено будетъ имѣть при себѣ Сына послѣ отреченія?» спросилъ Федоровъ.

«Отчего же нѣтъ?» отвѣтилъ съ удивленіемъ Государь. «Онъ еще ребенокъ и вполнѣ понятно, что Онъ долженъ остаться въ семьѣ до совершеннолѣтія. Въ это время мой братъ Михаилъ будетъ на правахъ регента управлять государствомъ».

«Нѣтъ, Ваше Величество, едва ли это будетъ возможно, и Вы не должны на это разсчитывать».

Государь молча задумался... затѣмъ обратился къ Федорову съ вопросомъ:

«Скажите мнѣ откровенно, Сергѣй Петровичъ, думаете ли вы, что болѣзнь Наслѣдника неизлѣчима?»

«Ваше Величество, наука говоритъ, что болѣзнь эта неизлѣчима, хотя страдающіе ею часто живутъ очень долго. Здоровье Наслѣдника всегда будетъ подъ угрозой малѣйшаго несчастнаго случая».

«Если такъ», произнесъ какъ бы про себя Государь, «я не смогу разстаться съ сыномъ. Это было бы выше моихъ силъ... тѣмъ болѣе, что состояніе его здоровья даетъ мнѣ право оставить его при себѣ».

Такимъ образомъ было принято рѣшеніе, которое, устраняя отъ Престола прямого Наслѣдника, сдѣлало Великаго Князя Михаила Александровича, честнаго, но слабаго и нерѣшительнаго, призрачнымъ Монархомъ, царствованіе котораго продолжилось не болѣе сутокъ.

Ни трагическія переживанія этого дня, ни волненія, ни утомленіе безсонной ночи, ни тревожное ожиданіе эмиссаровъ Государственной Думы, ни безпокойство всѣхъ этихъ людей, отрѣзанныхъ отъ остальной Россіи, ничего не знающихъ о судьбѣ своихъ семей, не могли, хотя бы на іоту, измѣнить правила этикета, предписаннаго разъ навсегда Государемъ.

Часто говорятъ о лицемѣріи монарховъ; при этомъ забываютъ, что выпавшее имъ на долю особое представительное существованіе на виду у всѣхъ, вынуждаетъ ихъ скрывать свои чувства, владѣть собой, играть свою царскую роль до конца. И этикетъ, кажущійся какой-то китайской церемоніей, именно и составляетъ остовъ этой придворной жизни и дисциплину, добровольно принятую на себя королями и императорами.

Итакъ, въ пять часовъ, по обыкновенію, былъ поданъ чай. Съ тяжелымъ чувствомъ собрались генералы, офицеры и придворные чины вокругъ общаго стола, гдѣ впервые послѣ отреченія, занялъ мѣсто Государь.

Государь поддерживалъ разговоръ, который не клеился, обращаясь съ обычной привѣтливостью къ каждому изъ присутствующихъ. Только нѣкоторая нервность движеній, когда Онъ закуривалъ папиросу, выдавала Его волненіе.

Но ни слова о происшедшемъ, ни намека на чувства, волновавшія этихъ людей, спаянныхъ привычкой, совмѣстной жизнью и опасностью.

Наконецъ Государь удалился къ себѣ, а офицеры собрались въ купе у адмирала Нилова.

Изъ всѣхъ окружавшихъ Государя, Ниловъ, несомнѣнно, былъ единственнымъ, отдающимъ себѣ точный отчетъ въ положеніи и способнымъ принять требуемыя энергичныя мѣры.

Слова вѣрнаго Царскаго слуги были полны негодованія: «Вѣдь зналъ же этотъ предатель Алексѣевъ», возмущался онъ, «зачѣмъ ѣдетъ Государь въ Царское Село. Знали же всѣ дѣятели и пособники происходящаго переворота, что это будетъ 1 марта, и все-таки спустя только одни сутки, то есть за одно 28 февраля, уже спѣлись и сдѣлали такъ, что Его Величеству приходится отрекаться отъ Престола. Михаилъ Александровичъ — человѣкъ слабый и безвольный и врядъ ли Онъ останется на Престолѣ. Эта измѣна давно подготовлялась и въ Ставкѣ и въ Петроградѣ. Думать теперь, что разными уступками можно помочь дѣлу и спасти Родину, по моему, безуміе. Давно идетъ ясная борьба за сверженіе Государя, огромная масонская партія захватила власть и съ ней можно только открыто бороться, а не входить въ компромиссы». [1])

Пріѣздъ Гучкова не предвѣщалъ ничего добраго; этотъ честолюбивый «дѣятель» не скрывалъ своей ненависти къ Царю, который всегда отказывался назначить его министромъ. Но имя Шульгина подавало нѣкоторую надежду. Хотя, правый членъ Государственной Думы, Шульгинъ за послѣднее время и сдвинулся сильно влѣво, слѣдуя за общимъ теченіемъ, все же казалось невозможнымъ, чтобы такой монархистъ могъ согласиться на оскорбительную для Монарха миссію. Представлялось болѣе вѣроятнымъ, что онъ посланъ къ Государю съ мирными предложеніями отъ Государственной Думы, испуганной эксцессами разнузданной черни.

Одного не подозрѣвали ни въ Царскомъ поѣздѣ, ни въ штабѣ генерала Рузскаго, что эти Думскіе эмиссары, эти представители русскаго народа, на самомъ дѣлѣ были просто самозванцами, никѣмъ не уполномоченными принять или пред-

---

[1]) Д. Н. Дубенскій. Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи, Русская Лѣтопись, кн. III, стр. 54.

ложить что бы то ни было, или хотя бы даже вступить въ переговоры отъ имени несуществующаго Правительства.

Но приближеннымъ Государя казалось очевиднымъ, что отъ исхода свиданія Царя съ этими двумя эмиссарами будетъ зависѣть судьба Монархіи, а можетъ быть и всей Россіи.

Между тѣмъ генералъ Рузскій, не зная точно, каковы намѣренія делегатовъ, далъ приказаніе привести ихъ къ себѣ, прежде чѣмъ они увидятъ Государя.

Такое распоряженіе генерала встревожило лицъ Свиты; они не безъ основанія подумали, что примирительныя намѣренія делегатовъ могли бы измѣниться подъ вліяніемъ главнокомандующаго, и что важно было оградить ихъ отъ этого вліянія, завладѣвъ ими немедленно по пріѣздѣ. Это порученіе было возложено на флигель-адъютанта полковника Мордвинова.

Уже давно наступила ночь; томительно, тревожно тянулись часы. Поѣздъ, ожидаемый къ семи часамъ, все не прибывалъ. Наконецъ около десяти часовъ вдали показались огни паровоза. Поѣздъ, состоящій изъ двухъ вагоновъ, быстро приближался. Не успѣлъ онъ остановится, какъ Мордвиновъ уже вскочилъ во второй вагонъ; онъ отворилъ дверь въ купе, слабо освѣщенное мерцающимъ огнемъ свѣчи, и увидѣлъ въ тѣни двѣ неясныя фигуры — очевидно Думскихъ делегатовъ: «Его Величество ожидаетъ васъ и немедленно приметъ», сказалъ онъ.

Оба пріѣхавшіе были видимо взволнованы. Руки ихъ, которыя полковнику Мордвинову пришлось пожать, дрожали. Покрытые пылью, растрепанные, грязные, они скорѣе похожи были на бѣжавшихъ каторжниковъ, чѣмъ на представителей самодержавнаго народа. Шульгинъ попросилъ позволенія привести себя въ порядокъ, раньше чѣмъ представиться Государю, но Мордвиновъ, опасаясь вмѣшательства Рузскаго, объявилъ, что невозможно заставлять ждать Его Величество и поспѣшно повелъ делегатовъ къ Царскому поѣзду.

И, дѣйствительно, время не терпѣло. Едва только они спустились съ вагона, какъ генералъ Даниловъ, посланный ген. Рузскимъ, появился съ другого конца платформы, приближаясь быстрыми шагами. Увидѣвъ Мордвинова и делегатовъ, генералъ рѣзко повернулъ кругомъ и исчезъ.

«Что происходитъ въ Петроградѣ?» спросилъ Мордвиновъ своихъ спутниковъ.

Отвѣтилъ Шульгинъ:

«Происходитъ нѣчто невообразимое. Мы находимся всецѣло въ ихъ рукахъ, и насъ навѣрное арестуютъ, когда мы вернемся».

«Хороши же вы, народные избранники, облеченные всеобщимъ довѣріемъ!» подумалъ Мордвиновъ. «Не прошло и двухъ дней, какъ вамъ приходится уже дрожать передъ этимъ народомъ!» «Что вы теперь думаете дѣлать, съ какимъ порученіемъ пріѣхали, на что надѣетесь?» продолжалъ онъ вслухъ.

Шульгинъ, понизивъ голосъ, отвѣтилъ съ оттѣнкомъ отчаянія:

«Знаете, мы надѣемся . . . что, быть можетъ, Государь намъ поможетъ».

Уже входили въ вагонъ. Гучковъ и Шульгинъ сняли свои шубы и вошли въ вагонъ-салонъ, гдѣ они, въ ожиданіи Государя, были приняты графомъ Фредериксомъ.

Бѣдный старикъ, безпокоясь о судьбѣ своей семьи, оставшейся въ Петроградѣ, разспрашивалъ Гучкова о происходящемъ въ столицѣ. Гучковъ отвѣтилъ ему съ обычной своей грубостью: «Въ Петроградѣ все спокойно, но домъ вашъ сгорѣлъ, и что сталось съ вашимъ семействомъ, неизвѣстно».

Черезъ нѣсколько мгновеній отворилась дверь, и появился Государь. Онъ былъ одѣтъ въ кавказскую казачью форму. Лицо Его выражало лишь ту нѣсколько холодную благожелательность, которую оно имѣло на офиціальныхъ пріемахъ.

Онъ подалъ делегатамъ руку, какъ будто не замѣчая ихъ замѣшательства, затѣмъ жестомъ пригласилъ ихъ всѣхъ сѣсть. Гучковъ рядомъ съ Государемъ, Шульгинъ противъ Него, графъ Фредериксъ немного въ сторонѣ; наконецъ въ углу, помѣстившись за маленькимъ столомъ, генералъ Нарышкинъ, начальникъ военно-походной канцеляріи, исполнялъ должность секретаря.

Въ эту минуту неожиданно явился генералъ Рузскій, запыхавшійся, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.

Онъ только что узналъ о пріѣздѣ делегатовъ и былъ внѣ себя, видя свои планы разрушенными Мордвиновымъ. Ворча, генералъ усѣлся противъ Государя.

Среди наступившаго молчанія сталъ говорить Гучковъ. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ обрисовалъ онъ картину положенія. Онъ говорилъ, не поднимая глазъ, какъ бы избѣгая устремленнаго на него взгляда Государя.

Въ тотъ моментъ, когда Гучковъ заявилъ о необходимости отреченія Государя въ пользу Наслѣдника, Рузскій, наклонившись къ Шульгину, шепнулъ ему съ удовлетвореніемъ:

«Это уже дѣло рѣшенное».

Когда Гучковъ кончилъ, Царь заговорилъ, при чемъ Его голосъ и манеры казались гораздо спокойнѣе, чѣмъ взволнованная, нѣсколько приподнятая, рѣчь Гучкова:

«Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ Престола. До трехъ часовъ дня Я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу Моего Сына, но затѣмъ Я понялъ, что разстаться со Своимъ Сыномъ Я не способенъ».

Тутъ Онъ сдѣлалъ очень короткую остановку и прибавилъ, но все такъ же спокойно:

«Вы это, надѣюсь, поймете».

Затѣмъ Онъ продолжалъ:

«Поэтому Я рѣшилъ отречься въ пользу Моего Брата».

Это рѣшеніе застало делегатовъ врасплохъ. Шульгинъ пробормоталъ, что онъ предвидѣлъ только отреченіе въ пользу Цесаревича Алексѣя и проситъ разрѣшенія поговорить съ Гучковымъ. Царь согласился, но Гучковъ заявилъ, что не чувствуетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ отцовскія чувства и считаетъ невозможнымъ въ этой области какое-либо давленіе.

На лицѣ Царя промелькнула тѣнь удовлетворенія.

Разговоръ продолжался. Шульгинъ выдвинулъ въ пользу новаго рѣшенія Государя тотъ доводъ, что оно устраняло неудобства регентства, давая вмѣстѣ съ тѣмъ Великому Князю Михаилу Александровичу возможность принести присягу на вѣрность конституціи, что бывшему монархисту Шульгину представлялось совершенно необходимымъ.

Да, но имѣлъ ли право Царь отречься за Своего Сына? Можетъ быть, это право Ему не принадлежало? Нарышкинъ принесъ томъ Основныхъ законовъ Россійской Имперіи. Въ нихъ не только ничего объ этомъ вопросѣ сказано не было, но и не предвидѣлась самая возможность отреченія.

Итакъ положились на волю Царя.

И тогда, передъ тѣмъ какъ подписать актъ отреченія отъ Престола за себя и за Сына, передъ совершеніемъ того, что въ глубинѣ Своего сердца вѣрующаго человѣка и Монарха, убѣ-

жденнаго въ Своемъ призваніи свыше, Государь долженъ былъ считать величайшей жертвой, приносимой во имя Родины, Онъ обратился къ тѣмъ, кто называлъ себя представителями русскаго народа, со слѣдующимъ по истинѣ трагическимъ вопросомъ:

«Можете ли вы принять на себя отвѣтственность, дать гарантію въ томъ, что актъ отреченія дѣйствительно успокоитъ страну и не вызоветъ какихъ-либо осложненій?»

Могъ ли этотъ призывъ къ чести тронуть двухъ самозванцевъ, которымъ только что удался одинъ изъ самыхъ наглыхъ политическихъ обмановъ, какіе знаетъ исторія? Во всякомъ случаѣ, у нихъ не хватило мужества произнести то покаяніе, которое быть можетъ готово было сорваться съ ихъ устъ... Они отвѣтили, что, насколько можно предвидѣть, они осложненій не ждутъ.

Десять лѣтъ спустя, въ бесѣдѣ съ однимъ французскимъ журналистомъ, де-Отклокъ (Xavier de Hautcloque), Шульгинъ, вспоминая тягостныя событія этого вечера и ту жалкую роль, которую онъ сыгралъ, не могъ скрыть навертывающихся ему на глаза слезъ стыда и безплоднаго сожалѣнія.

Во время своего проѣзда изъ Петрограда Гучковъ и Шульгинъ составили текстъ отреченія, который они предполагали предложить Государю — жалкій документъ, пропитанный дешевой революціонной фразеологіей.

Гучковъ, опустивъ взоръ, молча положилъ эту бумагу передъ Государемъ.

Царь всталъ и вышелъ, унося съ собой текстъ Гучкова.

Актъ объ отреченіи былъ заранѣе составленъ Государемъ и переписанъ на пишущей машинкѣ на телеграфныхъ бланкахъ. Черезъ нѣсколько мгновеній Государь вернулся, держа въ рукахъ эти листочки; Онъ передалъ ихъ делегатамъ, а Гучкову вернулъ его текстъ жестомъ чуть-чуть небрежнымъ, показывая, насколько онъ Ему показался неумѣстнымъ.

Делегаты принялись читать вполголоса актъ объ отреченіи; онъ былъ написанъ величественно и благородно. Шульгинъ почувствовалъ смущеніе, вспомнивъ о томъ недостойномъ вздорѣ, который онъ посмѣлъ составить. Онъ предложилъ сдѣлать небольшую поправку въ послѣднихъ словахъ манифеста. Царь сейчасъ же согласился и тутъ же приписалъ ее.

Вотъ текстъ этого историческаго документа:

«Ставка. Наштаверх.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое, тяжкое испытаніе.

Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь геройской Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія Наша совмѣстно со славными Нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага.

Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ, для скорѣйшаго достиженія побѣды, и, въ согласіи съ Государственной Думой, признали Мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ себя Верховную Власть.

Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ — повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній, и помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Николай».

Государь подписалъ манифестъ карандашомъ и помѣтилъ его 2 марта 15 часовъ, т. е. тѣмъ часомъ, когда Имъ было принято рѣшеніе, задолго до пріѣзда делегатовъ. Актъ этотъ долженъ былъ быть скрѣпленъ министромъ Двора, которому и

отнесли его въ купе. Несчастный старикъ, страшно взволнованный, нѣсколько разъ принимался сквозь слезы выводить трясущейся рукой свою подпись подъ документомъ, положившимъ конецъ режиму и лишавшимъ Престола Государя, котораго онъ глубоко чтилъ, какъ Монарха, и любилъ отеческой любовью.

Отреченіе Царя влекло за собою назначеніе новаго Верховнаго Главнокомандующаго. Государь избралъ своимъ преемникомъ въ Ставкѣ Великаго Князя Николая Николаевича, уже исполнявшаго эту высокую должность. Вмѣстѣ съ этимъ Царь подписалъ назначеніе князя Львова предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Объ этомъ просили Гучковъ и Шульгинъ.

Когда все было кончено, обмѣнялись нѣсколькими словами о будущей судьбѣ Государя и Царской Семьи. Делегаты почтительно освѣдомились у Царя о Его намѣреніяхъ. Было рѣшено, что Государь возвратится въ Ставку, чтобы проститься съ арміей, послѣ чего Онъ поѣдетъ въ Царское Село. Оттуда Царская Семья уѣдетъ въ Крымъ или за границу, гдѣ будутъ жить частными людьми.

Делегаты отъ имени Временнаго Правительства взяли на себя обязательство облегчить Государю пріѣздъ изъ Могилева въ Царское. Мы увидимъ ниже, какимъ образомъ новые властители Россіи сдержали это обѣщаніе.

Была уже полночь, когда думскіе делегаты удалились вмѣстѣ съ генераломъ Рузскимъ. Передъ уходомъ они выдали расписку въ полученіи документа объ отреченіи, составленную въ слѣдующихъ краткихъ выраженіяхъ: «Высочайшій Манифестъ отъ 2 марта 1917 года получилъ». — «Подписали: Александръ Гучковъ. Шульгинъ. 2 марта 1917 г. (24 часа)».

Итакъ ровно въ полночь 2 марта Самодержавная Монархія въ Россіи окончила свое существованіе.

Вернувшись къ себѣ, Государь раскрылъ Свой дневникъ и, подъ датой 2-го марта, написалъ слѣдующія горькія и страшныя слова: «Кругомъ измѣна и трусость и обманъ».

Между тѣмъ пять часовъ спустя, Родзянко телеграфировалъ уже Рузскому, что манифестъ объ отреченіи, на которое съ такой болью согласился Государь, сталъ болѣе ненужнымъ. Великаго Князя Михаила Александровича такъ же не желали, какъ не желали Государя. Надо было повременить съ приведеніемъ манифеста въ исполненіе. Тутъ Рузскій увидѣлъ, какъ нагло онъ обманутъ Родзянко, и тогда только понялъ, что слу-

жилъ лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ людей болѣе сильныхъ и болѣе умныхъ, чѣмъ онъ самъ. Онъ удивляется, негодуетъ, требуетъ объясненій: возможно ли, чтобы делегаты Временнаго Правительства не знали о намѣреніяхъ послѣдняго? Изъ кого составлено это Правительство? Отвѣты получаются неопредѣленные; Родзянко путается самъ: онъ знаетъ только, что предсѣдательствуетъ въ какомъ-то Правительствѣ, но есть ли это Верховный Совѣтъ или Думскій Комитетъ, сказать онъ не можетъ. Отвѣтственно ли новое министерство и передъ кѣмъ?.. Объ этомъ Родзянко не знаетъ ничего; онъ спѣшитъ окончить неловкій для него разговоръ и старается отвязаться отъ Рузскаго шаблоннымъ заявленіемъ о патріотизмѣ арміи.

Генералъ Рузскій, потерявъ терпѣніе, сухо отвѣчаетъ Родзянко, чтобы онъ впредь сообщался непосредственно со Ставкой, куда выѣхалъ Государь.

Дѣйствительно, въ часъ ночи Царскій поѣздъ отбылъ изъ Пскова. Пока онъ мчался въ ночной тьмѣ, увозя отрекшагося Государя, телеграфъ между Петроградомъ, Псковомъ и Ставкой дѣятельно работалъ, разрушая все, что уцѣлѣло еще отъ мощи Россіи, и дѣлая напрасной тяжелую жертву, принесенную Государемъ во имя того, что Онъ считалъ благомъ Своего народа.

Ровно черезъ шесть часовъ послѣ подписанія акта отреченія генералъ Алексѣевъ, получивъ телеграмму Рузскаго, передающую ему разговоръ его съ Родзянко, воскликнулъ: «Никогда себѣ не прощу, что повѣрилъ въ искренность нѣкоторыхъ людей, послушался ихъ и послалъ телеграмму главнокомандующимъ по вопросу объ отреченіи Государя отъ Престола».

И Алексѣевъ дѣлаетъ слабую попытку исправить свой великій грѣхъ. Онъ немедленно шлетъ главнокомандующимъ новую циркулярную телеграмму, въ которой обвиняетъ Родзянко въ томъ, что въ его сообщеніяхъ нѣтъ искренности и откровенности; жалуется на стремленіе Родзянко «побудить представителей дѣйствующей арміи присоединиться къ рѣшенію крайнихъ элементовъ, какъ къ факту совершившемуся и неизбѣжному». Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣевъ съ неожиданной прозорливостью указываетъ, что «очерченное положеніе создаетъ грозную опасность болѣе всего для дѣйствующей арміи», что это «ввергнетъ Россію безнадежно въ пучину крайнихъ бѣдствій, повлечетъ потерю значительной части территоріи и полное разложеніе порядка въ

тѣхъ губерніяхъ, которыя остались за Россіей, попавшихъ въ руки крайнихъ лѣвыхъ элементовъ».

Все это Алексѣевъ понимаетъ только въ шесть часовъ утра; пойми онъ грозящую опасность на нѣсколько часовъ раньше, отмѣни онъ во-время свою первую преступную телеграмму главнокомандующимъ или хотя бы умоли онъ въ послѣднюю минуту Государя не подписывать отреченія, завѣрь Его въ своей готовности служить Ему нелицемѣрно и подавить бунтъ — все бы измѣнилось, и Россія не погибла бы въ «пучинѣ крайнихъ бѣдствій».

Но въ полночь Алексѣевъ еще не прозрѣлъ, а на зарѣ 3 марта подточенное при его участіи зданіе русскаго Государства съ оглушительнымъ трескомъ рухнуло, похоронивъ въ своихъ развалинахъ все то, что онъ хотѣлъ спасти.

Спасти какъ? Повидимому, попыткой военной диктатуры. Но и въ этотъ рѣшительный моментъ Алексѣевъ малодушничаетъ; какъ начальникъ штаба онъ замѣняетъ Верховнаго Главнокомандующаго, значитъ онъ можетъ приказать самъ, распорядиться безконтрольно, послать, если нужно, войска для подавленія бунта. Но онъ боится, ему хочется раздѣлить отвѣтственность съ другими, и онъ не приказываетъ, а проситъ высказать мнѣніе о созывѣ съѣзда главнокомандующихъ въ Могилевѣ.

На эту депешу извѣстенъ лишь одинъ отвѣтъ Рузскаго: онъ высказывается противъ собранія главнокомандующихъ, слѣдовательно противъ плана возможной диктатуры.

Искупленіе начиналось.

. . . .

Въ ночь на 4 іюля 1918 года Императоръ Николай II, сосланный въ Сибирь по приказанію Временнаго Правительства, которому Онъ съ такимъ благородствомъ довѣрилъ Свою судьбу, былъ звѣрски убитъ вмѣстѣ со Своей Семьей въ подвалѣ Ипатьевскаго дома въ Екатеринбургѣ.

Два съ половиной мѣсяца спустя, генералъ Алексѣевъ, гонимый революціей, успѣху которой онъ самъ способствовалъ, умиралъ въ рядахъ бѣлой арміи отъ болѣзни, истощенія, быть можетъ отъ горя...

Еще черезъ двѣ недѣли въ холодную, туманную октябрьскую ночь на Пятигорское кладбище, къ вырытой наканунѣ могилѣ, приведена была партія «буржуевъ заложниковъ». Боль-

шевицкіе палачи долго работали шашками... на разсвѣтѣ на мѣстѣ ямы высилась насыпь свѣжей земли...

Среди заложниковъ, убитыхъ въ эту ночь, находился бывшій главнокомандующій арміями сѣвернаго фронта, генералъ-адъютантъ Николай Владиміровичъ Рузскій.

7. Измѣна.

Владиміръ Дмитріевичъ Набоковъ, членъ центральнаго комитета кадетской партіи, личный другъ Милюкова и кандидатъ заговорщиковъ на портфель министра юстиціи, шелъ утромъ 2 марта въ Государственную Думу освѣдомиться о происходящихъ событіяхъ. Площадь передъ Таврическимъ дворцомъ была сплошь запружена толпой; на дорожкахъ, ведущихъ къ подъѣзду, происходила неописуемая давка, въ воздухѣ раздавались возгласы и крики. У входа какіе-то юноши еврейскаго типа опрашивали прибывающихъ. Людская волна внесла Набокова въ вестибюль. Необычный видъ думскихъ залъ, биткомъ набитыхъ кричащими людьми, привелъ корректнаго Набокова въ изумленіе; но еще больше удивился онъ, узнавъ составъ новаго министерства, списокъ котораго ходилъ по рукамъ. Въ списокъ этотъ вошли главнымъ образомъ, конечно, давно знакомыя имена, которыя не разъ назывались на тайныхъ совѣщаніяхъ у Коновалова; но сразу бросалось въ глаза два новыхъ и совершенно неожиданныхъ имени — министра юстиціи Керенскаго и никому невѣдомаго молодого Терещенко, про котораго говорили, что онъ купилъ портфель министра финансовъ за пять милліоновъ рублей, пожертвованныхъ имъ во-время на революцію.

Какой-то любезный журналистъ взялся провести Набокова къ его друзьямъ. Проходя по кулуарамъ, они встрѣчали много знакомыхъ лицъ, среди нихъ и новаго главу Правительства, князя Львова. Пришибленный видъ его и растерянное выраженіе лица поразили Набокова. Гдѣ-то въ задней комнатѣ отыскали наконецъ Милюкова, окруженнаго женой и друзьями. Съ перомъ въ рукѣ, онъ поправлялъ текстъ только что произнесенной имъ въ большомъ Думскомъ залѣ рѣчи. Въ ней онъ объявилъ о созданіи новаго Правительства, при чемъ высказался лично за монархическій строй для Россіи съ Царемъ Алексѣемъ

Николаевичемъ, при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

Какъ видно, Милюковъ предупреждалъ событія, такъ какъ въ это время отреченіе Государя Императора еще не состоялось; прибавимъ, что программа кадетскаго лидера не могла бы осуществиться и впослѣдствіи: Государь отказался отъ Престола и за Своего Сына, а вопросъ о Великомъ Князѣ Михаилѣ Александровичѣ разрѣшился иначе и весьма неожиданно.

На другой день, 3 марта утромъ, извѣстіе объ отреченіи Государя въ пользу Своего Брата, Великаго Князя Михаила Александровича, облетѣло городъ. Около двухъ часовъ пополудни князь Львовъ вызвалъ по телефону Набокова къ князю Путятину, гдѣ находился Великій Князь, и сообщилъ ему о только что происшедшемъ здѣсь событіи, грозящемъ неисчислимыми и роковыми послѣдствіями.

Дѣйствительно, въ это самое утро, какъ только стало офиціально извѣстно объ отреченіи Государя, члены Правительства и Думскій комитетъ вмѣстѣ съ новымъ Императоромъ собрались для совѣщанія у князя Путятина.

Былъ поставленъ вопросъ чрезвычайной важности: долженъ ли Великій Князь Михаилъ Александровичъ принять Престолъ? Начались горячіе споры. Родзянко и Керенскій, какъ представители демагогіи, были противъ; Милюковъ и Гучковъ, испуганные разраставшейся анархіей, настаивали на принятіи Престола. Великій Князь поступилъ согласно своему слабому и нерѣшительному характеру: онъ примкнулъ къ мнѣнію Родзянко. Милюковъ и Гучковъ тотчасъ же заявили о своей отставкѣ.

«Что Гучковъ уходитъ, это не бѣда», объяснилъ князь Львовъ Набокову, «вѣдь оказывается, что его въ арміи терпѣть не могутъ, солдаты его просто ненавидятъ. А вотъ Милюкова надо непремѣнно уговорить остаться. Это уже дѣло ваше и вашихъ друзей помочь намъ».

Лидеръ оппозиціи безъ труда сдался на усиленныя просьбы. Гучковъ же, котораго никто не упрашивалъ остаться, размыслилъ, что отъ министерскаго портфеля, хотя бы временнаго, отказываться невыгодно, и больше о своемъ уходѣ не говорилъ.

По окончаніи этихъ переговоровъ услужливому Набокову было поручено составить актъ объ отреченіи Великаго Князя Михаила Александровича. Набоковъ взялъ себѣ въ помощники

13

«осторожнаго и тонкаго спеціалиста по государственному праву» барона Нольде, и неизмѣннаго Шульгина, только что возвратившагося изъ Пскова, съ манифестомъ объ отреченіи Государя въ карманѣ. Эти три лица, собравшись въ дѣтской Путятиныхъ, на Милліонной ул. № 12, составили текстъ самаго необычайнаго, самаго незаконнаго, самаго невѣроятнаго документа, извѣстнаго въ исторіи. Великій Князь не принималъ Престола, но и не отказывался отъ него; онъ предоставлялъ рѣшеніе этого вопроса Учредительному Собранію, которое должно было быть созвано на основаніи всеобщаго голосованія.

Вотъ текстъ заявленія Великаго Князя Михаила Александровича:

«Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненія народа.

Одушевленный со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа Нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы государства Россійскаго.

Призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Михаилъ».

Невозможно, конечно, допустить мысль, чтобы это родившееся изъ-подъ пера трехъ редакторовъ нагроможденіе юридическихъ и логическихъ нелѣпостей — было результатомъ простого невѣжества. Самая научная квалификація по крайней мѣрѣ двухъ изъ трехъ составителей, устраняетъ подобное предположеніе, да и главный авторъ документа Набоковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, очень настаиваетъ на тщательности, съ которой онъ былъ продуманъ.

Въ чемъ же заключается смыслъ акта? Вѣдь было совершенно очевидно, что Учредительное Собраніе, созванное подъ давленіемъ Правительства государственнаго переворота, никогда не признаетъ правъ Великаго Князя. Итакъ, его условный отказъ былъ, въ дѣйствительности, замаскированнымъ отреченіемъ. Но для чего г. г. Набокову, Нольде, Шульгину и ихъ хозяевамъ нуженъ былъ этотъ лицемѣрный обманъ? Цѣль здѣсь совершенно ясна: если бы Великій Князь Михаилъ Александровичъ, или точнѣе Императоръ Михаилъ I, формально отрекся отъ Престола, то, согласно Основнымъ Государственнымъ Законамъ, право на Престолъ автоматически перешло бы къ слѣдующему по старшинству Представителю Императорскаго Дома; отрекись и онъ, право это переходило бы послѣдовательно къ другимъ представителямъ Династіи, и среди нихъ могло бы оказаться лицо менѣе покладистое, чѣмъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Этого ни въ коемъ случаѣ допустить не хотѣли. Нужно было, по указу Якова Шифа и К°, положить вообще конецъ Монархіи въ Россіи, и потому одного отреченія Великаго Князя Михаила Александровича было недостаточно. Но, не отрекаясь отъ Престола, а лишь временно отказываясь отъ «воспріятія» верховной власти, Великій Князь парализовалъ на неопредѣленный срокъ всякую возможность не только реставраціи, но хотя бы предъявленія другимъ лицомъ права на Престолъ, который вакантнымъ еще не могъ почитаться. Съ другой стороны въ актѣ заключалось указаніе на недѣйствительность существующихъ основныхъ законовъ — что превышало права не только Великаго Князя, но и царствующаго Монарха, — и впервые признавалась законная власть самозваннаго Временнаго Правительства. Не слѣдуетъ, дѣйствительно, забывать, что офиціально до сихъ поръ шла рѣчь объ отвѣтственномъ министерствѣ, и что первый его предсѣдатель, кн. Львовъ, былъ назначенъ Высочайшимъ Указомъ. Объ этомъ въ актѣ Великаго Князя нѣтъ ни слова; подъ эгидой Члена Царствующаго Дома законное все же Правительство Львова превращается въ революціонное; цѣпь престолонаслѣдія прерывается, основные законы отмѣняются, и самый актъ, подписанный Великимъ Княземъ, является свидѣтельствомъ о смерти Императорской Россіи. Кому это было нужно? Чье приказаніе исполняли наемныя перья, написавшія этотъ преступный

документъ? Какъ могъ согласиться на него Великій Князь Михаилъ Александровичъ?

«Богъ знаетъ, кто надоумилъ Мишу подписать такую гадость», записываетъ 3 марта Государь въ Своемъ дневникѣ; а Набоковъ, со своей стороны, даетъ этому поступку свое циничное, но, увы, быть можетъ вѣрное объясненіе: «Я, признаться, не думалъ, чтобы онъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ важности и значеніи совершаемаго акта». Иначе говоря, политическіе мошенники обманули Великаго Князя.

Между тѣмъ, главные актеры этой исторической трагедіи собрались въ той же комнатѣ; тамъ, на дѣтскомъ столикѣ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ и подписалъ тотъ актъ, въ которомъ онъ отказывался отъ борьбы, связывалъ будущее своей Родины и отдавалъ ее въ руки самой необузданной демагогіи, сицилійской вечернѣ большевизма.

И какъ бы для довершенія ироніи, едва лишь Великій Князь положилъ перо, какъ Керенскій, прижавъ руку къ сердцу, воскликнулъ театральнымъ голосомъ:

«Повѣрьте, Ваше Императорское Высочество, что мы сумѣемъ донести до Учредительнаго Собранія драгоцѣнную чашу Вашей власти, не проливъ ни единой капли».

Восемь мѣсяцевъ спустя, жалкій Керенскій бѣжалъ, а большевикъ матросъ Желѣзнякъ ликвидировалъ новорожденное Учредительное Собраніе, вышвырнувъ вонъ его предсѣдателя.

Итакъ, на второй же день послѣ отреченія Государя, Временное Правительство, рожденное революціей, очутилось совершенно одинокимъ передъ отвѣтственностью за событія. Это Правительство, такъ настойчиво требовавшее отвѣтственности, само оказалось совершенно неспособнымъ нести ее; болѣе того, оно и не проявило никакой иниціативы, никакого желанія бороться противъ теченія. Крайнія партіи, на которыя опиралась либеральная буржуазія, не могли, конечно, удовлетвориться побѣдой третьяго сословія, «безсмертные принципы» великой французской революціи казались слишкомъ старомодными въ сравненіи съ ученіемъ Карла Маркса, и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ требовалъ, если не немедленнаго примѣненія соціалистическихъ теорій, то, по крайней мѣрѣ, возможно скораго приближенія къ этому идеалу, а прежде всего исполненія двухъ молчаливо данныхъ обѣщаній: смерти Государя и окончанія войны...

Почему смерть Государя считалась даже либеральной оппозиціей, даже лидерами Думы, даже генералами, причастными къ заговору, необходимой для успѣха революціи? Оттого что заговорщики брали на себя страшную отвѣтственность передъ страной и союзниками, производя во время войны государственный переворотъ, который неизбѣжно долженъ былъ вывести Россію изъ строя.

Они чувствовали, что эту измѣну никогда имъ не простятъ, и что то Правительство, которое совершитъ ее, не будетъ имѣть никакихъ шансовъ удержаться у власти; значитъ, надо было оправдать революцію, найдя другого виновника.

Этотъ виновникъ, эта искупительная жертва — былъ Государь, — на этотъ счетъ колебаній не было никакихъ. Поэтому судьба Монарха была рѣшена заранѣе; согласенъ ли Онъ былъ на отреченіе или нѣтъ, Онъ не могъ избѣжать смерти. Но даже и это цареубійство нужно было подготовить, придать ему какой-то, пусть лживый, лицемѣрный, но все же обликъ суда и законности, а не простой кровавой расправы, какъ это предлагалось на совѣщаніяхъ у Родзянко. А для этого необходимо было Государя изъ бывшаго Монарха обратить въ подсудимаго, поразить народное воображеніе, арестовавъ Его какъ преступника. Государя привезли бы въ Петроградъ, предали бы революціонному суду и казнили бы какъ Людовика XVI.

Поэтому 3 марта, на другой день послѣ отреченія, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ постановляетъ арестовать «семейство Романовыхъ». Временное Правительство должно привести въ исполненіе этотъ арестъ въ согласіи съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. «Въ случаѣ отказа Временнаго Правительства, спросить его, какъ оно поступитъ, если исполкомъ самъ произведетъ арестъ». Совѣтъ какъ будто безпокоится о намѣреніяхъ Временнаго Правительства, состоящаго изъ представителей аристократіи и буржуазіи, среди которыхъ нѣкоторые открыто признаютъ себя монархистами. Напрасная тревога! Чхеидзе и его клевреты забываютъ, что жирондисты, бывшіе министрами короля Людовика XVI, голосовали за его смерть. И въ протоколъ засѣданія Совѣта отъ 6 марта занесено, что «одинъ изъ министровъ (Керенскій) заявляетъ о готовности Временнаго Правительства облегчить задачу исполнительному комитету въ случаѣ ареста Николая II». Что подразумѣваетъ Правительство подъ словами «облегчить задачу?»

Товарищи изъ Совѣта люди энергичные, но плохіе дипломаты; ихъ крики и угрозы могли бы открыть Государю глаза. Однако, не забудемъ, что Императоръ въ это время еще находится въ Ставкѣ, среди Своихъ войскъ. Если Онъ узнаетъ о намѣреніяхъ Совѣта, то можетъ проявить рѣшительныя дѣйствія. Тогда все сразу измѣнится. Вѣдь съ отказомъ Великаго Князя Михаила Александровича отъ Престола и отреченіе Государя перестаетъ быть дѣйствительнымъ, и если Временное Правительство вѣроломно нарушаетъ соглашеніе, заключенное съ Монархомъ, то Онъ имѣетъ право свободно дѣйствовать, можетъ призвать отборныя части, можетъ пойти на Петроградъ, можетъ, наконецъ, укрѣпиться въ Ставкѣ и этимъ парализовать все начатое дѣло. Итакъ, прежде всего надо внушить Ему довѣріе и поддержать въ Немъ убѣжденіе въ томъ, что торжественно данная Ему гарантія будетъ соблюдена, и дать Ему понять, что Временное Правительство предпринимаетъ переговоры съ англійскимъ правительствомъ въ цѣляхъ перевезенія Царской Семьи въ Англію. Послѣ этого Государю позволятъ уѣхать спокойно изъ Ставки и только тогда захватятъ одновременно Его и Императрицу.

Таковъ былъ планъ, который и былъ точно приведенъ въ исполненіе. Пока Временное Правительство распространяло слухи о скоромъ отъѣздѣ Царской Семьи за границу, оно, въ то же время, дѣятельно готовилось къ аресту Государя и Императрицы. Но надо было найти подходящихъ людей для этого преступнаго дѣла, и 3 марта генералъ Корниловъ былъ назначенъ командующимъ войсками Петроградскаго военнаго округа. На него и возлагалась обязанность арестовать Императрицу среди Ея больныхъ Дѣтей. Этотъ генералъ, прославившійся бѣгствомъ изъ австрійской крѣпости во время войны, страдалъ болѣзненнымъ самолюбіемъ; оно его и бросило въ объятія революціи. Какъ только побѣдилъ мятежъ, генералъ Корниловъ восторженно привѣтствовалъ новый режимъ, хвалясь при этомъ своимъ крестьянскимъ происхожденіемъ. Впослѣдствіи онъ далъ еще доказательство своей вѣрности революціи, собственноручно приколовъ Георгіевскій крестъ къ груди унтеръ-офицера л.-гв. Волынскаго полка Кирпичникова, убившаго 27 февраля прямого своего начальника — завѣдующаго учебной командой того же полка капитана Лашкевича [1]).

[1]) В. Н. Воейковъ. Съ Царемъ и безъ Царя, стр. 280.

Что же касается ареста Государя, то это дѣло рѣшили поручить четыремъ членамъ Думы, изъ самыхъ неизвѣстныхъ и мало уважаемыхъ: Калинину, Грибунину, Вершинину и Бубликову.

Этотъ планъ держался въ строжайшей тайнѣ; въ этомъ былъ залогъ успѣха. Даже управляющій дѣлами Временнаго Правительства Набоковъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ Правительства. Не безъ удивленія, поэтому, услышалъ онъ 7 марта отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ о рѣшеніи арестовать Государя и Императрицу.

«Вѣдь, въ сущности говоря, не было никакихъ основаній, — ни формальныхъ, ни по существу, — объявлять Николая II лишеннымъ свободы», сознается Набоковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «отреченіе его не было формально-вынужденнымъ. Подвергать его отвѣтственности за тѣ или иные поступки его, въ качествѣ Императора, было бы безсмыслицей и противорѣчило бы аксіомамъ государственнаго права... Между тѣмъ, актомъ о лишеніи свободы завязанъ былъ узелъ, который былъ 4/17 іюля въ Екатеринбургѣ разрубленъ «товарищемъ» Бѣлобородовымъ. Но этого мало. Я лично убѣжденъ, что это «битье лежачаго», — арестъ бывшаго Императора, — сыграло свою роль и имѣло болѣе глубокое вліяніе въ смыслѣ разжиганія бунтарскихъ страстей. Онъ придавалъ «отреченію» характеръ «низложенія», такъ какъ никакахъ мотивовъ къ этому аресту не было указано»[1]).

Однако, эти соображенія Набокова отнюдь не помѣшали ему скрѣпить телеграмму, посланную Правительствомъ генералу Алексѣеву съ извѣщеніемъ о своемъ рѣшеніи. «Это было первымъ постановленіемъ Временнаго Правительства, опубликованнымъ съ моей скрѣпой»... не безъ оттѣнка гордости заявляетъ Набоковъ.

Нѣкоторые благожелательные люди пытались оправдать поведеніе Временнаго Правительства и смягчить страшную его отвѣтственность въ трагической участи, постигшей Царскую Семью: такъ, напримѣръ, быв. предсѣдатель Совѣта Министровъ графъ В. Н. Коковцовъ, въ статьѣ, появившейся во французской печати, и въ докладѣ, прочитанномъ въ Обществѣ ревнителей памяти Императора Николая II въ Парижѣ, пытается совершенно

---

[1]) В. Д. Набоковъ. Временное Правительство. Архивъ Русской Революціи, т. I, стр. 32.

обѣлить Правительство князя Львова и доказать, что оно отлично сознавало ту опасность, которая съ первыхъ же дней угрожала Государю, и искренно желало увезти Царя и Его Семью за границу. Но, утверждаетъ гр. Коковцовъ, Правительство, будучи безсильнымъ и сознавая это безсиліе, было принуждено подчиниться власти, отъ которой оно зависѣло съ самыхъ же первыхъ дней своего существованія. Это была власть Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Графъ Коковцовъ не находитъ нужнымъ точно указать, какія именно причины заставляютъ его вѣрить «искреннему желанію» Временнаго Правительства спасти Государя и Его Семью, ограничиваясь заявленіемъ, что «они (представители Правительства) сознательно, конечно, не желали насильственной смерти Государя и Его Семьи». Мы въ правѣ считать такое заявленіе гр. Коковцова недостаточнымъ; слово «конечно» не есть доказательство и не опровергаетъ всѣ тѣ установленные и безспорные факты, которые приводятъ насъ какъ разъ къ обратному заключенію.

Для человѣка благожелательнаго, «интеллигентнаго», въ мѣру либеральнаго, «конечно», можетъ быть непріятно послѣ Екатеринбургскаго злодѣянія и крушенія Россіи, допустить мысль, что смерти Царя могли желать столь же благожелательные, «интеллигентные» и либеральные люди, какъ и онъ самъ; гораздо проще всю вину и за умыселъ и за исполненіе преступленія свалить на «черную кость», сперва на Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, потомъ на большевиковъ, то есть на преступниковъ какъ бы профессіональныхъ и отъ своихъ преступленій не отпирающихся.

Но предположимъ на одно мгновеніе, что февральская революція удалась, что Временное Правительство обратилось въ постоянное и правило бы Россіей и понынѣ, что же, можемъ ли мы утверждать, что эта удавшаяся революція не могла бы принести въ жертву жизнь монарха, какъ это сдѣлали революціи англійская и французская? Вѣдь и Кромвель былъ лично весьма порядочный и «либеральный» человѣкъ, и многіе члены Конвента, голосовавшіе за смерть Людовика XVI, были нисколько не хуже, не менѣе просвѣщенные люди, чѣмъ г. г. Милюковы и Гучковы, не говоря уже о ничтожномъ Керенскомъ. Среди нихъ были даже выдающіеся государственные дѣятели, сыгравшіе впослѣдствіи крупную политическую роль въ качествѣ министровъ Наполеона и Людовика XVIII.

Не забудемъ также, что Временное Правительство состояло изъ представителей тѣхъ слоевъ населенія, для которыхъ цареубійство никогда не представлялось дѣломъ преступнымъ и позорнымъ. Мы уже приводили краткую историческую справку о томъ, какъ русскій «правящій классъ» искони относился къ своей присягѣ и къ жизни Монарховъ: не только Орловы, Зубовы, Палены, Беннигсены и другіе были цареубійцами, но и все общество, къ которому они принадлежали, не отреклось отъ нихъ и, пусть молчаливо, но одобрило ихъ преступленія. Убили строгаго и взбалмошнаго Императора Павла, но вѣдь то же общество хотѣло убить и кроткаго Александра Благословеннаго. Неудавшимися цареубійцами были и воспѣваемые до сего дня декабристы, принадлежавшіе, всѣ безъ исключенія, къ правящему классу.

Другая часть Временнаго Правительства представляло русское радикальное «третье сословіе», то есть именно тотъ классъ, изъ котораго вербовались народовольцы, убившіе Царя-Освободителя.

Итакъ, февральскіе дѣятели, по своему нравственному облику, вовсе не были чужды идеи цареубійства, давно бывшей въ традиціяхъ тѣхъ круговъ, къ которымъ они принадлежали, и поэтому негодующее восклицаніе гр. Коковцова, отвергающаго самую возможность такой мысли у нихъ, не имѣетъ ровно никакого основанія.

Но преступныя намѣренія этихъ людей были не только возможны, но совершенно точно установлены рядомъ неопровержимыхъ фактовъ. Мы уже разсказывали о томъ, что вопросъ о цареубійствѣ обсуждался на совѣщаніяхъ у предсѣдателя Государственной Думы Родзянко; мы приводили заявленіе С. И. Шидловскаго (правящій классъ) о томъ, что «щадить и жалѣть Его (Царя) нечего», и выходку по тому же поводу Терещенко (третье сословіе), столь безобразную, что Родзянко пришлось его остановить. Мы упомянули о планѣ остановить Государя по дорогѣ изъ Ставки въ Петроградъ и умертвить Его, въ случаѣ отказа отречься; намъ извѣстно, что Милюковъ былъ сторонникомъ террора и въ Лондонѣ уговаривалъ Ленина совершить новые террористическіе акты; мы знаемъ также, что Керенскій принадлежалъ къ террористической партіи и еще недавно, въ своемъ докладѣ въ Парижѣ, онъ признавалъ эту свою

кровавую работу, горделиво заявивъ, что онъ «не былъ либеральнымъ бѣлоручкой».

И всѣ эти люди, привѣтствовавшіе терроръ, требовавшіе не «щадить» Государя, говорившіе о Его казни — всѣ они какъ разъ и составляли новую власть, какъ разъ вошли и въ Комитетъ Думы и въ то Временное Правительство, которое, по мнѣнію гр. Коковцова, «конечно» не могло желать смерти Государя.

Какъ можемъ мы сомнѣваться въ преступномъ «намѣреніи» Временнаго Правительства, когда намѣреніе это получило вполнѣ реальное осуществленіе? Вѣдь Государя арестовали какъ преступника и учредили надъ Нимъ слѣдствіе. Для какой цѣли? На это мы имѣемъ вполнѣ ясный отвѣтъ въ приведенныхъ выше словахъ Набокова: для «разжиганія бунтарскихъ страстей», при которыхъ только и возможно совершить надъ Царемъ Шемякинъ судъ и кровавую расправу.

Но пусть благожелательный гр. Коковцовъ всего этого не знаетъ; но простой здравый смыслъ говоритъ, что если даже Временное Правительство не могло спасти Государя послѣ Его заточенія (что, какъ мы увидимъ дальше, совершенно не вѣрно), то оно могло бы это сдѣлать, когда Онъ находился еще внѣ предѣловъ достиженія Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Совершенно очевидно, что, имѣй князь Львовъ хоть малѣйшее желаніе спасти Государя отъ грозящей Ему опасности, онъ удержалъ бы Его въ Ставкѣ, гдѣ съ Нимъ могла бы соединиться Его Семья. Оттуда было бы не трудно перевезти Царскую Семью за границу, минуя Петроградъ.

Послѣ Своего отреченія Государь обратился къ главѣ новаго Правительства съ письмомъ, полнымъ достоинства, въ которомъ Онъ вручалъ ему Свою судьбу и судьбу Семьи. Самое меньшее, что могъ сдѣлать князь Львовъ, это послать Государю въ отвѣтъ предупрежденіе о намѣреніяхъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ относительно Его и, такимъ образомъ, предоставить Ему самому рѣшить, какъ поступить. Но глава Правительства даетъ Ему понять, что всё подготовлено для Его отъѣзда въ Англію; онъ пускается даже на отвратительный обманъ: въ то самое время, когда ужъ рѣшенъ вопросъ объ арестѣ Государя, князь Львовъ посылаетъ генералу Алексѣеву телеграмму, предназначенную въ дѣйствительности для Государя. Въ этой телеграммѣ онъ заявляетъ, что Царскій поѣздъ будетъ направленъ

изъ Ставки въ Царское Село и оттуда въ Мурманскій портъ, черезъ который происходили тогда морскія сообщенія съ Великобританіей [1]). Значитъ, Львовъ нагло обманываетъ Царя.

Итакъ, Правительство не только не желаетъ «искренно» спасти Царя, но, напротивъ, дѣлаетъ все возможное, чтобы заманить Его въ ловушку, заготовленную Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Впрочемъ министръ юстиціи Керенскій, человѣкъ болѣе откровенный и экспансивный, даже не скрываетъ намѣренія новой власти относительно Государя. Когда бывшій предсѣдатель Петроградскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Карабчевскій спрашиваетъ его, какую участь онъ готовитъ Царю, Керенскій краснорѣчивымъ жестомъ обводитъ рукою кругомъ шеи.

Второе утвержденіе графа Коковцова о томъ, что Правительство было безсильно привести въ исполненіе свое желаніе спасти Государя, не имѣя для того никакой реальной возможности, также не выдерживаетъ критики. Любопытно отмѣтить, что въ этомъ мнѣніи графъ Коковцовъ идетъ дальше самихъ заинтересованныхъ лицъ: ни князю Львову, ни Милюкову, ни Керенскому никогда не приходило въ голову прибѣгнуть къ такому объясненію. Допрошенные впослѣдствіи судебнымъ слѣдователемъ Соколовымъ, они сваливаютъ отвѣтственность за неудачу плана вывоза Царской Семьи не на Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а на англійское правительство, которое, въ концѣ концовъ, отказало въ гостепріимствѣ Государю. О противодѣйствіи же со стороны Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Милюковъ упоминаетъ впервые, да и то вскользь, въ разговорѣ съ сэромъ Джорджемъ Бьюкененомъ, только 21 марта, т. е. спустя болѣе двухъ недѣль послѣ ареста Государя.

Но это обвиненіе Англіи встрѣчаетъ со стороны гр. Коковцова самый рѣшительный отпоръ. «Мы не имѣемъ ни права, ни основанія», говоритъ онъ, «пока намъ не будутъ даны болѣе точныя данныя, допускать самую мысль о томъ, что король Георгъ, хотя бы по совѣту перваго министра — могъ взять назадъ свое предложеніе о гостепріимствѣ его другу и родственнику — Нашему Государю, въ постигшей Его участи».

Но и это заключеніе гр. Коковцова столь же необосновано, какъ и два первыхъ.

---

[1]) См. приложеніе стр. 373.

Почтенный бывшій русскій государственный дѣятель ссылается на заявленія англійскихъ государственныхъ дѣятелей, которые эту отвѣтственность Англіи отрицаютъ. Такъ, Бьюкененъ въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ, что сообщилъ Милюкову о согласіи британскаго правительства оказать гостепріимство Царской Семьѣ, при условіи, что русское Правительство возьметъ на себя расходы по Ея содержанію. Странное гостепріимство, оплачиваемое наличными деньгами! Business are business. Великобританская имперія, очевидно, слишкомъ бѣдна, чтобы содержать даромъ находящагося въ несчастіи двоюроднаго Брата своего короля и Его Семью. «Намъ невозможно было сдѣлать больше», прибавляетъ Бьюкененъ. «Наше предложеніе осталось въ силѣ, и мы никогда отъ него не отказывались».

Ллойдъ-Джорджъ, которому суждено было сыграть такую роковую и печальную роль въ судьбахъ Европы, опубликовалъ и свою версію о несостоявшемся отъѣздѣ Царской Семьи въ Англію. Онъ утверждаетъ, что приглашеніе, сдѣланное англійскимъ правительствомъ Царской Семьѣ, оставалось все время въ силѣ, и что онъ не виноватъ въ томъ, что оно не было использовано.

Какъ же, однако, согласовать такое огульное отрицаніе съ категорическими заявленіями Керенскаго, Милюкова и Терещенко, которые, споря между собою и обвиняя другъ друга, все же сходятся на фактѣ отказа англійскаго правительства?

Бывшій «главноуговаривающій» приводитъ даже текстъ телеграммы Ллойдъ-Джорджа къ Временному Правительству, въ которой онъ заявлялъ, что «не имѣетъ возможности совѣтовать Его Величеству Королю предложить гостепріимство лицамъ, германофильскія тенденціи коихъ слишкомъ хорошо извѣстны ему».

Конечно, всѣ эти три революціонные дѣятеля показали себя достаточно искусными во лжи и клеветѣ, чтобы, и на этотъ разъ, прибѣгнуть къ этимъ любимымъ средствамъ. Но какова бы ни была ихъ смѣлость, едва ли возможно предположить, чтобы они могли, безъ тѣни основанія, бросить столь тяжкое обвиненіе не по адресу своихъ жертвъ, какъ они привыкли это дѣлать, а могущественному великобританскому правительству, располагающему всѣми необходимыми документами для раскрытія правды и уличенія своихъ обвинителей во лжи.

Но если бы даже гр. Коковцовъ и допускалъ такой заговоръ трехъ бывшихъ министровъ Временнаго Правительства

противъ чести Англіи, то какъ можетъ онъ отметать свидѣтельства самихъ англичанъ?

Такъ, напримѣръ, дочь англійскаго посла Бьюкенена, миссъ Меріэль Бьюкененъ (нынѣ миссисъ Knowling), не только подтверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ фактъ отказа англійскаго правительства въ гостепріимствѣ Царской Семьѣ, но еще приводитъ мотивы Ллойдъ-Джорджа, — опасеніе недовольства рабочей партіи въ случаѣ пріѣзда въ Англію Государя — и разсказываетъ весьма подробно, при какихъ обстоятельствахъ телеграмма Ллойдъ-Джорджа была получена въ посольствѣ и какое тяжелое впечатлѣніе она произвела на ея отца. Замѣтимъ, что самыя воспоминанія миссъ Бьюкененъ написаны съ нескрываемой цѣлью реабилитировать бывшаго посла; неужели возможно предположить, чтобы эта преданная дочь рѣшилась уличать своего отца въ неправдѣ, когда онъ заявлялъ, что «наше предложеніе осталось въ силѣ, и мы никогда отъ него не отказывались», если бы у нея не было вѣскихъ основаній утверждать то, что мы читаемъ въ ея воспоминаніяхъ?

Перейдемъ къ тому, что разсказываетъ самъ Ллойдъ-Джорджъ, на котораго ссылается гр. Коковцовъ.

Бывшій англійскій премьеръ опубликовалъ свои воспоминанія сперва въ газетѣ «Дейли Телеграфъ», а потомъ и отдѣльнымъ изданіемъ; въ нихъ излагается и исторія переговоровъ объ отъѣздѣ Царской Семьи въ Англію.

По словамъ Ллойдъ-Джорджа, англійскій кабинетъ, въ засѣданіи 22 марта разсматривалъ и разрѣшилъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о переѣздѣ Царской Семьи въ Англію, о чемъ въ тотъ же день послалъ Бьюкенену телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Отвѣчая на запросъ русскаго правительства, Его Величество Король и британское правительство счастливы пригласить Царя и Царицу и готовы дать Имъ убѣжище на все время войны. Вы должны въ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ опредѣленно заявить, что оно будетъ отвѣтственно за содержаніе Ихъ Величествъ здѣсь надлежащимъ образомъ».

На эту телеграмму Бьюкененъ 24 марта донесъ своему правительству о своемъ разговорѣ съ Милюковымъ, который высказался очень осторожно и неопредѣленно объ отъѣздѣ Царской Семьи. Посолъ особенно настаивалъ на отпускѣ денежныхъ средствъ, что, повидимому, играло здѣсь первенствую-

щее значеніе. Милюковъ старался успокоить его тревоги на этотъ счетъ, заявивъ, что у Царя имѣются крупныя личныя денежныя средства. Прибавимъ, кстати, что эти личныя средства были начисто расхвачены Временнымъ Правительствомъ.

2 апрѣля Бьюкененъ снова доноситъ, что все еще нѣтъ никакого рѣшенія объ отъѣздѣ Царской Семьи и что Государю даже не сообщено о приглашеніи англійскаго короля. Черезъ нѣсколько дней посолъ сообщаетъ, что, по заявленію Керенскаго, Государю не будетъ дано разрѣшеніе выѣхать въ ближайшій мѣсяцъ, пока не будетъ законченъ разборъ изъятыхъ у Него документовъ. Въ той же телеграммѣ Бьюкененъ указываетъ, что Керенскій отказалъ въ разрѣшеніи передать Вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ письмо отъ Ея сестры, королевы англійской Александры.

Но не проходитъ и двухъ недѣль, какъ 15 апрѣля посолъ уже высказывается лично противъ переѣзда Царской Семьи въ Англію; онъ сообщаетъ, что совѣтовалъ кн. Львову дать разрѣшеніе на отъѣздъ Государя въ Ливадію и, въ виду отказа Львова, Бьюкененъ высказываетъ предположеніе что было бы лучше везти Семью не въ Англію, а во Францію.

Англійское правительство сносится по этому вопросу со своимъ представителемъ въ Парижѣ лордомъ Берти и 22 апрѣля отъ него получаетъ уже отвѣтъ. Посолъ лордъ Берти начинаетъ съ выраженія радости тому, что Царская Семья не будетъ допущена въ Англію, и продолжаетъ: «Нѣмцы будутъ утверждать, а русскіе соціалисты этому повѣрятъ, будто британское правительство намѣрено держать бывшаго Царя въ запасѣ, чтобы использовать Его для цѣлей реставраціи и чтобы потомъ произвести въ Россіи выгодныя для Англіи неурядицы. Я не думаю, чтобы бывшій Императоръ и Его Семья были привѣтливо встрѣчены во Франціи. Царица нѣмка не только по рожденію, но и по чувствамъ. Она сдѣлала все, что только могла, для сепаратнаго мира съ Германіей. Ее здѣсь разсматриваютъ какъ преступницу или какъ опасно-помѣшанную, а бывшаго Императора, какъ человѣка преступно слабаго и подверженнаго Ея вліянію».

Такъ англійскій джентльменъ и посолъ выражался объ Императрицѣ союзнаго государства, внучкѣ королевы Викторіи и родственницѣ его монарха. Такъ англичане понимаютъ честь. Но здѣсь важна не квалификація англійскаго «джентльменства»; важно то, что и самъ Ллойдъ-Джорджъ признаетъ, что вопросъ

объ отъѣздѣ въ Англію въ извѣстный моментъ отпалъ и что британское правительство перестало на немъ настаивать. Все это, конечно, только дипломатическія формы для того, что можно проще назвать отказомъ; но какова была причина этого отказа? По словамъ Ллойдъ-Джорджа, желаніе британскаго правительства спасти Царскую Семью могло бы не понравиться Керенскому и побудить его къ прекращенію военныхъ дѣйствій съ Германіей.

Комментируя въ своей газетѣ это заявленіе Ллойдъ-Джорджа, Милюковъ, которому, какъ министру иностранныхъ дѣлъ, хорошо были извѣстны виды и намѣренія Керенскаго въ эту эпоху, считаетъ его вполнѣ правдоподобнымъ. Керенскій выступилъ противъ своихъ обвинителей въ англійской и русской печати съ нѣсколькими длинными опроверженіями, въ которыхъ указывалъ, между прочимъ, что «объясненіе Ллойдъ-Джорджа ни въ малѣйшей степени не соотвѣтствуетъ дѣйствительности». Убѣдить Керенскаго «продолжать войну съ Германіей никогда англійскіе представители не пытались, т. к. ни Временное Правительство, ни я ни одно мгновеніе кончать войну сепаратно не намѣревались». Это заявленіе Керенскаго, разумѣется, сплошная ложь, и Временное Правительство, какъ мы увидимъ дальше, съ первыхъ же дней пребыванія у власти, не только обсуждало вопросъ о прекращеніи войны, но и подготовляло эту мѣру.

Но если лжетъ Керенскій, лжетъ также и Ллойдъ-Джорджъ, умалчивая о другихъ причинахъ поведенія англійскаго правительства. Вѣдь лордъ Берти, напримѣръ, зналъ отлично, что все, что онъ пишетъ объ Императрицѣ, злостная, глупая и мерзкая клевета; для чего же онъ къ ней прибѣгаетъ? Для того, чтобы скрыть настоящій, подлинный мотивъ дѣйствій англійскаго правительства, тотъ мотивъ, о которомъ онъ неосторожно проговаривается: помѣшать возможной реставраціи, ибо англійскіе государственные дѣятели, которые составляли правительство Великобританіи, хотѣли Россіи не сильной, а слабой, и они понимали, что сильной она можетъ быть только подъ скипетромъ Царя.

Именно поэтому англійское правительство не хотѣло, чтобы Государь уѣхалъ не только въ Англію, но и во Францію и вообще выѣхалъ изъ Россіи туда, гдѣ Его жизнь могла бы оказаться въ безопасности и гдѣ Онъ могъ бы выждать наступленія момента для возвращенія на Родину. Англіи важно было, чтобы

законный представитель государства, передъ которымъ она приняла обязательство, не могъ когда-либо потребовать выполненія этихъ обязательствъ. Евреямъ, господствовавшимъ въ англійской знати, въ финансахъ и въ политикѣ, важно было, чтобы въ Россіи исчезъ тотъ режимъ, который защищалъ народъ отъ еврейскаго засилія — режимъ, возглавляемый русскимъ Царемъ.

Русскій Царь мѣшалъ Альбіону и синагогѣ. Вотъ причина — настоящая причина, по которой британское правительство не хотѣло спасти Государя.

Но гр. Коковцовъ всего этого не хочетъ знать. Онъ закрываетъ глаза на очевидность, какъ брезгливый человѣкъ отворачивается отъ грязи, отъ сцены, которая тревожитъ его нервы. И въ разсужденіяхъ своихъ онъ прямо указываетъ настоящее основаніе, заставляющее его отрицать отвѣтственность Англіи.

«Мы знаемъ», пишетъ онъ, «что приглашеніе найти убѣжище въ Англіи исходило не только отъ короля, но и отъ его правительства и было передано черезъ министра иностранныхъ дѣлъ лорда Бальфура. При такихъ условіяхъ не только король Великобританіи, но и просто уважающій себя человѣкъ, а тѣмъ болѣе правительство, не могли взять назадъ своего приглашенія».

Это трогательное, по своей наивности, заявленіе гр. Коковцова выходитъ, конечно, изъ предѣловъ исторіи и фактовъ. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не извѣстно, что въ преслѣдованіи своихъ практическихъ цѣлей англійское правительство передъ вопросами чувствъ и самоуваженія никогда не останавливалось.

Но каково бы ни было поведеніе англійскаго правительства въ этомъ дѣлѣ, все же не отъ него зависѣла судьба Царской Семьи. Невозможно вѣдь допустить, чтобы отказъ Ллойдъ-Джорджа автоматически долженъ былъ привести къ цареубійству. Представители бывшаго Временнаго Правительства это отлично понимаютъ и съ момента крушенія «ихъ» революціи, со времени Екатеринбургскаго злодѣянія, они не перестаютъ искать себѣ оправданія, обвиняя другъ друга, впадая въ противорѣчія, отрекаясь отъ своихъ собственныхъ признаній.

Такъ, въ своихъ недавнихъ выступленіяхъ въ печати, Керенскій утверждаетъ слѣдующее:

«Седьмого марта», пишетъ онъ, «я заявилъ въ московскомъ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, что Временное Правительство взяло на себя отвѣтственность за личную безопасность Царя и Его Семьи. Это обязательство мы выполнимъ

до конца. Царь съ Семьей будетъ отправленъ за границу, въ Англію. Я самъ довезу Его до Мурманска. Я добавилъ, что не буду русскимъ Маратомъ».

Достаточно сопоставить этотъ разсказъ съ показаніемъ самого же Керенскаго, даннымъ имъ въ августѣ 1920 г. слѣдователю Соколову, чтобы сразу обнаружилась вся лживость придуманной имъ новой версіи. Вотъ это первое показаніе: «Николай II и Александра Ѳеодоровна были арестованы согласно постановленія Временнаго Правительства отъ 7 марта. Два рода причинъ его къ этому побуждали: состояніе умовъ солдатскихъ массъ въ тылу и рабочихъ въ районахъ Петрограда и Москвы, крайне возбужденныхъ противъ Николая. Вспомните о моемъ выступленіи на московскомъ Совѣтѣ 7 марта. Тамъ требовали отъ меня кары надъ Государемъ. Возражая отъ имени Временнаго Правительства противъ этихъ требованій, я заявилъ отъ своего имени, что я никогда не стану играть роль Марата. Я заявилъ, что дѣло безпристрастнаго суда судить о проступкахъ Николая передъ Россіей»... Въ другомъ же своемъ показаніи Соколову Керенскій указываетъ, что его «намекъ 7 марта въ Москвѣ на возможный отъѣздъ Царской Семьи изъ Царскаго Села привелъ къ налету петроградскаго Совѣта на Царское», и далѣе Керенскій разсказываетъ объ этомъ «налетѣ» соціалъ-революціонера Масловскаго на Дворецъ съ цѣлью увезти Государя.

Итакъ, по одной версіи, Керенскій 7 марта обѣщалъ солдатамъ-дезертирамъ московскаго Совѣта судъ надъ Царемъ и лишь «намекнулъ» на возможность отъѣзда Его за границу. По другой версіи, онъ въ томъ же засѣданіи принялъ, отъ имени Временнаго Правительства, отвѣтственность за личную безопасность Царской Семьи и заявилъ, что Она будетъ отправлена за границу, и что самъ онъ поѣдетъ Ее сопровождать до Мурманска.

Совершенно очевидно, что Керенскій не говорилъ, да и не могъ говорить ничего подобнаго московскому Совѣту, и что все имъ теперь разсказанное цѣликомъ придумано для своего оправданія.

Прибавимъ еще одну черту. Все по тому же новому объясненію Керенскаго петроградскій Совѣтъ уже не только не «требуетъ кары» для Государя, не только соглашается на отъѣздъ Царской Семьи, но высказывается даже за «необходи-

мость» такого отъѣзда за границу на время войны, по причинамъ какъ политическимъ, такъ и личной безопасности.

Вообще «варіаціи» въ объясненіяхъ г. Керенскаго положительно неисчислимы. Такъ, въ докладахъ, сдѣланныхъ имъ въ Парижѣ въ началѣ 1936 года, бывшій премьеръ ссылается, въ оправданіе бездѣятельности Временнаго Правительства, на болѣзнь Великихъ Княженъ, которая, будто бы, и помѣшала отъѣзду Царской Семьи. Насколько въ заявленіи этомъ Керенскій впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, видно изъ того, что Царскія Дѣти поправились уже въ концѣ марта, кромѣ Великой Княжны Маріи Николаевны, которая проболѣла еще нѣкоторое время. 23 марта Государь записываетъ въ свой дневникъ: «началъ откладывать все то, что хочу взять съ собой, если придется уѣзжать въ Англію», а 12 апрѣля Боткинъ обращается къ Керенскому съ просьбой разрѣшить перевезти Царскую Семью въ Крымъ, для здоровья Дѣтей, и получаетъ отказъ. Итакъ, самое позднее въ началѣ апрѣля, Великія Княжны и Наслѣдникъ были уже настолько здоровы, что могли вполнѣ вынести путешествіе. Когда же, по словамъ Керенскаго, послѣдовалъ отказъ англійскаго правительства? Въ іюнѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ ссылка Керенскаго на болѣзнь Царскихъ Дѣтей является только лживой и жалкой отговоркой.

Итакъ, если вѣрить объясненіямъ дѣйствующихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ предательскомъ дѣлѣ, оказывается, что всѣ желали отъѣзда Царской Семьи въ Англію: и король Георгъ V, и Ллойдъ-Джорджъ, и Милюковъ, и Керенскій и даже петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Что же помѣшало этому отъѣзду? На этотъ вопросъ ни одинъ изъ этихъ лицъ не даетъ исчерпывающаго отвѣта, или же, какъ въ пойманной воровской шайкѣ, обѣляетъ себя, обвиняя во всемъ своихъ сообщниковъ.

Конечно, о намѣреніи арестовать Государя вслухъ не говорили; изъ союзныхъ пословъ одинъ Бьюкененъ зналъ о немъ. 8 марта, когда Государь находился еще въ Ставкѣ, и разговоровъ объ Его арестѣ, какъ будто бы, еще не могло возникнуть, Бьюкененъ спрашиваетъ Милюкова, вѣрно ли появившееся въ печати сообщеніе объ арестѣ. Смущенный Милюковъ мнется, говоря, что это извѣстіе не вполнѣ точно. Государь только лишенъ свободы. Бьюкененъ «немедленно напомнилъ ему, что Государь родственникъ и близкій другъ короля, и при-

бавилъ, что былъ бы счастливъ получить увѣреніе, что всѣ мѣры, гарантирующія Ему безопасность, будутъ приняты». Милюковъ охотно завѣрилъ его въ этомъ. Онъ сказалъ, что не былъ сторонникомъ перевезенія Государя въ Крымъ, какъ предполагалось сначала; онъ находилъ предпочтительнѣе для Него остаться въ Царскомъ, пока Дѣти не оправятся отъ кори, послѣ чего Царская Семья могла бы уѣхать въ Англію.

Все въ этомъ заявленіи сплошная ложь. Въ то время, какъ онъ «охотно давалъ» англійскому послу увѣреніе, что мѣры для безопасности Государя приняты, и что Царская Семья сможетъ уѣхать въ Англію, самъ министръ иностранныхъ дѣлъ прекрасно зналъ, что судьба Императора была рѣшена, и что Чрезвычайная слѣдственная комиссія, на которую возложена была обязанность найти основанія для преданія Его суду, была уже составлена за четыре дня до того.

Впрочемъ, былъ ли действительно обманутъ этой ложью англійскій посолъ? Не существовало ли уже между нимъ и Милюковымъ молчаливое соглашеніе относительно судьбы Императора Николая II? Одинъ фактъ, какъ будто, подтверждаетъ это предположеніе.

Какъ только ему стало извѣстно объ отреченіи Государя, король Георгъ V послалъ въ Ставку слѣдующую телеграмму:

«Событія послѣдней недѣли меня глубоко взволновали. Я думаю постоянно о тебѣ и остаюсь всегда твоимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, какимъ, какъ ты знаешь, я всегда былъ и раньше».

Телеграмма была адресована англійскому военному агенту генералу Вильямсу для передачи Государю; но въ это время Государь уже выѣхалъ изъ Могилева, и Вильямсъ отправилъ телеграмму короля Георга англійскому послу Бьюкенену съ просьбой доставить ее Царю.

Однако эта телеграмма, выражающая Государю сочувствіе и поддержку искренной дружбы, никогда Ему вручена не была. Сэръ Бьюкененъ и Милюковъ, съ общаго согласія, перехватили ее; это ясно изъ замѣтки, сдѣланной Милюковымъ на поляхъ самого документа. Какая же была причина этому невѣроятному произволу? «Телеграмма быда адресована Императору», объявляетъ Милюковъ, «а такъ какъ Государь больше не былъ Императоромъ, то я отдалъ ее англійскому послу». Жалкое объясненіе! Сэръ Бьюкененъ болѣе откровененъ: онъ прямо

сознается въ причинѣ, заставившей скрыть телеграмму: она могла облегчить отъѣздъ Царской Семьи въ Англію; но дѣйствіе это онъ приписываетъ одному лишь Милюкову.

Миссъ Меріэль Бьюкененъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, пытается дать нѣсколько другое освѣщеніе этому позорному поступку: «Княгиня Палѣй и г. Якобій пошли даже дальше», пишетъ она, «они обвинили его (ея отца) въ томъ, что онъ умышленно задержалъ телеграмму, адресованную королемъ Государю въ первые дни революціи». Дальше г-жа Бьюкененъ приводитъ текстъ изъ воспоминаній княгини Палѣй и прибавляетъ: «г. Якобій даетъ, по крайней мѣрѣ, болѣе точное объясненіе означенной телеграммы», и, процитировавъ то мѣсто, гдѣ авторъ приводитъ весь этотъ случай, г-жа Бьюкененъ, желая обѣлить своего отца, ссылается на воспоминанія послѣдняго, въ которыхъ онъ разсказываетъ, что ему «было прислано распоряженіе не давать хода этому дѣлу».

«Оглядываясь назадъ», замѣчаетъ г-жа Бьюкененъ, «можетъ казаться страннымъ, что великобританское правительство не настаивало на передачѣ посланія короля Государю. Если бы оно оказало нѣкоторое давленіе на Временное Правительство, послѣднее, несмотря на свои сомнѣнія и колебанія, дало бы Государю разрѣшеніе получить телеграмму, въ которой Онъ нашелъ бы, по крайней мѣрѣ, выраженіе сочувствія Своего кузена и доказательство, что о Немъ не забыли совсѣмъ... Это молчаніе, которое Его окружало, должно было быть одной изъ самыхъ горькихъ сторонъ Его длительнаго и тяжкаго заключенія»[1]).

Всѣ приведенныя г-жей Бьюкененъ соображенія, конечно, самаго факта нисколько не мѣняютъ и, въ концѣ концовъ, не оправдываютъ поведенія англійскаго посла. Она это сама чувствуетъ и признаетъ, что ея отецъ «никогда не могъ совершенно смыть съ своего имени обвиненія въ томъ, что, по малодушію или по недомыслію, онъ не помогъ русской Царской Семьѣ въ несчастіи».

Почему же, собственно, сэръ Джорджъ Бьюкененъ оказался безпомощнымъ передъ этимъ обвиненіемъ, почему самъ онъ его какъ будто подтверждаетъ въ своихъ собственныхъ воспоминаніяхъ? «Потому», утверждаетъ его дочь, «что ему угрожали лишить его пенсіи, если онъ разскажетъ правду»;

---

[1]) Muriel Buchanan. La dissolution d'un Empire, стр. 211—215.

такимъ образомъ, то, что пишетъ Бьюкененъ въ своихъ воспоминаніяхъ, по мнѣнію его дочери, — ложь, «онъ искажаетъ факты и спасаетъ этимъ отвѣтственныхъ отъ критики и презрѣнія». Не будемъ спорить съ г-жей Бьюкененъ, пусть дѣйствительно посолъ предпочелъ принять на себя «критику и презрѣніе», нежели потерять пенсію; практичный англичанинъ оцѣнилъ свою честь на фунты и шиллинги — не слишкомъ дорого, впрочемъ. Что же изъ этого вытекаетъ? Только то, что Бьюкененъ творилъ не свою волю, а волю своего правительства, что онъ велъ въ Россіи подрывную революціонную работу и способствовалъ гибели Царской Семьи не потому, что ему этого хотѣлось, а потому, что ему приказывали изъ Лондона. Но мы это знали и безъ такого признанія г-жи Меріэль Бьюкененъ.

Такимъ образомъ, исторія о перевозѣ Царской Семьи въ Англію была лишь комедіей, разыгрываемой Керенскимъ, Милюковымъ и ихъ присными. Измѣнническимъ способомъ овладѣвъ Государемъ, они не выпустили бы своей жертвы.

Всѣ показанія, данныя слѣдователю Соколову участниками и пособниками расправы съ Государемъ и Его Семьею, жалкія ихъ оправданія въ появившихся затѣмъ мемуарахъ и статьяхъ, — все это дышитъ ложью и трусостью и не похоже на достойное объясненіе невинно заподозрѣнныхъ государственныхъ дѣятелей.

Прошли года, преступная шайка распалась; появились въ печати взаимныя обвиненія и уличающія признанія. Но никто изъ участниковъ этого гнуснаго преступленія однако никогда не отрицалъ намѣренія Правительства предать Государя суду. Князь Львовъ сознается въ этомъ, хотя съ оговорками; Керенскій дѣлаетъ это рѣшительнѣе: онъ признается, что объявилъ на засѣданіи Совѣта 7 марта: «безпристрастный судъ долженъ судить ошибки Николая II передъ Россіей». Что касается до Милюкова, то онъ предпочелъ сослаться на затменіе памяти, когда судебный слѣдователь Соколовъ допрашивалъ его о мотивахъ рѣшенія Временнаго Правительства: «Мнѣ абсолютно не сохранила память ничего о томъ, какъ и когда состоялось рѣшеніе вопроса объ арестѣ Царя и Царицы. Я совершенно ничего не помню по этому вопросу».

Замѣтимъ, что забывчивый Милюковъ былъ въ этотъ моментъ вліятельнымъ членомъ Правительства, и что странные пробѣлы его памяти не помѣшали ему написать впослѣдствіи по-

дробную исторію русской революціи. Прибавимъ, что этотъ самый Милюковъ, этотъ пѣвецъ революціи, утверждаетъ, что Думскій Комитетъ и министерство князя Львова вначалѣ имѣли въ рукахъ всѣ козыри, чтобы стать хозяевами положенія. Новая власть была законной, ибо Дума была государственнымъ учрежденіемъ, а предсѣдатель Совѣта Министровъ назначенъ Высочайшимъ указомъ; войска относились къ нему съ довѣріемъ; самъ Государь и Императрица надѣялись, что Правительство это будетъ, по крайней мѣрѣ, въ состояніи продолжать войну. Если новый кабинетъ стушевался передъ волею Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, то оттого только, что эта воля совпадала съ ихъ волей; оттого, что они шли къ общей цѣли; оттого, что они совмѣстно должны были совершить великое предательство, оплаченное иностранными деньгами.

8. Прощаніе въ Могилевѣ.

Царскій поѣздъ отбылъ изъ Пскова 3 марта въ три часа ночи. Съ утра, несмотря на волненіе, охватившее дѣйствующихъ лицъ и статистовъ только что разыгравшейся драмы, мелкія событія текущей жизни попрежнему шли своимъ чередомъ. Государь, какъ и всегда, былъ сдержанъ, привѣтливъ и наружно спокоенъ. Онъ послалъ съ дороги телеграмму Своей Матери, Вдовствующей Императрицѣ, прося Ее пріѣхать на свиданіе съ Нимъ въ Могилевъ, а также Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и брату, Великому Князю Михаилу Александровичу, или, вѣрнѣе, Императору Михаилу I. Государь извинялся передъ послѣднимъ, что передалъ Ему тяжкое бремя Царской власти, не спросивъ Его согласія, и заканчивалъ телеграмму слѣдующими словами: «Останусь навсегда вѣрнымъ и любящимъ тебя братомъ» [1]).

Послѣ четырехъ часовъ пополудни, когда поѣздъ остановился на какой-то маленькой станціи, Государь, въ сопровожденіи флигель-адъютанта Мордвинова, вышелъ изъ вагона, чтобы немного пройтись пѣшкомъ.

---

[1]) Подлинникъ этой телеграммы, повидимому не дошедшей до Великаго Князя, не опубликованъ. Содержаніе ея приведено на память полк. Мордвиновымъ. Отрывки изъ воспоминаній. Русскав Лѣтопись, кн. V, стр. 130.

Мордвиновъ смотрѣлъ на своего Государя, покинутаго, отвергнутаго, разлученнаго съ любимыми близкими, терзаемаго страхомъ за Родину; этотъ офицеръ въ полковничьей формѣ, погруженный въ мрачныя думы, съ трудомъ шагающій по грязи на этой заброшенной станціи, вчера еще былъ Самодержцемъ самой могущественной Имперіи въ мірѣ!

Щемящее чувство сожалѣнія, состраданія, безсилія передъ этой нѣмой трагедіей охватило Мордвинова. Изъ устъ его полились слова, отрывочныя, безсвязныя, неумѣлыя въ своей искренности. Онъ напомнилъ Государю, что Его Династія не добивалась Престола, что только уступая настоянію народа, предокъ Его Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, согласился принять шапку Мономаха; теперь говорятъ, «воля народа измѣнилась . . . ну и пусть они попробуютъ сами устроить свою жизнь» . . .

Государь внезапно остановился: «Ужъ и хороша эта воля народа!» воскликнулъ Онъ съ болью и горечью, затѣмъ, отвернувшись, чтобы скрыть волненіе, снова продолжалъ Свою прогулку.

— «Ваше Величество», заговорилъ Мордвиновъ, «что же теперь Вы намѣрены дѣлать?»

«Я самъ хорошо не знаю», съ печальнымъ недоумѣніемъ отвѣтилъ Государь, «все такъ быстро повернулось . . . на фронтъ даже, защищать мою Родину, мнѣ врядъ ли дадутъ теперь возможность поѣхать, о чемъ я раньше думалъ. Вѣроятно, буду жить совсѣмъ частнымъ человѣкомъ, вотъ увижу Свою Матушку, переговорю съ Семьей. Думаю, что уѣдемъ въ Ливадію, для здоровья Алексѣя и больныхъ дочерей это даже необходимо, или, можетъ быть, въ другое мѣсто, въ Костромскую губернію, въ нашу прежнюю вотчину».

«Ваше Величество», съ убѣжденіемъ возразилъ Мордвиновъ, «уѣзжайте возможно скорѣе за границу. При нынѣшнихъ условіяхъ даже въ Крыму не житье».

Но Государь его прервалъ:

«Нѣтъ, ни за что я не хотѣлъ бы уѣхать изъ Россіи, я ее слишкомъ люблю. За границей мнѣ было бы слишкомъ тяжело, да и дочери и Алексѣй еще больны».

Дворецъ въ Ливадіи . . . Костромскіе лѣса . . . уединенная жизнь частныхъ людей . . . вотъ образы, проносившіеся въ мысляхъ Государя. Могъ ли сомнѣваться Онъ, только что при-

несшій столь великую жертву во имя Родины, только что отдавшій все — корону, скипетръ и верховное командованіе, — могъ ли Онъ сомнѣваться, что Ему оставятъ по крайней мѣрѣ то, чѣмъ пользовался самый послѣдній изъ Его подданныхъ: свободу? Могъ ли Онъ подумать, хотя бы на мгновеніе, что обѣщанія двухъ думскихъ эмиссаровъ были ложью, и что князь Львовъ, которому Онъ такъ благородно вручилъ Свою судьбу и судьбу Семьи, въ отвѣтъ на это довѣріе пошлетъ Его на смерть?...

Въ этотъ день утромъ ген. Дубенскій зашелъ въ купе барона Р. А. Штакельберга. Онъ сидѣлъ еще не одѣтый и все лицо его было красно отъ слезъ.

«Меня возмущаетъ обстановка, при которой совершили переворотъ», сказалъ онъ. «Готовили все давно. Воспользовались только волненіями въ Петроградѣ. Ставка по отъѣздѣ Государя въ одинъ день снеслась со всѣми главнокомандующими фронтами, отъ сѣвера Россіи до Румыніи и Малой Азіи. Установилась полная связь между Алексѣевымъ, Родзянко и всѣми высшими генералами. Англійскій посолъ Бьюкененъ принималъ давно горячее участіе во всѣхъ интригахъ и проискахъ. Рѣшили, что надо смѣнить «шоффера», и тогда Россія помчится быстрѣе къ побѣдѣ и реформамъ. И начальникъ штаба Государя, Его генералъ-адъютантъ прощается съ Его Величествомъ 27 февраля, провожая Государя въ Царское для созданія «отвѣтственнаго» министерства, а часъ спустя начинаетъ осуществлять смѣну шоффера. Вотъ что меня особо удивляетъ и возмущаетъ. Вѣдь это измѣна и предательство!»

Дубенскій, знавшій давно Алексѣева, замѣтилъ, что онъ не можетъ понять, какъ этотъ дѣйствительно религіозный человѣкъ могъ осуществить это величайшее предательство и измѣнить своему Царю, будучи у Него самымъ довѣреннымъ лицомъ.

«Какъ встрѣтится сегодня Алексѣевъ съ Государемъ, какъ онъ будетъ глядѣть Ему въ глаза?» сказалъ, волнуясь, Штакельбергъ. «И все это совершено въ два-три дня, съ 28 февраля по 2 марта. Да, новая и небывалая въ исторіи Россіи позорная страница!»

Штакельбергъ проявлялъ, конечно, нѣкоторую наивность, предполагая, что предательство Алексѣева и Ставки имѣло цѣлью «помчать быстрѣе Россію къ побѣдѣ и реформамъ». Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго лучше чѣмъ кто-

либо зналъ, какимъ ударомъ именно для побѣды долженъ былъ явиться переворотъ. Но 3 марта Дубенскій, Штакельбергъ и лица Свиты могли не знать всѣхъ подробностей заговора и естественно искали хоть тѣнь оправданія въ предательствѣ Алексѣева.

Но народъ смотрѣлъ на событія проще и переживалъ ихъ иначе. Пока верхніе слои общества, Дума и либеральное дворянство, столичные салоны и генералы торжествовали побѣду измѣны и крамолы, народъ думалъ и чувствовалъ другое. И голосъ его, какъ грозное предупрежденіе, прозвучалъ уже въ этотъ день.

На одной изъ станцій, во время остановки свитскаго поѣзда, къ ген. Дубенскому подошелъ пожилой человѣкъ, съ виду степенный купецъ или зажиточный крестьянинъ. Онъ поклонился, затѣмъ спросилъ очень тихо:

«Простите, позвольте узнать, неужели это Государя провезли?»

Дубенскій отвѣтилъ, что Его Величество прослѣдовалъ въ Ставку, въ Могилевъ.

«Да вѣдь у насъ здѣсь читали, что Его отрѣшила Дума и теперь сама хочетъ управлять», продолжалъ человѣкъ.

Дубенскій постарался разъяснить ему, что произошло, но онъ остался неудовлетвореннымъ и съ грустью и горечью сказалъ:

«Какъ же это такъ? Не спросясь народа, сразу Царя русскаго, Помазанника Божія, и отмѣнить и замѣнить новымъ»... И человѣкъ, поникнувъ головою, отошелъ.

«Я задумался надъ этими простыми, но ясными словами», пишетъ Дубенскій. «Точно нарочно, этотъ русскій случайный человѣкъ передалъ мнѣ, въ первый же день, когда у насъ уже не было Государя Императора Николая II, голосъ толпы, голосъ того русскаго народа, который сотни лѣтъ такъ свято чтилъ имя Православнаго Царя».

Въ этотъ же вечеръ поѣздъ прибылъ на станцію Могилевъ. На вокзалѣ группа генераловъ, офицеровъ, иностранныхъ военныхъ агентовъ ожидала Государя. Онъ вышелъ изъ вагона и обошелъ ихъ ряды, подавая каждому руку.

У присутствующихъ отъ волненія сжималось сердце. Одинъ изъ офицеровъ разрыдался. Государь остановился и повернулъ

къ нему голову. Тусклый свѣтъ фонаря освѣтилъ покрытое слезами блѣдное и скорбное лицо Императора [1]).

И потянулись дни, полные скорби.

Исторія знала примѣры такихъ великихъ несчастій. Наполеонъ, низвергнутый съ высоты могущества на скалы острова Св. Елены, величественъ какъ пораженный Прометей. Но великій императоръ, преданный маршалами, наполняетъ весь міръ своимъ негодованіемъ и жалобами, какъ прежде онъ наполнялъ его своей громкой славой:

«Зачѣмъ мнѣ не дали умереть въ эту ночь?» стонетъ онъ. «Я бы не узналъ измѣны Мармона, предательства Нея, наглой грубости Макдональда! Вы слышали только что ихъ голоса, когда они требовали отъ меня отреченія? Какой позоръ! У этихъ людей нѣтъ ни сердца, ни чувства!» И, подобно вулкану, онъ извергаетъ огонь, пламя и лаву, которые душатъ и сжигаютъ его.

Императоръ Николай II, измѣривъ всю глубину вѣроломства своихъ генераловъ, записываетъ въ дневникъ: «Кругомъ измѣна и трусость и обманъ». И это все.

Затѣмъ Онъ замыкается въ молчаніи, полномъ достоинства, ни возмущенія, ни негодованія, ни обвиненій отъ Него никто не услышитъ. Лишь Супругѣ и Своему дневнику повѣряетъ Онъ Свои мысли.

4 марта днемъ Вдовствующая Императрица прибыла изъ Кіева въ Могилевъ; Государь и нѣсколько лицъ Свиты встрѣчали Ее на вокзалѣ. Какъ только поѣздъ остановился, Государь вошелъ въ вагонъ и вскорѣ вышелъ, сопровождаемый Августѣйшей Матерью. Несмотря на неизмѣнную Свою привѣтливую улыбку, Императрица замѣтно дѣлала большія усилія надъ собой, чтобы скрыть волненіе. Поздоровавшись съ лицами Свиты, Государь и Императрица вошли въ маленькій деревянный сарай, находящійся противъ платформы. И тамъ, подъ этой бѣдной кровлей, Мать и Сынъ смогли наконецъ, вдали отъ строгаго этикета, открыть Свои истрадавшіяся сердца. О чемъ говорили Они въ теченіе этого получаса? Какія слова нашла въ Своемъ материнскомъ сердцѣ Императрица, чтобы не разбередить еще не зажившую рану? Это осталось Ихъ тайной, касаться которой не смѣетъ никто. Когда Они вышли, на Ихъ лицахъ нельзя

---

[1]) Н. Рыбинскій. Послѣдніе дни. «Новое Время» 17 ноября 1929.

было прочесть ничего, кромѣ Царственнаго привѣтливаго достоинства.

Императрица завтракала въ Ставкѣ съ Государемъ, который потомъ пріѣхалъ обѣдать и провести вечеръ въ Ея вагонѣ. Великій князь Александръ Михайловичъ, князь Шервашидзе, графиня Менгденъ, пріѣхавшіе съ Вдовствующей Императрицей, присутствовали за обѣдомъ, а также Великій Князь Сергѣй Михайловичъ и флигель-адъютантъ полковникъ Мордвиновъ.

Несмотря на стараніе Государя, обѣдъ этотъ, казавшійся приглашеннымъ безконечнымъ, прошелъ печально. Сидя рядомъ съ графиней Менгденъ, Мордвиновъ разговаривалъ съ ней о самыхъ незначительныхъ вещахъ, чтобы избѣжать только молчанія. Графиня охотно и даже оживленно отвѣчала ему... Когда вставали изъ-за стола, князь Шервашидзе наклонился къ Мордвинову и шепнулъ ему, указывая глазами на графиню: «Знаете, она только что получила извѣстіе, что ея старшаго брата убили солдаты!»

Впослѣдствіи графиня Менгденъ доказала еще разъ свою силу характера и полнѣйшее презрѣніе къ разнузданной черни. Когда, въ слѣдующіе дни, слухи о революціонныхъ эксцессахъ въ Петроградѣ взволновали мирный маленькій Могилевъ, когда красныя тряпки стали мало-по-малу замѣнять національные флаги, когда среди толпы стали появляться уже какія-то разбойничьи лица, графиня, несмотря на просьбы друзей, продолжала безстрастно выходить одна на улицу.

Въ самомъ дѣлѣ, становилось яснымъ, что вопросъ былъ уже не въ замѣнѣ одного царствованія другимъ, ни даже въ перемѣнѣ режима. Люди и принципы, которые годами противопоставлялись Царскому Самодержавію: Великій Князь Михаилъ Александровичъ и парламентскій строй, Родзянко и третье сословіе, Милюковъ и конституція, Гучковъ и реформа арміи, — все это разваливалось, какъ карточные домики, отъ дуновенія петроградскаго Совѣта. управляемаго горсточкой интернаціоналистовъ, Керенскими, Чхеидзе, Гоцами, Либерами, Данами и подонками еврейства. И это было не все. Чувствовалось, что за этими побѣдителями на часъ готовился уже натискъ всѣхъ темныхъ силъ ненависти, зависти, хамства, фанатизма, жестокости. Въ пожарахъ, убійствахъ, грабежахъ, вспыхивавшихъ тамъ и сямъ, какъ приступы лихорадки, вырисовывалась уже

могучая и темная власть, надвигавшаяся, какъ тѣнь, на всѣ живыя силы Россіи.

Знаменитый «приказъ» № 1», изданный петроградскимъ Совѣтомъ при попустительствѣ новаго военнаго министра Гучкова, только что нанесъ дисциплинѣ въ войскахъ ударъ, отъ котораго она никогда не оправилась.

Тѣмъ временемъ, солдаты, подъ вліяніемъ агитаторовъ, посланныхъ большими массами изъ столицы, начинали волноваться, бунтовать, предъявлять новыя требованія, переставали повиноваться начальству.

Это настроеніе солдатни умѣло использовалось вождями революціи для того, чтобы избавиться отъ лицъ, которыя могли бы стѣснить ихъ впослѣдствіи. Прежде всего надо было изолировать Государя, отдалить отъ Него самыхъ вѣрныхъ Его слугъ. Генералъ Алексѣевъ, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и въ то же время глава заговора противъ Царя въ Ставкѣ, усиленно занялся этимъ дѣломъ. Онъ сообщилъ Государю, что солдаты требуютъ отъѣзда министра Двора графа Фредерикса и дворцоваго коменданта ген. Воейкова, и что присутствіе ихъ въ Могилевѣ могло бы привести къ демонстраціямъ и эксцессамъ, направленнымъ противъ нихъ и даже противъ Монарха.

Обоимъ пришлось, такимъ образомъ, уѣхать изъ Могилева какъ разъ въ день пріѣзда Вдовствующей Императрицы. Старый графъ Фредериксъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми приближенными Государя, которые пришли проститься съ нимъ.

«Шестьдесятъ лѣтъ я честно служилъ Царю и Родинѣ», говорилъ Фредериксъ. «Полвѣка находился при Государяхъ, готовъ былъ всегда отдать жизнь свою въ Ихъ распоряженіе, и сейчасъ оставлять Его Величество я считаю для себя недопустимымъ и, если дѣлаю это, то только по настоянію генерала Алексѣева, который этого требуетъ и говоритъ, что если я и Воейковъ останемся въ Ставкѣ, онъ не ручается за спокойствіе Его Величества. Это меня глубоко потрясло, я такъ преданъ всему Царскому Дому!»[1]).

И старикъ зарыдалъ . . ..

Графъ Фредериксъ, котораго узнали по дорогѣ взбунтовавшіеся солдаты, былъ арестованъ и доставленъ въ Петроградъ.

---

[1]) Ген. Дубенскій. Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи, стр. 75.

Когда его вели черезъ толпу, скопившуюся у вокзала, послышались угрожающіе крики, протянулись руки, уже готовыя схватить его; стража едва не была смята напоромъ черни. Одинъ старый графъ сохранялъ презрительную невозмутимость. Выпрямившись во весь свой большой ростъ, онъ направился спокойнымъ шагомъ къ ожидавшему его автомобилю, въ который и сѣлъ со своимъ секретаремъ.

Однако, революціонной пропагандѣ въ Могилевѣ не удалось еще поколебать чувства солдатъ, вѣрныхъ своему Царю. Повсюду, при проѣздѣ Царскаго автомобиля, Государю отдавали честь и почтительно кланялись. На улицѣ, въ магазинахъ, на рынкѣ только и было разговоровъ о необычайныхъ событіяхъ послѣднихъ дней: «Мы ничего кромѣ добра отъ нашего Царя не видѣли», говорили всѣ, «Онъ всегда былъ съ нами простъ и привѣтливъ ... а Наслѣдникъ, этотъ милый мальчикъ, игралъ съ дѣтьми, гулялъ среди насъ; какъ жаль, что Онъ насъ покидаетъ. Мы были такъ счастливы!»

И женщины крестились со вздохомъ.

Въ воскресенье утромъ Государь пошелъ къ обѣднѣ вмѣстѣ со Вдовствующей Императрицей. Съ Днѣпра дулъ ледяной вѣтеръ. Несмотря на это, церковь во имя Св. Троицы была полна народа, непрерывно прибывавшаго. Тутъ были и солдаты, и генералы, и просто горожане, пришедшіе помолиться и поглядѣть на Царя.

Во все время богослуженія въ храмѣ стояла удивительная тишина и глубоко молитвенное настроеніе охватило всѣхъ. Всѣ понимали, что это была послѣдняя обѣдня, на которой присутствовалъ Государь въ Могилевѣ, и что здѣсь Онъ какъ бы прощался со Своей арміей; по выходѣ изъ церкви, когда умолкнутъ напѣвы литургіи, начнется новая жизнь для народа, — жизнь безъ Царя.

Чувство это передалось и священнослужителямъ. Когда діаконъ громкимъ голосомъ возгласилъ ектенію о «Благочестивѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ», голосъ его прервался, но, подавивъ свое волненіе, онъ окончилъ молитву [1]).

---

[1]) А. Мордвиновъ. Отрывки изъ воспоминаній. Русская Лѣтопись, т. V, стр. 141.

Офицеры, солдаты плакали. Генералъ Алексѣевъ особенно усердно молился и становился на колѣни. «О чемъ молится онъ?» думалъ одинъ изъ присутствующихъ, «какъ онъ въ своей молитвѣ объясняетъ свои поступки и дѣйствія по отношенію къ Государю, которому онъ присягалъ?» [1]).

Слѣдующіе за этимъ дни были днями испытанія для вѣрности генераловъ. И какъ разъ среди самыхъ обласканныхъ, среди тѣхъ, которые вращались вокругъ Государя, которые сдѣлали легкую и блестящую карьеру, и оказались измѣнившіе Ему. Графъ Граббе, начальникъ Собственнаго Конвоя, отрекся первый. Государь былъ еще въ Могилевѣ, когда графъ Граббе просилъ ген. Алексѣева разрѣшить снять вензеля и переименовать его часть въ «конвой Ставки Верховнаго Главнокомандующаго» [2]).

Другіе послѣдовали его примѣру и часто простые солдаты давали урокъ вѣрности и приличія своимъ начальникамъ.

Когда генералъ Цабель, командиръ Собственнаго Его Величества желѣзнодорожнаго полка, приказалъ курьеру, старому преображенцу Михайлову, снять со своихъ погонъ Царскіе вензеля, онъ выслушалъ такой негодующій отвѣтъ:

«Никакъ нѣтъ, не могу, увольте. Никогда это дѣлать не согласенъ, не дай Богъ и смотрѣть!»

И курьеръ тотчасъ вышелъ изъ комнаты.

Генералъ Цабель покраснѣлъ, замолчалъ и сталъ самъ ковырять что-то на погонахъ. И на первомъ же полковомъ митингѣ произошло совершенно неожиданное: всѣ солдаты оказались съ вензелями на погонахъ, а командиръ полка генералъ Цабель и его адъютантъ, поручикъ баронъ Нольде, явились безъ вензелей . . . [3]).

Вернувшійся изъ своей неудачной экспедиціи генералъ Ивановъ, опасаясь возникшихъ на вокзалѣ безпорядковъ, рѣшилъ переселиться изъ своего вагона, въ которомъ онъ жилъ, въ одну изъ городскихъ гостиницъ. Но и тамъ онъ чувствовалъ себя неспокойнымъ. Когда онъ однажды сидѣлъ у ген. Дубенскаго, полевые жандармы донесли ему, что толпа какихъ-то хулигановъ подходила къ гостиницѣ и требовала, чтобы онъ къ ней вышелъ.

---

[1]) Ген. Дубенскій. Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи, стр. 80.
[2]) В. М. Пронинъ. Послѣдніе дни Царской Ставки, стр. 51.
[3]) Ген. Дубенскій, стр. 94.

Событія послѣднихъ дней разстроили и подавили старика. «Все наше спасеніе въ скоромъ возстановленіи Царской власти въ Россіи», говорилъ онъ Дубенскому. «Я считаю, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ не могъ не исполнить воли Государя и согласиться по уговору Временнаго Правительства отказаться отъ Престола. А самое величайшее бѣдствіе, это отказъ Царя отъ Царства. Алексѣева знаю хорошо, онъ вѣдь мой начальникъ штаба; Алексѣевъ человѣкъ съ малой волей и величайшее его преступленіе передъ Россіей — его участіе въ совершенномъ переворотѣ. Откажись Алексѣевъ осуществлять планы Государственной Думы — Родзянко, Гучкова и другихъ, я глубоко убѣжденъ, что побороть революцію было бы можно, тѣмъ болѣе, что войска на фронтахъ стояли и теперь стоятъ спокойно и никакихъ броженій не было. Да и главнокомандующіе не могли и не рѣшились бы согласиться съ Думой безъ Алексѣева» [1]).

Переворотъ и предательство Ставки произвели самое тягостное впечатлѣніе и на союзныхъ военныхъ агентовъ, вызвавъ въ нихъ естественную тревогу за участь дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

«У насъ въ Англіи есть старая пословица: при переправѣ въ бродъ, лошадей не мѣняютъ», говорилъ ген. Вильямсъ. «А вы, русскіе, рѣшились перемѣнить не только лошадей, но даже экипажъ. Можно бояться, что этотъ опытъ принесетъ губительные результаты».

«Но вѣдь вашъ же посолъ Бьюкененъ принималъ близкое участіе въ подготовкѣ переворота», не безъ язвы замѣтили генералу Вильямсу.

«Я думаю, не всѣ одобряютъ дѣятельность г. Бьюкенена», осторожно отвѣтилъ Вильямсъ.

Англійскій генералъ ясно сознавалъ то, чего не видѣли русскіе генералы, поднявшіе руку на своего Монарха: ужасныя послѣдствія этой измѣны. Политическій хаосъ, установившійся тотчасъ же въ столицѣ, приводилъ его въ негодованіе:

«Они всѣ тамъ сумасшедшіе, сумасшедшіе!» повторялъ онъ.

Разговаривая съ Мордвиновымъ передъ пріемомъ, онъ выражалъ тревогу за участь Царской Семьи. Вильямсъ сказалъ Мордвинову, что имъ получена отъ Бьюкенена телеграмма о

---

[1]) Ген. Дубенскій. Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи, стр. 95.

томъ, что англійское правительство ручается за безопасный проѣздъ Царской Семьи въ Англію, и даже показывалъ ему эту телеграмму, держа ее въ рукахъ, вѣроятно для доклада Государю. Но съ этимъ отъѣздомъ за границу, по мнѣнію ген. Вильямса, нужно было торопиться, и болѣзнь Царскихъ Дѣтей не должна была служить препятствіемъ; оставаться въ Россіи было опасно: «отъ этихъ сумасшедшихъ всего можно ожидать!»

Отъѣздъ Государя въ Царское Село былъ назначенъ на 8 марта. Царь выразилъ желаніе проститься со своимъ штабомъ утромъ того же дня. Большой залъ управленія дежурнаго генерала былъ переполненъ генералами, офицерами и казаками конвоя. Стояло тяжелое молчаніе, едва нарушаемое разговорами вполголоса. Прибѣжавшій офицеръ доложилъ генералу Алексѣеву, что Государь вышелъ изъ губернаторскаго дома. Черезъ нѣсколько мгновеній донесся отвѣтъ караула на Царское привѣтствіе: «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!» Въ наступившей мертвой тишинѣ слышались шаги Государя, поднимавшагося по лѣстницѣ. Генералъ Алексѣевъ скомандовалъ: «Господа офицеры!» И Государь появился въ дверяхъ. Онъ былъ въ кубанской пластунской формѣ, на которой бѣлѣлъ Георгіевскій крестъ. Лѣвая рука, державшая папаху, опиралась на шашку, правая свободная рука слегка дрожала. На блѣдномъ и усталомъ лицѣ Государя лежалъ отпечатокъ нервнаго напряженія. Быстро пройдя черезъ залъ, Царь остановился и, повысивъ голосъ, началъ Свою рѣчь. Онъ говорилъ звонко и ясно, но немного задыхаясь отъ сдерживаемаго волненія.

«Я васъ вижу... сегодня... въ послѣдній разъ... такова Божья воля... и мое рѣшеніе»... Затѣмъ Государь заговорилъ о Своемъ отреченіи, въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ его причину, коснулся отказа брата, Великаго Князя Михаила Александровича, принять Престолъ, наконецъ, призвалъ Своихъ бывшихъ соратниковъ продолжать войну до побѣднаго конца... Царь замолкъ, а присутствующіе, казалось, еще слушали Его, неподвижные и подавленные.

Потомъ началось прощаніе; по мѣрѣ того, какъ Государь, подвигаясь, пожималъ руки генераламъ и офицерамъ, обращаясь къ каждому изъ нихъ съ ласковымъ словомъ, послышались сначала сдержанныя, а потомъ все

болѣе громкія рыданія во всей залѣ. Какіе-то голоса пробовали сказать: «Тише, тише, вы волнуете Государя», но рыданія продолжались. Царь невольно поворачивалъ голову по направленію этихъ звуковъ; съ глазами, полными слезъ, Онъ пытался улыбаться, но и улыбка эта была горестной. Одинъ изъ офицеровъ, шт.-ротмистръ Мухановъ, поблѣднѣвъ какъ смерть, лишился чувствъ, за нимъ хорунжій Лавровъ и нѣсколько другихъ упали въ обморокъ. Казакъ-конвоецъ рыдалъ навзрыдъ и слезы текли по его окладистой черной бородѣ. Громаднаго роста вахмистръ кирасирскаго полка, громко всхлипывая, вскрикнулъ: «Не покидайте насъ, Батюшка».

Теперь вокругъ слышались только горькія рыданія. Потрясенный волненіемъ и горемъ, Царь не смогъ продолжать Свой обходъ. Силы, видимо, измѣняли Ему. Онъ сдѣлалъ прощальный жестъ и быстро направился къ двери. Генералъ Алексѣевъ поспѣшилъ за Нимъ, говоря на ходу нѣсколько официальныхъ словъ: «Ваше Величество... желаю насколько возможно счастливой жизни»... смутно слышались отрывочныя выраженія; затѣмъ произошло какое-то движеніе, пронесся гулъ голосовъ, — Царь ушелъ [1]).

Нѣсколько генераловъ и военные агенты союзныхъ государствъ поднялись къ Государю, который принялъ ихъ отдѣльно и прощался съ ними, обращаясь къ каждому съ нѣсколькими сердечными словами.

«Дай Богъ, чтобы дѣти ваши были счастливы», говорилъ Онъ одному, — «берегите ихъ»... «надѣюсь, вы найдете утѣшеніе въ вашей супругѣ», обращался Онъ къ другому, «передайте ей мой привѣтъ, скажите что я прошу ее поберечь васъ». Наконецъ, третьему — «Вамъ будетъ трудно служить теперь въ арміи, всѣ эти новыя условія не для васъ... Я такъ жалѣю, что покидаю васъ, я такъ привыкъ цѣнить вашу преданность и вашу работу»...

Иностранные военные агенты — Вильямсъ, Коанда, Жаненъ, Риккель — ушли отъ Царя со слезами на глазахъ. Серб-

---

[1]) Прощаніе Государя съ чинами Ставки 7 марта 1917 г. описывалось нѣсколько разъ, съ небольшими варіантами. Наиболѣе подробные разсказы объ этомъ моментѣ въ брошюрѣ ген. Н. А. Тихменева «Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ пребыванія Императора Николая II въ Ставкѣ» (Ницца 1925 г.), и В. М. Пронина «Послѣдніе дни Царской Ставки» (Бѣлградъ 1929 г.), а также у ген. Дубенскаго. Русская Лѣтопись, кн. III.

скій полковникъ Браниславъ Лонткевичъ поцѣловалъ руку Государя, выражая этимъ трогательную благодарность сербскаго народа тому, кто даровалъ ему свободу. «Россія безъ Царя ... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно ... этого никогда не можетъ быть!» ... съ отчаяніемъ повторялъ Лонткевичъ.

Въ этотъ день Государь обратился къ войскамъ съ прощальнымъ привѣтомъ. Это трогательное, глубоко прочувствованное обращеніе, въ которомъ такъ ярко отражается благородная душа Государя:

«8 марта 1917. № 371.
Ставка.

Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя Мною войска. Послѣ отреченія Моего за себя и за Сына Моего отъ Престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага.

Въ продолженіи двухъ съ половиной лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его, — тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей великой Родинѣ.

Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій.

Николай».

Не успѣлъ Государь передать этотъ прощальный приказъ генералу Алексѣеву для опубликованія, какъ этотъ послѣдній поспѣшилъ доложить о немъ своему другу и владыкѣ Гучкову. Новоиспеченный военный министръ немедленно по телеграфу

воспретилъ оглашать документъ и доводить его до свѣдѣнія войскъ. Чѣмъ объясняется такая мелочность? Вѣдь въ обращеніи Государя заключалось все, чего, казалось, могъ желать революціонный министръ: призывъ къ патріотизму, къ вѣрности союзникамъ, къ повиновенію новому Правительству... Да, но это прощаніе могло возбудить въ войскахъ сочувствіе къ Царю. А избѣжать этого было важнѣе всего. Не побѣды, а власти и популярности жаждалъ Гучковъ!

Въ этотъ же день Государь долженъ былъ отбыть изъ Могилева. Въ телеграммѣ, полученной тогда же генераломъ Алексѣевымъ, князь Львовъ извѣщалъ его, что четыре делегата отъ Государственной Думы посланы для сопровожденія Царскаго поѣзда въ Царское, а оттуда въ Мурманскъ. Мурманскъ, единственный оставшійся портъ для сообщенія съ Англіей. Значитъ, Царская Семья воспользуется гостепріимствомъ короля Георга...

Около трехъ часовъ пополудни Государь пріѣхалъ на вокзалъ и отправился къ Своей Матери. Какъ всегда, въ моментъ отъѣзда, на платформѣ былъ безпорядокъ и оживленіе. Великіе Князья Борисъ Владиміровичъ и Александръ Михайловичъ, Принцъ Ольденбургскій, генералы, офицеры, просто любопытные, простонародье, пришедшіе въ послѣдній разъ взглянуть на Царя, — всѣ смѣшались въ пеструю толпу, удрученную, тревожную... Наконецъ сообщено было о прибытіи поѣзда съ думскими делегатами... Вскорѣ они вышли изъ вагона, — четыре жидкія фигуры хмурыхъ полуинтеллигентовъ.

Извѣщенный объ ихъ прибытіи, Государь передалъ имъ черезъ гофмаршала князя Долгорукова приглашеніе къ обѣду... Делегаты отказались... Долгоруковъ не посмѣлъ передать этотъ грубый отвѣтъ Государю, онъ сказалъ только, что вагонъ делегатовъ не соединенъ проходомъ съ поѣздомъ, и имъ невозможно пройти въ вагонъ-ресторанъ въ пути. Государь понялъ и больше не настаивалъ.

И только тогда, въ моментъ отъѣзда, думскіе посланцы неожиданно объявили Алексѣеву, что Государь арестованъ. Такимъ образомъ, переговоры, отреченіе, телеграммы, Мурманскъ, Англія, почетная стража, — все это оказалось просто комедіей, ложью, измѣной, имѣющими одну только цѣль — усыпить подозрѣнія, побудить Государя признать новую власть, парализовать Его дѣйствія. И теперь, когда Онъ оказался одинъ, оторванный

отъ арміи, отъ народа, окруженный генералами, либо измѣнившими Ему, либо, хотя и оставшимися вѣрными, но слабыми, нерѣшительными, колеблющимися — грубый хамъ съ краснымъ бантомъ въ петлицѣ кладетъ руку на плечо Помазанника Божьяго . . .

Алексѣевъ поспѣшилъ передать Государю сообщеніе делегатовъ. Государь выслушалъ молча, слегка поблѣднѣлъ и отвернулся. Черезъ нѣсколько минутъ Онъ вышелъ изъ вагона Вдовствующей Императрицы . . . шаговъ двадцать отдѣляли Его отъ поѣзда, который долженъ былъ увезти Его. Толпа окружала Царя, шла за Нимъ, цѣловала Ему руки. Онъ обнялъ вѣрнаго Нилова, которому думцы не разрѣшили сопровождать Государя, потомъ поднялся въ вагонъ и, ставъ въ дверяхъ, неподвижно и скорбно глядѣлъ на тонкую, маленькую женскую фигуру въ черномъ платьѣ, которая изъ окна Своего вагона махала платкомъ, порою утирая имъ слезы, текущія по Ея лицу; это была Его Мать . . . Потомъ, издали, Императрица перекрестила уѣзжавшаго въ неизвѣстность Сына, котораго Она видѣла въ послѣдній разъ и въ страшную смерть котораго впослѣдствіи никогда не хотѣла повѣрить. Поѣздъ тронулся. Генералъ Алексѣевъ, стоя на вытяжку, отдавалъ честь Государю, взявъ подъ козырекъ. Но когда послѣдній вагонъ, увозившій думскихъ делегатовъ, мелькнулъ у платформы, старый генералъ, снявъ фуражку, низко и почтительно поклонился тюремщикамъ своего Царя.

Отъѣздъ Государя изъ Царскаго Села въ Могилевъ глубоко взволновалъ Императрицу Александру Ѳеодоровну, которая всей Своей впечатлительной, нервной натурой предчувствовала готовящіяся ужасныя событія, какъ чувствуютъ приближеніе грозы.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Государя въ Ставку на Царскую Семью обрушились болѣзни: Наслѣдникъ и старшая Великая Княжна Ольга Николаевна заболѣли корью, потомъ заболѣли Татьяна и Анастасія Николаевны, а также А. А. Вырубова, жившая во Дворцѣ. Въ это же время доходятъ первыя извѣстія о волненіяхъ въ столицѣ.

«На Васильевскомъ Островѣ и на Невскомъ произошли безпорядки», пишетъ Императрица 24 февраля, — «народъ осаждаетъ булочныя, разгромили Филиппова и должны были вызвать казаковъ. Я обо всемъ этомъ узнала неофиціально».

Затѣмъ Императрица переходитъ къ тому, что Ее волнуетъ, — здоровье Дѣтей: «Вчера Бэби былъ веселъ, и я ему читала «Les bébés d'Hélène» и т. д.

Письмо отъ слѣдующаго дня отражаетъ нѣкоторое безпокойство: «Это волненіе вызвано хулиганами; мальчишки и дѣвчонки волнуются и кричатъ, что недостаетъ хлѣба, исключительно, чтобы вызвать безпорядокъ. Если бы погода была болѣе холодная, всѣ эти люди сидѣли бы дома, но все это пройдетъ и успокоится, лишь бы Дума себя хорошо вела». Затѣмъ, со своимъ рѣшительнымъ и быстрымъ умомъ, Императрица указываетъ, какъ по Ея мнѣнію возможно было бы устранить повтореніе этихъ безпорядковъ: «Почему не вводятъ хлѣбныхъ карточекъ, какъ въ другихъ странахъ? Сдѣлали же это для сахара и у всѣхъ его теперь достаточно». Она возвращается къ этой мысли въ письмѣ отъ 26 февраля, но констатируетъ, что «вчера въ городѣ было плохо». Въ тотъ же самый день получается телеграмма отъ Государя; черезъ два дня Онъ выѣзжаетъ въ Царское.

Въ Царскомъ Селѣ при Императрицѣ въ эти дни находились: оберъ-гофмаршалъ Двора Е. И. В. графъ П. К. Бенкендорфъ; помощникъ Дворцоваго коменданта свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ Гротенъ [1]); состоявшій при Императрицѣ въ должности гофмейстера графъ П. Н. Апраксинъ [2]); лейбъ-медикъ Е. С. Боткинъ и командиръ Собственнаго Его Величества полка свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ А. А. Ресинъ.

Изъ числа всѣхъ находившихся въ то время въ Петроградѣ флигель-адъютантовъ одинъ лишь графъ А. Замойскій прибылъ въ Царское Село 27 февраля и провелъ во Дворцѣ первые тревожные дни революціи.

Но событія въ столицѣ развиваются съ ужасной быстротой. Министры, начальники гражданскіе и военные какъ будто исчезли, снесенные бурей; сестра А. А. Вырубовой, пріѣхавшая изъ Петрограда, въ полномъ отчаяніи: все погибло, городъ во власти мятежниковъ. Волненіе, похожее на панику, охватываетъ окруженіе Императрицы. Она одна остается спокойной и стойкой, разрываясь между больными Дѣтьми и павшими духомъ, кото-

---

[1]) Былъ арестованъ 2 марта въ Ратушѣ (штабъ возставшаго гарнизона).
[2]) Графъ П. Н. Апраксинъ оставался во Дворцѣ до 12 марта.

рыхъ Она поддерживаетъ Своимъ примѣромъ, авторитетомъ, словами. Она держитъ Государя въ курсѣ всего происходящаго, всего, что Она узнаетъ, и въ письмахъ Ея, упомянутыхъ выше, мы находимъ отзвукъ настоящихъ чувствъ, волнующихъ Ея гордое и замкнутое сердце: надежды, страха, тревоги. Извѣстіе объ образованіи Комитета Государственной Думы немного успокаиваетъ Императрицу — это первый просвѣтъ, какъ будто предвѣщающій конецъ бури. Къ тому же Государь извѣщаетъ о Своемъ пріѣздѣ, но, опасаясь для Семьи сосѣдства бунтующей столицы, Онъ желаетъ, чтобы Императрица уѣхала съ Дѣтьми изъ Царскосельскаго Дворца либо въ Гатчину, либо Ему навстрѣчу [1]).

Но Дѣти больны... Наслѣдникъ — очень серьезно... Какъ пуститься въ дорогу при такихъ условіяхъ? Родзянко, къ которому обращаются за совѣтомъ, отвѣчаетъ: «Когда домъ горитъ, то прежде всего выносятъ больныхъ» [2]).

Безполезныя колебанія... вскорѣ становится извѣстнымъ, что желѣзнодорожная сѣть вокругъ столицы въ рукахъ революціонеровъ. Они не пропустятъ Императрицу, быть можетъ даже остановятъ поѣздъ Государя. Эта тревога длится до вечера 28 февраля. Въ десятомъ часу по телефону сообщаютъ, что Царскосельскій гарнизонъ взбунтовался тоже и идетъ на Дворецъ... уже стрѣляютъ на улицѣ...

Дворцовый гарнизонъ состоитъ изъ вѣрныхъ частей, въ немъ нѣтъ колебаній и онъ тотчасъ же начинаетъ выстраиваться передъ Дворцомъ, готовый его защищать отъ мятежниковъ. Наступаютъ глубоко драматическія минуты: сейчасъ можетъ пролиться кровь, и чья кровь!

Въ половинѣ одиннадцатаго вечера Императрица, опираясь на руку Великой Княжны Маріи Николаевны, выходитъ изъ Дворца и начинаетъ обходъ вѣрныхъ Своихъ войскъ. Проходя передъ частями, Она здоровается, но имъ приказано не отвѣчать, дабы шумомъ не встревожить больного Наслѣдника. И это молчаніе людей, готовыхъ умереть за свою Царицу, за Царскихъ Дѣтей, краснорѣчивѣе, трогательнѣе, торжественнѣе, всякихъ восторженныхъ, бурныхъ привѣтствій. Но Императрица заботится не только о безопасности Своей и Дѣтей; Ей тягостна мысль о братоубійственной схваткѣ между русскими людьми,

---

[1]) P. Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille, стр. 176.

[2]) Тамъ же, стр. 176.

русскими воинами. «Не стрѣляйте первыми!» проситъ, приказываетъ Она [1]).

Но бунтовщики не осмѣлились придти. Они по телефону требуютъ отъ Своднаго Е. И. В. полка, чтобы онъ присоединился къ нимъ, грозя, въ противномъ случаѣ, сжечь казармы полка. А батарея тяжелой артиллеріи, расположенная на Софійскомъ плацу, тоже шлетъ угрозу: при первомъ выстрѣлѣ со стороны Дворца она откроетъ по немъ огонь. Но есть ли у батареи снаряды? Комендантъ увѣряетъ, что нѣтъ, ген. Гротенъ — думаетъ, что, можетъ быть, есть, но никто ничего навѣрное не знаетъ.

Отъ Государя поступаютъ извѣстія съ пути: 28 февраля 15 часовъ изъ Вязьмы; въ 21 часъ 27 минутъ Государь телеграфируетъ изъ Лихославля: «Благодарю за извѣстіе, счастливъ, что все идетъ хорошо. (Дѣло идетъ о Дѣтяхъ.) Завтра утромъ надѣюсь быть дома. Цѣлую тебя и дѣтей. Храни васъ Богъ».

Какое тайное предчувствіе заставило Государя написать это странное слово «надѣюсь?» Развѣ Онъ въ этомъ неувѣренъ? И, дѣйствительно, на другой день, 1 марта, Императорскій поѣздъ не прибываетъ въ Царское. Что сталось съ тѣмъ, кого ждутъ съ такимъ нетерпѣніемъ встревоженная жена и больныя дѣти?

До этого времени, осажденная въ Своемъ Дворцѣ, отрѣзанная отъ всего міра, Императрица имѣла по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что могла сообщаться съ Государемъ, знать, что Онъ дѣлаетъ, какія Его намѣренія, наконецъ, получать отъ Него ласковыя слова, дающія силы въ ожиданіи и въ тяжелыхъ испытаніяхъ. Телеграфный проводъ, соединяющій на протяженіи сотенъ верстъ Царское Село со Ставкой, служитъ единственной связью между двумя терзаемыми тревогой существами. Но вдругъ связь эта прерывается и наступаетъ зловѣщее молчаніе. Царь уѣхалъ изъ Могилева и не пріѣхалъ въ Царское. Вотъ все, что извѣстно. Гдѣ былъ Онъ остановленъ, что съ Нимъ сталось, въ какія сѣти попалъ Онъ, куда завела Его измѣна? Императрица призываетъ къ себѣ Великаго Князя Павла Александровича — это вѣрный другъ. Онъ ничего не знаетъ о Государѣ, но извѣстія изъ Петрограда тревожны. Думу, какъ будто, захлестываетъ волна приближающейся анархіи. Великій Князь думаетъ, что для сохраненія Престола надо идти на уступки народу. Въ такомъ мучительномъ ожиданіи проходятъ два дня.

---

[1]) Весь эпизодъ возстановленъ по неопубликованному дневнику гр. П. Н. Апраксина.

«Страданія Императрицы въ эти дни смертельной тревоги», говоритъ Жильяръ, «когда, не имѣя извѣстій отъ Государя, Она предавалась отчаянію у изголовья Своего больного Сына, превосходили всякое воображеніе. Она дошла до предѣла человѣческихъ силъ. Въ этомъ послѣднемъ испытаніи проявилась та чудесная лучезарная сила и спокойствіе, которыя поддерживали Ее и Ея близкихъ до самаго дня Ихъ смерти» [1]).

Наконецъ, 2 марта, въ часъ пополудни снова телеграмма отъ Государя. Она отмѣчена Псковомъ и состоитъ всего изъ нѣсколькихъ словъ: «Пріѣду къ обѣду. Надѣюсь, что здоровье всѣхъ лучше и что скоро увидимся. Храни васъ Господь. Крѣпко цѣлую». Какая радость, быстро, однако, смѣняющаяся мучительной тревогой. Псковъ? Зачѣмъ Государь поѣхалъ въ Псковъ, зачѣмъ тамъ остановился, что могло произойти?

Императрица тщетно пытается возстановить прерванную связь... Больше нѣтъ ни почты, ни телеграфа. Она пробуетъ послать аэропланъ: механики захватили аппараты и не выдаютъ ихъ летчикамъ. Послать нарочнаго? Генералъ Ивановъ, къ которому Императрица обращается, отвѣчаетъ, что у него нѣтъ никого. А въ его распоряженіи цѣлый отрядъ. Наконецъ, Она находитъ двухъ преданныхъ молодыхъ людей; имена ихъ сохранила исторія: штабсъ-капитанъ Соловьевъ и хорунжій Граматинъ. Каждому изъ нихъ вручается по письму почти одинаковаго содержанія, которое, тщательно сложенное въ нѣсколько разъ, легко прячется въ голенище сапога; и теперь, съ Богомъ!

«Любимый мой. Ангелъ мой дорогой! Свѣтъ очей моихъ! Сердце мое разрывается при мысли, что ты долженъ выносить всѣ эти муки и тревоги въ полномъ одиночествѣ и что мы ничего о тебѣ не знаемъ, какъ ты ничего не знаешь о насъ». Такъ начинается письмо. Затѣмъ, въ нѣсколькихъ словахъ Императрица рисуетъ картину положенія: мрачная картина! Съ изумительнымъ предчувствіемъ угадываетъ Она, указываетъ тайную цѣль заговорщиковъ. «Совершенно очевидно, что они не хотятъ позволить тебѣ увидѣть меня, раньше чѣмъ не подпишешь какой-нибудь документъ, конституцію или другую ужасную вещь въ этомъ родѣ». Что это за «ужасная вещь?» Это — отреченіе, слово, которое Императрица Александра Θеодоровна не хочетъ начертать. Въ глубинѣ сердца Она думаетъ, что Государь усту-

---

[1]) P. Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille, стр. 178.

питъ, и находитъ слова для оправданія этого рѣшенія и для смягченія Его горечи. «И ты одинъ, безъ твоей арміи за тобой, пойманный, какъ мышь въ мышеловку, что ты сможешь сдѣлать?» И Она даетъ волю негодованію: «Это самая большая подлость и измѣна, извѣстная въ исторіи, арестовать своего Государя!» Лучъ надежды: «Ты могъ бы показаться войскамъ въ Псковѣ и въ другихъ мѣстахъ и собрать ихъ вокругъ себя». Она говоритъ о Своихъ больныхъ Дѣтяхъ, о домочадцахъ; что касается до Нея самой: «Сердце мое причиняетъ мнѣ страданія, но я не обращаю на это вниманія, я чувствую себя полной рѣшимости и мужества». И наконецъ, вѣра въ божественное Провидѣніе: «Богъ всемогущій превыше всего. Онъ любитъ своего Помазанника, спасетъ тебя и возстановитъ твои права»[1]).

3 марта на зарѣ къ Великому Князю Павлу Александровичу явился офицеръ для срочнаго доклада. Великаго Князя разбудили и онъ принялъ офицера, который блѣдный, какъ смерть, заявилъ, что новый комендантъ Царскаго Села просилъ разрѣшенія тотчасъ же видѣть Великаго Князя; тутъ онъ разрыдался. Вскорѣ показался новый комендантъ съ огромнымъ краснымъ бантомъ на груди. Извиняясь, что явился въ столь неурочный часъ, онъ вынулъ изъ кармана бумагу и сталъ читать ее вслухъ. Это былъ манифестъ объ отреченіи Государя.

Ошеломленный этимъ извѣстіемъ, которое, казалось, лишало Россію всякой надежды на спасеніе, Великій Князь отправился къ Императрицѣ.

«Дорогая Аликсъ», сказалъ онъ, стараясь сдержать волненіе, «я хотѣлъ быть съ тобой въ эти тяжелыя минуты».

Императрица посмотрѣла ему въ глаза.

«Ники?» едва прошептала Она.

«Ники здоровъ», поспѣшилъ прибавить Великій Князь, понявъ, что его племянница ничего не знала объ отреченіи Государя, и осторожно сообщилъ Ей ту тяжелую вѣсть, которую только что узналъ самъ.

Императрица слушала, поникнувъ головой, словно погруженная въ молитву. Потомъ, выпрямившись, Она сказала: «Если Ники сдѣлалъ это, значитъ, такъ надо было. Я вѣрю въ милосердіе Божіе, Господь не оставитъ насъ» [2]).

---

[1]) Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna — отъ 2 марта 1917.

[2]) Princesse Paley. Souvenirs de Russie, стр. 55—56.

На другой день узнаютъ объ отказѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Кругомъ все рушится съ трескомъ. Императрица ходитъ за больнымъ Сыномъ. Она спокойна, очень блѣдна и кажется необычайно похудѣвшей и постарѣвшей; Она пишетъ Мужу письмо, преисполненное любви и тревожной нѣжности: «Дорогой мой, душа моя, сердце мое обливается кровью за тебя! Я схожу съ ума. Я не знаю ничего, кромѣ ужасныхъ глупыхъ разсказовъ, которые могутъ довести до отчаянія. Ради Бога, черкни хоть одну строчку!» И постоянно эта, непокинувшая Ее никогда, вѣра въ Бога: «Ахъ, ангелъ мой, одинъ Богъ надъ всѣми нами, я только и живу безграничной вѣрой въ Него. Онъ единственное наше упованіе. Самъ Господь проститъ и спасетъ ихъ, какъ написано на большой иконѣ». И въ отвѣтъ на распространяемые слухи о Ея переговорахъ съ вождями революціи, Она прибавляетъ, что Она ни во что не вмѣшивается, никого не видѣла изъ «этихъ людей» и никогда не хотѣла ихъ видѣть, и пусть Мужъ Ея не вѣритъ, если Ему это разсказываютъ. Теперь Она только Мать при Своихъ больныхъ дѣтяхъ, Она ничего не можетъ сдѣлать, боясь чѣмъ-нибудь повредить и не имѣя никакихъ извѣстій отъ Своего дорогого»... Она намеками говоритъ объ отреченіи и, несмотря на всю Свою горечь, на возмущенную гордость, находитъ бодрящія слова: «Я прекрасно понимаю твой поступокъ, мой герой. Я знаю, что ты не могъ подписать то, что шло вразрѣзъ твоей клятвѣ во время коронованія. Мы въ совершенствѣ понимаемъ другъ друга безъ словъ и, клянусь жизнью, мы снова увидимъ тебя на Престолѣ, возведеннымъ твоимъ народомъ и твоею арміей для славы твоего царствованія. Ты спасъ царство твоего сына, спасъ страну и святую чистоту твоей души, и самъ Богъ возложитъ на тебя вѣнецъ на этой землѣ, въ твоей странѣ» [1]).

«Клянусь жизнью» — опасная клятва экзальтированной души. Богъ услышалъ эту молитву и возложилъ на голову Царя славнѣйшій изъ вѣнцовъ — вѣнецъ терновый.

Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какой тревогой Императрица ожидаетъ возвращенія Государя! И отъ Него приходитъ наконецъ телеграмма. Онъ сообщаетъ, что временно возвращается въ Могилевъ, куда Императрица Мать пріѣдетъ встрѣтиться съ Нимъ. Снова начинается ожиданіе, но, по крайней мѣрѣ, пре-

---

[1]) Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna — отъ 3 марта 1917.

кратилась неизвѣстность. Царствованіе окончилось, но можно еще надѣяться на личное счастіе, при тихой, скромной, отъ всѣхъ скрытой, жизни въ кругу близкихъ людей... Подростающія дѣти... спокойная старость... и протекаютъ дни въ этихъ мечтахъ о будущемъ.

5 марта, около полуночи, ко Дворцу подъѣхалъ автомобиль, изъ котораго вышли нѣсколько военныхъ и бородатый нахмуренный штатскій. На всѣхъ были огромные банты изъ красныхъ лентъ, признакъ революціонной благонадежности. Бородатый человѣкъ объявилъ, что онъ новый военный министръ Гучковъ; генералъ, сопровождавшій его, представился, какъ новый главнокомандующій войсками Петроградскаго военнаго округа Корниловъ. Они хотѣли немедленно увидѣть Императрицу. Охрана отвѣтила, что она не знаетъ этихъ людей и не пропуститъ ихъ во Дворецъ. Возникли пререканія. Привлеченный шумомъ, вступился офицеръ. Посѣтителей ввели въ вестибюль и послали извѣстить Императрицу, которая была уже освѣдомлена раньше о предстоящемъ посѣщеніи новыхъ властей и, не желая ихъ принять одна, просила Великаго Князя Павла Александровича пріѣхать во Дворецъ. Въ ожиданіи Великаго Князя, Гучковъ и Корниловъ оставались въ большой гостиной съ графомъ Бенкендорфомъ, графомъ Апраксинымъ, генераломъ Ресинымъ и полковникомъ Лазаревымъ. Завязался вялый разговоръ объ облегченіи связи лицъ, живущихъ во Дворцѣ, съ внѣшнимъ міромъ. Генералъ Корниловъ обѣщалъ назначить во Дворецъ штабъ-офицера для сношеній съ Временнымъ Правительствомъ.

Въ то время, какъ Гучковъ и Корниловъ собирались уже уѣхать, пришли доложить, что Императрица ждетъ ихъ въ Своей гостиной.

Императрица, одѣтая сестрой милосердія, холодная и надменная, приняла обоихъ стоя; около Нея находился Великій Князь Павелъ Александровичъ. Войдя въ гостиную, оба революціонные посланца вдругъ остановились, смущенные и растерянные.

Всѣ присутствующіе удалились, оставивъ Императрицу и Великаго Князя съ Гучковымъ и генераломъ Корниловымъ. Черезъ нѣсколько минутъ они вышли изъ гостиной и уѣхали.

Три дня спустя снова появился генералъ Корниловъ, на этотъ разъ безъ Гучкова. Пріѣхалъ онъ 8 марта, въ четверть одиннадцатаго утра, съ пятью офицерами и новымъ комендан-

томъ Царскаго Села и приказалъ о себѣ доложить Императрицѣ.

Императрица приняла генерала съ его свитой наверху, въ дѣтскихъ комнатахъ, стоя. Вся эта революціонная ватага казалась весьма смущенной передъ одинокой женщиной, въ платьѣ сестры милосердія, только что наклонявшейся надъ кроватью Своихъ больныхъ Дѣтей. Черное, постыдное дѣло, которое они совершали, быть можетъ, на мгновеніе смутило ихъ сердца. У нѣкоторыхъ изъ этихъ офицеровъ показались слезы стыда на глазахъ, а самъ герой австрійскаго плѣна, растерянный, взволнованный, сказалъ прерывающимся голосомъ: «Ваше Императорское Величество ... Вамъ не извѣстно, что происходитъ въ Петроградѣ и въ Царскомъ ... мнѣ очень тяжело и непріятно Вамъ докладывать ... но для Вашей же безопасности я принужденъ Васъ» ... и замялся.

Императрица, перебивъ его, сказала: «Мнѣ все очень хорошо извѣстно. Вы пришли меня арестовать?»

«Такъ точно», пролепеталъ генералъ Корниловъ.

Послѣ этихъ словъ Корниловъ представилъ Императрицѣ новаго коменданта Царскаго Села, полковника Кобылинскаго, и попросилъ всѣхъ выйти. Оставшись наединѣ съ Императрицей, Корниловъ смущенно сталъ увѣрять Императрицу, что арестъ Ея рѣшенъ былъ Правительствомъ для Ея же безопасности и что вскорѣ всю Семью увезутъ въ Англію [1]).

Генералъ Корниловъ, какъ и всѣ прислужники революціи, обманывалъ: въ это время, какъ мы уже говорили, готовили слѣдствіе и судъ надъ Монархами.

Въ этотъ же день въ Могилевѣ, въ моментъ отъѣзда Государя въ Царское, другіе думскіе делегаты объявили Государю, что Онъ арестованъ. Двойная измѣна, двойное предательство новой власти, начинавшей проявлять свои истинныя намѣренія.

И, наконецъ, все въ этотъ же день 8 марта Корниловъ замѣняетъ вѣрныхъ людей, охраняющихъ Дворецъ, грубой солдатней.

Для Монарховъ начинается уже тюремный режимъ.

---

[1]) Неопубликованный дневникъ графа П. Н. Апраксина.

Глава IV.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

1. Новые хозяева Россіи.

У союзниковъ, въ особенности во Франціи, вѣсть о революціи въ Россіи вызвала неописуемый восторгъ. Въ кулуарахъ Палаты Депутатовъ хорошо освѣдомленные люди приписывали англійскому послу честь подготовки этого переворота. Къ этому отзыву прибавляли даже критическія замѣчанія по адресу французскаго посла, не пожелавшаго содѣйствовать Бьюкенену въ его предательствѣ, которое считалось въ то время весьма выгоднымъ для интересовъ союзниковъ. Странное, непонятное заблужденіе, которому суждено было упорно и продолжительно держаться, несмотря на жестокія разочарованія, несмотря на повторныя предупрежденія Палеолога, несмотря даже на очевидную измѣну новаго Правительства общему дѣлу союзниковъ. Такъ сильна революціонная мистика, глухая и слѣпая ко всякой реальной дѣйствительности!

7 марта Временное Правительство обнародываетъ свой первый манифестъ. «Это былъ длинный, многословный, напыщенный документъ, поносящій старый режимъ, обѣщающій народу всѣ благодѣянія равенства и свободы. Вопроса же о войнѣ онъ касался лишь едва»..., отмѣчаетъ Палеологъ, который, возмущенный, бросается тотчасъ же къ министру иностранныхъ дѣлъ Милюкову. Онъ рѣзко ему заявляетъ: «Послѣ нашихъ послѣднихъ разговоровъ я не былъ удивленъ тѣми выраженіями, которыми опубликованный сегодня манифестъ говоритъ о войнѣ; но я ими все же возмущенъ. О рѣшеніи продолжать войну съ настойчивостью, до полной побѣды, въ немъ не говорится ни слова. Германія даже не названа. Ни намека на цѣли войны»...

Милюковъ блѣдный, смущенный, бормочетъ неясныя оправданія. Онъ пытается привести хотя бы смягчающія обстоятельства, ссылается на затруднительное внутреннее положеніе и, въ заключеніе, почти умоляетъ: «дайте намъ немного времени».

Но Палеологъ не питаетъ никакихъ иллюзій насчетъ новыхъ господъ, захватившихъ власть. 10 числа онъ посылаетъ предсѣдателю Совѣта Министровъ Рибо длинную телеграмму, которую заканчиваетъ слѣдующими словами: «въ настоящей стадіи революціи Россія не можетъ ни воевать, ни заключить мира».

Впрочемъ, «дѣятели» революціи, съ первыхъ же дней, весьма развязно прекратили ту игру, которая должна была вызвать у союзниковъ чувство симпатіи къ готовящемуся государственному перевороту. Патріотическія завѣренія, ненависть къ Германіи, обвиненія Императрицы въ измѣнѣ — все это было сброшено какъ ненужная болѣе маскарадная ветошь.

Такъ, напримѣръ, члены Временнаго Правительства грубо отказываются отъ приглашенія на завтракъ у французскаго посла, и когда, впослѣдствіи, Керенскій соглашается почтить посольство своимъ присутствіемъ, то только лишь для встрѣчи съ французскими соціалистами Кашеномъ, Мутэ и Лафономъ.

Дѣйствительно, французское правительство не нашло въ эти тревожные дни ничего лучшаго, какъ отправить въ Петроградъ группу крайнихъ соціалистовъ. Но даже они оказываются уже не въ «тонѣ момента». «Ихъ здѣсь встрѣтили весьма холодно», пишетъ Палеологъ, «столь холодно даже, что Кашенъ растерялся, и ему пришлось, для успѣшности переговоровъ, сбросить нѣкоторый балластъ». Этотъ «балластъ» оказался ни болѣе ни менѣе какъ Эльзасъ и Лотарингія.

Мнѣніе Кашена раздѣляетъ и другой французскій соціалистъ, министръ Альбертъ Тома, прискакавшій также въ Петроградъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла союзной республики. Этотъ дѣйствительно «чрезвычайный» представитель заявляетъ Палеологу, попавшему въ немилость, что онъ отзывается, и что, переговоривъ съ Керенскимъ, онъ настаиваетъ также на необходимости сбросить «балластъ» и на отказѣ отъ всякихъ «аннексій». Война, даже побѣдная для союзниковъ, должна кончиться

ничѣмъ. Но этимъ не ограничиваются революціонные восторги Альберта Тома: присутствуя на парадѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ знаменами, войска гордо несутъ плакаты съ надписью: «Долой войну! Мы хотимъ мира!», французскій министръ, въ порывѣ энтузіазма, восклицаетъ: «Какъ это красиво! Какъ прекрасно!»

Представителя Франціи приглашаютъ на концертъ-митингъ въ Михайловскомъ театрѣ. На сценѣ ораторы, министры смѣняютъ танцовщицъ. Вдругъ въ ложѣ встаетъ взъерошенная, мрачная и жуткая фигура и оретъ бѣшенымъ голосомъ: «Я желаю говорить противъ войны, за миръ!»

Въ залѣ подымается шумъ. Отовсюду летятъ вопросы, восклицанія: «Кто это? откуда ты? что ты дѣлалъ до революціи?»

Человѣкъ колеблется одно мгновеніе и выпаливаетъ: «Я пріѣхалъ изъ Сибири, я былъ на каторгѣ».

«Ага, ты, значитъ, политическій, жертва стараго режима?»

«Нѣтъ... я уголовный, но совѣсть моя чиста!» И каторжникъ, перенесенный поклонниками на сцену, приглашаетъ всѣхъ брататься съ нѣмцами, въ то время какъ Альбертъ Тома, съ сіяющимъ лицомъ, лихорадочно жметъ руку Палеолога, приговаривая: «Какое величественное зрѣлище! Какая неописуемая красота!»

Это стремленіе къ миру, эта внезапная и беззастѣнчивая перемѣна къ союзникамъ начали, однако, тревожить болѣе трезвые умы среди революціонныхъ главарей. Милюковъ, недавно еще разражавшійся столь безжалостными обвиненіями противъ Императорскаго Правительства, почувствовалъ себя вдругъ весьма смущеннымъ отвѣтственностью, лежавшей на немъ въ качествѣ члена Временнаго Правительства. И дѣйствительно, вопросъ былъ нелегкій: заключить миръ — это означало разорвать съ союзниками и, если они будутъ побѣдителями — то оказаться, безъ всякой необходимости, въ рядахъ побѣжденныхъ и нести всѣ тягостныя послѣдствія такой измѣны. И Милюковъ пытается, но съ какой робостью! противиться Керенскому, маневрировать, хитрить, выиграть время, остановить разложеніе арміи. Онъ надѣется найти поддержку у представителей союзниковъ. Тщетная надежда! Альбертъ Тома, въ согласіи съ Бьюкененомъ, высказывается рѣшительно за Керенскаго, котораго делегаты французскихъ соціалистовъ также поддерживаютъ всѣмъ своимъ вліяніемъ.

«Ахъ! ваши соціалисты не облегчаютъ мнѣ мою задачу», жалуется Милюковъ Палеологу.

Встревоженный столь страннымъ поведеніемъ новаго представителя Франціи, Палеологъ рѣшаетъ послать Рибо депешу, съ указаніемъ на тѣ опасныя послѣдствія, которыя можетъ вызвать это поведеніе. Прежде чѣмъ ее отправить, онъ ее читаетъ Тома, который сухо замѣчаетъ:

«Мое мнѣніе діаметрально противоположно. Вы настаиваете на посылкѣ этой депеши?»

«Да, я ее хорошо обдумалъ».

«Въ такомъ случаѣ пошлите ее, но пусть это будетъ послѣдняя».

Палеологу стоитъ немалаго труда дать понять непомѣрно пылкому соціалисту, что, пока онъ не будетъ официально отозванъ отъ должности посла, онъ обязанъ информировать свое правительство.

Однако, видя настойчивость, съ которой Альбертъ Тома пытается его совершенно устранить отъ дѣлъ, Палеологъ вынужденъ послать черезъ нѣсколько дней предсѣдателю Совѣта Министровъ новую депешу слѣдующаго содержанія: «Важность происходящихъ событій и чувство моей отвѣтственности ставятъ меня въ необходимость просить васъ подтвердить спеціальнымъ приказомъ, что, согласно инструкцій г. Альберта Тома, я долженъ впредь воздержаться отъ посылки вамъ информацій».

На этотъ разъ министръ-соціалистъ не въ силахъ удержаться отъ гнѣвнаго порыва. Шагая въ бѣшенствѣ по кабинету посла, онъ обрушивается на него градомъ упрековъ и ругательствъ. Но гроза стихаетъ и, по полученіи отвѣта Рибо, въ которомъ глава правительства приглашаетъ обоихъ соперниковъ изложить свои точки зрѣнія, каждый изъ нихъ составляетъ и отправляетъ свой докладъ. Одна фраза депеши Альберта Тома резюмируетъ основное ихъ разногласіе: «Я вѣрю въ возможность вернуть Россію къ войнѣ провозглашеніемъ демократической политики; г. Палеологъ, напротивъ, считаетъ, что сейчасъ уже нѣтъ никакого средства для достиженія этой цѣли».

Исторія показала, насколько правъ былъ французскій посолъ въ оцѣнкѣ политическаго положенія.

Въ то время, какъ Альбертъ Тома проникался революціоннымъ восторгомъ, и союзническая печать обливала грязью тотъ самый «Царскій режимъ», который самоотверженно выполнялъ

свой долгъ въ теченіе трехъ лѣтъ войны; въ то время, какъ всякіе мечтатели воспѣвали осанну загорающейся «зарѣ свободы», вотъ какую картину эта заря освѣщала въ Россіи.

Въ первый же день побѣды уличнаго бунта, 1 марта, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ поспѣшилъ выполнить свои обязательства передъ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ, опубликовывая знаменитый «приказъ № 1». Этотъ актъ новой власти нанесъ арміи ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла оправиться. И, дѣйствительно, приказъ этотъ упразднялъ всякую дисциплину, возстанавливалъ солдатъ противъ офицеровъ и совершенно парализовалъ выполненіе распоряженій высшаго командованія. Впослѣдствіи авторы «приказа» пытались избавиться отъ страшной нравственной отвѣтственности за него, отрекаясь отъ всякаго участія въ опубликованіи этого документа. Однако, теперь совершенно точно установлено, что онъ былъ составленъ однимъ изъ членовъ президіума Совѣта, соціалистомъ Соколовымъ, награжденнымъ за это званіемъ сенатора; что Временное Правительство было вполнѣ освѣдомлено о «приказѣ» и что оно способствовало его распространенію, разсылая его повсюду по прямому проводу[1]). Въ то же самое время работа по разложенію арміи весьма дѣятельно выполнялась военной комиссіей при комитетѣ Государственной Думы, подъ руководствомъ одной изъ креатуръ Гучкова, генерала Потапова. Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что окруженіе новаго военнаго министра состояло почти исключительно изъ предателей. И генералъ Потаповъ, и генералъ Поливановъ, и генералъ Бончъ-Бруевичъ, и многіе другіе служили одновременно революціи и нѣмецкому главному штабу, чтобы, наконецъ, продаться большевикамъ. Одному изъ этихъ измѣнниковъ, ген. Поливанову, Гучковъ поручилъ руководство комиссіей для разборки «деклараціи правъ солдата», предназначенной смести послѣдніе остатки дисциплины, сохранившіеся еще послѣ изданія «приказа № 1».

Временное Правительство, конечно, понимало отлично, что революція въ Россіи неизбѣжно должна привести къ скорому се-

---

[1]) Генералъ Деникинъ приводитъ выдержку изъ отчета о секретномъ засѣданіи Правительства, главнокомандующихъ и исполнительнаго комитета Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отъ 4 мая 1917, въ которомъ содержится разсказъ Церетелли и Скобелева о составленіи «приказа № 1» (Деникинъ. Очерки Русской смуты, т. I, в. 1, стр. 66, и т. I, в. 2, стр. 59—61.)

паратному миру съ Германіей. Мысль эта совершенно опредѣленно высказана была управляющимъ дѣлами Временнаго Правительства, слѣдившимъ, изо дня въ день, за мнѣніями и настроеніями лицъ, стоящихъ у власти. «Но все же я глубоко убѣжденъ», пишетъ онъ, «что сколько-нибудь успѣшное веденіе войны было просто несовмѣстимо съ тѣми задачами, которыя революція поставила внутри страны, и съ тѣми условіями, въ которыхъ эти задачи приходилось осуществлять»[1]). Не прошло и недѣли со времени отреченія Государя, какъ новый военный министръ Гучковъ, въ засѣданіи 7 марта, затрагиваетъ уже вопросъ о сложеніи оружія [2]).

А 14 мая Гучковъ въ бесѣдѣ съ Куропаткинымъ спокойно заявляетъ, что Россія идетъ къ катастрофѣ сразу нѣсколькими путями: развaломъ арміи, банкротствомъ, голодовкой, безначаліемъ и смутой внутри. Просвѣта, по мнѣнію Гучкова, нѣтъ никакого, а министерство, членомъ котораго онъ состоитъ — «слякоть» [3]). Гучковъ забываетъ прибавить, что именно эту «слякоть» навязывали Государю, какъ цвѣтъ и сливки русской общественности, и что онъ самъ, Гучковъ, тщательно заготовилъ всѣ тѣ пути, по которымъ Россія шла одновременно къ катастрофѣ. И, дѣйствительно, мѣры, принятыя Правительствомъ къ разложенію арміи, возымѣли быстрое дѣйствіе, и пріѣхавшій въ апрѣлѣ на засѣданіе Временнаго Правительства генералъ Алексѣевъ долженъ былъ засвидѣтельствовать, что «революція нанесла страшнѣйшій ударъ нашей военной силѣ, и что разложеніе послѣдней идетъ колоссальными шагами» [4]).

Совершенно то же мнѣніе высказываетъ и Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Русская революція должна была неминуемо вызвать паденіе русской военной мощи, ослабляя Антанту и значительно облегчая тяжесть нашей задачи», и Людендорфъ прибавляетъ: «Въ апрѣлѣ и маѣ 1917 года, несмотря на нашу побѣду на Энѣ и въ Шампани, мы были спасены только русской революціей».

Революція эта, въ мысляхъ ея настоящихъ тайныхъ руководителей, имѣла двойную цѣль: выбить Россію изъ числа вою-

---

1) В. Д. Набоковъ. Ввеменное Правительство. Арх. Русск. Рев., т. I, стр. 41.

2) Тамъ же, стр. 41—42.

3) А. Н. Куропаткинъ. Дневникъ. Красный Архивъ № XX.

4) В. Д. Набоковъ. Временное Правительство, стр. 74.

ющихъ государствъ и уничтожить ее какъ національную державу. За первую задачу весьма активно взялось Временное Правительство — вторую выполнили большевики. Между этими двумя этапами революціи нѣтъ никакой принципіальной разницы, они слѣдуютъ совершенно логически одинъ за другимъ, и не даромъ столько дѣятелей февральской революціи легко и естественно перешли къ большевикамъ.

Россію связывали съ войной не только ея жизненные интересы, но и вѣрность союзническимъ обязательствамъ. И вотъ, съ первыхъ же дней революціи, люди, осмѣлившіеся обвинять Царя въ намѣреніи измѣнить союзникамъ, сами готовятся имъ немедленно измѣнить. На одномъ изъ засѣданій Временнаго Правительства въ апрѣлѣ мѣсяцѣ В. Н. Львовъ, одинъ изъ наиболѣе «откровенныхъ» членовъ Правительства, также впослѣдствіи перешедшій къ большевикамъ, прямо и нисколько не стѣсняясь требуетъ отказа отъ союзническихъ договоровъ, которые онъ называетъ «разбойничьими и мошенническими» [1]).

А «чрезвычайный» французскій посолъ Тома ничего не видитъ, не замѣчаетъ и пребываетъ въ состояніи восторженнаго упоенія.

Но возможно ли удивляться слѣпотѣ невѣжественнаго французскаго соціалиста, справедливо ли возмущаться его симпатіями къ революціи, которая на его же глазахъ приводила русскую армію къ быстрому разложенію, когда та же необъяснимая слѣпота, та же безразсудная радость охватывала видныхъ представителей русской же арміи?

8 марта, т. е. после изданія приказа № 1, после того какъ началась вакханалія солдатни, испугавшая даже Гучкова, ген. Деникинъ невозмутимо пишетъ своимъ близкимъ:

«Перевернулась страница исторіи. Первое впечатлѣніе ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандіозности (?). Но, въ общемъ, войска отнеслись ко всѣмъ событіямъ совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но въ настроеніи массы можно уловить совершенно опредѣленныя теченія: 1) возвратъ къ прежнему немыслимъ; 2) страна получитъ государственное устройство, достойное великаго народа: вѣроятно, конституціонную ограниченную монархію; 3) конецъ нѣмецкому засилію и побѣдное продолженіе войны» [2]).

[1]) В. Д. Набоковъ. Временное Правительство, стр. 45.

[2]) Генералъ А. И. Деникинъ. Очерки Русской Смуты, т. 1, в. 1, стр. 60—61.

Конечно, не трудно угадать, что почтенный «демократическій» генералъ приписываетъ здѣсь «массамъ» свои собственныя мысли и желанія. Что генералъ Деникинъ, какъ извѣстно, человѣкъ ограниченный, желалъ ограниченной монархіи — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; едва ли, однако, онъ самъ могъ добросовѣстно приписывать такіе политическіе идеалы сѣрой солдатской массѣ. Но заблужденіе генерала на счетъ конца «нѣмецкаго засилія» какъ разъ въ то время, когда осуществлялись въ Россіи вожделѣнія германскаго штаба, но его вѣра въ «побѣдное продолженіе войны» въ тотъ моментъ, когда самъ военный министръ говорилъ уже о невозможности воевать и о необходимости заключенія сепаратнаго мира — вотъ эти мечтанія русскаго генерала поистинѣ изумительны. И Деникинъ самъ спѣшитъ насъ оповѣстить, что онъ не составлялъ исключенія: «Многимъ кажется удивительнымъ и непонятнымъ тотъ фактъ, что крушеніе вѣкового монархическаго строя не вызвало среди арміи, воспитанной на его традиціяхъ, не только борьбы, но даже отдѣльныхъ вспышекъ» . . . наивно пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, проникнутыхъ слѣпой ненавистью къ тому строю, которому онъ служилъ и при которомъ онъ достигъ высокихъ военныхъ должностей. Генералъ Деникинъ приводитъ примѣры еще болѣе «демократическихъ» генераловъ нежели онъ самъ. Такъ, генералъ П. Сытинъ, перешедшій впослѣдствіи къ большевикамъ, предлагалъ объявить, что земля — помѣщичья, государственная, церковная — отдается безплатно въ собственность крестьянамъ, сражающимся на фронтѣ [1]); командующій 6-ой арміей, на румынскомъ фронтѣ, ген. Цуриковъ ввелъ у себя солдатскіе комитеты, когда еще никакіе совѣтскіе приказы на этотъ фронтъ не проникли [2]). «Непротивленіе было всеобщее», пишетъ Деникинъ, «тяжело было видѣть офицерскія делегаціи Ставки, во главѣ съ нѣсколькими генералами, плетущіяся въ колоннѣ манифестантовъ, праздновавшихъ 1-ое мая — въ колоннѣ, среди которой вѣяли и большевицкія знамена и изъ которой временами раздавались звуки интернаціонала . . . Зачѣмъ?» вопрошаетъ Деникинъ. «Во спасеніе Родины или живота своего?» [3]). Не только жизнь спасали, но и карьеру разсчитывали сдѣлать на революціи; въ Ставку хлынуло тогда

---

[1]) Генералъ А. И. Деникинъ. Очерки Русской Смуты, т. 1, в. 1, стр. 93.
[2]) Тамъ же, стр. 68.
[3]) Тамъ же, стр. 92.

множество генераловъ, которые при старомъ режимѣ были отставлены или оставались въ тѣни, и теперь надѣялись пробить себѣ дорогу [1]).

Но что говорить о сравнительно ничтожномъ Деникинѣ или о мелкихъ генералахъ-карьеристахъ, когда самъ А. Н. Куропаткинъ, генералъ-адъютантъ, бывшій военный министръ, бывшій неудачный главнокомандующій въ Манчжуріи и сѣвернымъ фронтомъ въ Великую войну и занимавшій въ то время почетный и спокойный постъ Туркестанскаго генералъ-губернатора, выражаетъ бурную радость по поводу революціи и, несмотря на кратковременный арестъ «товарищами», бросается къ новымъ хозяевамъ, льститъ Керенскому, Львову, Гучкову и тщетно выпрашиваетъ у нихъ хоть корпусъ, котораго ему не даютъ. И царскій генералъ-адъютантъ высказываетъ сожалѣніе и досаду о томъ... что соціалъ-демократамъ не удалось до революціи сдѣлать послѣдній этапъ своей пропаганды: «образованіе революціоннаго офицерства!» [2]). И въ то самое время, когда безвольная, трусливая, преступная новая власть издаетъ приказъ № 1, уничтожаетъ дисциплину и разваливаетъ фронтъ, «Военный Совѣтъ, состоящій изъ старшихъ генераловъ, якобы хранителей опыта и традицій арміи», въ засѣданіи своемъ отъ 10 марта, постановляетъ доложить Временному Правительству, что «онъ считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать полную свою солидарность съ тѣми энергичными мѣрами, которыя Временное Правительство принимаетъ въ отношеніи реформъ нашихъ вооруженныхъ силъ, соотвѣтственно новому укладу жизни въ государствѣ и арміи» [3]).

Конечно, въ гущѣ военной массы были и другіе офицеры, были вѣрные и преданные генералы... пусть даже немногіе. Въ то время какъ главнокомандующіе фронтами, малодушно слѣдуя указкѣ ген. Алексѣева и революціи, требовали отъ Государя отреченія, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ Нему на помощь — въ это самое время настоящій по духу русскій человѣкъ, хотя и не русской крови, генералъ Ханъ-Нахичеванскій, командиръ гвардейскаго коннаго корпуса, встревоженный слухами о бунтѣ, телеграфировалъ генералу Рузскому:

---

[1]) Генералъ А. И. Деникинъ. Очерки Русской Смуты, стр. 93.
[2]) Дневникъ ген. А. Н. Куропаткина. Красный Архивъ № XX.
[3]) Генералъ А. И. Деникинъ. Тамъ же, стр. 63—64.

«До насъ дошли свѣдѣнія о крупныхъ событіяхъ, прошу Васъ не отказать повергнуть къ стопамъ Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалеріи и готовность умереть за своего обожаемаго Монарха».

Генералъ Ханъ-Нахичеванскій, въ честной и преданной душѣ своей, не могъ и помыслить, что, обращаясь къ генералъ-адъютанту Рузскому, онъ встрѣтитъ предателя и измѣнника и что его телеграмма даже не будетъ доложена Царю!

То же предложилъ и другой доблестный генералъ, командиръ 3-го коннаго корпуса графъ Ѳ. А. Келлеръ, который, послѣ отреченія Государя, не пожелалъ служить новой самозванной революціонной власти и впослѣдствіи былъ умерщвленъ петлюровцами, отказавшись бѣжать переодѣтымъ въ нѣмецкій мундиръ.

Но эти примѣры исключительны на фонѣ общаго малодушія.

Да, армія разлагалась не только снизу, но и сверху; и въ этой поднявшейся революціонной вакханаліи, въ этой борьбѣ страстей, личныхъ вожделѣній, страха за мѣсто, званіе, чинъ, жалованье или пенсію, многіе ли думали о «спасеніи Родины» и о спасеніи Царя?

И именно въ эти минуты, когда разваливается фронтъ, когда германскій штабъ ликуетъ, когда въ Правительствѣ «ткется липкая паутина измѣны и предательства» и Россіи, и союзникамъ — именно въ эти минуты, предшествующія большевизму, французскій соціалистическій министръ посылаетъ изъ Петрограда предсѣдателю французскаго Совѣта Министровъ слѣдующую телеграмму, поражающую своей слѣпой безсознательностью:

«Я вѣрю въ возможность вернуть Россію къ войнѣ провозглашеніемъ демократической политики».

Жалкій демократизмъ, сколько глупостей совершено во имя его!

2. Неволя въ Царскомъ Селѣ.

На томъ тернистомъ крестномъ пути, по которому Императоръ Николай II дошелъ до Екатеринбургской Голгоѳы, Царское Село явилось третьей остановкой, послѣ тяжелыхъ дней во Псковѣ и въ Ставкѣ. Здѣсь впервые открылся Монархамъ

уродливый, обезьяній ликъ революціи. Царствованіе Помазанника Божія смѣнилось царствованіемъ уличной черни. Тѣ лица, которыя вчера еще почтительно склонялись передъ Монархомъ, обратились въ грубыхъ, безжалостныхъ тюремщиковъ, какъ только имъ удалось завладѣть своими жертвами. Никто изъ членовъ Временнаго Правительства, кромѣ Керенскаго, не заинтересовался судьбою Узниковъ, никто Ихъ не посѣтилъ. Самъ камергеръ Родзянко, предсѣдатель комитета Государственной Думы, не побезпокоилъ свою грузную особу, чтобы пріѣхать преклониться передъ своимъ Монархомъ въ несчастіи.

Приходится также признать, что и часть ближайшаго окруженія Государя не отличилась ни приличіемъ, ни преданностью. Ко времени отреченія Государя, при Немъ состояла довольно многочисленная свита; ближайшими лицами были министръ Двора и онъ же командующій Императорской главной квартирой графъ В. Б. Фредериксъ; Дворцовый комендантъ ген. В. Н. Воейковъ, начальникъ военно-походной канцеляріи ген. К. А. Нарышкинъ, командующій конвоемъ ген. графъ А. Н. Граббе, адмиралъ К. Д. Ниловъ, командиръ желѣзно-дорожнаго полка ген. С. А. Цабель, свиты генералъ-маіоръ гофмаршалъ князь В. А. Долгоруковъ, флигель-адъютанты полковникъ герцогъ Н. Н. Лейхтенбергскій и полковникъ А. А. Мордвиновъ; въ Петроградѣ въ это время находился близкій къ Особѣ Ихъ Величествъ флигель-адъютантъ капитанъ 1 ранга Н. П. Саблинъ. Еще въ Ставкѣ графу Фредериксу, генералу Воейкову и адмиралу Нилову было отказано въ разрѣшеніи остаться при Государѣ и имъ пришлось тогда же покинуть Могилевъ. Изъ прочихъ же перечисленныхъ военныхъ и придворныхъ чиновъ одинъ лишь гофмаршалъ князь Долгоруковъ пожелалъ раздѣлить судьбу своего Монарха. Остальные, по разнымъ причинамъ и предлогамъ, а то и безъ всякихъ объясненій, покинули Ихъ Величества и если спасли этимъ свою свободу и самую жизнь, то дорогою цѣною: не добромъ помянутъ ихъ имена и русскіе историки, и русскій народъ.

Справедливость заставляетъ отмѣтить, что полковникъ Мордвиновъ, въ прочувствованныхъ страницахъ, посвященныхъ воспоминаніямъ о Государѣ, объяснилъ, что, оставаясь въ Ставкѣ, онъ выполнилъ, съ согласія Его Величества, лишь совѣты англійскаго атташе, ген. Вильямса. Мордвиновъ не скрываетъ своей скорби по поводу сдѣланной имъ ошибки, но его примѣръ един-

ственный. Его коллеги, отрекшись отъ исполненія долга, остались нѣмы передъ судомъ общественнаго мнѣнія и исторіи.

Если вѣрность и преданность оказались столь рѣдкими среди ближайшаго окруженія Царской Семьи, то чего же можно было ожидать отъ «правящаго класса»: высшей администраціи, судебнаго вѣдомства, аристократіи, дворянства? Въ провинціи администрація проявила такую же пассивность, такую же растерянность, какъ и въ столицѣ.

Въ Орлѣ, напримѣръ, при первыхъ же безпорядкахъ прокуроръ окружнаго суда Завадскій, проявлявшій, до сего времени, крайне правыя убѣжденія, внезапно «заболѣлъ» и пересталъ являться на засѣданія; но какъ только пришла телеграмма Керенскаго объ освобожденіи всѣхъ политическихъ арестантовъ, то прокуроръ столь же внезапно выздоровѣлъ и тотчасъ же помчался въ тюрьму, чтобы пожать руки освобожденныхъ и увѣрить ихъ, что онъ «исполняетъ волю народа». Начальникъ гарнизона, генералъ Никоновъ, разъѣзжалъ на извозчикѣ, съ огромнымъ краснымъ флагомъ, во главѣ войскъ, игравшихъ марсельезу. Губернаторъ, графъ П. В. Гендриковъ — по полученіи извѣстія объ отреченіи Государя, послалъ кн. Львову и Родзянко телеграммы, въ которыхъ онъ «считалъ долгомъ сообщить, что съ настоящаго момента онъ и подвѣдомственные ему чины подчиняются Временному Правительству и честно исполнятъ свой долгъ передъ Родиной».

Этотъ жестъ гр. Гендрикова заслужилъ одобреніе самозваннаго мѣстнаго «Комитета общественной безопасности», доселѣ недовольнаго молодымъ губернаторомъ: освѣдомившись о телеграммѣ, комитетъ немедленно выразилъ ему довѣріе и готовность съ нимъ работать. Но печать отнеслась къ поведенію губернатора иначе. «Русское Слово» посвятило ему нѣсколько презрительныхъ строкъ: «Капитулировалъ, наконецъ, и орловскій губернаторъ графъ Гендриковъ», писала газета. «Онъ слишкомъ долго выжидалъ и уже смѣщенъ». И, дѣйствительно, «капитуляція» графа Гендрикова не принесла ему удачи; 6 марта, телеграммой кн. Львова онъ былъ смѣщенъ съ должности, съ передачей управленія губерніей предсѣдателю губернской земской управы [1]). Гр. Гендриковъ принадлежалъ къ семьѣ, облагодѣтель-

[1]) Поведеніе орловскаго губернатора въ эти дни встрѣтило, впрочемъ, и другую, сочувственную оцѣнку. Въ письмѣ, помѣщенномъ въ газетѣ «Возрожденіе» отъ 9 февраля 1933, А. С. Хрипуновъ заявилъ, что описа-

ствованной Царскими милостями, которымъ онъ и самъ былъ обязанъ своимъ быстрымъ продвиженіемъ по службѣ.

Сестра графа, графиня Анастасія Васильевна, фрейлина Ихъ Величествъ, иначе поступила. Узнавъ объ отреченіи Государя, беззавѣтно преданная своимъ Монархамъ русская дѣвушка, не теряя ни минуты, пріѣхала съ Кавказа и бросилась въ Царское Село. Съ этого момента она раздѣляла участь Узниковъ и прошла съ Ними всѣ самыя тяжкія испытанія до мученической смерти.

Присяжный повѣренный Александръ Федоровичъ Керенскій, соціалистъ-революціонеръ, ставшій, по странной ироніи судьбы, министромъ юстиціи величайшаго въ мірѣ государства, присвоилъ также себѣ, по сему званію, и роль главнаго тюремщика Царской Семьи. Считая Монарховъ искупительными жертвами, предназначенными къ закланію на алтарѣ божества революціи, Керенскій, съ первыхъ же дней, приложилъ усердныя старанія, чтобы создать для Узниковъ самыя тяжкія, самыя нестерпимыя условія существованія. Стража, тщательно подобранная среди распропагандированныхъ революціонныхъ солдатъ, была поставлена подъ начальство креатуры Керенскаго, полковника Коровиченко, окруженнаго проходимцами, носящими почему-то офицерскіе погоны. Эти темныя личности стали тотчасъ же

ніе дѣйствій гр. Гендрикова, сдѣланное мною въ книгѣ „Le tsar Nicolas II et la révolution", «несправедливо и пристрастно». Въ № отъ 25 февраля той же газеты былъ напечатанъ слѣдующій мой отвѣтъ: ...«Я не считаю возможнымъ вступать съ г. Хрипуновымъ въ споръ относительно той или иной оцѣнки поведенія представителей власти и общества въ эти позорные для Россіи дни, но я не могу оставить безъ отвѣта его обвиненія въ «несправедливости» и «пристрастности» исторической работы, цѣлью которой именно и являлось справедливое и правдивое освѣщеніе событій русской революціи. Г. Хрипунову, вѣроятно, неизвѣстно, что факты, приведенные мною и вызвавшіе его протестъ, заимствованы цѣликомъ изъ статьи самого гр. Гендрикова, подъ названіемъ «Первые дни революціи въ Орлѣ», появившейся въ номерахъ 7 и 8 журнала «Двуглавый Орелъ» за 1927 г. Читатель найдетъ въ этой статьѣ и текстъ телеграммы гр. Гендрикова кн. Львову и Родзянко (стр. 26), и выраженіе довѣрія графу со стороны революціоннаго «Комитета общественной безопасности» (стр. 27), и приведенный мною презрительный отзывъ газеты «Русское Слово» о «капитуляціи» орловскаго губернатора (стр. 27). Прочтя этотъ очеркъ, г. Хрипуновъ убѣдится, кстати, насколько онъ ошибается, приписывая гр. Гендрикову исключительно стремленіе къ «дѣйствительной борьбѣ съ нараставшей въ Орловской губерніи и повсюду анархіей». Гр. Гендриковъ, напротивъ, совершенно откровенно признаетъ, что онъ просто «нетерпѣливо ждалъ своего смѣщенія» (стр. 27). Оно и произошло два дня спустя послѣ его «капитуляціи».

проявлять свой революціонный энтузіазмъ, преслѣдуя Царскую Семью грубымъ и оскорбительнымъ наблюденіемъ, дерзко съ Нею обращаясь и натравливая противъ Нея нижнихъ чиновъ стражи. И солдаты, поощряемые офицерами, врывались во внутреннія комнаты Дворца, громко выражая свои революціонныя чувства и дѣлая вслухъ непозволительныя замѣчанія.

Однако, Августѣйшіе Узники никогда не проявляли ни тѣни волненія; никакія придирки, никакія оскорбленія не могли поколебать ни спокойной мягкости Государя, ни высокомѣрной и холодной гордости Императрицы. Но Царскія Дѣти не успѣли пріобрѣсти еще тогда то терпѣніе, которое впослѣдствіи поддерживало Ихъ въ тяжкихъ испытаніяхъ ссылки. Здѣсь Они страдали еще отъ грубости стражи, страдали въ особенности за своихъ Родителей, которыхъ любили любовью безграничной. Нѣкоторыя дерзкія выходки солдатъ вызывали даже слезы у Наслѣдника Цесаревича; Онъ объ этомъ повѣствуетъ съ дѣтскимъ негодованіемъ въ Своемъ дневникѣ, который былъ обнаруженъ потомъ въ Екатеринбургѣ у одного изъ убійцъ.

Наконецъ, и послѣдняя оставшаяся у заключенныхъ отрада, возможность находиться въ семейномъ кругу, безъ постояннаго присутствія скотскихъ революціонныхъ физіономій, возможность поговорить искренно съ близкими людьми, была отнята у Нихъ Керенскимъ. Онъ приказалъ разлучить Супруговъ, разрѣшивъ Имъ встрѣчаться только за столомъ, гдѣ Имъ позволялось разговаривать лишь о самыхъ общихъ вопросахъ; впослѣдствіи Керенскій пытался дать этому распоряженію довольно туманное и сбивчивое объясненіе: «Я принялъ это рѣшеніе по собственному почину, послѣ одного изъ докладовъ Чрезвычайной слѣдственной комиссіи; въ немъ предусматривалась возможность допроса Ихъ Величествъ. Отсюда и возникла необходимость Ихъ разлучить для безпристрастнаго разслѣдованія. Эта мѣра продолжалась около мѣсяца. Она была отмѣнена, какъ только надобность въ ней миновала»[1]). Жалкая отговорка! Ложный и трусливый стыдъ признаться и въ скверномъ чувствѣ, продиктовавшемъ эту мелкую месть, и въ голосѣ совѣсти, заставившемъ отъ нея отказаться.

Здѣсь намъ надлежитъ остановиться нѣсколько на этой личности, которая сыграла столь роковую роль въ судьбахъ

[1]) Nicolas Sokoloff. Enquête Judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe, стр. 27.

Россіи. Вчера еще безвѣстный адвокатъ, сегодня диктаторъ, завтра забытая всѣми маріонетка, какая странная, какая головокружительная карьера, равной которой исторія не знаетъ, быть можетъ, ни одного примѣра! Цѣлая жизнь въ восемь мѣсяцевъ: опьяненіе властью, громъ восторговъ и привѣтственныхъ кликовъ, царскіе покои, наконецъ, слава; да, та самая слава, которую знали величайшіе завоеватели. И, внезапно, позорное бѣгство въ шутовскомъ женскомъ нарядѣ, подъ улюлюканіе, подъ плевками, подъ гнѣвомъ и презрѣніемъ цѣлаго народа.

Звѣзда Наполеона сіяла двадцать лѣтъ несравненнымъ блескомъ, чтобы закатиться за океаномъ въ ореолѣ безсмертной славы. Керенскій же оказался только ракетой, которая, прорѣзавъ небо, какъ молнія, распускается въ тысячахъ искръ и.. потухшая, шлепается въ грязь.

Эта блѣдная, одутловатая, нервно подергивающаяся маска Петрушки — лицо сквернаго провинціальнаго актера. Впрочемъ, въ Керенскомъ все отъ актера: и жажда низкихъ удовольствій, кутежей за чужой счетъ, и болѣзненное самолюбіе, и страсть къ мишурѣ, къ позѣ, къ звонкой, но пустой фразѣ, и ко лжи. Ибо Керенскій органическій, стопроцентный лжецъ и хвастунъ. Онъ лжетъ друзьямъ и врагамъ, онъ лжетъ народу, солдатамъ, генераламъ, Царю, самому себѣ. Онъ лжетъ съ опьяненіемъ, съ восторгомъ, съ болѣзненной хитростью истеричной женщины.

Въ возмущенномъ письмѣ, опубликованномъ въ одномъ французскомъ журналѣ, въ которомъ появлялись статьи автора этихъ строкъ, Керенскій заявляетъ, что нелестныя мнѣнія о его дѣятельности высказывались только крайними реакціонерами. Это еще одна лишняя неправда въ тяжеломъ пассивѣ Керенскаго. Въ дѣйствительности, презрѣніе къ нему испытывали и открыто выражали прежде всего тѣ, безъ различія политическаго оттѣнка, кто его хорошо знали.

В. Д. Набоковъ, работавшій съ нимъ почти ежедневно въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ революціи и принадлежавшій самъ къ революціонному лагерю, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о Керенскомъ не иначе, какъ съ гримасой гадливости. Это «случайный, маленькій человѣкъ», душа котораго съ первыхъ же дней была «ушиблена» той ролью, которую исторія ему навязала и въ которой ему суждено было такъ безславно и безслѣдно провалиться, говоритъ о немъ Набоковъ.

Въ Керенскомъ Набоковъ видитъ «актерство, любовь къ позѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всякой пышности и помпѣ»; на московскомъ совѣщанiи онъ «произвелъ удручающее и отталкивающее впечатлѣнiе; то, что онъ говорилъ, не было спокойной и вообще рѣчью государственнаго человѣка, а сплошнымъ истерическимъ воплемъ психопата, обуяннаго манiей величiя».

Таковъ былъ, по отзыву его друзей, человѣкъ властвующiй въ Россiи, и правъ Набоковъ, говоря, что «если этотъ человѣкъ былъ дѣйствительно героемъ первыхъ мѣсяцевъ революцiи, то этимъ самымъ произнесенъ достаточно вѣскiй приговоръ этой революцiи»[1]).

Но, пока что, Керенскiй доволенъ. Вѣдь онъ министръ и фактическiй глава Правительства, ибо съ этой тряпкой кн. Львовымъ считаться нечего. Онъ поѣдетъ посмотрѣть на тирана въ Его Дворцѣ-тюрьмѣ. Онъ броситъ Ему въ лицо свое революцiонное негодованiе. Онъ увидитъ униженнаго и приникшаго передъ нимъ бывшаго Самодержца Всероссiйскаго. Какая незабываемая минута торжества ему предстоитъ! Онъ уже заранѣе чувствуетъ себя и гордымъ, и счастливымъ, и взволнованнымъ.

Вотъ онъ въ Царскомъ Селѣ. Приказываетъ доложить о себѣ заключеннымъ и, съ гордо поднятой головой, съ вызывающимъ взглядомъ, входитъ въ Царскiе покои. Что же онъ видитъ? Въ одной изъ дѣтскихъ комнатъ собралась Семья; отсутствуютъ только двѣ младшiя Великiя Княжны, еще больныя корью. Офицеръ, въ полковничьихъ погонахъ, подходитъ къ Керенскому и останавливаетъ на немъ взглядъ Своихъ сѣрыхъ, лучистыхъ глазъ. Это Государь. Въ концѣ комнаты сидитъ Императрица, гордая, недоступная, окруженная двумя прекрасными молодыми дѣвушками и больнымъ мальчикомъ. Суровый революцiонеръ останавливается въ замѣшательствѣ.

«Министръ юстицiи Керенскiй», отчеканиваетъ онъ, кланяясь. Государь протягиваетъ ему руку и представляетъ Императрицѣ, которая молча отвѣчаетъ кивкомъ головы.

Куда дѣвалось все краснорѣчiе народнаго трибуна? Онъ краснѣетъ, бормочетъ, хочетъ сказать: «господинъ полковникъ», а языкъ произноситъ: «Ваше Величество». Потомъ онъ сообщаетъ, что англiйскiй король справлялся о здоровьи Монар-

---

[1]) В. Д. Набоковъ. Временное Правительство. Арх. Русск. Рев. т. I. стр. 35 и 36.

ховъ и, наконецъ, заявляетъ съ гордостью, что онъ, Керенскій, только что отмѣнилъ смертную казнь. И онъ тайно любуется своимъ благородствомъ. Воцаряется тягостное молчаніе... Керенскій дѣлаетъ еще усиліе; онъ спрашиваетъ, нѣтъ ли у заключенныхъ какихъ-либо желаній. Нѣтъ, Они ничего не желаютъ.

И Государь, замѣчая растерянность Керенскаго, обращается къ нему съ Своей обычной милостивой добротой, чтобы помочь ему придти въ себя. Онъ затрагиваетъ вопросъ о войнѣ. Разговоръ понемногу завязывается.

И вечеромъ, вернувшись въ министерство, гдѣ онъ занимаетъ нѣсколько комнатъ, Керенскій проситъ доложить о себѣ О. Д. Добровольской, супругѣ послѣдняго министра юстиціи, котораго Керенскій отправилъ въ Петропавловскую крѣпость, разрѣшивъ, однако, его женѣ оставаться въ министерской квартирѣ.

Тотчасъ же принятый, онъ съ возбужденіемъ, въ страстномъ, почти истерическомъ, тонѣ, начинаетъ разсказывать О. Д. Добровольской о своихъ впечатлѣніяхъ, о томъ, что ему, при встрѣчѣ съ Государемъ, съ первыхъ же словъ разговора съ Нимъ стало яснымъ, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, духовно неизмѣримо выше его стоящимъ, что Государь безгранично преданъ Родинѣ и готовъ отдать за нее Свою жизнь и что, наконецъ, Онъ не только не тотъ ограниченный и необразованный человѣкъ, котораго онъ думалъ видѣть, а что, наоборотъ, Государь поразилъ его своей разносторонней образованностью, умомъ, огромной памятью и при этомъ и неотразимой обаятельностью. «Какъ жаль», восклицаетъ Керенскій, «что Государь былъ такъ мало популяренъ и такъ не понятъ.. Вѣдь намъ Его рисовали совершенно инымъ» [1]).

Былъ ли Керенскій искреннимъ въ эту минуту? Обманывалъ ли онъ О. Д. Добровольскую, обманывалъ ли онъ самого себя, находился ли онъ еще подъ впечатлѣніемъ обаятельности Царя?

---

[1]) Этотъ разговоръ съ Керенскимъ разсказанъ О. Д. Добровольской въ статьѣ: «Изъ воспоминаній о первыхъ дняхъ революціи» (Русская Лѣтопись, кн. III, стр. 188—192). Пріемъ Керенскаго Государемъ изложенъ по показаніямъ Керенскаго и другихъ лицъ (Sokoloff. Enquête Judiciaire, стр. 38, 39, 40), съ тѣми измѣненіями, которыя согласуются съ разсказомъ О. Д. Добровольской.

Но въ этотъ же самый день, послѣ свиданія съ Государемъ, Керенскій проявляетъ невѣроятное хамство. Какъ сказано было выше, больная А. А. Вырубова лежала въ эти дни во Дворцѣ, гдѣ Императрица и Великая Княжна Марія Николаевна нѣжно за ней ухаживали. Завистливая петербургская аристократія чернила всячески это преданное существо, приписывая ей несуществующее въ дѣйствительности вліяніе, связывая ея имя съ именемъ Распутина. Слухи эти, какъ и другіе подобные же, исходящіе изъ петербургскихъ гостиныхъ, проникли постепенно и въ низшіе слои населенія, отравляя умы и озлобляя сердца. Такимъ образомъ, присутствіе г-жи Вырубовой во Дворцѣ въ первые же дни революціи пугало лицъ Царскаго окруженія, которыя и пытались убѣдить Императрицу разстаться со Своей подругой. На осторожный намекъ объ этомъ Государыня, въ негодованіи и горѣ, разрыдалась, сказавъ: «Вы хотите, чтобы я больную Анну Александровну выгнала изъ Дворца? Никогда я этого не сдѣлаю. Повѣрьте, я во многомъ болѣе русская, чѣмъ вы, но въ одномъ я не русская: я не отказываюсь отъ своихъ друзей въ несчастіи»[1]).

А. А. Вырубова осталась во Дворцѣ до пріѣзда Керенскаго. Чѣмъ она провинилась передъ Отечествомъ, закономъ или даже Временнымъ Правительствомъ? Рѣшительно ничѣмъ, но Керенскій, обуреваемый воспоминаніями «великой» французской революціи, рѣшаетъ обратить Вырубову во вторую принцессу Ламбаль: она будетъ брошена черни, какъ искупительная жертва.

Въ этотъ день, около часу пополудни, къ А. А. Вырубовой прибѣжалъ человѣкъ съ запиской отъ Императрицы: «Керенскій обходитъ наши комнаты, съ нами Богъ». Вслѣдъ затѣмъ явился и самъ всевластный министръ, крикнувъ, чтобы больная собралась ѣхать сейчасъ же съ нимъ въ Петроградъ. Быстро одѣвшись съ помощью фельдшерицы, А. А. Вырубова слезно просила коменданта Коровиченко разрѣшить ей проститься съ Императрицей. Разрѣшеніе было дано. «Я старалась ничего не замѣчать и не слыхать», разсказываетъ А. А., «а все вниманіе устремила на мою возлюбленную Императрицу, которую везъ камердинеръ Волковъ въ креслѣ. Ее сопровождала Татьяна

---

[1]) Этотъ эпизодъ разсказанъ гр. П. Н. Апраксинымъ по имѣющемуся у него дневнику.

Николаевна. Я издали увидѣла, что Императрица и Татьяна Николаевна обливаются слезами; рыдалъ и добрый Волковъ. Одно длинное объятіе, мы успѣли помѣняться кольцами, и Татьяна Николаевна взяла мое обручальное кольцо. Императрица, сквозь рыданія, сказала, указывая на небо: «Тамъ и въ Богѣ мы всегда вмѣстѣ». Я почти не помню, какъ меня отъ Нея оторвали. Волковъ все повторялъ: «Анна Александровна, никто, какъ Богъ». Посмотрѣвъ на лица нашихъ палачей, я увидѣла, что они въ слезахъ».

А. А. Вырубову и Ю. А. Денъ увезли, съ вооруженной стражей, на вокзалъ, откуда самъ Керенскій, въ своемъ поѣздѣ, доставилъ ихъ въ Петроградъ, въ министерство юстиціи. Потомъ потянулись для несчастной А. А. Вырубовой тяжелые, кошмарные дни заключенія въ крѣпости, среди неслыханныхъ оскорбленій, издѣвательствъ, угрозъ и побоевъ [1]). Таково было понятіе о правѣ у новаго министра юстиціи.

Между тѣмъ и во Дворцѣ грубость стражи продолжала расти. «Сознательные» офицеры и солдатня, чувствуя тайную поддержку свыше, состязались въ революціонномъ рвеніи.

Однажды нѣкій Яремичъ, также называвшій себя офицеромъ, отказался взять руку, которую, здороваясь, протянулъ ему Государь. Взволнованный, Царь положилъ ему обѣ руки на плечи и, смотря ему прямо въ глаза, спросилъ: «Почему вы такъ поступили?» И хамъ, отойдя на шагъ, гордо отвѣтилъ: «Я вышелъ изъ народа; когда народъ Вамъ протягивалъ руку, Вы ея не взяли, теперь и я не приму Вашей».

Этотъ офицеръ сталъ хвастаться передъ товарищами молодецкимъ своимъ поступкомъ. Онъ нашелъ подражателей; солдаты послѣдовали также примѣру начальства. Во время прогулокъ Царской Семьи въ паркѣ, они Ее сопровождали по пятамъ, грубо обращаясь съ Ней.

Разъ вечеромъ, въ то время, когда вся Семья собралась въ гостиной, занимаясь женскими рукодѣльями подъ чтеніе вслухъ Государя, командиръ стражи приказалъ немедленно о себѣ доложить. Что же произошло? Большевицкій переворотъ, о которомъ всѣ уже говорили? Банда солдатъ ворвалась съ офицеромъ въ комнату. «Мы замѣтили свѣтовые сигналы,

---

[1]) А. А. Танѣева (Вырубова). Страница изъ моей жизни. Русская Лѣтопись, книга IV, стр. 129 и слѣд.

мы должны здѣсь все обыскать». Императрица и Великія Княжны взволновались, но скоро тайна разъяснилась. Анастасія Николаевна, сидя на подоконникѣ, наклонялась по временамъ надъ работой и движеніемъ этимъ заслоняла поочередно свѣтъ отъ двухъ лампъ съ краснымъ и зеленымъ абажурами. На этотъ разъ солдаты ушли смущенные.

Отъ Керенскаго до часового, который кричитъ Царю: «Проходить запрещено, господинъ полковникъ», подымается волна низкаго хамства, грубыхъ вожделѣній, болѣзненнаго карьеризма; она наводняетъ всю Россію, затопляетъ и армію до самыхъ отдаленныхъ окоповъ.

Но всѣ друзья, которымъ Онъ вѣрилъ, всѣ тѣ, которые осаждали Государя завѣреніями въ своей преданности, куда они скрылись? всѣ эти придворные въ расшитыхъ мундирахъ, всѣ эти генералы съ густыми эполетами сбѣжали, какъ крысы съ тонущаго корабля. Осталась лишь горсть вѣрныхъ людей: гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ, князь Долгоруковъ, графиня А. В. Гендрикова, два иностранца, швейцарецъ Жильяръ и англичанинъ Гиббсъ, лектрисса Шнейдеръ, докторъ Боткинъ и прислуга.

Но то, что Царская Чета могла думать объ этомъ бѣгствѣ; горечь, которую Они могли почувствовать; презрѣніе, которое подымалось въ Ихъ сердцахъ — все это останется Ихъ тайной навѣки. Ни одного обвиненія, ни единаго слова осужденія не промолвили Они. Несчастіе, разочарованіе, малодушіе отчаянія — безсильны противъ Нихъ. Во Дворцѣ не должно быть мѣста бездѣлью; Семья работаетъ въ огородѣ, который становится дѣйствительно образцовымъ, много читаетъ, Дѣти учатся. Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ лишенъ своихъ приходящихъ преподавателей. Ихъ замѣняютъ домашними средствами. Государь возьметъ на себя исторію и географію, Императрица — Законъ Божій, докторъ Боткинъ будетъ преподавать русскій языкъ. Разъ утромъ Государь, встрѣтивъ Жильяра, привѣтствуетъ его словами: «Здравствуйте, дорогой коллега». Онъ только что далъ Свой первый урокъ Сыну, и Жильяръ записываетъ у себя: «Всегда то же спокойствіе, та же забота быть ласковымъ съ тѣми, кто раздѣляетъ Его несчастіе. Онъ для насъ примѣръ и нравственная помощь».

Единственный вопросъ, который заставлялъ Государя выходить изъ Своей сдержанности — это война. Съ самаго начала

военныхъ дѣйствій Государь все подчинилъ: и политику, и интересы страны, и личныя чувства, одной цѣли — побѣдѣ. Насколько Онъ, не поддаваясь никакимъ провокаціямъ, до предѣловъ національнаго достоинства, удерживалъ Россію отъ участія въ бойнѣ, настолько потомъ Онъ терпѣливо, послѣдовательно и смѣло добивался изгнанія врага, который попиралъ родную почву.

Россія уже прошла, къ этому времени, самыя тяжкія испытанія первыхъ лѣтъ войны. Февральская измѣна застала ее въ тотъ моментъ, когда армія, пополненная, снабженная продовольствіемъ, обогащенная новымъ и могучимъ военнымъ снаряженіемъ, готовилась къ рѣшительному усилію противъ ослабѣвшаго непріятеля. Но теперь все рушилось. Свѣдѣнія съ фронта поступали отчаянныя. Солдаты отказывались идти въ бой, повиноваться начальству. «Вы же не послушались Царя», говорили они командирамъ, «зачѣмъ же вы хотите, чтобы мы васъ слушались?»

«Разскажи-ка мнѣ, Романъ, откровенно, что говорятъ солдаты насчетъ революціи?» спрашиваетъ генералъ Нечволодовъ своего денщика.

«Такъ что, Ваше Превосходительство, они говорятъ, что господа Царя сбросили, значитъ сами замѣсто Царя будутъ».

«Ну и что же?»

«Ну, товарищи и сказываютъ: почему же однимъ господамъ быть замѣсто Царя? Ежели нѣтъ Царя, зачѣмъ намъ и господа-то? Мы и безъ нихъ обойдемся. Они Царя-то прогнали, мы ихъ прогнать тоже можемъ»[1]).

И армія таетъ; начинается повальное дезертирство, проще говоря — уходъ съ фронта на родину. Поѣзда переполнены сѣрыми шинелями, вокзалы запружены ими, увозятъ все — и амуницію и оружіе. А тѣ, которые остаются, засѣли въ окопахъ, на позиціяхъ, съ которыхъ сдвинуть ихъ уже не по силамъ было командному составу. Въ это же время, въ тылу, солдатня избиваетъ офицеровъ, грабитъ винные погреба, напивается до безчувствія. Кронштадтъ объявляетъ себя самостоятельной республикой; половина офицеровъ перебита, остальные брошены въ тюрьму, гдѣ содержатся въ ужасныхъ условіяхъ. Въ Гельсингфорсѣ лейтенантъ Поливановъ убитъ своими матросами.

---

[1]) A. Netchvolodov. L'Empereur Nicolas II et les Juifs, стр. 33.

Во время панихиды ватага матросовъ врывается въ церковь и, проходя передъ открытымъ гробомъ, каждый изъ нихъ плюетъ въ лицо покойнику. Несчастная вдова, рыдая, вытираетъ платкомъ оскверненное дорогое лицо, умоляя негодяевъ прекратить ужасное издѣвательство. Но, грубо оттолкнувъ ее, они опрокидываютъ гробъ, свѣчи, разбрасываютъ вѣнки и уходятъ, галдя марсельезу...

Государь подавленъ. Однажды Онъ открывается Жильяру: «Говорятъ, что Рузскій подалъ въ отставку. Онъ просилъ, чтобы перешли въ наступленіе. Замѣтьте, что теперь только просятъ, а не приказываютъ. Но солдатскіе комитеты отказали. Если это правда — то всему конецъ. Какой позоръ! Защищаться только, не наступая, это настоящее самоубійство. Мы дадимъ разгромить союзниковъ, а потомъ и наша очередь наступитъ» [1]).

Правительство проявляетъ полную неспособность бороться противъ этой анархіи. Но есть ли вообще какое-нибудь правительство въ Россіи? Есть Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, который распространяетъ свое вліяніе на чернь; имѣется даже дюжина растерянныхъ личностей, собирающихся по временамъ подъ громкимъ названіемъ Временнаго Правительства. Но власти сильной, власти, способной нести отвѣтственность за веденіе войны, за управленіе государствомъ — въ Россіи нѣтъ.

Первые дѣятели революціи, тѣ, кто такъ давно, такъ любовно ее подготавливалъ, кто наслаждался опьяненіемъ популярности, кто мечталъ уже видѣть свои имена начертанными золотыми буквами на скрижаляхъ исторіи Россіи, всѣ эти Гучковы, Милюковы, Родзянки — исчезли подъ улюлюканіе черни.

Князь Львовъ еще цѣпляется за свое предсѣдательское кресло, онъ соглашается на все — и на уходъ однихъ, и на назначеніе другихъ министровъ, которыхъ ему навязываютъ. Въ этомъ пестромъ Правительствѣ всѣ относятся другъ къ другу съ подозрѣніемъ.

Когда новый главнокомандующій Корниловъ докладываетъ въ засѣданіи Правительства о тяжеломъ положеніи фронта, Керенскій передаетъ ему бумажку, на которой генералъ съ удивле-

---

[1]) P. Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille, стр. 192.

ніемъ читаетъ слѣдующія строки: «Будьте осторожны, все, что вы здѣсь скажете, будетъ немедленно передано нѣмцамъ»...

Рѣзня, анархія, предательство, позоръ, грабежъ, трусость — вотъ все, что съ первыхъ же дней дала февральская революція; а между тѣмъ пѣвцы изъ стана радикальной русской интеллигенціи и знати не унимались: «Эта революція единственная въ своемъ родѣ», писалъ князь Евгеній Трубецкой. «Бывали революціи буржуазныя, бывали и пролетарскія, но революціи національной, въ такомъ широкомъ значеніи слова, какъ нынѣшняя, русская, доселѣ не было на свѣтѣ. Всѣ участвовали въ этой революціи, всѣ ее дѣлали — и пролетаріатъ, и войска, и буржуазія, даже дворянство... всѣ вообще живыя силы страны. Только бы это объединеніе сохранилось». [1])

Конечно, радикальный князь клеветалъ на русскій народъ, возлагая на его плечи отвѣтственность за бунтъ и измѣну такъ называемаго «правящаго класса». Февральская революція, какъ мы уже говорили, не имѣла ничего общаго съ народнымъ возстаніемъ. Какъ въ 1789 году, движеніе это было подготовлено интеллигенціей, дворянствомъ, писаками, которые разсчитывали направить его, куда они хотятъ, и совершенно такъ же, какъ энциклопедисты и ихъ послѣдователи, главари русской революціи, провозглашали себя защитниками права и справедливости противъ беззаконія монархическаго режима.

Но прежде чѣмъ измѣна успѣла даже свергнуть старую власть, эти рыцари Права, съ большой буквы, немедленно учредили первую чеку, которую большевикамъ осталось лишь нѣсколько «усовершенствовать», не мѣняя даже ея названія, чтобы подавить страну подъ гнетомъ ужасающаго террора.

Государь не подписалъ еще манифеста объ отреченіи, какъ Керенскій готовилъ Ему уже и судей и палача; 2 марта, въ самый день отреченія, новый министръ юстиціи собралъ нѣсколькихъ политическихъ дѣятелей и нѣсколькихъ чиновъ судебнаго вѣдомства, которые и получили отъ него приказаніе подготовить грандіозное «дѣло» противъ Царя и высшихъ должностныхъ лицъ стараго режима.

Руководство этой Чрезвычайной комиссіей было, разумѣется, поручено одному изъ личныхъ друзей Керенскаго, соціалисту-революціонеру Муравьеву, адвокату съ подозрительной

[1]) Ген. А. И. Деникинъ. Очерки Русской Смуты, т. I, в. I, стр. 47.

репутацiей, взявшему на себя защиту, во время войны, интересовъ нѣмецкихъ фирмъ въ Россiи. На это именно обстоятельство и сдѣлалъ весьма ядовитый намекъ бывшiй министръ юстицiи Хвостовъ, на допросѣ въ Чрезвычайной комиссiи. Когда коснулись вопроса о подготовкѣ Правительства къ выборамъ въ пятую Государственную Думу, Муравьевъ спросилъ: «Извѣстно ли вамъ, что послѣднiе выборы въ Германiи прошли безъ всякаго вмѣшательства со стороны Правительства и увеличили значительно число соцiалъ-демократическихъ депутатовъ?» На это Хвостовъ съ улыбкой отвѣтилъ: «Вамъ, конечно, лучше извѣстно, что было въ Германiи; давать же побѣду соцiалъ-демократiи не входило въ мои разсчеты, да врядъ ли это и полезно для государства».

Если заключенные, по крайней мѣрѣ почти всѣ, держали себя съ большимъ достоинствомъ, то нельзя сказать того же про «дѣятелей» новаго режима, вызванныхъ въ качествѣ свидѣтелей. Такъ, напримѣръ, поведенiе на допросѣ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко произвело тяжелое впечатлѣнiе; этотъ камергеръ все время поддѣлывался подъ тонъ Муравьева, кичился своей революцiонностью и старался смѣшить соцiалиста Муравьева разными шуточками и прибауточками про сановниковъ стараго режима [1]).

Какое представленiе было у этого диковиннаго предсѣдателя о возложенной на него миссiи? Слѣдующiй фактъ, среди десятковъ другихъ, его рисуетъ всего: только что было закончено слѣдствiе противъ бывшаго военнаго министра, генерала Бѣляева; не найдя въ дѣлѣ никакого матерiала для привлеченiя Бѣляева, докладчикъ предлагалъ его освободить. Услышавъ столь чудовищную вещь, Муравьевъ привскочилъ: «Какъ, освободить!» возопилъ онъ, «да будь Бѣляевъ десять разъ невиновнымъ, мы должны его сгноить въ тюрьмѣ, чтобы дать удовлетворенiе справедливому народному гнѣву».

Нѣтъ сомнѣнiя, что при подобномъ предсѣдателѣ и его бандѣ ни одна изъ жертвъ, заключенныхъ въ казематахъ крѣпости, не вышла бы оттуда живой. Къ счастiю, среди чиновъ судебнаго вѣдомства, назначенныхъ въ эту комиссiю, оказалось нѣсколько честныхъ людей, выполнявшихъ свой долгъ, хотя

[1]) А. Ф. Романовъ. Императоръ Николай II и Его Правительство. По даннымъ Чрезвычайной слѣдственной комиссiи. Русская Лѣтопись, кн. II, стр. 30.

и весьма робко, и которымъ удалось помѣшать комиссіи обратиться въ бойню. Однако, если повтореніе сентябрьскихъ погромовъ французской революціи и было предотвращено, то несчастные, сидѣвшіе въ крѣпости, все же жили подъ постоянной угрозой смерти.

Узникамъ выдавалась жалкая пища, нерѣдко полугнилая, и въ которую стража, для забавы, плевала или бросала толченое стекло [1]). Всѣ арестованные, не исключая женщинъ и стариковъ, подвергались грубымъ издѣвательствамъ стражи и революціонныхъ офицеровъ. А. А. Вырубова, другъ Императрицы, была заключена по личному распоряженію Керенскаго. Больная, калѣка, она съ каждымъ днемъ становилась слабѣе; тюремный врачъ, нѣкій Серебрянниковъ, толстый, жирный, грубый, приходилъ почти ежедневно къ ней, въ сопровожденіи солдатни. Этотъ негодяй осыпалъ А. А. Вырубову неприличной бранью, задавая циничные вопросы объ «оргіяхъ съ Николаемъ и Алисой», и когда больная жаловалась на страданія, то русскій врачъ «интеллигентъ» билъ ее по щекамъ. Даже ночью жертвы революціоннаго произвола обнаглѣвшихъ побѣдителей не имѣли покоя и отдыха. Въ камеры, во всякое время, врывались пьяные солдаты, и однажды ночью А. А. Вырубова, бросившись на колѣни и сжимая икону Богородицы, едва умолила ихъ пощадить ея честь. Другой разъ надзирательница прибѣжала предупредить заключенныхъ, что стража постановила всѣхъ ихъ немедленно перебить. «Мною овладѣлъ ужасъ», разсказываетъ А. А. Вырубова, «и я стала придумывать, какъ бы не попасть имъ въ руки, вспомнила, что можно сразу умереть, воткнувъ тонкую иголку въ мозжечекъ... Благодарю Бога, что Онъ спасъ меня отъ малодушія; на этотъ разъ солдаты успокоились».

Но, какъ повсюду съ начала революціи, соціалистическая «интеллигенція», офицеры, назначенные Керенскимъ, значительно превзошли въ гнусности обнаглѣвшую солдатню. Комендантъ крѣпости Чкони, нѣкій Новицкій и прочіе товарищи цѣлыми днями пьянствовали и играли въ карты на деньги, отобранныя у заключенныхъ и хранящіяся въ канцеляріи.

Когда деньги всѣ прокучивались, эти представители новаго «свободнаго» строя, вымогали ихъ у родственниковъ заключен-

---

[1]) А. А. Вырубова. Страницы изъ моей жизни. Русская Лѣтопись, кн IV, стр. 134.

ныхъ, угрожая убить послѣднихъ, или обѣщая ихъ скорѣе выпустить.

Вотъ этой-то комиссіи, настоящему прообразу чеки, и было довѣрено порученіе найти противъ Монарховъ улики, достаточныя, чтобы оправдать Ихъ казнь.

Но съ первыхъ же дней выяснилась полная невозможность разыграть ту кровавую трагедію, о которой мечталъ Керенскій. Революція сама себя провозгласила «безкровной», иностранныя газеты воспѣвали мягкость торжествующаго русскаго народа, да, наконецъ, и иностранные послы, находящіеся въ Петроградѣ, слишкомъ недавно еще почтительно гнули спины передъ Монархомъ, котораго собирались судить. При такихъ условіяхъ, смертный приговоръ, эшафотъ на площади Зимняго дворца, барабанный бой, палачъ — все это становилось уже несвоевременнымъ. Но, за невозможностью публичной казни, позорящее обвиненіе Царской Семьи и ссылка Ея въ Сибирь могли, въ нѣкоторой степени, оправдать революцію.

Для этой цѣли Правительство занялось собираніемъ всѣхъ обвиненій, всѣхъ уликъ, до салонныхъ сплетенъ включительно, которыя циркулировали въ отношеніи Царской Семьи. Если злословіе обходило Государя, то оно особенно поражало Императрицу, приписывая Ей самыя фантастическія преступленія: Она сносилась съ императоромъ Вильгельмомъ по прямому проводу; Она отмѣчала на особой картѣ движенія русскихъ и германскихъ армій; Она была слишкомъ добра къ нѣмецкимъ военноплѣннымъ и проливала слезы при видѣ раненыхъ нѣмцевъ; наконецъ, Она запретила обыскивать нѣмецкихъ сестеръ милосердія, пріѣхавшихъ въ Россію для осмотра концентраціонныхъ лагерей. Вооружившись этими уликами, комиссія приступила къ дѣйствіямъ. Но тщетно обыскала она Царскосельскій дворецъ, въ надеждѣ найти «прямой проводъ съ Потсдамомъ»; въ бумагахъ Царской Семьи, предоставленныхъ комиссіи Государемъ, отыскалась преступная карта, но, къ великому разочарованію слѣдователей, отмѣченныя на ней мѣста, оказались городами, въ которыхъ Императрица учредила лазареты. Доброта Ея проявлялась не къ нѣмецкимъ, а къ русскимъ раненымъ, за которыми Она ухаживала съ самоотверженной заботливостью. Что же касается обыскиванія сестеръ, то эта мѣра была отмѣнена, какъ ненужная и оскорбительная, въ отношеніи какъ нѣмецкихъ, такъ и рус-

скихъ сестеръ, по взаимному соглашенію русскаго и германскаго краснаго креста.

И по мѣрѣ того, какъ подвигалось слѣдствіе, по мѣрѣ того, какъ проходили передъ глазами судей письма Монарховъ и трогательныя посланія къ Нимъ простыхъ людей; по мѣрѣ того, какъ раскрывались все новые и новые случаи безконечной доброты Государя и Императрицы, которые Они держали въ строгой тайнѣ; по мѣрѣ того, какъ выявлялись Ихъ глубокій патріотизмъ, Ихъ любовь къ народу, Ихъ чувство долга, Ихъ скромность, Ихъ безкорыстіе, Ихъ вѣра, Ихъ привязанность къ Дѣтямъ, — происходило глубокое измѣненіе въ чувствѣ самыхъ честныхъ изъ этихъ добровольныхъ слѣдователей.

«Не скрою», пишетъ А. Ф. Романовъ, «что, входя въ составъ Слѣдственной комиссіи, я самъ находился подъ вліяніемъ слуховъ, захватившихъ всѣхъ, и былъ предубѣжденъ противъ личности Государя. Утверждаю, однако, что не я одинъ, на основаніи изученія матеріаловъ, пришелъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Еврей, соціалистъ-революціонеръ, присяжный повѣренный, которому было поручено Муравьевымъ обслѣдовать дѣятельность Царя, послѣ нѣсколькихъ недѣль работы, съ недоумѣніемъ и тревогой въ голосѣ сказалъ мнѣ: «что мнѣ дѣлать, я начинаю любить Царя»[1]).

Не будемъ говорить о томъ, въ какомъ свѣтѣ это чистосердечное признаніе Романова рисуетъ русское судебное вѣдомство; прокуроръ судебной палаты признаетъ, что онъ «находился подъ вліяніемъ слуховъ» противъ своего Монарха, и что только на основаніи изученія матеріаловъ онъ сошелся, наконецъ, во взглядахъ на Государя съ «евреемъ, соціалистомъ-революціонеромъ». И этотъ «блюститель закона» все же еще счастливое исключеніе въ судебномъ вѣдомствѣ; другіе поступили хуже.

Еврей присяжный повѣренный ужасался, что онъ начинаетъ любить Государя; но чувство это мы встрѣчаемъ во время всѣхъ долгихъ мѣсяцевъ тяжелой трагедіи Царской Семьи. Повсюду близость Государя, Его очарованіе, дѣйствуетъ на самыхъ заклятыхъ Его враговъ: Керенскій склоняетъ голову и становится почти вѣжливымъ; стража постепенно смягчается и проникается

---

[1]) А. Ф. Романовъ. Русская Лѣтопись кн. II, стр. 16.

уваженіемъ къ Царю. Даже большевицкій разбойничій сбродъ начинаетъ чувствовать нѣчто похожее на раскаяніе.

Но Керенскій еще до этого не дошелъ. Ему угрызенія совѣсти незнакомы. Для него пока ясно лишь одно: приходится отказаться отъ надежды инсценировать большой, громкій, блестящій процессъ; нужно даже скрыть заключеніе Чрезвычайной комиссіи, такъ какъ оно могло бы произвести на общественное мнѣніе впечатлѣніе благопріятное для Монарховъ.

И только много лѣтъ позже, въ то время когда, выброшенные изъ своего Отечества тѣми самыми разбойниками, которыхъ они въ него пустили, жалкій глава Временнаго Правительства князь Львовъ и его министръ Керенскій, будутъ влачить на чужбинѣ бѣженское существованіе, только тогда рѣшатся они признаться въ скрывавшейся ими истинѣ: «Одинъ изъ главныхъ вопросовъ, которые смущали общественное мнѣніе», заявилъ князь Львовъ, «было убѣжденіе въ томъ, что Государь, подъ вліяніемъ Своей Супруги, нѣмки по происхожденію, былъ готовъ подписать сепаратный миръ и предпринималъ даже нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи. Вопросъ этотъ былъ выясненъ. Керенскій въ своихъ докладахъ Временному Правительству, категорически и съ полнымъ убѣжденіемъ утверждалъ, что невиновность Государя и Императрицы была вполнѣ точно установлѐна»[1]).

Что сдѣлало Правительство послѣ этого заявленія министра юстиціи? Приказало ли оно освободить заключенныхъ, признанныхъ невинными? Нѣтъ, оно Ихъ сослало въ Сибирь.

Что поражаетъ въ этой революціи, поднятой во имя «великихъ» принциповъ права и справедливости, это глубокое презрѣніе носителей новой власти къ этимъ самымъ принципамъ. Власть эта говорила отъ лица народа, а между тѣмъ она упразднила народное представительство и за семь мѣсяцевъ не удосужилась созвать Учредительное Собраніе; она заявляла себя защитницей права отъ произвола, но все ея управленіе было сплошнымъ произволомъ и местью по отношенію къ побѣжденнымъ; она поднимала свой голосъ за военную честь Россіи, предаваемую, будто бы, старымъ режимомъ, и съ первыхъ же дней, захвативъ власть съ помощью нѣмецкихъ денегъ, она начала подготавливать измѣну союзникамъ и сепаратный миръ съ Гер-

---

[1]) N. Sokoloff. Enquête Judiciaire, стр. 105.

маніей. Въ эти позорные дни господства матерой радикальной русской интеллигенціи Россія страдала не только отъ анархіи, отъ голода, отъ поголовнаго разоренія, она страдала, какъ никогда еще, отъ самаго страшнаго, наглаго беззаконія, отъ ежечаснаго, сплошного, повсемѣстнаго попиранія элементарнѣйшихъ, священнѣйшихъ правъ, безъ которыхъ не можетъ существовать даже самое дикое государство.

И ни въ чемъ, быть можетъ, не сказался такъ ярко, такъ выпукло, ничѣмъ не прикрытый произволъ новой власти, какъ во всѣхъ мѣрахъ, предпринятыхъ ею въ отношеніи Царской Семьи.

Юристы и государствовѣды, профессора и адвокаты, сидящіе во Временномъ Правительствѣ, прекрасно знали, что Государь, безотвѣтственный по закону, не могъ быть ни лишенъ свободы, ни судимъ; они знали, что такое постановленіе, если бы даже оно и могло состояться, а тѣмъ болѣе ссылка въ Сибирь, было бы, во всякомъ случаѣ, дѣломъ правосудія, а не Правительства; они знали, что Монархамъ не было предъявлено никакого обвиненія, что Имъ, слѣдовательно, не была дана возможность защищаться; они знали, наконецъ, что Слѣдственная комиссія признала полную невиновность заключенныхъ, и что дальнѣйшее лишеніе свободы, при такихъ условіяхъ, являлось грубымъ нарушеніемъ основъ правосудія.

И тѣмъ не менѣе Правительство задерживаетъ Царя и Императрицу, лишаетъ Ихъ свободы и, наконецъ, ссылаетъ Ихъ въ Сибирь на вѣрную смерть. Все это дѣлается тайно, трусливо, по-предательски. Государя обманываютъ и завлекаютъ въ ловушку, постановленія Слѣдственной комиссіи скрываются, рѣшеніе о ссылкѣ Царской Семьи принимается конспиративно, тайно даже отъ нѣкоторыхъ членовъ Правительства [1]); никакого постановленія по этому вопросу не выносится, никакого журнала засѣданія не составляется [2]).

Исторія знаетъ и другіе примѣры революцій, свергшихъ монарховъ, знаетъ примѣры и лишенія ихъ свободы и преступной ихъ казни. Но примѣра такого позорнаго, какой явила «безкровная» русская революція, исторія не знаетъ. Карлъ I

[1]) В. Д. Набоковъ. Временное Правительство. Арх. Русск. Рев., т. I, стр. 32.

[2]) N. Sokoloff. Enquête Judiciaire, показаніе Милюкова, стр. 25; показаніе Керенскаго, стр. 48. Воспом. полк. Артабалевскаго (см. прил. стр. 378).

сложилъ свою голову на плахѣ, но его судилъ парламентъ; Людовикъ XVI погибъ на гильотинѣ, но его судилъ конвентъ, который далъ ему и защитниковъ. А въ наши дни ни одна революція, ни въ Португаліи, ни въ Греціи, ни въ Испаніи, ни въ Турціи не покусилась ни на жизнь, ни на свободу, ни даже на личное имущество свергнутыхъ ими монарховъ. Только передовая, культурная русская революціонная интеллигенція обошлась съ Царемъ, какъ разбойники съ богатымъ прохожимъ: схватили, связали, ограбили и убили. А народъ «Богоносецъ» спокойно далъ свершиться этому ужасающему злодѣянію надъ Помазанникомъ Божіимъ.

Допрошенные впослѣдствіи Н. А. Соколовымъ, виновники этого гнуснаго преступленія пытались лепетать жалкія и лживыя слова оправданія. Какъ могло Правительство сослать невинныхъ? «Въ заботѣ объ ихъ безопасности», отвѣчаетъ Керенскій, «Царскосельскій гарнизонъ былъ недостаточно надеженъ». Глава Правительства, князь Львовъ, подтверждаетъ также эту ложь: «Правительство рѣшило сослать Царскую Семью въ Ея же интересахъ». Но почему же выбрали далекую и непривѣтливую Сибирь? Вѣдь спасти заключенныхъ отъ возможныхъ насилій солдатни можно было и отправкой Ихъ въ Крымъ, гдѣ находилась уже Вдовствующая Императрица и нѣкоторые Великіе Князья и Княгини, или же въ Англію, какъ предварительно предполагалось?

На этотъ трудный вопросъ Керенскій кратко отвѣчаетъ, что отправить Царскую Семью въ Крымъ нельзя было, такъ какъ это могло вызвать недоразумѣнія. Какія «недоразумѣнія», б. министръ юстиціи не поясняетъ. Но фактъ на лицо: всѣ Члены Императорской фамиліи, бывшіе въ это время въ Крыму, были спасены.

Мы говорили выше о тѣхъ позорныхъ, дышащихъ лицемѣріемъ и обманомъ, переговорахъ, которые Временное Правительство вело съ правительствомъ Его Величества короля Георга V относительно отъѣзда Царя въ Англію. Эта недостойная для обѣихъ сторонъ комедія сводилась къ тому, чтобы удержать Государя въ Россіи, въ положеніи преступника.

И, такимъ образомъ, истинной причиной ссылки Царской Семьи, той причиной, въ которой ни князь Львовъ, ни Керенскій не хотятъ признаться, было желаніе Правительства этимъ актомъ, хотя бы беззаконнымъ, произвести на народное воображеніе впе-

чатлѣніе наказанія виновника. Сибирь... туда ссылаютъ только преступниковъ, слѣдовательно, если Правительство перевозитъ въ Сибирь Государя, то вѣрно Онъ этого заслужилъ. Но главари революціи не знали русской народной души, они ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ.

Въ глазахъ простыхъ людей, стомилліоннаго русскаго крестьянства, Царь несказанно возвеличился именно тѣми испытаніями и несправедливостями, которыя Онъ вынесъ; четыре мѣсяца спустя, люди, совершившіе этотъ актъ низкой мести, захлебывались сами въ грязи, подъ тяжестью общей ненависти и презрѣнія.

Но кромѣ отъѣзда за границу или въ Крымъ существовало еще другое разрѣшеніе вопроса о спасеніи Царской Семьи, если бы Правительство дѣйствительно этого желало; стоило только способствовать Ихъ тайному отъѣзду, или, по крайней мѣрѣ, закрыть на него глаза, и тогда судьба Монарховъ переходила въ руки Ихъ сторонниковъ. Удалось ли бы Ихъ спасеніе или нѣтъ, Правительство не понесло бы за это никакой отвѣтственности передъ Совѣтами, но отвѣтственность его за пролитую въ Екатеринбургѣ невинную кровь значительно облегчилась бы передъ судомъ исторіи.

Налетъ на Царскосельскій дворецъ, находящійся въ получасѣ ѣзды отъ столицы, представлялъ, быть можетъ, нѣкоторыя затрудненія. Но въ Тобольскѣ? Что могло бы быть легче — увезти освобожденныхъ Узниковъ изъ этого города, окруженнаго тайгой и отрѣзаннаго тремястами верстъ отъ ближайшаго желѣзнодорожнаго пути? Но, быть можетъ, тайное желаніе Керенскаго и было согласовать справедливость съ чувствомъ страха передъ Совѣтами, сочувствіе къ сверженному Монарху съ революціонными принципами... закрыть глаза?

Хотѣлось бы, для чести человѣчества, думать, что дѣйствительно таковы были чувства Керенскаго. Но у насъ даже и эта иллюзія не можетъ оставаться; то, что происходило тогда на днѣ этой грязной души, мы знаемъ теперь по дѣлу Маргариты Хитрово, о которомъ будетъ разсказано дальше. Дѣло это свидѣтельствуетъ объ ужасѣ, въ который впалъ Керенскій, когда онъ узналъ о попыткѣ спасенія Царской Семьи, попыткѣ, въ которой участвовала эта доблестная и преданная Монархамъ дѣвушка. Нѣтъ, Керенскій, несмотря на всѣ увѣренія, которыя онъ впослѣдствіи расточалъ, нисколько не хотѣлъ

выпустить изъ когтей своихъ жертвъ. И всѣ эти переговоры съ Англіей, обѣщанія Милюкова Бьюкенену, опасенія за судьбу Царственныхъ Узниковъ, дружескія посѣщенія Керенскимъ Царскаго Села — все это было лишь недостойной комедіей, ложью преступника, который готовитъ себѣ оправданія, прежде чѣмъ совершить свое темное дѣло.

Керенскій сообщилъ Государю о предстоящемъ отъѣздѣ изъ Царскаго Села, но, съ обычнымъ своимъ вѣроломствомъ, скрылъ отъ Него мѣсто ссылки. Царская Семья надѣялась, что Ее повезутъ въ Крымъ, какъ объ этомъ шла рѣчь. 13 августа, въ день, назначенный для отъѣзда, Дѣти прощаются съ Дворцомъ, съ паркомъ, въ которомъ каждый закоулокъ Имъ такъ давно и такъ близко знакомъ; золотые, солнечные, счастливые дни протекли здѣсь; потомъ пришли темные часы скорби и слезъ. И все же сердце лежитъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы любили, гдѣ мы страдали, гдѣ мы жили. И, со слезами, Дѣти обходятъ аллеи, островокъ, огородъ, на которомъ Они такъ ревностно работали.

Вечеромъ появляется Керенскій. Его сопровождаетъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Большая радость для Государя, послѣдняя, быть можетъ, Его радость въ жизни, обнять передъ разлукой Своего слабаго, нерѣшительнаго, но все же добраго и преданнаго Брата.

Отъѣздъ назначенъ въ полночь; всѣ собираются въ полуциркульномъ залѣ, заваленномъ багажемъ. Минуты и часы проходятъ въ томительномъ ожиданіи. Что же случилось? Переговоры ли съ Совѣтомъ затянулись или же это просто желаніе подвергнуть Плѣнниковъ новому издѣвательству? Наконецъ, около пяти часовъ утра, пріѣзжаютъ автомобили и конная стража драгунъ.

Царскую Семью и свиту изъ сорока шести человѣкъ везутъ на вокзалъ, гдѣ ждутъ два поѣзда. Царской Семьѣ предоставленъ обыкновенный вагонъ международнаго общества. Правда, у бывшаго русскаго Царя есть Свой собственный поѣздъ, но онъ сейчасъ занятъ революціоннымъ министромъ Керенскимъ.

Поѣзда тщательно охраняются революціонной стражей; ѣдетъ комендантъ Кобылинскій, ѣдутъ три взвода стрѣлковаго полка, ѣдутъ даже три комиссара отъ Временнаго Правительства: Вершининъ, Макаровъ и вольноопредѣляющійся Ефимовъ, другъ Керенскаго.

1 августа въ 6 часовъ 10 минутъ утра поѣзда трогаются. Станціонныя зданія, семафоры, медленно плывутъ передъ глазами пассажировъ; проходятъ купы деревьевъ, обвѣянныя еще утреннимъ туманомъ; церковный куполъ блеснулъ на мгновеніе . . . пейзажъ бѣжитъ все скорѣе, сбивая контуры; поля и луга слѣдуютъ за садами.

Царское Село, это маленькое отечество Русской Династіи, скрылось уже за горизонтомъ. И летящій на всѣхъ парахъ поѣздъ увозитъ въ ссылку послѣдняго Царя.

3. Тобольскъ.

Тобольскъ, одинъ изъ рѣдкихъ русскихъ губернскихъ городовъ, обреченныхъ, по уединенности своего положенія, на прозябаніе внѣ теченія событій. Отъ весны до осени можно достигнуть Тобольска, сѣвъ на пароходъ въ Тюмени, ближайшей желѣзнодорожной станціи, все же расположенной въ 300 верстахъ отъ Тобольска. Когда пароходъ огибаетъ послѣдній поворотъ Тобола, весь городъ сразу выростаетъ передъ глазами пассажировъ, какъ видѣніе старой русской сказки; на крутомъ холмѣ рисуются на голубомъ небесномъ фонѣ золоченые и пестрые церковные купола; вокругъ ершится кремлевская стѣна съ бойницами, а внизъ къ рѣкѣ спускаются дома, большею частью деревянные.

Но съ ноября по май, Тоболъ скованъ льдомъ, и сообщаться съ городомъ возможно только на лошадяхъ. Въ зимнюю пору путь изъ Тюмени въ Тобольскъ не лишенъ нѣкоторой своеобразной прелести; сани ровно скользятъ по ослѣпительно бѣлому снѣгу, а монотонный звонъ колокольчика подъ дугой клонитъ путника къ мечтательности и ко сну. Но осенью и весной путешествіе по глубокимъ ухабамъ ужасныхъ сибирскихъ дорогъ, по которымъ однѣ только крѣпкія крестьянскія телѣги могутъ проѣхать, не разсыпаясь на части, становится настоящей пыткой.

Поѣзда съ Царскосельскими Узниками двигались не спѣша, маленькими этапами. Мимо большихъ станцій проѣзжали, не замедляя хода, но зато останавливались у маленькихъ, а иногда и просто среди поля. Выходилъ, кто хотѣлъ, шли пѣшкомъ вдоль пути, а поѣзда послушно слѣдовали за гуляющими. 4 августа къ вечеру пріѣхали въ Тюмень, гдѣ два парохода

ждали уже путешественниковъ. Оттуда по водѣ направились къ послѣднему этапу — Тобольску.

Погода стояла теплая и мягкая, и въ тихой сибирской глуши, среди спокойной природы, путешествіе по зеркальной поверхности многоводной рѣки могло казаться не перевозкой «преступниковъ» въ ссылку, а просто пріятной прогулкой. Царская Семья часто сидѣла на палубѣ, любуясь лѣснымъ пейзажемъ, съ рѣдкими деревнями, который разворачивался передъ Нею. Вотъ появилось большое село Покровское. Среди простыхъ избушекъ виднѣлась просторная, новая изба, какія строятъ зажиточные крестьяне; здѣсь жилъ Распутинъ; изъ этого глухого мѣстечка ушелъ онъ для того паломничества, которое, черезъ Палестину, довело его до Царскосельскаго дворца.

Тревожное предзнаменованіе! Невидимый путь, по которому Судьба вела Монарховъ, еще разъ скрещивался съ путемъ «Божьяго человѣка», сказавшаго, что смерть его будетъ Ихъ смертью.

Подъ вечеръ второго дня стѣны Тобольскаго кремля показались за поворотомъ рѣки. Губернаторскій домъ и другой домъ напротивъ, предназначенные для Царской Семьи, Ея свиты и для стражи, не были еще приведены въ порядокъ; Путешественникамъ пришлось остаться еще недѣлю на борту. Пароходъ отвели верстъ за десять отъ города и Плѣнники часто спускались на берегъ для продолжительныхъ прогулокъ въ лѣсу. Наконецъ, 13 августа, все было готово, и Царская Семья помѣстилась въ Своей новой тюрьмѣ.

Жизнь заключенныхъ — всегда только тяжелое и безрадостное прозябаніе. Ссылка въ Тобольскъ не могла, слѣдовательно, принести Узникамъ никакой новой надежды, никакого утѣшенія. Впрочемъ, въ первое время, Семья почувствовала себя все же свободной отъ постоянныхъ и оскорбительныхъ выходокъ Царскосельской стражи, поощряемой Керенскимъ. Здѣсь, среди сонного сибирскаго покоя, ни съ какимъ другимъ въ мірѣ несравнимаго, дурныя человѣческія страсти, ненависть и злоба утихали, растворялись въ тихомъ теченіи часовъ, всегда одинаковыхъ и незамѣтно переходящихъ въ дни, недѣли и мѣсяцы.

Царственные Узники были подвергнуты нѣкоторымъ ограниченіямъ, главнымъ изъ которыхъ было запрещеніе выходить

изъ предѣловъ дома и двора. Зато Имъ разрѣшалось ходить въ церковь, правда, подъ охраной и отдѣльно отъ прочихъ молящихся.

День проходилъ въ монотонномъ однообразіи. Государь вставалъ въ девять часовъ и пилъ чай въ кабинетѣ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной; утренній завтракъ другихъ Дѣтей подавался въ столовой. Императрица, почти всегда больная, оставалась у себя до полудня. Но и Она весь день была занята. Съ 9-ти часовъ утра начинала Она Свои уроки Дѣтямъ: Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, чтеніе. Потомъ шила, вышивала, рисовала и очень много читала, преимущественно Библію.

Послѣ чая Дѣти учились, съ перемѣной въ одинъ часъ, до завтрака, который подавался въ часъ дня. День посвящался прогулкѣ и работамъ на открытомъ воздухѣ; бѣдное, жалкое удовольствіе — это хожденіе взадъ и впередъ по маленькому дворику и крохотному огороду, подъ любопытные взгляды «товарищей солдатъ», глазѣющихъ изъ всѣхъ оконъ своего дома-казармы. Для Государя движеніе было физической потребностью; во время Своего царствованія Онъ любилъ совершать, скорымъ шагомъ, большія прогулки, отъ которыхъ лица свиты возвращались въ изнеможеніи. Въ неволѣ Государь замѣнилъ прогулки постояннымъ физическимъ трудомъ. Такъ, въ Царскомъ Онъ сгребалъ снѣгъ въ аллеяхъ парка, въ Тобольскѣ — исполнялъ другія работы, пилилъ дрова, занимался въ огородѣ. Впрочемъ, вся Семья и близкіе къ Ней увлеклись этимъ безхитростнымъ спортомъ, Великія Княжны внесли даже въ него страстность и азартъ, свойственные молодости.

Въ четыре часа Семья собиралась къ чаю; потомъ дѣти снова учились до половины седьмого, послѣ чего отдыхали до обѣда, который подавался часомъ позже. Къ столу приглашались графиня А. В. Гендрикова, лектрисса Е. А. Шнейдеръ, князь В. А. Долгоруковъ, генералъ И. Л. Татищевъ, воспитатели П. А. Жильяръ и Гиббсъ и докторъ Е. С. Боткинъ.

Вечеръ проходилъ въ бесѣдахъ, играли въ бриджъ, Императрица обыкновенно дѣлала нѣсколько партій въ безигъ съ генераломъ Татищевымъ. Потомъ дамы брали свои работы и слушали чтеніе вслухъ Государя. Его Величество прекрасно и выразительно читалъ, выбирая самыя разнообразныя книги: и разсказы Чехова, и Аверченко, и «Войну и Миръ», и Мельникова-Печерскаго. Иногда ставились маленькіе любительскіе спектак-

ли по-русски, по-французски и по-англійски; труппа состояла обыкновенно изъ Великихъ Княженъ, Татищева, Жильяра и Гиббса. Чай сервировался въ 11 часовъ, послѣ чего всѣ расходились [1]).

Въ этой жизни нѣтъ мѣста жалобамъ и отчаянію. Вся Семья сразу встала на ту недосягаемую высоту духа, противъ которой всѣ человѣческія испытанія безсильны.

«Онъ прямо поразителенъ», пишетъ про Государя Императрица, «такая крѣпость духа, хотя Онъ безконечно страдаетъ за страну, но я поражаюсь, глядя на него. Всѣ остальные члены семьи такіе храбрые и никогда не жалуются... Маленькій — ангелъ» [2]).

Государь — со Своей мягкостью, привѣтливостью, съ Своимъ чувствомъ юмора, являлся настоящимъ центромъ и вдохновителемъ этого маленькаго общества. Императрица держалась болѣе недоступно, оставаясь Царицей даже въ неволѣ, даже въ ссылкѣ и заточеніи. Но, умѣя быть гордой такъ, чтобы смущать даже пьяную солдатскую стражу, Императрица обладала сердцемъ, доступнымъ самымъ нѣжнымъ оттѣнкамъ чувства. Вмѣстѣ съ полковникомъ Кобылинскимъ въ Тобольскъ пріѣхала сестра милосердія, г-жа Битнеръ; эта простая дѣвушка, очутившаяся волею судьбы среди близкихъ Царской Семьи, не имѣла, конечно, ни малѣйшаго представленія о придворномъ этикетѣ и нерѣдко совершала, невольно для себя, самыя невѣроятныя оплошности. Между тѣмъ Императрица сумѣла сразу угадать сердце этой незванной гостьи; въ длинныхъ разговорахъ, которые происходили у нихъ, Она отстаивала Свои взгляды съ такимъ жаромъ, съ такой страстью, что однажды даже пролила нѣсколько слезъ досады и раздраженія. Смущенная этой сценой, г-жа Битнеръ не осмѣлилась явиться на спектакль, который Дѣти ставили въ тотъ же вечеръ. И гордая, недоступная Императрица тотчасъ же посылаетъ ей записку, въ которой Она проситъ дѣвушку на Нее не сердиться. Но это нисколько не помѣшало спорамъ возобновиться. И, удивитель-

---

[1]) Подробности жизни Царской Семьи въ Тобольскѣ приведены, главнымъ образомъ, по P. Gilliard «Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille»; N. Sokoloff. «Enquête Judiciaire» и по показаніямъ полк. Кобылинскаго, Жильяра и Гиббса — R. Wilton. Les derniers jours des Romanof.

[2]) Письма Высочайшихъ Особъ къ А. А. Танѣевой (Вырубовой). Русская Лѣтопись, кн. IV, стр. 208, письмо отъ 10 декабря 1917 г.

ная вещь, въ этомъ столкновеніи взглядовъ между Императрицей и простой сестрой милосердія, именно Императрица, столь жестоко оскорбленная въ Своей гордости измѣною Своего народа, проявляла больше снисходительности къ этому же народу и даже къ большевикамъ, которые Ее окружали. Однажды г-жа Битнеръ, возмущенная поведеніемъ солдатни, говорила, съ бо́льшей горячностью, чѣмъ это допускаетъ этикетъ, о тяжкой отвѣтственности русскаго народа въ революціи. Императрица, потрясенная, вся въ слезахъ, ее перебила и, показывая рукою на нѣсколькихъ красноармейцевъ, проходившихъ въ эту минуту подъ окномъ, воскликнула: «Вотъ, эти злые люди! Посмотрите на нихъ, они улыбаются. Нѣтъ, нѣтъ, это добрые, хорошіе ребята!»

Это одухотворенное спокойствіе, это терпѣніе, эта снисходительность и любовь къ злѣйшимъ врагамъ, сказывались также въ письмахъ, которыя Императрица писала въ это время Своему другу, А. А. Вырубовой:

«Во всемъ воля Божія; чѣмъ глубже смотришь, тѣмъ яснѣе понимаешь. Вѣдь скорби для спасенія посланы. Здѣсь отплачиваемъ наши грѣхи и дана намъ возможность исправиться; иногда попускается для измѣренія смиренія и вѣры, иной разъ для примѣра другимъ. А изъ этого надо себѣ выгоды искать и душевно рости. Скажу некрасивое сравненіе: хороши удобренія, да потомъ растетъ, цвѣтетъ пышно, душисто, ароматно, и садовникъ, обходя садъ свой, должно быть доволенъ своими растеніями. Если нѣтъ, опять со своимъ ножомъ придетъ, срѣзываетъ, поливаетъ, вынимаетъ плевелы, которые душатъ цвѣтокъ, и ждетъ солнца и нѣжнаго вѣтерка. Любуется онъ ростомъ своихъ питомцевъ, съ любовью посадилъ. Безъ конца могла бы писать объ этомъ садикѣ, о всемъ, что тамъ растетъ, и что надо избѣгать, чтобы не портить, не повредить нѣжнымъ цвѣточкамъ ... Вотъ 11 человѣкъ верхомъ проѣхали, хорошія лица — мальчики еще, улыбаются. Это уже давно невиданное зрѣлище. У охраны и комиссара не бываютъ такія лица ... Ну, спасибо ... куда тѣхъ въ садикъ посадить? Нѣтъ тамъ мѣста — внѣ ограды лишь, но такъ, чтобы милосердные лучи солнца могли до нихъ дойти и дать имъ возможность переродиться, очиститься отъ грязи и пыли» ...[1]).

---

[1]) Письма Высочайшихъ Особъ къ А. А. Танѣевой (Вырубовой). Русская Лѣтопись, кн. IV, стр. 235—236, письмо отъ 10 апрѣля 1918 г.

«Какая я старая», пишетъ въ другой разъ Императрица, «но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, какъ за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на всѣ ужасы теперь и всѣ согрѣшенія. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь изъ моего сердца и Россію тоже, несмотря на черную неблагодарность къ Государю, которая разрываетъ мое сердце, — но вѣдь это не вся страна. Болѣзнь, послѣ которой она окрѣпнетъ. Господь смилуйся и спаси Россію!» [1]).

Такъ, среди крушенія всѣхъ Своихъ иллюзій, Царь и Царица сохранили до самой смерти вѣру въ Бога, надежду на Свой народъ и любовь къ Семьѣ.

Жизнь Плѣнниковъ значительно облегчалась преданностью полковника Кобылинскаго, коменданта дома-тюрьмы. Этотъ офицеръ, хотя и назначенный Корниловымъ, сердечно привязался къ Монархамъ и дѣлалъ все возможное, чтобы защитить Ихъ отъ наглыхъ выходокъ солдатни. Впрочемъ, стража значительно смягчилась по отношенію къ Узникамъ; съ Ними обращались уже съ нѣкоторымъ уваженіемъ; во всемъ замѣчалось успокоеніе революціонныхъ страстей перваго времени, наступало нѣчто въ родѣ перемирія, которое могло окончиться и полнымъ отрезвленіемъ этихъ простыхъ, но сбитыхъ съ толку людей. Но Керенскій зорко наблюдалъ за своими жертвами и немедленно принялъ мѣры къ поднятію, среди стражи, «революціоннаго духа». Въ сентябрѣ въ Тобольскѣ появились два субъекта, новый комиссаръ при домѣ-тюрьмѣ Панкратовъ и его помощникъ Никольскій, оба назначенные Керенскимъ и принадлежащіе, какъ и онъ, къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Панкратовъ, человѣкъ довольно мягкій, страдалъ чрезвычайной умственной ограниченностью; что же касается Никольскаго, то это былъ обычный типъ соціалъ-революціонера: низкій, злобный и мелочный; съ первыхъ же дней своего пріѣзда онъ задался цѣлью неустанно преслѣдовать Царственныхъ заключенныхъ.

Эти два представителя торжествующей революціи, горя огнемъ прозелитизма, поспѣшили начать пропаганду среди стражи, развивая ей программу своей партіи. Солдаты глотали эти проповѣди и воспринимали ихъ по своему: они быстро становились большевиками.

---

[1]) Письма Высочайшихъ Особъ къ А. А. Танѣевой (Вырубовой). Русская Лѣтопись, кн. IV, стр. 210, письмо отъ 10 декабря 1917 г.

Но большевизмъ — это ненависть и хамство. Солдатня стала проявлять и то и другое. Нижніе чины перестали отвѣчать на привѣтствіе Государя и однажды на слова Его: «Здорово, стрѣлокъ», солдатъ отвѣтилъ: «Я не стрѣлокъ, а товарищъ». Царскія Дѣти устроили на дворѣ качели, солдатское хамье испещрило доску неприличными надписями, и Государю пришлось приказать убрать ее и лишить Своихъ Дѣтей этого маленькаго удовольствія.

Въ первый день Рождества, во время богослуженія, дьяконъ провозгласилъ многолѣтіе Государю, по старому, дореволюціонному чину. Это молитвенное пожеланіе вызвало настоящую бурю среди солдатъ; они даже постановили убить священника, отца Васильева, котораго, однако, Преосвященному Гермогену Тобольскому удалось спасти, пославъ его на нѣкоторое время въ монастырь. Въ дневникѣ одного изъ лицъ Царской свиты, подъ датой 14 января значится: «Въ церкви не были, солдаты постановили пускать въ церковь только по двунадесятымъ праздникамъ» . . .

Полковникъ Кобылинскій пытался, какъ могъ, успокоить эти чувства нелѣпой ненависти. Но его силы, его терпѣніе, его мужество приходили къ концу въ этой постоянной борьбѣ. И когда солдаты явились, однажды, къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ и его офицеры сняли погоны, Кобылинскій понялъ, что послѣдніе признаки власти отъ него ускользаютъ и его охватило горькое чувство безпомощности. Онъ послалъ просить Государя его принять и тотчасъ былъ къ Нему приглашенъ.

«Ваше Величество», началъ Кобылинскій съ волненіемъ, «власть уходитъ у меня изъ рукъ. У насъ отняли погоны, теперь я уже не могу больше быть Вамъ полезенъ. Я хотѣлъ бы подать въ отставку и уѣхать, если Вы разрѣшите. Мои нервы не выдержатъ, у меня больше нѣтъ силъ».

Государь подошелъ къ Кобылинскому, положилъ обѣ руки ему на плечи и посмотрѣлъ на него глазами, въ которыхъ блестѣли слезы.

«Евгеній Степановичъ», сказалъ Онъ, «ради меня, моей жены и моихъ дѣтей, я васъ прошу, оставайтесь. Вы сами видите что всѣмъ намъ приходится выносить. Нужно, чтобы и у васъ было столько же терпѣнія».

Глубоко взволнованные, Узникъ и Его стражъ, Царь и Его вѣрный слуга, обнялись, какъ братья, и Кобылинскій остался [1]).

Но перемѣна, которая произошла въ поведеніи солдатъ, не имѣла единственной причиной политику и пропаганду. Отрядъ, сопровождавшій Царскую Семью отъ Царскаго Села, получилъ отъ Керенскаго обѣщаніе дополнительнаго денежнаго довольствія; обѣщаніе это, какъ и всѣ другія, самыя торжественныя, даже клятвы горе-диктатора, не было никогда выполнено. Отсюда и неудовольствіе, раздраженіе солдатъ и противъ Правительства, и противъ Керенскаго, и противъ заключенныхъ, и противъ всѣхъ и вся; отсюда же и періодическій отъѣздъ солдатъ, замѣняемыхъ постепенно свирѣпыми большевиками. Впрочемъ, нужно сказать, что Правительство забыло, казалось бы, о тобольскихъ Узникахъ. Въ моментъ ссылки Царской Семьи всталъ вопросъ объ Ея содержаніи; кто долженъ былъ покрывать эти расходы? «Конечно, Временное Правительство взяло на себя содержаніе Царской Семьи и Ея свиты», заявилъ потомъ Керенскій слѣдователю Соколову, въ то время какъ князь Львовъ, съ тѣмъ же апломбомъ утверждалъ, что «Правительство разрѣшило вопросъ о личномъ имуществѣ Монарховъ. Они должны были, значитъ, жить на собственныя средства». Который изъ этихъ двухъ сообщниковъ солгалъ тогда? Было дѣйствительно установлено, что Государь обладалъ личнымъ состояніемъ, хотя и далеко не столь значительнымъ, какъ о томъ говорили, но достигающимъ однако четырнадцати милліоновъ рублей. Эти деньги, лежавшія въ банкѣ, принадлежали Государю не какъ Монарху, а какъ частному лицу; на имущество это, слѣдовательно, никакая власть, хотя бы и революціонная, не могла наложить свою руку, и Правительство князя Львова и Керенскаго офиціально это признавало. Но, въ дѣйствительности, заявленіе кн. Львова было лишь лицемѣріемъ афериста; все состояніе Государя фактически оказалось присвоеннымъ Временнымъ Правительствомъ; владѣлецъ этихъ милліоновъ былъ обобранъ начисто и безъ остатка. Чего не сдѣлали ни нѣмецкая, ни греческая, ни турецкая, ни испанская революція, свергшія монарховъ, но не обокравшія ихъ, то не погнушались сдѣлать либеральные, титулованные, высокообразованные, гуманные вожди русской революціи.

[1]) Показаніе полк. Кобылинскаго. (R. Wilton. Les derniers jours des Romanof, стр. 182.)

Съ самаго дня отъѣзда Монарховъ изъ Царскаго Села, Правительство не послало ни одной копейки изъ денегъ Государя на содержаніе Плѣнниковъ. Письма, телеграммы оставались безъ отвѣта, а, между тѣмъ, небольшія средства, взятыя съ собой, изсякали. Наконецъ, наступилъ день, когда повару пришлось заявить, что поставщики угрожаютъ прекратить отпускъ провизіи въ долгъ, и что ему скоро не изъ чего будетъ готовить обѣдъ.

И на этотъ разъ еще спасъ положеніе полковникъ Кобылинскій, избѣгавъ весь городъ, чтобы занять, тайно отъ Государя, необходимую, хотя бы на ближайшіе расходы, сумму.

Пока время медленно тянулось въ Тобольскѣ, оно, казалось, неслось бѣшенымъ темпомъ въ Петроградѣ и въ Москвѣ, нагромождая развалины и непрерывно подтачивая все, что оставалось еще цѣлымъ отъ былой мощи и славы Россіи. Еще раньше Временное Правительство, одержимое безуміемъ, настояло передъ союзниками, чтобы добиться отъ нихъ разрѣшенія вернуть въ Россію всѣхъ пораженцевъ, всѣхъ террористовъ, все отребье черты осѣдлости, словомъ, всѣ ферменты разложенія, отъ которыхъ всякое государство, въ особенности во время войны, должно оберегаться, какъ отъ чумы.

Сидя въ Цюрихѣ, Ленинъ и его банда, сгорая отъ нетерпѣнія, ждали конца этихъ изумительныхъ переговоровъ; Троцкій, посаженный англичанами въ концентраціонный лагерь, также ждалъ своего освобожденія стараніями министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова. Наконецъ, союзники уступили, выпущенные на волю коршуны понеслись въ Россію на страшный и кровавый пиръ.

Ленинъ въ то время состоялъ агентомъ германскаго генеральнаго штаба [1]); онъ и его шайка получили самый любезный пропускъ черезъ Германію. Эту свою роль германскаго агента Ленинъ, впрочемъ, и не отрицалъ; въ октябрѣ 1918 года, на одномъ изъ собраній центральнаго исполнительнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Свердлова, Ленинъ сдѣлалъ слѣдующее, весьма циничное, заявленіе:

«Меня часто обвиняютъ въ томъ, что я нашу революцію произвелъ на нѣмецкія деньги; я этого не оспаривалъ и не

---

[1]) А. И. Спиридовичъ. Исторія большевиковъ, стр. 265.

оспариваю, но зато на русскія деньги я сдѣлаю такую же революцію въ Германіи»[1]).

Мы видѣли, что не одинъ большевицкій переворотъ былъ совершенъ на средства германскаго штаба: и февральская революція, по признанію Милюкова, питалась изъ того же источника, но Ленинъ тоньше сыгралъ свою предательскую игру.

3 апрѣля вечеромъ, на Финляндскомъ вокзалѣ делегація отъ Петроградскаго Совѣта при почетномъ караулѣ съ музыкой, собралась для встрѣчи пріѣзжающаго изъ Швеціи Ленина и его сообщниковъ. Ослѣпленное, обезумѣвшее Временное Правительство приготовило такимъ образомъ ту петлю, на которой оно должно было скоро повиснуть.

Тотчасъ же новый народный трибунъ началъ развивать поразительно кипучую дѣятельность, проявилъ безпощадную настойчивость, благодаря которымъ онъ смогъ смести въ шесть мѣсяцевъ власть, гордившуюся тѣмъ, что родилась изъ воли самого народа.

Государь слѣдилъ за этими событіями со все возрастающей тревогой. Онъ видѣлъ, какъ рушатся десять вѣковъ мощи, славы и благоденствія; Онъ видѣлъ Отечество, захваченное измѣнниками, бунтовщиками, врагами; Онъ видѣлъ Двуглаваго Орла, пораженнаго и обезоруженнаго, бьющагося въ потокахъ грязи и крови. И новое чувство подымалось въ Немъ: не несетъ ли и Онъ часть отвѣтственности за несчастіе Россіи? Правъ ли Онъ былъ, отрекаясь отъ Престола, принося себя въ жертву во имя того, что Ему представили, какъ спасеніе Россіи и залогъ побѣды? Въ чемъ былъ Его долгъ въ тревожные псковскіе дни? Объ этихъ сомнѣніяхъ, колебаніяхъ, сожалѣніяхъ Государь не говорилъ никогда, но они ложились глубокой скорбью на Его черты, старили Его лицо, окаймленное почти совершенно сѣдой уже бородой.

Одинъ разъ только Государь высказалъ волновавшія Его чувства. Это было при полученіи извѣстія о предательствѣ Керенскаго, выдавшаго генерала Корнилова, съ которымъ онъ вошелъ въ соглашеніе относительно установленія диктатуры для борьбы съ большевизмомъ. Послѣдняя надежда на спасеніе Родины рушилась окончательно, и въ этотъ день Государь от-

---

[1]) А. И. Спиридовичъ. Исторія большевиковъ, стр. 266.
J. Jacoby. Lénine, стр. 80.

крылъ Жильяру сердце Свое, преисполненное горечью и отчаяніемъ:

«Какъ я жалѣю теперь о своемъ отреченіи», сказалъ Онъ, «я принялъ это рѣшеніе въ надеждѣ, что тѣ, кто добивались моего удаленія, окажутся способными довести войну до побѣды и спасти Россію. Я опасался, что мой отказъ не подалъ бы повода къ гражданской войнѣ въ присутствіи непріятеля, и я не хотѣлъ, чтобы кровь хотя бы одного русскаго была пролита изъ-за меня. Но вслѣдъ за моимъ уходомъ не появились ли тотчасъ же Ленинъ и его сообщники, эти наемные германскіе агенты, чья преступная пропаганда разрушила армію и развратила страну? Я страдаю теперь, видя, что мое отреченіе оказалось безполезнымъ и что, преслѣдуя единственно благо моего Отечества, я, въ дѣйствительности, повредилъ ему своимъ уходомъ»[1]).

Отдаленность Тобольска отъ большихъ центровъ способствовала тому, что крупныя событія, потрясшія столицы, выступленія Корнилова, подготовка октябрьскаго переворота, дошли сюда лишь, какъ едва слышный отзвукъ. И дальнѣйшій ходъ революціи, бѣгство Керенскаго, торжество Ленина, начало кроваваго большевицкаго террора — все это ни въ чемъ не отразилось на однообразномъ теченіи жизни тобольскихъ Плѣнниковъ, развѣ что стража стала еще немного наглѣе.

Такъ, нѣкій Дорофѣевъ, рядовой 14-го полка, явился однажды къ полковнику Кобылинскому съ требованіемъ отъ имени солдатскаго комитета, чтобы Государь снялъ съ себя погоны и знаки отличія.

Желая избавить Царя отъ такого новаго издѣвательства, Кобылинскій пытался убѣдить Дорофѣева отказаться отъ своего требованія. Но грубый и наглый хамъ замкнулся въ злобномъ упрямствѣ.

«Ну, а если Государь откажется повиноваться?» спросилъ тогда Кобылинскій.

— «Если Онъ откажется, то я самъ сорву съ Него погоны», заоралъ солдатъ.

«Ну, а если... Онъ, защищаясь, васъ ударитъ?»

— «Я Его тоже ударю».

---

[1]) P. Gilliard, Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille, стр. 204.

Кобылинскому оставалось только попробовать воздѣйствовать на Государя; онъ поговорилъ объ этомъ съ кн. Долгоруковымъ и Татищевымъ; оба генерала согласились принять на себя эту тяжелую миссію и умоляли Государя снять погоны, дабы избѣжать новой выходки солдатъ. Государь возмутился на мгновеніе, но, обмѣнявшись взглядомъ и нѣсколькими словами съ Императрицей, Онъ преодолѣлъ эту вспышку гнѣва. На другой день, собираясь въ церковь, Онъ набросилъ на себя бурку, которая, какъ извѣстно, носится безъ погонъ.

Между тѣмъ петроградскіе большевики продолжали не обращать вниманіе на Тобольскъ. Панкратовъ и его помощникъ Никольскій все еще оставались правительственными комиссарами. Но ихъ пропаганда, ихъ революціонное краснорѣчіе, ихъ заискиваніе передъ солдатней, не принесли имъ счастія. Солдатскій комитетъ постановилъ отослать этихъ двухъ нежелательныхъ комиссаровъ и просить Москву замѣнить ихъ новыми, на этотъ разъ большевиками чистой воды. Панкратовъ и Никольскій безропотно скрылись, но изъ Москвы такъ никто и не пріѣзжалъ.

Наконецъ, 10 февраля новая государственная власть проявила свое существованіе телеграммой на имя полковника Кобылинскаго, въ которой предписывалось ему перевести, съ 14 марта, «Николая Романова» и Его Семью на солдатскій паекъ. На содержаніе каждаго члена Семьи будетъ отпускаться по 600 рублей въ мѣсяцъ, взятыхъ изъ процентовъ личнаго состоянія Государя. Такимъ образомъ, приходилось впредь ограничиваться 4.200 рублями на содержаніе всего дома.

Но Плѣнниковъ это новое испытаніе совершенно не трогаетъ; Государь шутливо заявляетъ, что разъ теперь въ Россіи мода на разныя комиссіи, то и Онъ тоже назначаетъ комиссію для завѣдыванія дѣлами общины. И, дѣйствительно, комиссія эта, состоящая изъ генераловъ Татищева, кн. Долгорукова и Жильяра, рѣшаетъ произвести рядъ экономій въ расходахъ и, въ первую очередь, сократить персоналъ. Придется, такимъ образомъ, уволить десять человѣкъ прислуги, часть которыхъ пріѣхала въ Тобольскъ со своими семьями; придется также упростить меню, кофе и масло исчезнутъ со стола, какъ предметы роскоши, даже сахару не будетъ хватать.

Для Монарховъ — все это мелочь, которая Ихъ не тревожитъ. Что Ихъ волнуетъ — это извѣстіе о Брестъ-Литовскомъ

договорѣ, которымъ большевики предаютъ и Россію и союзниковъ.

«Это позоръ, равняющійся самоубійству для Россіи», заявляетъ Государь съ негодованіемъ. «Я никогда не могъ думать, чтобы императоръ Вильгельмъ и германское правительство могли унизиться до того, чтобы пожать руку этимъ негодяямъ, предавшимъ свою Родину. Но я увѣренъ, что это не принесетъ имъ счастія, этимъ они не спасутся отъ гибели».

На слова князя Долгорукова о томъ, что, по газетнымъ свѣдѣніямъ, нѣмцы потребовали, будто бы, чтобы Царская Семья была имъ выдана въ невредимости, Государь воскликнулъ:

«Это сдѣлано или для того, чтобы меня скомпрометировать, или, чтобы меня оскорбить».

Императрица прибавила вполголоса:

«Послѣ того, какъ они поступили съ Государемъ, я предпочла бы погибнуть въ Россіи, чѣмъ быть спасенной нѣмцами». Судьба осуществила это пожеланіе несчастной Императрицы [1].

Но могъ ли думать Государь, возмущавшійся нелойяльнымъ поведеніемъ враговъ, что настанетъ день, когда монархи и президенты союзныхъ Россіи государствъ будутъ такъ же дружески пожимать руки предателей, руки, обагренныя кровью Того, Кто пожертвовалъ Своей жизнью ради вѣрности общему дѣлу?

Въ Тобольскѣ, послѣ отъѣзда Панкратова и Никольскаго, воцарилось нѣчто въ родѣ временнаго неустойчиваго режима, когда никто не зналъ, что онъ можетъ дѣлать и кому онъ долженъ повиноваться. Это переходное состояніе прекратилось 13 марта. Въ этотъ день появился изъ Омска отрядъ изъ свыше ста красногвардейцевъ-большевиковъ, подъ командой двухъ офицеровъ: Демьянова и Дегтярева. Въ ту минуту, когда этотъ отрядъ проходилъ подъ окнами губернаторскаго дома, Императрица воскликнула, указывая г-жѣ Битнеръ на солдатъ: «Вотъ хорошіе русскіе люди!»

Что хотѣла Она сказать этими загадочными словами? Незадолго передъ тѣмъ Императрица повѣдала Жильяру, что, по Ея свѣдѣніямъ, отрядъ въ триста офицеровъ сконцентрировался въ Тюмени для попытки спасенія Царской Семьи. Такимъ обра-

---

[1]) P. Gilliard, Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille, стр. 215—216.

зомъ, являлась мысль, что и отрядъ, прибывшій изъ Омска, состоялъ также изъ преданныхъ Монархіи офицеровъ, переодѣтыхъ въ красноармейцевъ.

Конечно, эти надежды не являлись несбыточными; никогда еще обстоятельства не складывались болѣе благопріятно для спасенія Плѣнниковъ. Старая власть пала, новая еще не появилась, и въ этомъ безпорядкѣ, въ этомъ хаосѣ стража утратила послѣдніе остатки дисциплины. Горсть энергичныхъ людей, при соучастіи полковника Кобылинскаго, легко могла бы справиться съ этой распущенной бандой и увезти Плѣнниковъ въ тайгу, а оттуда къ морю и за границу. Вопросъ объ этомъ часто обсуждался по вечерамъ въ кругу Царской Семьи и Ея близкихъ. Но Государь такому выступленію Своихъ сторонниковъ ставилъ два условія: Онъ не соглашался ни на то, чтобы Семья была разлучена, ни на то, чтобы покинуть предѣлы Отечества.

Итакъ, Царственные Узники не теряли надежды; Они вѣрили и Своимъ друзьямъ и преданности Своихъ сторонниковъ. Было ли это довѣріе обосновано?

4. Что было сдѣлано для спасенія Царской Семьи?

Въ исторіи человѣчества есть отдѣльные факты и событія, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся психологія, геройская или преступная, великодушная или мелочная, той или другой эпохи. И въ плѣненіи Царской Семьи, въ издѣвательствахъ, которымъ Она подвергалась, въ клеветѣ, свивающейся вокругъ Нея, въ одиночествѣ, въ которомъ Она оказалась и, наконецъ, въ Ея ужасной смерти, отражается все предательство, вся ложь, вся трусость, взрывъ всѣхъ низменныхъ чувствъ, вся продажность, весь кровавый бредъ, все, что составляетъ сущность того великаго преступленія, которое получило названіе русской революціи.

Эта черная страница русской исторіи вызоветъ недоумѣніе будущаго историка, который задастъ себѣ вопросъ: какъ могли преданные слуги Монарха, придворные, дворяне, офицеры, какъ могли честные русскіе люди, какъ могъ весь русскій народъ безучастно присутствовать, въ теченіе болѣе года, при страшномъ крестномъ пути своего Монарха и Его Семьи, какъ не поднялись

съ русской земли защитники Царя, какъ не вооружился народъ, почему не вступился онъ за своего Царя, какъ вандейцы пошли биться за своего короля?

Между тѣмъ, лишь только распространилась вѣсть о лишеніи Царской Семьи свободы, тотчасъ стало очевиднымъ, что и самая жизнь Монарховъ, среди разнузданной солдатни, находится въ опасности. Вопросъ Бьюкенена Милюкову, о которомъ мы говорили раньше, свидѣтельствуетъ о той тревогѣ, которую стали уже испытывать насчетъ судьбы Августѣйшихъ Плѣнниковъ. Однако, въ это время рѣшительно ничего не было предпринято ни со стороны монархистовъ, ни со стороны союзниковъ, для защиты Государя и Его Семьи. Мы видѣли, какъ слабы были попытки короля Георга V облегчить участь своего близкаго родственника и вѣрнаго союзника; но правительства другихъ странъ, спасенныхъ отъ нѣмецкаго разгрома непоколебимой вѣрностью Царя и кровью русскихъ солдатъ, не проявили даже той видимости участія, какую выказалъ англійскій король.

Русскій посланникъ въ Португаліи П. С. Боткинъ, братъ погибшаго впослѣдствіи съ Царской Семьей доктора Е. С. Боткина, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о сдѣланныхъ имъ тщетныхъ попыткахъ пробудить совѣсть правителей и заинтересовать ихъ въ участи Государя. П. С. Боткинъ обращался, между прочимъ, много разъ къ членамъ французскаго правительства, умоляя ихъ выступить въ защиту своего союзника, трагическую участь котораго онъ предвидѣлъ; его многочисленныя письма, посланныя имъ отъ іюля 1917 до іюля 1918 года, остались всѣ безъ отвѣта. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ, обращенномъ къ г. Пишонъ, П. С. Боткинъ дѣлаетъ слѣдующее безрадостное заявленіе: «Я долженъ констатировать къ величайшему своему сожалѣнію», пишетъ онъ, «что до сихъ поръ всѣ мои попытки остались тщетными, и что единственнымъ отвѣтомъ, который я получилъ, являются расписки швейцаровъ, свидѣтельствующихъ, что письма мои дошли по назначенію».

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что преданность П. С. Боткина своему Монарху является примѣромъ рѣдкимъ, почти исключительнымъ среди русскихъ дипломатовъ. Большинство изъ нихъ, цѣпляясь за свои мѣста, заявили себя вѣрными слугами новаго режима; нѣкоторые даже въ новоиспеченномъ революціонномъ рвеніи своемъ начали травлю противъ тѣхъ дипломатическихъ

представителей за границей, которые оставались вѣрными Монархіи. И страшно, и совѣстно признаться, что могли даже найтись русскіе послы и посланники, которые, забывъ долгъ свой, не только не старались авторитетомъ своимъ воздѣйствовать на иностранныя правительства для спасенія Царской Семьи, но препятствовали, по мѣрѣ силъ, подобнымъ попыткамъ.

Такъ бывшій Императорскій посолъ въ Парижѣ, А. П. Извольскій, оставшійся на той же должности при революціонномъ Правительствѣ, телеграфировалъ Милюкову 19 марта 1917 г. слѣдующее: «Косвенными путями я узналъ, что здѣсь есть нѣсколько лицъ, которыя стараются побудить французское правительство обратиться въ Петроградъ съ дружественными представленіями о необходимости охраны бывшаго Императора и Его Семьи. Я счелъ своимъ долгомъ въ частной бесѣдѣ съ г. Камбонъ предостеречь его отъ подобнаго шага. «При настоящемъ составѣ Временнаго Правительства», сказалъ я, «подобныя опасенія являются совершенно неосновательными и могли бы имѣть мѣсто только въ случаѣ побѣды радикальныхъ элементовъ, и поэтому подобныя представленія могли бы показаться у насъ не только ненужными, но даже оскорбительными»[1]).

Сколь ни возмутительны лицемѣріе Извольскаго и низкопоклонство его передъ новой властью, они все же были превзойдены другимъ русскимъ дипломатомъ, Неклюдовымъ, бывшимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. «Въ концѣ апрѣля 1917 года», пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «я получилъ отъ г. Милюкова, министра иностранныхъ дѣлъ Временнаго Правительства, телеграмму о моемъ назначеніи посломъ въ Мадридъ. Я давно былъ знакомъ съ Милюковымъ; три или четыре раза, до революціи, онъ проѣзжалъ черезъ Стокгольмъ, мы подолгу съ нимъ разговаривали, и наши бесѣды привели насъ къ полному единству взглядовъ на многіе вопросы нашей внутренней и внѣшней политики»...

[1]) Проф. Сторожевъ: Дипломатія и революція. Nachrichtenblatt über Ostfragen, № 42 отъ 3 іюля 1921 г. Цитируется по статьѣ П. С. Боткина, «Что было сдѣлано для спасенія Императора Николая II». Русская Лѣтопись, кн. VII, стр. 217.

Нужно отмѣтить, что дочь этого посла, Е. А. Извольская, написала въ эмиграціи, вмѣстѣ съ евреемъ Кесселемъ, романъ «Les rois aveugles», полный злостной неправды о Царской Семьѣ, а впослѣдствіи, письмомъ въ редакцію одной французской газеты, дала о Керенскомъ восторженный отзывъ, какъ о спасителѣ этой же Царской Семьи.

Это трогательное единеніе во взглядахъ русскаго посланника и главы партіи, стоящей за терроръ и за государственный переворотъ, ярко свидѣтельствуетъ о томъ состояніи разложенія, въ которомъ находилось въ то время русское дипломатическое вѣдомство, въ значительной степени, какъ ржавчиной, проѣденное масонствомъ.

Но вотъ Неклюдовъ въ Мадридѣ.

Среди всѣхъ главъ государствъ нашелся лишь одинъ, который проявилъ участіе къ судьбѣ Царственныхъ Узниковъ. А между тѣмъ монархъ этотъ ничѣмъ не былъ обязанъ Государю; его войска не сражались вмѣстѣ съ русскими за общее дѣло; кровь, пролитая на поляхъ сраженія, не спаяла братской дружбы между его страной и Россіей.

Этотъ нежданный другъ былъ Его Величество, испанскій король Альфонсъ XIII.

И при первомъ же пріемѣ посла Временнаго Правительства, какъ только Неклюдовъ закончилъ свою рѣчь и вручилъ свои вѣрительныя грамоты, король, сойдя съ трона, обратился къ нему съ волненіемъ:

«Въ вашей рѣчи», сказалъ онъ, «вы были столь любезны упомянуть о помощи, которую мы имѣли возможность оказать вашимъ плѣннымъ во время войны. Позвольте мнѣ выразить живѣйшее участіе къ другимъ русскимъ плѣннымъ — я разумѣю Его Величество Государя Императора Николая II и Его Семейство. Я васъ прошу передать вашему Правительству мою горячую просьбу объ Ихъ освобожденіи».

Смущенный этими благородными словами, Неклюдовъ разсыпался въ сбивчивыхъ увѣреніяхъ и оправданіяхъ; онъ вѣрный слуга новаго порядка вещей въ Россіи, но питаетъ также къ Государю «личную привязанность и симпатію»; Правительство только и мечтаетъ о томъ, чтобы разрѣшить Царской Семьѣ выѣхать за границу, но... не дѣлаетъ этого только изъ-за крайнихъ элементовъ. Онъ, Неклюдовъ, конечно, готовъ всѣмъ пожертвовать для спасенія Царя, карьерой и даже бóльшимъ... но боится своимъ вмѣшательствомъ раздражить эти же крайніе элементы. Итакъ, лучше ничего не предпринимать.

Король съ удивленіемъ слушалъ эти странныя заявленія.

«Разъясните мнѣ, пожалуйста», спросилъ онъ, «кто собственно стоитъ въ данный моментъ во главѣ русскаго Правительства?»

Неклюдовъ понялъ значеніе этого ироническаго вопроса, онъ попытался увернуться отъ прямого отвѣта.

«Ваше Величество», пробормоталъ онъ, «я только что вручилъ мои вѣрительныя грамоты. Онѣ подписаны княземъ Львовымъ, предсѣдателемъ Временнаго Правительства и контрассигнованы министромъ иностранныхъ дѣлъ».

«Значитъ», сказалъ король, «князь Львовъ во главѣ Правительства. Мнѣ говорили, что онъ честный человѣкъ. Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, напишите отъ меня князю Львову и скажите ему, какъ я заинтересованъ въ судьбѣ Императора Николая II и Его Семейства и что я былъ бы крайне счастливъ, если бы могъ знать, что Они находятся въ полной безопасности».

«Слова короля», замѣчаетъ Неклюдовъ, «и выраженіе его лица дышали искренностью. Я тотчасъ же подпалъ подъ его чары»[1]).

Неклюдовъ не говоритъ, сколь долго онъ оставался подъ чарами испанскаго короля, и успѣли ли онѣ пробудить въ русскомъ дипломатѣ чувство долга къ своему Монарху. Во всякомъ случаѣ, благородное заступничество Альфонса XIII не повліяло на послѣдующую судьбу Царской Семьи.

Февральская революція, какъ мы уже говорили, была исключительно дѣломъ рукъ такъ называемаго «правящаго класса», и потому ея успѣхъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ, съ удовлетвореніемъ или съ равнодушіемъ дворянствомъ и буржуазіей, смотря по политическому оттѣнку каждаго. Но первыя разбойныя выступленія черни, внезапное появленіе Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, рѣзня въ деревняхъ, бѣгство помѣщиковъ, закрытіе биржи, паденіе рубля, наконецъ разложеніе фронта и угроза непріятеля — все это поразило общество ужасомъ. И это чувство оцѣпененія не исчезло потомъ ни съ торжествомъ большевизма, ни съ краснымъ терроромъ. Правящіе слои увидали себя обманутыми, обобранными, оттиснутыми отъ власти какой-то шайкой, вылѣзшей неизвѣстно откуда, и которая вела страну къ гибели. Ни въ какой моментъ дворянство и буржуазія не проявили ни малѣйшей попытки защитить свои права, — они сами въ эти права больше не вѣрили. Власть

---

[1]) A. Nekludow. Diplomat's reminiscenses — before and during the world's war 1911—1917.

Цитировано по П. С. Боткину, «Что было сдѣлано для спасенія Императора Николая II». Русская Лѣтопись, кн. VII, стр. 217—219.

принадлежала всякому, кто ее пожелалъ захватить: сперва Керенскому, потомъ Ленину. Въ это время петроградское и московское «общество», усиленное бѣжавшими помѣщиками, перешло уже на то «эмигрантское» положеніе, въ которомъ оно за границей пребываетъ до настоящаго дня: тянули сѣрые дни ожиданія лучшихъ временъ, заполняли время картами, пересудами и упреками и, если говорили иногда съ жалостью о Монархахъ, то безъ всякаго намѣренія Имъ какъ-нибудь помочь.

Однако, среди общей трусости и равнодушія, появлялись все-таки болѣе преданные, смѣлые люди, среди которыхъ возникали, подчасъ весьма фантастичные, планы спасенія Царской Семьи. Такими неизмѣнно вѣрными друзьями Монарховъ были А. А. Вырубова и Ю. А. Денъ, которымъ удалось даже сноситься съ Узниками. Но что могли сдѣлать двѣ женщины, одинокія, безъ средствъ и сами подвергшіяся тяжелымъ испытаніямъ? Трудность задачи усугублялась еще тѣмъ, что Царская Семья не соглашалась покинуть предѣлы Отечества.

Въ первое время заключенія Государя и Императрицы въ Царскомъ Селѣ, Ю. А. Денъ предложила начать хлопоты о вывозѣ всей Семьи въ Италію. На это предложеніе Императрица отвѣтила:

«Тотъ подлецъ, кто бросаетъ свою родину въ такой тяжелый моментъ. Пускай съ нами дѣлаютъ что угодно, сажаютъ въ Петропавловскую крѣпость, но мы никогда не уѣдемъ изъ Россіи»[1]).

Ю. А. Денъ уже начала терять всякую надежду, когда однажды вечеромъ, въ началѣ іюня, къ ней явился на дачу высокій, съ отпущенной бородой человѣкъ, въ широкополой шляпѣ и съ суковатой палкой въ рукахъ. Это былъ членъ Государственной Думы, Н. Е. Марковъ, измѣнившій свой, слишкомъ примелькавшійся, обликъ.

Н. Е. Марковъ былъ извѣстенъ своими крайне монархическими убѣжденіями; онъ внушилъ довѣріе Ю. А. Денъ и юному корнету, однофамильцу Маркова, находившемуся въ этотъ день у нея въ гостяхъ.

«Ю. А., это мой святой долгъ помочь Ихъ Величествамъ», говорилъ Н. Е. Марковъ. «Повѣрьте мнѣ, что мы работаемъ, не покладая рукъ... мы сейчасъ только оправляемся отъ постиг-

---

[1]) С. Марковъ. Покинутая Царская Семья, стр. 155.

шаго насъ разгрома. Мы только просимъ, чтобы Ихъ Величества благословили начатое нами дѣло и молимъ Бога, чтобы Онъ, Всемогущій, не оставилъ насъ безъ Своихъ милостей».

Возможность спасти Царскую Семью существовала съ самаго марта мѣсяца 1917 года до увоза Ея въ Екатеринбургъ, въ апрѣлѣ слѣдующаго года; потомъ уже, въ условіяхъ заточенія въ Ипатьевскомъ домѣ, всякія попытки къ похищенію Плѣнниковъ становились неизмѣримо болѣе трудными.

Организація, образованная для этой цѣли Н. Е. Марковымъ, имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлый годъ, при чемъ въ теченіе зимы 1917—1918 года, при полномъ безвластіи въ Тобольскѣ, условія для рѣшительнаго дѣйствія были особенно благопріятны.

«Къ концу іюня 1917 года», разсказываетъ Н. Е. Марковъ, «удалось найти ходъ сообщенія съ плѣннымъ Государемъ Императоромъ. Въ коробкѣ папиросъ была папироса со свернутой подъ табакъ запиской. Мы спрашивали Государя, разрѣшаетъ ли Онъ начинать дѣло возстановленія Имперіи. Если разрѣшаетъ, пусть благословитъ дѣло св. иконой. Въ отвѣтъ была прислана икона св. Николая Мирликійскаго Чудотворца съ иниціалами Государя и Государыни».

Въ это время Н. Е. Марковымъ былъ избранъ конспиративный псевдонимъ «Tante Yvette», подъ которымъ онъ въ дальнѣйшемъ и дѣйствовалъ. «Во время пребыванія Царской Семьи въ Царскомъ Селѣ вопросъ о спасеніи изъ плѣна не ставился, ибо намъ было дано знать, что Государь на это не рискнетъ», утверждаетъ Н. Е. Марковъ. «Послѣ же увоза Узниковъ въ Тобольскъ», пишетъ онъ дальше, «задача спасенія была поставлена во всей ея широтѣ».

«Въ теченіе зимы», повѣствуетъ Н. Е. Марковъ, «подготовлялся планъ освобожденія. Нашелся опытный и вѣрный шкиперъ дальняго плаванія, который брался войти со своей шхуной, въ началѣ лѣта, въ устье Оби и въ условленномъ мѣстѣ ожидать прибытія Бѣглецовъ. Разработанъ былъ планъ прекращенія на время бѣгства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно, къ мѣстамъ дѣйствія, стягивались отдѣльныя группы офицеровъ изъ Сибири и съ Урала. Въ Петроградѣ образована была офицерская группа генерала Z, которая должна была явиться на мѣстѣ ядромъ спасательнаго отряда. Провокаторская дѣятельность Соловьева, неудачи въ дѣлѣ

налаживанія связи, а, главное, недостаточность необходимыхъ денежныхъ средствъ привели къ тому, что нѣсколько мѣсяцевъ были утрачены безполезно, и къ веснѣ 1918 года подготовка операціи была далеко не закончена. Въ это время пришла условная телеграмма изъ Тобольска о внезапномъ вывозѣ Государя, Государыни и одной изъ Великихъ Княженъ и о предстоящемъ увозѣ остальныхъ Членовъ Семьи. Пришлось дѣйствовать ускоренно. Группа генерала Z, составомъ въ восемнадцать человѣкъ, была отправлена одиночнымъ порядкомъ по разнымъ маршрутамъ къ Екатеринбургу. Всѣ офицеры выѣхали съ чужими паспортами, подъ вымышленными именами. Но и эти срочныя отправки задержались изъ-за недостатка въ деньгахъ» . . .

«Изъ-за недостатка денегъ и препонъ со стороны большевицкихъ заставъ группа генерала Z только въ іюлѣ мѣсяцѣ стала стягиваться къ Уралу. Нѣкоторые офицеры достигли Екатеринбурга 7 (20) іюля: увы, было слишкомъ поздно!»[1]). Впослѣдствіи, по словамъ Н. Е. Маркова, генералъ Z и его два сына были разстрѣляны большевиками[2]).

Итакъ, организаціи Н. Е. Маркова не удалось, несмотря на всѣ усилія, спасти Царскую Семью по двумъ главнымъ причинамъ: провокаторская дѣятельность офицера Соловьева, зятя Распутина, и недостатокъ средствъ. Къ этимъ двумъ причинамъ Н. Е. Марковъ возвращается неоднократно: «этотъ Соловьевъ сдѣлалъ все, чтобы не допустить какихъ-либо активныхъ дѣйствій для спасенія Государя и Его Семьи»[3]); «провокаторъ Соловьевъ женился на дочери Распутина, повидимому, только для того, чтобы, войдя въ довѣріе къ Государынѣ, взять дѣло спасенія въ свою монополію и помѣшать всѣмъ дѣйствительнымъ попыткамъ спасти Царскую Семью»[4]), «но всѣ попытки — не только мои, но и всѣхъ моихъ единомышленниковъ, получить на дѣло необходимыя средства потерпѣли неудачу. Требовались милліоны, а мы съ трудомъ находили десятки тысячъ». «Но будь

---

[1]) Н. Е. Марковъ. «Попытки спасенія Царской Семьи». Еженедѣльникъ Высшаго Монархическаго Совѣта. № 121, 28 апрѣля / 11 мая 1924 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Н. Е. Марковъ. Покинутая Царская Семья. Двуглавый Орелъ, № 29, 17/30 іюня 1929.

[4]) Н. Е. Марковъ. Ловцы Правды. Еженедѣльникъ. Высш. Монарх. Совѣта. № 124, 9/22 іюня 1924 г.

у насъ въ апрѣлѣ 1918 г. хотя бы одинъ милліонъ рублей, думается, мы успѣли бы сосредоточить къ Екатеринбургу отрядъ въ 300 смѣлыхъ людей и сдѣлать рѣшительную попытку для соединенія Царской Семьи съ чехо-словаками»[1]).

Всѣ эти объясненія Н. Е. Маркова представляются неубѣдительными. Они расходятся съ его же показаніемъ, даннымъ судебному слѣдователю Соколову. Въ показаніи этомъ онъ ни словомъ не упоминаетъ ни о планѣ увоза Царской Семьи на шхунѣ, ни объ отрядѣ генерала Z.; напротивъ, изъ словъ Н. Е. Маркова явствуетъ, что дѣятельность его проявилась лишь въ отправкѣ осенью 1917 г. офицера Сѣдова въ Тобольскъ и въ порученіи, данномъ другому офицеру, С. Маркову, отправленному туда же на средства А. А. Вырубовой. Ни о какихъ другихъ «попыткахъ» Н. Е. Марковъ не говоритъ и, дѣйствительно, тѣ которыя намъ извѣстны, были произведены не его организаціей. Различны его версіи и относительно роли Соловьева и корнета Маркова. Въ показаніи своемъ слѣдователю Соколову, Н. Е. Марковъ разсказываетъ, что «весной 1918 года, офицеръ Марковъ вернулся въ Петроградъ. Онъ сказалъ намъ, что въ Тюмени зять Распутина, Соловьевъ, находится во главѣ организаціи Вырубовой... Въ это время у меня не явилось никакого подозрѣнія». «С. Марковъ, котораго лично я зналъ мало и о которомъ судилъ по мнѣнію г-жи Денъ, представился мнѣ, по возвращеніи его изъ Сибири, въ иномъ свѣтѣ: его разсказы мнѣ мало внушали довѣрія, они мнѣ казались мало убѣдительными»[2]).

Такимъ образомъ, по показаніямъ Н. Е. Маркова, сдѣланнымъ судебному слѣдователю Соколову въ 1921 году, роль Соловьева въ 1918 году не казалась ему подозрительной, что онъ подтверждаетъ въ статьѣ, появившейся въ Еженедѣльникѣ Высшаго Монархическаго Совѣта отъ 28 апрѣля 1924 г. Что же касается корнета Маркова, то онъ, по возвращеніи изъ Сибири, «представляется Н. Е. Маркову въ иномъ свѣтѣ».

Но вотъ выходитъ въ 1928 году въ свѣтъ книга С. Маркова, въ которой онъ утверждаетъ, что, вернувшись изъ поѣздки, онъ не видѣлъ Н. Е. Маркова и потому никакъ не могъ «предста-

---

[1]) Н. Е. Марковъ. «Покинутая Царская Семья». Двуглавый Орелъ, № 29, 17/30 іюня 1929 г.

[2]) N. Sokoloff. Enquête Judiciaire, стр. 128.

виться ему въ иномъ свѣтѣ», а разсказы его, которыхъ онъ не дѣлалъ, не могли «внушать мало довѣрія».

Послѣ появленія книги С. Маркова Н. Е. Марковъ мѣняетъ свою версію. Вопреки своему показанію Соколову, онъ признаетъ, что С. Маркова онъ не видѣлъ по возвращеніи его изъ Сибири и что онъ отъ него скрывался, какъ отъ «активнаго сотрудника провокатора Соловьева». Остается, такимъ образомъ, непонятнымъ, считалъ ли Н. Е. Марковъ въ 1918 г. Соловьева провокаторомъ или же онъ «не внушалъ ему никакого подозрѣнія».

Былъ ли дѣйствительно Соловьевъ агентомъ большевиковъ? Слѣдователь Соколовъ приходитъ къ этому заключенію, главнымъ образомъ, на основаніи показаній Н. Е. Маркова и офицера N (штабъ-ротмистра Н. Я. Сѣдова); но такъ какъ самъ Н. Е. Марковъ основывалъ свое мнѣніе на утвержденіяхъ Сѣдова — то всѣ доказательства провокаторства Соловьева сосредоточиваются, въ конечномъ итогѣ, въ показаніи Н. Я. Сѣдова.

Что же разсказываетъ этотъ офицеръ? Замѣтимъ, что во время своего пребыванія въ Сибири Сѣдовъ находился все время въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Соловьевымъ; Н. Е. Марковъ утверждаетъ даже, что «онъ явно былъ креатурой Соловьева, а не нашей». Съ этимъ Сѣдовъ и возвращается въ апрѣлѣ 1918 г. въ Петроградъ и потому можно признать, что въ это время онъ Соловьева совѣтскимъ агентомъ отнюдь не считалъ.

Но въ ноябрѣ того же года Сѣдовъ является къ судебному слѣдователю Сергѣеву, которому въ то время было поручено слѣдствіе объ убійствѣ Царской Семьи, и разсказываетъ ему, что, по словамъ Соловьева, онъ, Соловьевъ, состоялъ во главѣ организаціи, заботящейся объ участи Августѣйшихъ Плѣнниковъ, что онъ никому не позволялъ дѣйствовать помимо него, подъ страхомъ быть выданнымъ большевикамъ, и что онъ, Соловьевъ, уже выдалъ такимъ образомъ двухъ гвардейскихъ офицеровъ и одну даму, имена которыхъ свидѣтелю неизвѣстны.

Неправдоподобіе этого заявленія бросается въ глаза. Не могъ бы Сѣдовъ, послѣ столь откровеннаго и циничнаго заявленія Соловьева, оставаться всю зиму въ непосредственной близости съ Соловьевымъ и подъ его исключительнымъ вліяніемъ; не скрылъ бы Сѣдовъ также этого обстоятельства, давая, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отчетъ о своей поѣздкѣ Н. Е. Маркову; не могъ бы онъ забыть или не спросить именъ выданныхъ, будто бы, Соловье-

19*

вымъ офицеровъ и дамы; наконецъ, арестъ этихъ лицъ, посланныхъ какой-то организаціей, сталъ бы извѣстнымъ.

Неправдоподобнымъ является и то, чтобы Соловьевъ могъ фактически помѣшать кому-либо пробраться въ Тобольскъ; ни корнетъ С. Марковъ, ни штабъ-ротмистръ Соколовъ, о которомъ будетъ рѣчь дальше, ни посланцы группы сенатора Д. Б. Нейдгарта и Толстыхъ, никто изъ всѣхъ этихъ лицъ, которыя пріѣзжали съ разными порученіями къ Царской Семьѣ въ Тобольскъ и въ Екатеринбургъ, не обращались къ Соловьеву за помощью или разрѣшеніемъ, никому изъ нихъ онъ не чинилъ препятствій и никого не выдалъ большевикамъ.

Можно думать, что и самъ Н. Е. Марковъ не особенно вѣрилъ въ «провокаторскую» дѣятельность Соловьева, ибо три года спустя послѣ всѣхъ этихъ событій, письмомъ отъ 21 апрѣля 1921 г., онъ обращается къ Соловьеву съ конфиденціальной просьбой «выяснить, какого политическаго направленія придерживается Русскій комитетъ въ Прагѣ», а 29 того же мѣсяца — «покорнѣйше проситъ его пожаловать на съѣздъ хозяйственнаго возстановленія Россіи».

Если мы къ этому прибавимъ, что Соловьевъ умеръ въ эмиграціи отъ чахотки въ совершенной бѣдности, то едва ли можетъ остаться сомнѣніе въ томъ, что его «провокаторская» дѣятельность является легендой.

Зачѣмъ эта легенда выдумана? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простой. Она выдумана для оправданія бездѣйствія тѣхъ, кто взялись за дѣло спасенія Царской Семьи. «Мы все сдѣлали, что могли, но намъ помѣшали». Кто помѣшалъ? И тутъ на сцену появляется имя Соловьева. Мы можемъ даже опредѣлить съ точностью, когда и какъ появилось это обвиненіе.

Въ апрѣлѣ 1918 г. штабъ-ротмистръ Сѣдовъ возвращается въ Петроградъ изъ своей поѣздки въ Сибирь, не достигнувъ никакихъ результатовъ, и подвергается за это упрекамъ Н. Е. Маркова. «Когда мы ему замѣтили, что онъ не выполнилъ нашего порученія, онъ проявилъ крайнее замѣшательство» (показаніе Н. Е. Маркова).

Въ это время Сѣдовъ о «провокаторской дѣятельности» Соловьева не помышляетъ. Но вотъ происходитъ Екатеринбургское злодѣяніе; обнаруживается вся несостоятельность «спасителей», и въ ту же осень Сѣдовъ пускаетъ въ оборотъ разсказъ

о препятствіяхъ, чинимыхъ будто бы Соловьевымъ, о выдачахъ большевикамъ и т. д.

И Н. Е. Марковъ, въ которомъ Соловьевъ «не вызывалъ никакихъ подозрѣній», и который ведетъ съ нимъ потомъ уже за границей конфиденціальную переписку, вдругъ вспоминаетъ, что онъ считалъ его большевицкимъ агентомъ.

Почему же выборъ такого козла отпущенія палъ именно на Соловьева? Потому только, что онъ былъ женатъ на дочери Распутина и что вокругъ этого имени создалась какая-то мрачная легенда предательства.

Слѣдователь Соколовъ, страдавшій германофобіей въ острой формѣ, и не скрываетъ, въ своей книгѣ, что онъ женитьбѣ Соловьева придаетъ рѣшающее значеніе.

«Нѣкогда нѣмцы воспользовались Распутинымъ, чтобы вырыть ровъ между Царемъ и Его народомъ», заявляетъ Соколовъ; очевидно, поэтому, что, женившись на Матренѣ Распутиной, Соловьевъ становится нѣмецкимъ агентомъ, а такъ какъ нѣмцы поддерживали большевиковъ, то онъ обращался также въ агента послѣднихъ. Такова схема наивнаго разсужденія слѣдователя Соколова. Одного только онъ не учитываетъ: Соловьевъ женился на дочери Распутина не при Царскомъ режимѣ, когда могъ бы надѣяться, что бракъ этотъ окажется для него прибыльнымъ, а послѣ революціи, 18 октября 1917 года, то есть въ ту именно эпоху, когда имя Распутина предавалось поношенію и проклятію и когда требовалось нѣкоторое гражданское мужество, чтобы ввести дочь «старца» въ свою семью.

Н. Е. Марковъ, какъ было сказано выше, также видитъ въ женитьбѣ Соловьева какую-то тяжкую улику: «Провокаторъ Соловьевъ», пишетъ онъ, «женился на дочери Распутина повидимому только для того, чтобы, войдя въ довѣріе къ Государынѣ, взять дѣло спасенія въ свою монополію и помѣшать всѣмъ дѣйствительнымъ попыткамъ спасти Царскую Семью». И здѣсь все разсужденіе основывается не на фактахъ, а на словѣ «повидимому».

Нисколько не вдаваясь въ разборъ разнородныхъ оцѣнокъ, данныхъ Н. Е. Марковымъ зятю Распутина, приходится, однако, признать, что какова бы ни была роль Соловьева, она не могла помѣшать попыткамъ спасенія Государя и Его Семьи, ибо эти попытки, до переѣзда Царской Семьи въ Екатеринбургъ, серьезно

никѣмъ и не дѣлались, что, впрочемъ, и подтверждается всѣми лицами, допрошенными слѣдователемъ Соколовымъ.

Другая причина неудачъ, указанная Н. Е. Марковымъ — отсутствіе средствъ. Н. Е. Марковъ говоритъ о томъ, что «требовались милліоны, а мы съ трудомъ находили десятки тысячъ», а также, что «будь хотя бы одинъ милліонъ», возможно было бы «сосредоточить въ Екатеринбургѣ отрядъ въ 300 человѣкъ». Стоимость рублей въ то время была весьма измѣнчива; въ полемикѣ съ корнетомъ Марковымъ Н. Е. Марковъ утверждаетъ, что выданные ему 830 рублей составляли «не менѣе 8000 нынѣшнихъ франковъ», т. е. приблизительно, по 10 франковъ за рубль [1]). По этому разсчету выходитъ, что для спасенія Царской Семьи необходимы были суммы, опредѣляемыя въ десятки милліоновъ франковъ, а на посылку отряда въ 300 человѣкъ — не менѣе десяти милліоновъ франковъ. Изъ этого видно, сколь преувеличены эти финансовыя соображенія. Мы укажемъ дальше, что суммы въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей собирались частными лицами и посылались въ Тобольскъ для расходовъ Царской Семьи; такія преданныя лица, какъ А. А. Вырубова, отдавали все, что имѣли, для помощи Монархамъ; секретарь Императрицы, графъ Ростовцевъ, также посылалъ Имъ деньги; не можетъ быть сомнѣнія, что если находились жертвователи, которые давали деньги на расходы Царской Семьи, то на спасеніе Ея средства тѣмъ болѣе полились бы, но при условіи довѣрія въ реальность этого дѣла. Между тѣмъ, какъ видно изъ утвержденій Н. Е. Маркова, самый планъ спасенія Царственныхъ Узниковъ не только не былъ «разработанъ», но до послѣдней минуты оставался весьма туманнымъ; такъ въ одной своей статьѣ, уже нами цитированной, авторъ говоритъ о подготовкѣ увоза Семьи къ устью Оби, для посадки на шхуну [2]), въ другой же, появившейся пять лѣтъ спустя, рѣчь уже идетъ о «рѣшительной попыткѣ для соединенія Царской Семьи съ чехо-словаками» [3]).

Наконецъ, поражаетъ во всемъ этомъ дѣлѣ полное отсутствіе руководства на мѣстѣ, куда должны «стягиваться» члены отряда;

---

[1]) По разсчету Н. Е. Маркова въ 1924 г.; сейчасъ это составило бы еще бо́льшую сумму въ французскихъ франкахъ.

[2]) Н. Е. Марковъ. «Попытки спасенія Царской Семьи». Еженедѣльникъ Выс. Мон. Сов. № 121, 28 апрѣля / 11 мая 1924 г.

[3]) Н. Е. Марковъ. «Покинутая Царская Семья». Двуглавый Орелъ, № 29, 17/30 іюня 1929 г.

за всю зиму, въ самое, быть можетъ единственно благопріятное время для дѣйствія, глава организаціи ограничивается посылкой двухъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ юный корнетъ; не получая же, по его словамъ, отъ нихъ донесенія, онъ не предпринимаетъ никакихъ мѣръ для новой развѣдки. Все это отзывается казенщиной, отписками, видимостью работы, а не самой работой.

Въ этомъ и нужно видѣть причины неудачи спасенія Царской Семьи марковской организаціей и приходится согласиться съ ея руководителемъ, когда онъ признаетъ, что «въ этомъ мы, монархисты, конечно, виноваты и, въ первую голову, виноватъ въ этомъ я, Марковъ 2-й».

Подобныхъ «зачаточныхъ» попытокъ спасенія Царской Семьи было, безъ сомнѣнія, сдѣлано не мало; не всѣ онѣ еще извѣстны и опубликованы, но двѣ изъ нихъ появились въ печати въ достаточно подробномъ изложеніи, чтобы на нихъ возможно было остановиться.

Въ сентябрѣ 1917 г. товарищъ прокурора нижегородскаго окружного суда С., возвращаясь въ поѣздѣ изъ командировки, услышалъ разсказъ одной изъ пассажирокъ о подготовкѣ какой-то казачьей организаціей попытки освободить Царскую Семью, при чемъ непомѣрно болтливая дама повѣдала даже, что дочь ея, фрейлина Маргарита Сергѣевна Хитрово, выѣхала уже въ Тобольскъ, везя съ собой корреспонденцію для Царской Семьи.

Пріѣхавъ въ Нижній Новгородъ, товарищъ прокурора С. вмѣсто того, чтобы свято хранить случайно услышанную имъ вѣсть о возможномъ спасеніи своего Монарха, поспѣшилъ обо всемъ донести прокурору суда. Этотъ, забывшій долгъ присяги, «судебный дѣятель», въ свою очередь, выѣхалъ въ тотъ же день въ Москву для доклада о «заговорѣ» прокурору московской судебной палаты А. Ф. Стаалю, заядлому революціонеру изъ эмигрантовъ, назначенному на эту должность Керенскимъ.

Начальнику московской сыскной полиціи Григорьеву было поручено разыскать неосторожную пассажирку; арестованная и допрошенная Григорьевымъ, Л. В. Хитрово не только подтвердила весь свой разсказъ о заговорѣ, но, напуганная печальнымъ оборотомъ, который приняло дѣло, показала, что душою заговора является офицеръ К., служащій на станціи Рѣжица; относительно же своей дочери Л. В. Хитрово сообщила, что та дѣйствительно выѣхала въ Тобольскъ, везя корреспонденцію, зашитую въ холстинку, обернутую вокругъ таліи.

Чины судебнаго вѣдомства и милиціи понеслись задерживать «виновныхъ»; одинъ товарищъ прокурора поѣхалъ въ Тобольскъ, другой въ Рѣжицу. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Тобольскъ же была отправлена телеграмма Керенскаго о задержаніи и обыскѣ Маргариты Сергѣевны Хитрово.

Смѣлая дѣвушка заявила, что ничего о заговорѣ не знаетъ и пріѣхала въ Тобольскъ единственно изъ желанія находиться возможно ближе къ Царской Семьѣ, съ которой она, какъ фрейлина Государыни Императрицы, была тѣсно связана. Арестованная М. С. Хитрово была доставлена въ Москву и временно помѣщена въ зданіи судебныхъ установленій, въ кабинетѣ врача.

При обыскѣ въ Рѣжицѣ у офицера К. были, между прочимъ, обнаружены обширная переписка, квитанціонная книжка по сбору пожертвованій и обыкновенная резиновая печать, сдѣланная отъ руки перочиннымъ ножемъ, съ надписью «Общеказачій Союзъ».

Бѣглымъ опросомъ начальствующихъ лицъ и сослуживцевъ К. было установлено, что никакого «общеказачьяго союза» какъ будто не существуетъ, но квитанціонная книжка выдала имена жертвователей на это загадочное дѣло.

Прямо съ Николаевскаго вокзала арестованный К. былъ доставленъ въ камеру судебнаго слѣдователя Александрова, который и подвергъ его двухчасовому допросу. Александровъ оказался судебнымъ дѣятелемъ другого закала, нежели тѣ, непомѣрно старающіеся передъ новыми хозяевами чины прокурорскаго надзора, которые заварили всю эту кашу. Подъ его умѣлымъ руководствомъ дѣло быстро приняло совершенно иной оборотъ. Офицеръ К. показалъ, что никакого заговора въ дѣйствительности не было, а что онъ единственно рѣшилъ использовать въ корыстныхъ цѣляхъ настроеніе нѣкоторыхъ круговъ русскаго общества и, подъ предлогомъ спасенія Царской Семьи, собиралъ пожертвованія, которыя и обращалъ въ свою пользу.

Гдѣ была правда въ этомъ показаніи, трудно сказать, но оно дало Александрову возможность свести крупное политическое дѣло къ простому мошенничеству и освободить М. С. Хитрово. Но скоро наступили событія, которыя, и помимо воли судебныхъ властей, прекратили навсегда «дѣло о заговорѣ».

25 октября началось въ Москвѣ большевицкое выступленіе. Отсидѣвъ первые дни возстанія въ своемъ зданіи на Воскресенской площади, Городская Дума революціоннаго созыва перебра-

лась въ Кремль въ зданіе Судебныхъ Установленій, подъ защиту юнкеровъ. Было произнесено много великодушныхъ, горячихъ и даже героическихъ рѣчей, но, когда большевики открыли по зданію огонь, думцы капитулировали и, выговоривъ для себя свободный проходъ, сбѣжали, бросивъ своихъ защитниковъ юнкеровъ на произволъ звѣрей большевиковъ.

Зданіе было разграблено и разгромлено, а скоро послѣ этого и самый судъ былъ распущенъ «за ненадобностью». Революціонному прокурору палаты Стаалю пришлось спасаться отъ еще болѣе революціонныхъ «товарищей» и готовиться къ новой эмиграціи за границу. Что стало съ офицеромъ К., неизвѣстно [1]).

Другая попытка представляется столь же легкомысленной и, конечно, была обречена на такую же неудачу. Въ теченіе декабря мѣсяца одна московская монархическая организація послала въ Тобольскъ трехъ офицеровъ, шт.-ротм. Соколова и двухъ другихъ М. и Г., съ порученіемъ связаться съ мѣстными монархистами и подготовить увозъ Царской Семьи. Въ нужный моментъ должна была пріѣхать сотня гардемариновъ для выполненія самого налета. Планъ предполагался весьма простой: часть заговорщиковъ должна была спрятаться въ воскресенье въ алтарѣ; во время литургіи, на которой присутствовала вся Семья, офицеры ворвались бы и увезли бы Плѣнниковъ. Другой варіантъ предполагалъ ночное нападеніе на губернаторскій домъ, когда стража спала. Въ то время какъ часть отряда заняла бы почту, чтобы помѣшать посылкѣ телеграммъ, другая часть увезла бы Монарховъ въ Троицкъ, занятый тогда казаками атамана Дутова.

Молодыхъ офицеровъ сопровождалъ поручикъ Р., который пріѣзжалъ съ докладомъ изъ Тобольска, куда онъ отправился жить еще раньше, по порученію Пуришкевича. Нужно думать, что всѣ эти неопытные заговорщики, посланные на произволъ судьбы, проявили большую неосторожность, т. к., несмотря на царящую въ Тобольскѣ общую сумятицу, они скоро попали подъ подозрѣніе и были арестованы. Продержали, однако, ихъ недолго; притворившись отчаянными большевиками, офицеры быстро заслужили довѣріе самыхъ красныхъ товарищей, были отпущены на свободу и поспѣшили уѣхать. Впрочемъ, имъ ничего другого и не оставалось, т. к. прибывшій въ Тобольскъ

---

[1]) Приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ брошюры С. И. Орема «Заговоръ», съ предисловіемъ С. Н. Палеолога.

посланецъ отъ организаціи сообщилъ имъ, что все предпріятіе, за отсутствіемъ средствъ, было оставлено.

Свои воспоминанія объ этомъ эпизодѣ шт.-ротм. К. Соколовъ заканчиваетъ слѣдующими безрадостными словами: «Опасности пройдены, а на душѣ было скверно. Теперь невольно подводились итоги видѣннаго и пережитаго. Намъ, бывшимъ на мѣстѣ, было видно, что наша цѣль была вполнѣ осуществима, но не хватало организатора и средствъ. Такихъ людей, какъ мы, для развѣдки, информаціи и боя, нашлись бы сотни»[1]).

Организаторовъ, дѣйствительно, не было, но средства были. Такъ, напримѣръ, группа лицъ, состоящая изъ бывшихъ сановниковъ, Кривошеина, Нейдгарта, князя Ширинскаго-Шихматова, отправила въ Тобольскъ своего эмиссара, который, свидѣвшись съ лицами свиты, сообщилъ, по возвращеніи, о затруднительномъ матеріальномъ положеніи, въ которомъ находилась Царская Семья. Группа эта тотчасъ же собрала сумму въ 250 тысячъ рублей и передала ее, черезъ того же эмиссара, ген. Татищеву и кн. Долгорукову. Въ то же время группѣ удалось установить съ заключенными переписку на условномъ языкѣ. И вотъ, однажды, изъ Тобольска получилась телеграмма слѣдующаго содержанія: «Врачи настоятельно предписываютъ отъѣздъ на югъ, на морской курортъ. Требованіе это вызываетъ въ насъ крайнюю тревогу. Считаемъ путешествіе нежелательнымъ. Просимъ совѣта. Положеніе крайне трудное».

Смыслъ этой телеграммы показался членамъ группы загадочнымъ, но безусловно тревожнымъ. Повидимому, хотѣли увезти Царскую Семью, но куда? Обезпокоенные этимъ, Кривошеинъ, Нейдгартъ и князь Ширинскій-Шихматовъ рѣшили отвѣтить совѣтомъ отложить отъѣздъ и не уступать «врачамъ» до послѣдней крайности. Но скоро послѣ этого пришла новая депеша, сообщавшая, что «врачамъ» необходимо повиноваться.

Какое же важное событіе произошло въ Тобольскѣ?

5. Загадочный комиссаръ Яковлевъ.

Первый большевицкій отрядъ, прибывшій 13 марта въ Тобольскъ, вызвалъ у заключенныхъ, какъ мы говорили выше, нѣкоторыя надежды на скорое освобожденіе. Но въ этомъ

---

[1]) К. Соколовъ. Попытка освобожденія Царской Семьи, Арх. Русск. Рев., т. XVII, стр. 280—292.

странномъ противорѣчіи была несомнѣнно значительная доля основанія. Донесенія Соловьева и «тетушки Иветты», появленіе въ городѣ переодѣтыхъ офицеровъ, пріѣздъ корнета Маркова — все это не могло не создать у Царственныхъ Узниковъ впечатлѣнія о существованіи одной или даже нѣсколькихъ сильныхъ организацій, задавшихся цѣлью Ихъ освободить. Организаціи эти, какъ мы видѣли, существовали больше въ воображеніи ихъ создателей. Но спасеніе Царской Семьи могло ли быть выполнено только русскими силами?

Необходимо прежде всего вспомнить, что со времени отреченія Государя политическое положеніе измѣнилось; если еще годъ тому назадъ возможно было думать, что Монархъ, лишенный Престола, потерялъ всякое значеніе, и что самая память о Немъ должна сгладиться въ народныхъ умахъ, то теперь объ этомъ нельзя уже было помышлять.

Въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ Россія пронеслась вскачь черезъ конституціонную монархію, демократическую республику, соціалистическую республику, чтобы наконецъ удариться лбомъ о коммунизмъ. Перспективы, которыя открывалъ этотъ кровавый и безумный режимъ, были слишкомъ ужасны, чтобы взоры русскихъ людей не обратились вновь съ надеждой на славное прошлое Россіи и на ея законнаго Представителя — Царя. Съ другой стороны, и большевики, сжатые въ желѣзныхъ тискахъ Брестъ-Литовска, обреченные на позорную зависимость отъ Германіи, пытались хитрить, вступать въ переговоры. При такихъ условіяхъ, Государь обращался внезапно въ очень сильнаго козыря въ ихъ игрѣ, въ качествѣ заложника, за котораго возможно было потребовать дорогой политическій выкупъ. Наконецъ, сами нѣмцы, встревоженные тяжелымъ положеніемъ на западномъ фронтѣ, были заинтересованы въ томъ, чтобы обезпечить окончательную безопасность на восточномъ фронтѣ. Конечно, въ ихъ рукахъ былъ Брестъ-Литовскій договоръ, но подписанъ онъ былъ лишь большевиками, которые не внушали рейхсканцлеру никакого довѣрія. Требовалась другая подпись, на которую возможно было положиться, подпись Государя.

Итакъ, въ то время, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, судьба Царской Семьи внезапно пріобрѣла первостепенное значеніе въ сложной игрѣ германской и совѣтской дипломатіи. Теперь вернемся къ изложенію событій.

Отрядъ, появившійся 13 марта, прибылъ изъ Омска. Не

забудемъ, что Восточная Сибирь уже была охвачена мѣстами антисовѣтскими возстаніями; нѣсколько мѣсяцевъ спустя Омскъ становится даже столицей правительства адмирала Колчака. Отрядомъ командовали два офицера, Демьяновъ и Дегтяревъ; незадолго передъ этимъ въ Тобольскъ пріѣхалъ, также изъ Омска, нѣкій Дуцманъ, объявившій себя комиссаромъ города, и, въ частности, дома-тюрьмы, гдѣ находилась Царская Семья.

Черезъ два дня послѣ прибытія отряда, 15 марта, пріѣхалъ изъ Екатеринбурга другой отрядъ, состоявшій изъ красногвардейцевъ. Что произошло между начальниками этихъ двухъ отрядовъ, осталось тайной; впрочемъ, съ этого момента мы входимъ вообще въ полосу таинственности, въ которой приходится продвигаться только ощупью. Установлено во всякомъ случаѣ, что начальники изъ Омска потребовали немедленнаго отъѣзда екатеринбургскаго отряда, который, будучи значительно слабѣе, принужденъ былъ подчиниться и возвратиться въ Екатеринбургъ. Впрочемъ, какъ мы увидимъ дальше, борьба между Омскомъ и Екатеринбургомъ на этомъ не прекратилась.

Комиссаръ Дуцманъ, латышъ съ непроницаемымъ лицомъ, со взглядомъ, таившимся подъ завѣсой тяжелыхъ вѣкъ, проявилъ осторожность, молчаливость, замкнутость и ни въ чемъ не вмѣшивался въ судьбу заключенныхъ; Демьяновъ, недоучившійся семинаристъ, былъ, повидимому, лишь незначительнымъ статистомъ.

Роль начальника принадлежала, такимъ образомъ, Дегтяреву, который и проявилъ большую энергію и иниціативу. Между тѣмъ, Дегтяревъ былъ хорошо извѣстенъ жителямъ Тобольска. Сирота, состоявшій въ родствѣ съ однимъ изъ бывшихъ тобольскихъ губернаторовъ, онъ, съ гимназической скамьи, выражалъ всегда самыя крайнія монархическія убѣжденія. Впослѣдствіи, уже въ университетѣ, онъ вступилъ въ ряды Союза Михаила Архангела, пользующагося репутаціей «черносотеннаго». И потому велико было изумленіе тобольчанъ, когда они увидѣли этого молодого человѣка во главѣ отряда большевицкихъ красногвардейцевъ.

Странный отрядъ, непонятные большевики, загадочные офицеры, сомнительный комиссаръ! Вопреки всѣмъ большевицкимъ правиламъ, новая власть не произвела ни одного обыска, никого не арестовала и не разстрѣляла и не стала грабить «буржуевъ». Зачѣмъ же она явилась въ Тобольскъ?

Установивъ кое-какія большевицкія учрежденія, Дегтяревъ и его два помощника принялись за мѣстный Совѣтъ, измѣнивъ совершенно его составъ, вплоть до предсѣдателя Никольскаго, вмѣсто котораго былъ ими поставленъ нѣкій матросъ Хохряковъ, появившійся неизвѣстно откуда, и о которомъ до сихъ поръ никто ничего не слыхалъ. Однако, большевизанствующая стража губернаторскаго дома относилась съ подозрѣніемъ къ этимъ новопришельцамъ. Офицеръ Демьяновъ пытался нѣсколько разъ проникнуть къ заключеннымъ, но охрана его пропустила не дальше двора.

Но 31 марта внезапно въѣзжаетъ въ городъ новый, и на этотъ разъ многочисленный, отрядъ красногвардейцевъ изъ Екатеринбурга, подъ командой еврея Заславскаго. Тотчасъ по пріѣздѣ Заславскій занялся спеціально травлей Царской Семьи; онъ убѣждалъ солдатъ требовать заключенія Узниковъ въ городскую тюрьму, подъ предлогомъ того, что губернаторскій домъ недостаточно охраненъ отъ налета монархистовъ. «Плѣнниковъ хотятъ спасти», кричалъ онъ, «подъ домомъ уже вырыты тайные ходы».

Смущенный Совѣтъ вызвалъ Кобылинскаго. Произошелъ споръ, въ которомъ Кобылинскій одержалъ, однако, побѣду, заявивъ, что въ случаѣ перевода Царской Семьи въ тюрьму, стражѣ придется также туда перебраться. Перспектива покинуть удобныя свои помѣщенія для тюрьмы не улыбалась избалованнымъ солдатамъ, и вопросъ этотъ былъ оставленъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ спорѣ этомъ, въ которомъ Кобылинскій отстаивалъ интересы и надежды Монарховъ на освобожденіе, онъ нашелъ горячую поддержку у омскихъ большевиковъ; Демьяновъ предложилъ даже содѣйствіе штыковъ своего отряда, въ случаѣ если бы Заславскій заартачился.

Въ то время какъ представители омскихъ и екатеринбургскихъ большевиковъ оспаривали другъ у друга Царскую Семью, Москва продолжала проявлять къ этому вопросу полную пассивность. Дуцманъ и Демьяновъ уѣхали обратно въ Омскъ; Дегтяревъ, объявившій себя комиссаромъ юстиціи, остался здѣсь одинъ изъ этого тріо.

А въ Тобольскѣ все ждали представителя центра; самые фантастическіе слухи начали ходить по этому поводу; говорили, что Москва пошлетъ одного изъ самыхъ видныхъ вождей... Троцкаго быть можетъ?

Наконецъ, 9 апрѣля подъ вечеръ, появился столь долго жданный комиссаръ.

Это былъ стройный и крѣпкій на видъ человѣкъ, лѣтъ тридцати, со смуглымъ энергичнымъ лицомъ. Говорилъ онъ властно и даже рѣзко, но рѣчь его носила отпечатокъ хорошаго воспитанія, и даже руки его, длинныя, съ тонкими пальцами и, главное, чистыя, были далеко не «товарищескія», а явно буржуйныя. Человѣкъ этотъ, одѣтый матросомъ, назвалъ себя Васильемъ Васильевичемъ Яковлевымъ, чрезвычайнымъ комиссаромъ изъ Москвы. Кѣмъ онъ былъ раньше, откуда онъ появился? На эти вопросы Яковлевъ отвѣчалъ съ большой, даже слишкомъ большой готовностью, сообщая чрезвычайно много подробностей о себѣ. Родился онъ въ Уфѣ, потомъ жилъ въ Финляндіи, былъ приговоренъ къ повѣшенію за что-то революціонное, бѣжалъ, побывалъ въ Швейцаріи и Германіи и т. д. Что во всемъ этомъ было правдой, что принадлежало воображенію разсказчика, объ этомъ, въ то время, никто вопроса себѣ не задавалъ. Чрезвычайный комиссаръ привезъ съ собой нѣчто въ родѣ помощника, довольно ничтожнаго парня по фамиліи Авдѣевъ, телеграфиста и отрядъ молодыхъ солдатъ. Документы, которые онъ предъявилъ, были не только въ полномъ порядкѣ, но, за подписью всесильнаго Свердлова, облекали его чрезвычайными полномочіями и угрожали смертью всякому, кто позволилъ бы себѣ не подчиниться приказаніямъ этого большевицкаго проконсула.

На другой день послѣ своего пріѣзда Яковлевъ велѣлъ собрать солдатъ охраны и обратился къ нимъ съ весьма ловкой рѣчью. Онъ началъ съ заявленія о томъ, что привезъ деньги для выдачи дополнительнаго жалованья, о которомъ солдаты столь тревожились. Потомъ онъ вытащилъ изъ кармана свои документы и сталъ ихъ читать вслухъ. Видъ казенныхъ печатей особенно сильно повліялъ на слушателей, но все же въ воздухѣ чувствовалось нѣкоторое опасеніе, нѣкоторая тревога. Яковлевъ это замѣтилъ, тотчасъ же вернулся къ пріятной темѣ о жалованьи, обѣщалъ солдатамъ скорое возвращеніе на родину, словомъ совершенно разсѣялъ въ нихъ всякую тѣнь недовѣрія. Но Заславскій былъ на-чеку; на слѣдующій же день онъ прибѣжалъ на новое собраніе охраны, созванное Яковлевымъ, разсчитывая повернуть настроеніе солдатъ. Ему сразу же не повезло; омскій представитель Дегтяревъ обрушился на него

съ обличительной рѣчью, обвиняя его въ распространенiи ложныхъ слуховъ, въ обманѣ солдатъ, въ двойной игрѣ. Заславскiй пытался оправдываться, но былъ принужденъ бѣжать подъ свистки и улюлюканiе солдатъ. Такимъ образомъ, Яковлевъ избавился отъ своего опаснаго врага.

Но здѣсь возникаетъ вопросъ. Какую цѣль преслѣдовалъ Дегтяревъ, оказывая эту услугу Яковлеву, котораго онъ не зналъ, и намѣренiя котораго ему были, будто бы, неизвѣстны? Къ этому, въ тотъ же день, прибавилось и другое, столь же загадочное, обстоятельство. Нѣсколько солдатъ, подозрѣнiя которыхъ насчетъ Яковлева еще не окончательно разсѣялись, отправились за совѣтомъ къ новому предсѣдателю Совѣта, матросу Хохрякову; напомнимъ, что эта неизвѣстная личность была поставлена на предсѣдательскiй постъ начальниками омскаго отряда. И вотъ, Хохряковъ, въ отвѣтъ на сомнѣнiя, изложенныя ему солдатами, заявляетъ, что онъ ручается за Яковлева, котораго онъ, будто бы, отлично знаетъ, какъ одного изъ виднѣйшихъ революцiонеровъ Урала.

Этотъ рядъ обстоятельствъ вызвалъ подозрѣнiе у Кобылинскаго. Онъ началъ смутно догадываться, что Яковлевъ подготавливаетъ какой-то планъ, благопрiятный для Царской Семьи, и что онъ находитъ поддержку у «большевиковъ», прiѣхавшихъ изъ Омска. Но каковъ былъ этотъ планъ? Скоро и это стало извѣстнымъ.

Новый комиссаръ не проявлялъ большого интереса къ заключеннымъ. Во время своего посѣщенiя губернаторскаго дома онъ остановился дольше лишь у кровати больного Наслѣдника. Это нездоровье Алексѣя Николаевича, казалось, его озабочивало больше всего. Яковлевъ возвращался нѣсколько разъ, былъ принятъ Государемъ и Императрицей, но интересовался только больнымъ ребенкомъ. Послѣ одного изъ такихъ посѣщенiй онъ заперся на телеграфѣ со своимъ телеграфистомъ и имѣлъ долгiй разговоръ съ Москвой.

Наконецъ, вечеромъ 11 апрѣля Яковлевъ открылъ свои карты; онъ заявилъ стражѣ, что прiѣхалъ за Царской Семьей. Кобылинскiй, которому онъ также сообщилъ объ этомъ, началъ горячо протестовать. «Это невозможно», сказалъ онъ, «что вы сдѣлаете съ Наслѣдникомъ, вы же знаете, что онъ слишкомъ боленъ, чтобы ѣхать».

«Въ этомъ, конечно, и есть затрудненіе», отвѣтилъ Яковлевъ съ нерѣшительностью, «я объ этомъ имѣлъ разговоръ по телеграфу съ Центральнымъ Комитетомъ и получилъ приказаніе увезти Государя, оставивъ Царскую Семью въ Тобольскѣ. Такимъ образомъ, придется уѣзжать завтра же».

Яковлевъ просилъ у Государя личнаго свиданія; Императрица настояла, чтобы на немъ присутствовать; Она, какъ будто, опасалась оставлять Государя наединѣ съ московскимъ посланцемъ и высокомѣрно заявила Яковлеву, что Она останется.

«Хорошо», согласился Яковлевъ и тотчасъ же началъ офиціальнымъ тономъ: «гражданинъ Романовъ, Совѣтомъ народныхъ комиссаровъ мнѣ поручено перевезти Васъ изъ Тобольска. Вашъ сынъ боленъ, Онъ можетъ остаться здѣсь со всей Вашей Семьей, Вы, значитъ, уѣдете одинъ».

Наступило тягостное молчаніе. Потомъ Государь, преодолѣвъ волненіе, спросилъ спокойнымъ голосомъ:

«А куда меня перевозятъ?»

Яковлевъ отвѣтилъ, что это ему самому неизвѣстно, и что соотвѣтствующія распоряженія онъ получитъ уже во время пути.

«Я желаю остаться съ Семьей и не уѣду», сказалъ тогда Государь. Императрица не сдержала крика отчаянія:

«Что вы хотите сдѣлать? Вы отрываете Его отъ больного Сына и отъ Семьи, это слишкомъ жестоко».

Смущенный, взволнованный, Яковлевъ возразилъ тономъ, въ которомъ чувствовалась мольба:

«Я Васъ умоляю согласиться. Я вынужденъ выполнить приказанія, которыя я получилъ. Если Вы откажетесь уѣхать, мнѣ придется или примѣнить силу, или отказаться отъ своей миссіи. И тогда меня замѣнятъ, быть можетъ, человѣкомъ менѣе добросовѣстнымъ. Не бойтесь ничего, я отвѣчаю за Вашу безопасность. Если Вы не желаете уѣхать одинъ, возьмите съ собой тѣхъ лицъ, которыхъ Вы выберете. Будьте готовы къ отъѣзду завтра въ четыре часа утра»[1]).

И, сдерживая волненіе, Яковлевъ вышелъ изъ комнаты. Наступили для Семьи часы тяжкаго сомнѣнія.

---

[1]) Разговоръ этотъ приведенъ по даннымъ слѣдственнаго матеріала Соколова и по разсказу Яковлева, помѣщенному въ «Уральской Жизни». (Русская Лѣтопись, кн. I, стр. 150—153.) Эти двѣ версіи нѣсколько расходятся въ подробностяхъ.

«Какъ вы думаете, куда собираются меня повезти?» спросилъ Государь Кобылинскаго.

«По нѣкоторымъ словамъ Яковлева я понялъ, что Вы, какъ будто, поѣдете въ Москву».

«Въ такомъ случаѣ», воскликнулъ Государь съ волненіемъ, «это значитъ, что они хотятъ заставить меня подписать брестъ-литовскій договоръ. Скорѣе я дамъ отрубить себѣ руку».

«Я тоже поѣду», прибавила Императрица въ сильной тревогѣ.

Государь вышелъ въ садъ, Императрица вернулась къ себѣ и велѣла позвать Жильяра. Воспитатель былъ пораженъ Ея растерянным и ужасно взволнованнымъ видомъ. Никогда еще онъ не видѣлъ Ее въ такомъ отчаяніи, даже въ Спалѣ, когда Ея Сыну угрожала смерть, даже въ Царскомъ Селѣ въ тѣ страшныя минуты, когда Она узнала объ отреченіи Государя. Императрица металась по комнатѣ, ломая руки, произнося отрывистыя слова.

«Я не могу покинуть Государя въ такія минуты», говорила Она, «я чувствую, что Его хотятъ заставить подписать что-то подъ угрозой опасности для Его близкихъ, оставшихся въ Тобольскѣ, какъ это сдѣлали для Его отреченія... Навѣрное, они хотятъ заставить Его подписать миръ... Нѣмцы должны это требовать, довѣряя только Его подписи... мой долгъ этого не допустить... Но я не могу оставить Сына. Онъ слишкомъ тяжело боленъ. Что съ Нимъ станетъ безъ меня?» [1]).

И Императрица, которая обычно не могла стоять болѣе нѣсколькихъ минутъ на ногахъ, продолжала ходить въ волненіи, въ страшномъ и нервномъ напряженіи всѣхъ силъ.

«Отъѣздъ этотъ невозможенъ», повторяла Она, «если необходимо чудо, я увѣрена, что оно свершится».

«Но все же намъ нужно принять какое-нибудь рѣшеніе, на случай, если Папа пришлось бы уѣхать», замѣтила Татьяна Николаевна, всегда сдержанная и благоразумная не по лѣтамъ.

Жильяръ поддержалъ мнѣніе Великой Княжны, прибавивъ, что если Императрица рѣшитъ сопровождать Государя, Она можетъ быть вполнѣ увѣрена, что всѣ окружатъ Наслѣдника

---

[1]) Слова эти приведены П. Жильяромъ въ двухъ, нѣсколько различныхъ версіяхъ: въ показаніяхъ Соколову (Enquête Judiciaire, стр. 75), и въ его книгѣ „Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille", стр. 218—219.

20

Цесаревича самой внимательной заботой. Государыня молчала. Ея колебанія, Ея жестокія сомнѣнія продолжались.

«Въ первый разъ въ жизни я не знаю, какъ поступить», сказала Она въ раздумьи. «Господь всегда указывалъ мнѣ вѣрный путь.... но теперь я не получаю никакого указанія... что я должна сдѣлать?...» И вдругъ Она воскликнула: «Я рѣшила, мой долгъ уѣхать съ Нимъ, а вы позаботитесь объ Алексѣѣ».

И, подойдя къ входившему въ эту минуту Государю, Императрица сказала Ему: «Я не пущу Тебя уѣхать одного, я поѣду съ Тобой».

Во время этой трагической сцены больной Наслѣдникъ, страдающій и взволнованный, ждалъ съ нетерпѣніемъ Свою Мать, которая должна была придти къ Нему послѣ завтрака. Часы проходили и тревога ребенка все увеличивалась. «Гдѣ Мама?» не переставая спрашивалъ Онъ у Своего англійскаго воспитателя Гиббса. Около четырехъ часовъ Императрица вошла, наконецъ, въ Его комнату. Она казалась спокойной, но лицо Ея носило слѣды пролитыхъ горькихъ слезъ.

Она нѣжно приласкала Сына и, въ нѣсколькихъ словахъ, сообщила Гиббсу о случившемся. Но, моментами, Она отворачивала лицо, чтобы ребенокъ не могъ замѣтить слезъ, которыхъ Она не въ силахъ была удержать.

Былъ собранъ семейный совѣтъ съ участіемъ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ лицъ.

Кто такой этотъ Яковлевъ? Онъ принесъ съ собой отчаяніе разлуки, а между тѣмъ внушалъ какое-то смутное довѣріе. «Онъ мнѣ кажется искреннимъ и честнымъ», сказалъ Государь. Но что же можно было предпринять? Сопротивляться отъѣзду, но какимъ образомъ? Здѣсь, въ тобольской глуши, Плѣнники совершенно оторваны отъ міра; что происходитъ тамъ, въ столицахъ, какіе ведутся переговоры? Обо всемъ этомъ нужно спросить у освѣдомленныхъ лицъ и тотчасъ же рѣшаютъ послать Кривошеину телеграмму, о которой говорилось выше. Но каковъ бы ни былъ отвѣтъ, нѣтъ сомнѣнія, что пока придется уступить или Яковлеву, или же, не дай Богъ, другому комиссару, заядлому большевику на этотъ разъ. И послѣ тревожнаго обсужденія всѣхъ возможностей и опасностей, рѣшаютъ, наконецъ, что Государь, Императрица и Марія Николаевна уѣдутъ въ сопровожденіи князя Долгорукова, доктора Боткина, камеристки Демидовой и лакеевъ Чемодурова

и Сѣднева. Остальная часть Семьи и штата останется въ Тобольскѣ до выздоровленія Алексѣя Николаевича.

Вечеромъ, въ десять часовъ, подаютъ чай. Жильяръ оставилъ намъ описаніе этого послѣдняго вечера Монарховъ въ Тобольскѣ: «Императрица сидитъ на диванѣ, съ Ней рядомъ двѣ Ея Дочери. Онѣ такъ много плакали, что лица Ихъ опухли отъ слезъ. Каждый изъ насъ скрываетъ свое горе и старается казаться спокойнымъ. У насъ такое чувство, что если кто-нибудь не сдержится, то и всѣхъ увлечетъ за собою въ бездну отчаянія. Государь и Императрица сосредоточены и молчаливы. Чувствуется, что Они готовы ко всякимъ жертвамъ, пожертвовать даже и Своею жизнью, если Господь Богъ, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, потребуетъ того для спасенія Ихъ Родины. Никогда Они не проявляли къ намъ бо́льшей милости и заботы. Это великое и ясное спокойствіе, эта чудесная вѣра, Ихъ вѣра, захватываютъ и насъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго прислуга собирается въ залѣ. Ихъ Величества и Марія Николаевна съ ними прощаются. Государь обнимаетъ мужчинъ, Императрица цѣлуетъ женщинъ. Почти всѣ рыдаютъ» [1]).

На другой день, 13 апрѣля, въ половинѣ четвертаго утра, подаютъ экипажи; ужасные, тряскіе тарантасы безъ рессоръ и сидѣній. Въ тарантасы бросаютъ немного соломы, а для Императрицы кладутъ матрацъ.

Несчастные Родители идутъ прощаться съ Своимъ больнымъ ребенкомъ.

Сколько разъ смерть, какъ черная тѣнь, подходила къ этому хрупкому и блѣдному мальчику, жизнь котораго зависѣла отъ всякой неосторожности, отъ ушиба, отъ слишкомъ рѣзкаго движенія! Никогда, отъ самаго Его рожденія, не оставляли Его ни на минуту Родители, слѣдя съ тревожной заботой за малѣйшими Его недомоганіями, каждое изъ которыхъ могло оказаться роковымъ. А теперь Имъ приходится покинуть Его больного, страдающаго, рыдающаго отъ горя въ Своей постелькѣ. Увидятъ ли Они Его когда-нибудь? Не на вѣчную ли разлуку обрекаетъ Ихъ безжалостная судьба? И что станется тогда съ несчастнымъ сиротой, съ маленькимъ Наслѣдникомъ въ рукахъ большевицкихъ палачей?

---

[1]) P. Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille, стр. 220—221.

То, что несчастные Отецъ и Мать сказали Своему ребенку въ эти минуты разлуки, никто никогда не узнаетъ. Никто не долженъ этого узнать. Это тайна, которую Они унесли съ собою въ могилу.

Яковлеву не безъ труда удалось убѣдить стражу согласиться на почти тайный увозъ Монарховъ. Съ помощью Кобылинскаго, онъ, наконецъ, заставилъ солдатъ подчиниться, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлалъ огромную, непростительную ошибку, согласившись оставить часть своего отряда въ Тобольскѣ. Впослѣдствіи ему пришлось горько объ этомъ сожалѣть. Со своей стороны, стража нарядила шесть человѣкъ для сопровожденія Плѣнниковъ; среди нихъ двое были вполнѣ преданы Кобылинскому и потомъ держали его въ курсѣ всѣхъ подробностей путешествія.

Въ четыре часа утра отъѣзжающіе выходятъ на крыльцо. Яковлевъ ждетъ уже ихъ около экипажей. Его нѣсколько сдержанное обращеніе исчезло, какъ ненужная маска. Онъ проявляетъ чрезвычайное почтеніе къ Монарху, обращаясь къ Государю не иначе, какъ отдавая честь, согласно военной дисциплинѣ. Замѣтивъ, что на Государѣ надѣта простая солдатская шинель, онъ приказываетъ принести шубу, которую и кладутъ въ тарантасъ. Однако, Яковлевъ противится желанію Императрицы сѣсть въ экипажъ Государя и самъ помѣщается съ Нимъ. Очевидно, онъ имѣетъ въ виду говорить съ Государемъ о томъ, чего другіе, и даже Императрица, не должны были знать.

Наконецъ, даютъ знакъ къ отъѣзду. Отрядъ изъ пяти всадниковъ открываетъ шествіе, за нимъ ѣдутъ двѣ телѣги, полныя солдатъ, а одна даже съ пулеметомъ. Слѣдуютъ засимъ экипажи Государя, Императрицы, съ которой ѣдетъ вмѣстѣ Великая Княжна Марія Николаевна, лицъ штата, опять четыре телѣги съ солдатами и, наконецъ, другой кавалерійскій отрядъ замыкаетъ обозъ.

Телѣги громыхаютъ по мостовой, а на крыльцѣ долго еще остаются три стройныя фигуры, слѣдя взоромъ за удаляющимся обозомъ; затѣмъ, одна за другой, онѣ входятъ обратно въ домъ.

Это три Великія Княжны, которыя, горько рыдая, въ первый разъ въ жизни чувствуютъ себя одинокими и покинутыми.

Яковлевъ увозитъ Плѣнниковъ въ Тюмень, гдѣ Они должны пересѣсть на поѣздъ.

А въ Тюмени находятся въ это время маленькій Марковъ съ своимъ эскадрономъ, Соловьевъ и Сѣдовъ; они всѣ ждутъ случая дѣйствовать. Теперь случай приближается къ нимъ съ каждымъ оборотомъ колесъ Царскаго обоза.

Эта безконечная дорога по сибирской весенней распутицѣ является истиннымъ мученіемъ для Путешественниковъ. Первыя тридцать верстъ ѣдутъ шагомъ; нѣсколько разъ приходится даже сходить съ экипажей и идти за ними пѣшкомъ, такъ какъ колеса утопаютъ въ непролазной грязи. Императрица, больная, безмолвно переноситъ Свои страданія; зато докторъ Боткинъ, у котораго жестокая тряска вызвала острый приступъ болѣзни почекъ, лежитъ на днѣ телѣги и громко стонетъ отъ боли.

Рѣки еще покрыты тающимъ льдомъ, который можетъ каждую минуту податься подъ тяжестью экипажей. Тоболъ переходятъ пѣшкомъ, но, чтобы переправиться черезъ Иршанъ, приходится сѣсть въ тарантасы, такъ какъ ледъ уже покрытъ водой, въ которую лошади уходятъ по грудь.

Впослѣдствіи комиссаръ Яковлевъ помѣстилъ въ «Уральской Жизни» коротенькое описаніе этого путешествія. Въ статьѣ этой онъ замѣтно избѣгаетъ говорить, хотя бы намеками, о настоящихъ своихъ намѣреніяхъ. Онъ обходитъ также молчаніемъ то, что, безъ сомнѣнія, составляло суть его знаменательной бесѣды съ Государемъ. И все же, даже въ такомъ сокращенномъ и обезцвѣченномъ видѣ, строки, которыя этотъ посланецъ Москвы посвящаетъ Государю, являются чрезвычайно показательными:

«Проѣзжая мимо церквей, Государь всегда снималъ шапку и набожно крестился. Я вынесъ впечатлѣніе, что Онъ человѣкъ добрый, глубоко вѣрующій и религіозный, дѣйствительно любитъ Свою Семью и о Ней заботится. Держалъ Онъ себя, какъ всегда, просто и кротко. Говорилъ со мной о жизни простого народа и, видимо, искренно и сердечно къ нему относился... Всю дорогу Александра Θеодоровна сидѣла молча, ни съ кѣмъ не разговаривала и держала себя гордо и неприступно, въ то время какъ Государь былъ привѣтливъ и разговорчивъ. Меня поражала незлобивость этихъ людей. Они ни на кого не жаловались...» Такъ большевики не пишутъ, такъ настоящій совѣтскій комиссаръ не отзывается о Монархахъ.

Во время пути Яковлевъ проявляетъ странное безпокойство; онъ все время торопитъ обозъ, насколько это возможно по

состоянію дороги. На почтовыхъ станціяхъ задерживаются ровно столько, сколько это требуется для перепряжки лошадей.

На одной изъ такихъ станцій, на полпути отъ Тюмени, съ встрѣчнаго тарантаса сходитъ довольно оборванный пассажиръ. Увидавъ обозъ, Государя, Императрицу, — онъ останавливается пораженный. Императрица бросаетъ на него пристальный взоръ и вздрагиваетъ: Она узнаетъ въ этомъ лохматомъ человѣкѣ капитана Сѣдова, офицера посланнаго «тетушкой Иветтой». Что онъ здѣсь дѣлаетъ, въ этомъ медвѣжьемъ углу? Посланъ ли онъ на развѣдку? предвѣщаетъ ли онъ какую-то надежду? Нѣтъ, Сѣдовъ дѣйствуетъ на свой страхъ; онъ ничего не знаетъ ни о Яковлевѣ, ни о судьбѣ Царской Семьи. Оставшись безъ всякихъ указаній и даже свѣдѣній о своемъ шефѣ, онъ рѣшилъ поѣхать въ Тобольскъ, узнать что-нибудь о Монархахъ. И вдругъ эта неожиданная встрѣча! Въ тревогѣ онъ продолжаетъ свой путь, узнаетъ въ Тобольскѣ о томъ, что произошло, и возвращается немедля въ Тюмень.

На послѣдней станціи, въ двадцати верстахъ отъ Тюмени, появляется отрядъ кавалеріи, посланный для сопровожденія обоза до города. Кавалеристы эти принадлежатъ къ эскадрону Маркова, но на этотъ разъ командуетъ ими другой офицеръ, Пермяковъ. Гдѣ же поручикъ Марковъ? Онъ сидитъ въ тюрьмѣ, куда его бросили дней десять назадъ подъ первымъ попавшимся предлогомъ. Впослѣдствіи, когда Царственные Узники оказались подъ крѣпкой охраной екатеринбургскихъ тюремщиковъ, молодого офицера освободили съ извиненіями. Ему даже вернули командованіе его эскадрономъ. Что это, странное совпаденіе или дѣйствіе невидимой и таинственной власти, которая передвигала по своему усмотрѣнію, какъ шахматныя фигуры, Государя, Императрицу, Яковлева, даже самыхъ мелкихъ пѣшекъ, Маркова и Сѣдова?

За нѣсколько дней передъ этимъ комиссаръ Яковлевъ послалъ своего помощника Авдѣева въ Тюмень, чтобы приготовить спеціальный поѣздъ. Поѣздъ этотъ, состоявшій изъ одного вагона перваго класса и трехъ вагоновъ третьяго, ожидалъ уже путниковъ, которые и пріѣхали въ Тюмень вечеромъ 14 апрѣля. Здѣсь Яковлевъ узнаетъ, что екатеринбургскіе рабочіе большевики заняли станцію Поклевскую и рѣшили задержать тамъ поѣздъ. Тѣмъ не менѣе онъ приказываетъ ѣхать, въ надеждѣ какъ-нибудь проскочить. Но, во время пути, извѣстіе это под-

тверждается; осторожнѣе было бы не упорствовать и проѣхать кругомъ, черезъ Омскъ. Поѣздъ возвращается въ Тюмень и, не задерживаясь, катитъ по дорогѣ въ Омскъ, откуда Яковлевъ разсчитываетъ направиться въ Москву, объѣхавъ Екатеринбургъ. Но какая-то роковая судьба разрушаетъ всѣ его планы. Въ Куломзинѣ, послѣдняя станція до Омска, путь закрытъ красногвардейцами, которые отказываются пропустить Плѣнниковъ. Отрядъ этотъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, былъ посланъ изъ Омска по телеграфному требованію начальника екатеринбургской красной гвардіи.

Что же могло произойти за эти сорокъ восемь часовъ, чтобы столь круто измѣнилось поведеніе омской администраціи? Необходимо немедленно же это выяснить, и Яковлевъ, на отцѣпленномъ паровозѣ, несется на всѣхъ парахъ въ Омскъ, оставивъ поѣздъ въ Куломзинѣ.

Тотчасъ же по пріѣздѣ, онъ сносится по прямому проводу съ Москвой и получаетъ оттуда приказаніе отправиться съ Плѣнниками въ Екатеринбургъ. Яковлевъ удивленъ, встревоженъ, обезпокоенъ этимъ загадочнымъ распоряженіемъ: но что онъ можетъ сдѣлать, какъ не подчиниться? Итакъ, онъ возвращается въ Куломзино и отводитъ поѣздъ въ Тюмень, для направленія его на Екатеринбургъ. Онъ все же надѣется проѣхать этотъ городъ безъ особой задержки; вѣдь у него въ карманѣ полномочія за подписью Свердлова. И если придется поспорить съ екатеринбургскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, чтобы выполнить свою миссію, онъ сумѣетъ отстоять свои права.

ГЛАВА V.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ТРАГЕДІЯ [1]).

1. Черная шайка.

Огромная Россійская Имперія, эта «Евразія», великая, какъ цѣлый материкъ, обладаетъ не только плодородной почвой, но и лежащими, почти на поверхности земли, неисчислимыми богатствами въ минералахъ, нефти и драгоцѣнныхъ металлахъ.

А между тѣмъ равнины, простирающіяся на тысячи верстъ по обѣ стороны Уральскихъ горъ, поля, лѣса, степи, покрытыя пестрымъ ковромъ дикихъ травъ, черноземныя украинскія поля, — населены почти исключительно хлѣбопашцами. Фабричные центры малочисленны, рабочее населеніе растворяется въ

---

[1]) Екатеринбургское убійство было предметомъ многихъ изслѣдованій и отдѣльныхъ работъ и статей. Главными источниками, заслуживающими полнаго довѣрія, нужно считать не разъ упоминаемую здѣсь прекрасную книгу судебнаго слѣдователя Н. А. Соколова, „Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe“, переведенную также на русскій языкъ; книгу ген. М. К. Дидерихса «Убійство Царской Семьи и Членовъ Дома Романовыхъ на Уралѣ»; П. Жильяра „Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille“; Р. Вильтона „Les derniers jours des Romanof“. Большевики за подписью Быкова также опубликовали свое признаніе «Послѣдніе дни послѣдняго Царя».

Цѣлый рядъ другихъ книгъ, появившихся по этому вопросу, или затрагивающихъ его, не вносятъ, по большей части, ничего новаго, а нерѣдко искажаютъ самыя событія, по невѣжеству или же съ опредѣленной агитаціонной цѣлью. Такъ, книга Лази „La tragédie sibérienne“ составлена для оправданія генерала Жанена, какъ извѣстно, выдавшаго адмирала Колчака; въ той части книги, въ которой говорится о Цареубійствѣ, авторъ старается доказать, что Царская Семья была не разстрѣляна, а спасена. Совершенно въ другомъ родѣ составлена книга проф. В. Сперанскаго „La Maison à destination spéciale“, представляющая, будто бы, разслѣдованіе автора и нѣкоего Евгенія Платоновича Н..., произведенное въ самомъ Екатеринбургѣ. Эта беззастѣнчивая хлестаковщина полна грубыхъ ошибокъ, и, подъ видомъ возмущенія екатеринбургскимъ кровавымъ преступленіемъ, сводится къ лицемѣрному обвиненію Государя, къ оправданію Его убійцъ и, главнымъ образомъ, евреевъ.

океанѣ стомилліоннаго крестьянства, крѣпко привязаннаго къ своей землѣ, вѣрѣ и традиціямъ.

Здѣсь, въ этихъ затерянныхъ деревняхъ, революціонная пропаганда безсильна. Можно поднять мужика противъ сосѣдняго помѣщика, можно соблазнить его раздѣломъ господскихъ земель, но Царя трогать нельзя. Мужицкій гнѣвъ обрушится на того, кто отзовется дурно о Помазанникѣ Божьемъ. Революціонерамъ всѣхъ оттѣнковъ издавна была извѣстна эта психологія русскаго крестьянина, котораго они глубоко презирали, какъ презираютъ и ненавидятъ теперь его большевики. Поэтому самые хитрые и ловкіе изъ бунтовщиковъ, какъ Пугачевъ, а потомъ и народовольцы, придумали поднимать крестьянскія возстанія во имя самаго Царя. Но крестьянская масса совершенно не поддавалась никакой демагогіи, ничему, что могло бы поколебать ея вѣрованія и не мечтала о торжествѣ соціализма.

Русскій рабочій, наоборотъ, человѣкъ безпочвенный, порвавшій со старыми устоями и не пріобрѣвшій ни умственныхъ, ни моральныхъ новыхъ цѣнностей; если въ столицахъ — Петроградѣ и Москвѣ, рабочій, соприкасаясь съ болѣе безпокойной городской жизнью, дозрѣваетъ до примитивнаго соціализма, то въ маленькихъ провинціальныхъ центрахъ онъ пребываетъ въ грубомъ и сѣромъ невѣжествѣ и при такой душевной и умственной пустотѣ легко поддается пропагандѣ ненависти и низменной зависти.

Пропаганда эта нигдѣ не велась такъ дѣятельно, какъ въ Сибири. Этотъ классическій край ссылки обратился мало-помалу въ нѣчто вродѣ обязательнаго стажа для каждаго чистопробнаго революціонера.

Распущенность, попустительство и русское «ничего» провинціальной администраціи всячески облегчали ссыльнымъ возможность побѣга, чѣмъ они широко и пользовались. Въ біографіи революціонныхъ вождей поражаетъ та развязная непринужденность, съ которой Троцкіе, Свердловы и Сталины разставались съ жандармами «охранки», какъ только сибирскій климатъ переставалъ имъ нравиться. Однако, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или нѣсколькихъ лѣтъ ихъ пребыванія, эти безпокойные люди все же успѣвали посѣять вокругъ себя сѣмена ненависти, которыя взошли потомъ кровавой нивой большевизма.

Впрочемъ, почва тамъ была уже хорошо подготовлена. Въ Сибирь издавна отправляли цѣлыя партіи уголовныхъ, которые, по отбытіи наказанія, обосновывались въ городахъ и деревняхъ и приносили съ собой туда свои жестокіе нравы, свое презрѣніе къ добру и злу, свою жажду наслажденій. Другіе, бѣглые каторжане, наполняли страну слухами о своихъ разбояхъ, превращенныхъ въ подвиги народнымъ воображеніемъ, всегда склоннымъ къ чудесному. Въ такой преступной атмосферѣ человѣческая жизнь страшно обезцѣнивалась и пролитая кровь производила впечатлѣніе очередного, мелкаго происшествія.

Въ Сибири ярче всего и проявилась та тѣсная связь между каторжанами и коммунистами, которая составляетъ самую сущность большевизма.

Екатеринбургъ, уѣздный городъ Пермской губерніи, былъ центромъ одного изъ тѣхъ промышленныхъ районовъ, гдѣ разбросанные по сибирской тайгѣ заводы являются разсадниками революціи, свалочнымъ мѣстомъ, куда деревни отсылаютъ свои отбросы.

Такимъ образомъ, при первой же, мартовской, революціи Екатеринбургъ пріобрѣтаетъ совершенно исключительное значеніе, а при торжествѣ большевизма — привлекаетъ особое вниманіе московскихъ правителей, которые и спѣшатъ послать туда своихъ самыхъ вѣрныхъ агентовъ.

Во время переѣзда Царской Семьи екатеринбургскій уѣздъ управлялся уральскимъ совдепомъ, главарямъ котораго суждено было сыграть первенствующую роль въ готовящейся кровавой трагедіи.

Предсѣдатель совѣта и его исполнительнаго комитета, Бѣлобородовъ, молодой, худой, блѣдный рабочій, былъ типичнѣйшій большевицкій хулиганъ, для котораго вся идея соціализма сводится къ словамъ, брошеннымъ Ленинымъ низкимъ инстинктамъ толпы: «Грабь награбленное!» — награбленное, конечно, «буржуями», объявленными внѣ закона совѣтскимъ законодательствомъ.

Къ несчастью для него, Бѣлобородовъ не ограничился ограбленіемъ буржуевъ. Немедленно вслѣдъ за своимъ избраніемъ онъ присвоилъ себѣ тѣ 30.000 рублей, которые оказались въ комитетской кассѣ. Изобличенный двумя другими членами комитета, Сафаровымъ и Голощекинымъ, онъ, подъ угрозою

раскрытія дѣла, принужденъ былъ обратиться въ ихъ послушнаго слугу и выполнять всѣ ихъ приказанія.

Сафаровъ, одинъ изъ «надеждъ партіи», принадлежалъ самъ къ той буржуазіи, о разгромѣ которой онъ мечталъ. Впрочемъ, подъ этой маской, сморщенной и порочной, никогда не таилось высокой, хотя бы и ошибочной, идеи, никакого порыва политическаго фанатизма. Толкнула Сафарова въ лагерь бунтарей простая трусость: онъ дезертировалъ во время мобилизаціи, перешелъ границу и въ одинъ прекрасный день очутился въ Швейцаріи, гдѣ Ленинъ и завербовалъ его. И такимъ образомъ, послѣ революцій 1917 года, попалъ онъ въ ту банду, которую будущій большевицкій диктаторъ тріумфально привезъ съ собой въ Россію въ знаменитыхъ запломбированныхъ вагонахъ.

Но настоящимъ главаремъ черной екатеринбургской шайки былъ еврей Шайя Голощекинъ. Какъ большинство крупныхъ большевиковъ, Голощекинъ не имѣлъ ничего общаго съ пролетаріатомъ, интересы котораго онъ взялся защищать. Мелкій невельскій мѣщанинъ, этотъ будущій революціонеръ началъ свою карьеру крайне мирно: по полученіи аттестата зрѣлости, онъ обучался въ рижской зубоврачебной школѣ и, казалось, былъ предназначенъ судьбою безболѣзненно извлекать зубы своихъ согражданъ. Какимъ образомъ обратился онъ въ жестокаго большевика? Все, что мы знаемъ объ этомъ инкубаціонномъ періодѣ дѣятельности Голощекина, онъ же «Филиппъ», онъ же «Борисъ Ивановъ» — это рядъ арестовъ, сопровождавшихся неизмѣнно побѣгами; настоящая игра въ прятки съ охраной и правосудіемъ, игра, изъ которой онъ всегда выходилъ побѣдителемъ.

Во время одного изъ своихъ сидѣній, Голощекинъ сдружился съ единовѣрцемъ, евреемъ Янкелемъ Свердловымъ; послѣ октябрьскаго переворота Свердловъ, ставшій предсѣдателемъ центральнаго исполкома, послалъ Голощекина въ Екатеринбургъ въ качествѣ военнаго комиссара.

Въ дѣйствительности должность эта являлась почти диктаторской, тѣмъ болѣе, что бывшій зубной врачъ непосредственно получалъ инструкціи по прямому проводу отъ самого могущественнаго предсѣдателя Центральнаго Комитета.

Голощекинъ принадлежалъ весь патологіи; ничего человѣческаго не оставалось въ этой темной душѣ, охваченной садическими инстинктами крови и убійства и паническимъ страхомъ за

свою жизнь. Скрывшись за стѣнами чека, онъ невидимо руководилъ разстрѣлами «заложниковъ», всю ужасную нравственную отвѣтственность за которые несли цѣликомъ его безгласные подчиненные. Содрогаясь въ садическихъ конвульсіяхъ, пугавшихъ самихъ палачей, онъ выслушивалъ донесенія о пыткахъ, совершенныхъ по его приказу, выспрашивая ихъ ужасныя подробности.

Этотъ поставщикъ чека обладалъ лицомъ Іуды-предателя, какимъ его изображали великіе итальянскіе мастера Квинквеченто: окаймленное клочьями курчавыхъ рыжеватыхъ волосъ искаженное лицо, съ клиновидной мефистофельской бородкой, бѣгающіе фальшивые глаза, ротъ, искривленный злобной усмѣшкой.

И наконецъ самъ цареубійца, тотъ, чье имя будетъ произноситься съ ужасомъ въ послѣдней избѣ самой затерянной деревни огромной Россіи: Янкель Юровскій.

Въ серединѣ прошлаго вѣка жилъ въ Полтавѣ бѣдный еврей, Ицекъ Юровскій, которому на старости лѣтъ причинилъ большое горе старшій его сынъ Хаимъ. Мальчишку поймали съ поличнымъ, накрывъ его во время налета со взломомъ, за что онъ поплатился ссылкою въ Сибирь. Тамъ Хаиму Юровскому, благодаря присущей его расѣ гибкости ума и иниціативѣ, удалось вскорѣ стать гражданиномъ города Каинска, а затѣмъ онъ со всей семьей перебрался въ Томскъ, столицу западной Сибири.

За эти годы Хаимъ Юровскій успѣлъ жениться на Эсфири Варшавской; самъ сатана благословилъ ихъ бракъ; шесть сыновей: Моисей, Пейсахъ, Янкель, Борухъ, Еле-Мейеръ и Лейба и дочь Перль закишѣли вокругъ бывшаго взломщика, который, отростивъ патріархальную бороду, сталъ похожъ на почтеннаго отставного раввина. Янкель, родившійся въ 1878 году, учился нѣкоторое время въ еврейской школѣ «Талматейро»; лѣнивый и неспособный, онъ бросилъ школу и поступилъ подмастерьемъ къ часовщику еврею Перманъ въ Томскѣ.

Затѣмъ, послѣ многочисленныхъ приключеній, онъ открылъ самъ часовой магазинъ, удачно повелъ дѣло и женился на разведенной еврейкѣ Манѣ Янкелевнѣ, отъ которой имѣлъ сына.

Въ какое время этотъ часовщикъ примкнулъ къ революціонной партіи, мы не знаемъ. Извѣстно только, что въ 1905 году онъ съѣздилъ въ Берлинъ и вернулся оттуда лютераниномъ, снабженнымъ деньгами и говорящимъ по-нѣмецки. Кое-какія непріятности съ полиціей заставляютъ его исчезнуть на нѣкоторое

время; пробывъ недолго на югѣ, въ Екатеринодарѣ, онъ возвращается въ Томскъ, но оттуда, какъ неблагонадежнаго, его высылаютъ въ Екатеринбургъ. Вѣчно суетливый, онъ открываетъ тамъ фотографическую мастерскую, которой и занимается до самой войны. Призванный въ пермскую дружину, онъ, чтобы не попасть на фронтъ, умудряется поступить въ фельдшерскую школу, по окончаніи которой прикомандировывается къ одному изъ екатеринбургскихъ лазаретовъ.

Янкель Юровскій жаденъ, жестокъ и сластолюбивъ, онъ терроризуетъ своихъ братьевъ, вытягивая отъ нихъ деньги, въ которыхъ они не смѣютъ ему отказать.

«Янкель былъ характера вспыльчиваго и упрямаго. Онъ любилъ угнетать людей», говоритъ о немъ его братъ Лейба, а его невѣстка прибавляетъ: «Это былъ эксплуататоръ. Онъ эксплуатировалъ моего мужа, своего брата».

Какъ только первыя извѣстія о февральской революціи достигли до Екатеринбурга, Юровскій, очертя голову, бросился въ самую необузданную демагогію; онъ повелъ пропаганду среди солдатъ, подстрекая ихъ на убійство офицеровъ и обращая на себя вниманіе своими зажигательными рѣчами; а послѣ бѣгства Временнаго Правительства, Юровскій сразу сдѣлался виднымъ лицомъ въ Екатеринбургѣ, былъ избранъ членомъ мѣстнаго Совѣта, потомъ комиссаромъ юстиціи.

Наружность этого еврея ничѣмъ не изобличала его расу: въ молодости у него рѣзкія черты лица, тяжелая нижняя челюсть, глубоко посаженные глаза, густыя сросшіяся на переносицѣ брови, широкій круглый носъ, какъ у русскаго мужика, закрученные усы и черные подстриженные бобрикомъ волосы; носитъ сюртукъ, крахмальный воротничекъ и галстухъ, какъ почтенный купецъ. Но потомъ, сдѣлавшись виднымъ большевикомъ, Юровскій, какъ истинный актеръ, превращаетъ себя въ сибирскаго разбойника: густая нестриженная борода, всклокоченные волосы, красная русская рубаха. Настоящій Стенька Разинъ съ его воспѣтыми народной поэзіей кровавыми подвигами.

Изъ этихъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ: Бѣлобородовъ — лѣнивый, гулящій краснобай-рабочій; Сафаровъ — мѣщанинъ, трусливый и озлобленный; Голощекинъ и Юровскій — евреи, человѣконенавистники, безпощадные исполнители кровавыхъ завѣтовъ Талмуда. Этотъ большевицкій міръ въ миніатюрѣ не былъ

бы вполнѣ завершенъ безъ пятаго типа революціонера: выродившагося, безнравственнаго, заносчиваго и дерзкаго интеллигента. Такимъ былъ Петръ Войковъ, комиссаръ по продовольствію Уральской области.

Фигура жуткая, вся въ глубокихъ тѣняхъ и пламенныхъ краскахъ, авантюристъ, болтунъ, хвастунъ, игрокъ, карманщикъ, убійца если нужно, писатель въ моменты досуга, сластолюбецъ, грубый Донъ-Жуанъ, рѣзкій, злобный, глухой къ чувству жалости, чести, патріотизма, дружбы — таковъ былъ человѣкъ, карьера котораго, рожденная въ убійствѣ, погибла въ крови.

По окончаніи гимназіи Войковъ уѣхалъ за границу; онъ скитался по міру, изучалъ медицину въ Брюсселѣ, примкнулъ къ соціалъ-демократической партіи... Затѣмъ слѣды его теряются и появляется онъ снова въ Екатеринбургѣ уже въ качествѣ большевицкаго комиссара.

Таковы были тѣ люди — тѣ палачи, — въ рукахъ которыхъ, по волѣ судьбы, оказалась Царская Семья.

2. Прибытіе Плѣнниковъ.

Екатеринбургъ былъ городъ богатый, или, вѣрнѣе, насчитывалъ не мало богачей среди своихъ жителей. На Вознесенской соборной площади, самой высокой части города, противъ соборной паперти, на углу Вознесенскаго переулка, выстроенъ на полу-горѣ богатый особнякъ. Домъ этотъ принадлежалъ инженеру путей сообщенія Николаю Николаевичу Ипатьеву, который и проживалъ въ немъ со своей семьей. 14 апрѣля къ нему нежданно явился комиссаръ Жилинскій съ секретнымъ ордеромъ отъ мѣстнаго совдепа о немедленномъ выселеніи владѣльца изъ его дома, «реквизированнаго со всей мебелью».

Перепуганное семейство Ипатьева уѣхало на другой же день, сдавъ «по описи» свое имущество чекистамъ.

Тотчасъ же дѣятельно приступили къ работѣ по возведенію вокругъ дома высокаго забора. Одновременно онъ былъ занятъ отрядомъ рабочихъ Сисертскаго завода, во главѣ съ нѣкіимъ Медвѣдевымъ. Медвѣдевъ, по профессіи сапожникъ, дезертиръ во время войны, примкнулъ къ большевизму при октябрьскомъ переворотѣ; это былъ безчувственный звѣрь, способный на всякое темное дѣло.

Общая администрація дома, превращеннаго въ тюрьму, находилась въ рукахъ слесаря Авдѣева. «Это былъ яркій представитель отбросовъ рабочей среды, типичный митинговый крикунъ, крайне безтолковый, крайне невѣжественный, пьяница и воръ», говоритъ про него слѣдователь Соколовъ. Такое же мнѣніе объ Авдѣевѣ выражаетъ одинъ изъ цареубійцъ, рабочій Якимовъ; онъ прибавляетъ только такую характерную въ устахъ русскаго человѣка оцѣнку: «у него была злая душа». Назначенный смотрителемъ дома Ипатьевыхъ, Авдѣевъ всячески хвастался передъ рабочими, что онъ арестовалъ «Николая Кроваваго», что власть теперь въ его рукахъ, и что онъ сведетъ ихъ всѣхъ въ домъ и покажетъ Царя.

Человѣкъ пятьдесятъ рабочихъ, тщательно выбранныхъ Авдѣевымъ среди подонковъ Сисертскаго завода, образовали внутреннюю охрану тюрьмы; многіе изъ нихъ находились уже нѣсколько разъ подъ судомъ, какъ, напримѣръ, нѣкій Летемкинъ, начавшій свою революціонную карьеру съ четырехлѣтняго тюремнаго заключенія за изнасилованіе малолѣтней.

Итакъ все было приготовлено для встрѣчи Царской Семьи — тюрьма, тюремщики и палачи.

17 апрѣля вечеромъ Парфенъ Самохваловъ, соединявшій свою должность шофера при совѣтскомъ гаражѣ съ обязанностями палача, получилъ приказаніе подать къ Ипатьевскому дому два автомобиля. Въ нихъ сѣли четыре человѣка: Голощекинъ, Бѣлобородовъ, Сафаровъ и Авдѣевъ, которыхъ онъ и повезъ на вокзалъ. Поѣздъ только что прибылъ. Изъ вагона перваго класса вышли офицеръ съ просѣдью въ бородѣ, въ военной шинели безъ погонъ, съ Георгіевской ленточкой въ петлицѣ, пожилая женщина, строгаго и величественнаго вида, и красивая, цвѣтущая, молодая дѣвушка.

Это были Государь, Императрица и Великая Княжна Марія Николаевна.

За ними слѣдовали докторъ Боткинъ, князь Долгоруковъ и нѣсколько слугъ. Всѣхъ ихъ посадили въ автомобили и быстро повезли.

Стояла сѣверная весна, ясная и холодная; сумерки еще не наступили и небо свѣтилось на закатѣ. Отъ вокзала до Ипатьевскаго дома было недалеко; какъ только автомобиль подъѣхалъ, Голощекинъ соскочилъ на землю и, дѣлая жестъ рукой, съ ядовитой улыбкой, сказалъ: «Гражданинъ Романовъ, извольте войти».

Грохотъ моторовъ, шумъ и движеніе передъ домомъ привлекли вниманіе любопытныхъ. Прибѣжавшіе крестьяне, бабы съ добродушными, румяными лицами, бородатые лавочники въ фуражкахъ, босые мальчишки въ пестрыхъ рубашкахъ, все мелкое мѣстное населеніе съ удивленіемъ и недоумѣніемъ узнавало въ этомъ плѣнникѣ, окруженномъ вооруженными солдатами, Царя всея Руси.

Струсивъ, Голощекинъ крикнулъ солдатамъ: «Чекисты! чего вы смотрите?» И любопытные были разогнаны.

Государь, Императрица, Великая Княжна и лица свиты медленно поднялись по входнымъ ступенькамъ. Дверь захлопнулась за ними съ глухимъ стукомъ, какъ крышка гроба.

И, правда, не въ тюрьму, а въ могилу привезены были эти жертвы, страшно изуродованныя тѣла которыхъ три мѣсяца спустя, въ жуткой ночной тиши, были вынесены убійцами, опьянѣвшими отъ вина, страха и крови.

Вѣрный князь Долгоруковъ слѣдовалъ за своимъ Государемъ; имѣлъ ли Голощекинъ какую-нибудь причину отдѣлить его въ этотъ моментъ отъ Царской Семьи? Но въ ту минуту, когда князь готовился войти въ домъ, Голощекинъ остановилъ его, спросивъ имя, велѣлъ ему сѣсть въ одинъ изъ автомобилей и отправилъ его въ городскую тюрьму.

Этотъ мелкій фактъ, на первый взглядъ незначительный, могъ повлечь за собой самыя пагубныя послѣдствія; дѣйствительно князь Долгоруковъ имѣлъ на себѣ всѣ деньги Царской Семьи, которая, такимъ образомъ, оставалась безъ всякихъ средствъ. Царскія драгоцѣнности, продать которыя было не легко, были поручены молодымъ Княжнамъ; осторожно предупрежденныя письмомъ камерфрау Демидовой, писавшей условнымъ языкомъ, онѣ поспѣшно скрыли ихъ, зашивъ въ платья.

Что же произошло на станціи въ моментъ прибытія поѣзда?

Едва успѣвъ выйти изъ вагона, загадочный Яковлевъ подвергся яростному нападенію комиссара Голощекина. Бывшій дантистъ только что вернулся изъ Петрограда, снабженный точными инструкціями отъ предсѣдателя Совнаркома Свердлова. Правда, Яковлевъ тоже имѣлъ чрезвычайныя полномочія и было очевидно, что въ этой борьбѣ за обладаніе Царской Семьей, оба лица эти являлись только исполнителями другихъ болѣе могущественныхъ вліяній, которыя боролись между собою на совѣтскомъ Олимпѣ.

21

Яковлевъ совершилъ ошибку, оставивъ часть своего отряда въ Тобольскѣ; вслѣдствіе этого онъ не могъ отразить неожиданное нападеніе Голощекина. Все же, послѣ того, какъ Государя увезли, Яковлевъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы вырвать эту жертву изъ когтей екатеринбургской чека. Онъ бѣжитъ на засѣданіе мѣстнаго Совѣта; но тщетно предъявляетъ онъ свои полномочія, подписанныя Свердловымъ, тщетно угрожаетъ членамъ Совѣта громами и молніями Центральнаго Комитета, тщетно призываетъ къ ихъ чувствамъ повиновенія и дисциплины, — онъ наталкивается на предвзятое рѣшеніе, на каменную стѣну, на упрямство стада, знающаго и боящагося только палки своего пастуха.

Въ отчаяніи Яковлевъ видитъ, что рушатся результаты долгихъ, терпѣливыхъ усилій, надеждъ и преданности и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, казалось бы, онъ уже достигъ цѣли.

Въ то же время Совѣтъ даетъ распоряженіе разоружить солдатъ тобольскаго отряда и посадить ихъ въ тюрьму. Ему очень бы хотѣлось сдѣлать то же и съ Яковлевымъ, въ которомъ, подъ большевицкой маской, явно проглядываетъ контръ-революціонеръ. Но печать Центральнаго Комитета и подпись Свердлова все же создаютъ ему какую-то временную неприкосновенность. Какъ бы то ни было, это конецъ. Единственная возможность спасенія — въ Москвѣ; тамъ будетъ рѣшена участь Государя.

Но съ екатеринбургскими разбойниками надо быть осторожнымъ, и Яковлевъ беретъ отъ нихъ слѣдующую расписку:

Рабочее и Крестьянское
Правительство
Российской Федеративной
Республики Советов.
Уральский Областной Совет
Рабочих
Крестьянских и Солдатских
Депутатов.
ПРЕЗИДИУМ
№ 1.

Екатеринбургъ, 30 апреля 1918 г.

Уральский Областной Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

РАСПИСКА.

1918 года апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральскаго Областного Совета Раб., Кр. и Солд. Депутатовъ Александр Георгиевич Белобородов получил от

комиссара Всероссийскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1) бывшаго царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову, 3) бывш. вел. княжну Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге.

А. Белобородов.

Член Обл. Исполн. Комитета

Б. Дидковский.

Этотъ документъ, написанный отъ руки на бланкѣ мѣстнаго Совѣта, помѣченъ номеромъ I. Блестящее начало для большевицкой разбойной канцелярщины!

Вскорѣ послѣ этого солдаты тобольскаго отряда были отпущены на волю и молодой телеграфистъ Яковлева, оставшійся въ Тобольскѣ, получилъ отъ своего начальника слѣдующую телеграмму, помѣченную Москвой:

«Собирайте отрядъ. Уѣзжайте. Полномочія я сдалъ. За послѣдствія не отвѣчаю».

Послѣдняя надежда Яковлева рухнула. Покинутый Москвой, онъ выходилъ побѣжденнымъ изъ той страшной игры, ставкой которой былъ Императоръ Всероссійскій.

Дальнѣйшая судьба его загадочна. Удалось только выяснить, что зимой 1918 года Яковлевъ обратился къ чешскому генералу Шепиху съ просьбой принять его въ ряды бѣлыхъ войскъ. Онъ указывалъ въ этомъ прошеніи, что именно онъ увозилъ Государя изъ Тобольска.

Ему отвѣтили согласіемъ и онъ перешелъ къ бѣлымъ. Затѣмъ съ нимъ происходитъ нѣчто странное. Яковлева арестовываютъ и отправляютъ въ Омскъ въ распоряженіе военныхъ властей. Ему не даютъ надежнаго караула и, вмѣсто генералъ-квартирмейстера штаба верховнаго главнокомандующаго, онъ, по ошибкѣ яко бы конвоира, попадаетъ къ нѣкоему полковнику Зайчеку.

Здѣсь онъ и исчезаетъ. У Зайчека не оказалось впослѣдствіи абсолютно никакихъ документовъ на Яковлева. Замѣтимъ, что Зайчекъ возглавлялъ въ Омскѣ контръ-развѣдку. Онъ —

офицеръ австрійской арміи, плохо говорившій по-русски — пришелъ въ Сибирь въ рядахъ чешскихъ войскъ [1]).

Но всѣ ли эти иностранные освободители Сибири шли сюда съ жертвенной любовью къ Россіи и съ ненавистью къ большевикамъ?

3. Тревожные дни.

Между тѣмъ въ Тобольскѣ жизнь Плѣнниковъ протекала въ тревогѣ и безпокойствѣ. Хотя отъ Великой Княжны Маріи Николаевны была получена записка съ первой остановки въ пути и отъ Императрицы письмо изъ Тюмени, но съ 13 до 19 апрѣля извѣстій не было никакихъ. А Путешественники уже давно должны были пріѣхать въ Москву.

И вдругъ 20 апрѣля, какъ громъ, среди яснаго неба, приходитъ телеграмма: Государь и Императрица арестованы въ Екатеринбургѣ.

Слѣдующій день, 21 апрѣля, былъ канунъ Пасхи, Великаго Праздника Воскресенія Христова, совпадающаго съ весной и возрожденіемъ надеждъ.

Въ счастливые годы Великой Россіи, въ полночь начинался колокольный звонъ; крестные ходы съ иконами и хоругвями выходили изъ освѣщенныхъ церквей, и тысячи вѣрующихъ съ зажженными свѣчами слѣдовали за ними и радостно звучалъ гимнъ «Христосъ Воскресе».

Но въ губернаторскомъ домѣ, въ эту святую ночь, плакали и грустили одинокія, несчастныя Дѣти. День Пасхи весь прошелъ для Нихъ въ ожиданіи... Еще день, полный тревожной тоски... Наконецъ 24 апрѣля приходитъ первое письмо изъ Екатеринбурга, письмо, полное затаеннаго отчаянія. На слѣдующій день, 25 апрѣля, Они узнаютъ подробности отъ солдатъ конвоя, возвратившихся въ Тобольскъ; затѣмъ рѣзкая перемѣна: Кобылинскій удаленъ, изъ Екатеринбурга за Царскими Дѣтьми пріѣзжаетъ новый комиссаръ Родіоновъ.

Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ чувствуетъ себя немного лучше, все же Онъ еще очень слабъ. Но все равно, рѣшено уѣзжать, такъ спѣшатъ Дѣти снова увидѣть Родителей.

---

[1]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Яковлевъ погибъ впослѣдствіи въ Россіи при автомобильной катастрофѣ.

Въ понедѣльникъ, 7 мая, въ половинѣ двѣнадцатаго дня, Царскія Дѣти, оба воспитатели Жильяръ и Гиббсъ, генералъ Татищевъ, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевденъ и прислуга садятся на пароходъ «Русь», тотъ самый, который привезъ Ихъ въ Тобольскъ. Транспортъ этотъ сопровождаетъ матросъ Хохряковъ, тотъ таинственный незнакомецъ, котораго омскіе большевики посадили предсѣдателемъ тобольскаго Совѣта. Замѣтимъ кстати, что этотъ странный предсѣдатель, проводивъ Плѣнниковъ до Екатеринбурга, счелъ свою миссію оконченной и никогда больше не возвращался въ Тобольскъ.

9 мая утромъ пріѣхали въ Тюмень. Здѣсь Великія Княжны и Наслѣдникъ сѣли въ пассажирскій вагонъ съ генераломъ Татищевымъ, графиней Гендриковой, баронессой Буксгевденъ и тремя другими лицами. Остальные были посажены въ товарный вагонъ.

Поѣздъ прибылъ въ Екатеринбургъ на другой день въ два часа ночи; вагонъ отвели на запасный путь. Наступило туманное, сѣрое утро, моросилъ мелкій дождь. Около девяти часовъ на пяти извозчикахъ пріѣхали Бѣлобородовъ и комиссары. Царскія Дѣти спустились изъ вагона на грязный путь. Великая Княжна Татьяна Николаевна одной рукой съ трудомъ тащила тяжелый чемоданъ, а другой несла своего маленькаго бульдога. Матросъ Нагорный подошелъ къ ней, желая ей помочь, но стража грубо оттолкнула его.

Изъ всѣхъ лицъ свиты только Нагорный, лакеи Сѣдневъ и Труппъ и поваръ Харитоновъ получили разрѣшеніе отправиться въ Ипатьевскій домъ. Генерала Татищева, графиню Гендрикову, лектрису Шнейдеръ и лакея Волкова сразу увели въ городскую тюрьму. Воспитатели Жильяръ и Гиббсъ, докторъ Деревенко и нѣсколько слугъ временно были оставлены на свободѣ.

Тобольскіе Плѣнники, конечно, не ожидали никакого состраданія, никакой справедливости отъ своихъ новыхъ тюремщиковъ. Но режимъ, которому Имъ пришлось подчиниться, превосходилъ самыя Ихъ мрачныя опасенія.

Тотчасъ по прибытіи Государь и Императрица подверглись грубому обыску. Дидковскій, тотъ самый, который скрѣпилъ расписку, выданную Яковлеву, вырвалъ изъ рукъ Императрицы ручной мѣшочекъ. Это былъ единственный разъ, когда Государь на мгновеніе потерялъ самообладаніе. Онъ сказалъ съ

презрѣніемъ: «До сихъ поръ я имѣлъ дѣло съ приличными, воспитанными людьми».

Дидковскій сталъ отвѣчать дерзостями, и Государь замолчалъ.

Ничего не было приготовлено для принятія Плѣнниковъ. Кроватей не хватало и Великія Княжны спали на полу, на матрацахъ. Изъ ближайшей совѣтской столовой Имъ приносили отвратительную, истинно «совѣтскую» пищу. Но эти лишенія не трогали Плѣнниковъ; русскіе Цари и Ихъ Семьи даже во времена блеска Императорскаго Двора всегда отличались простотою Своихъ вкусовъ и привычекъ. Александръ II спалъ на походной кровати въ Своемъ рабочемъ кабинетѣ; Александръ III любилъ борщъ и черную кашу, а Николай II жилъ жизнью солдата.

Однажды, когда во время путешествія, дворцовый комендантъ Воейковъ извинялся за импровизированный завтракъ, Государь отвѣтилъ ему съ улыбкой: «Ничего, вы же знаете, что была бы лишь чашка чая съ хлѣбомъ, и я доволенъ».

Видя, что тяжелая обстановка не можетъ смутить ихъ жертвъ, большевицкіе тюремщики измышляли для нихъ другія, ежечасныя моральныя пытки. Во всѣхъ углахъ дома были поставлены караульные, которые слѣдили за каждымъ движеніемъ Плѣнниковъ; солдатня эта покрывала стѣны неприличными рисунками, глумясь надъ Императрицей и Великими Княжнами.

За столъ садились всѣ вмѣстѣ: Царская Семья, свита и прислуга, таково было желаніе Государя, который этимъ хотѣлъ показать, что передъ равенствомъ въ несчастіи, нѣтъ болѣе неравенствъ происхожденія. Караульные присутствовали тутъ же, не снимая фуражекъ, курили, плевали и ругались скверными словами.

Однажды, когда подавали котлеты, комиссаръ Авдѣевъ, расталкивая Государя и Императрицу, сталъ накладывать себѣ самъ съ блюда, и, беря обратно тарелку, толкнулъ локтемъ Государя прямо въ лицо. Большею частью караульные несли свою службу въ пьяномъ видѣ; разъ Авдѣевъ, напившись, даже скатился съ лѣстницы, возвращаясь къ себѣ послѣ своей ежедневной провѣрки Царскаго помѣщенія.

Совѣтскіе тюремщики смотрѣли на Ипатьевскій домъ, какъ на свою добычу. Какъ опытные грабители, безъ излишней торопливости, Авдѣевъ и его шайка съ первыхъ же дней приня-

лись за расхищеніе Царскихъ вещей. «Комендантъ» очевидно присваивалъ себѣ львиную долю. Каждый день онъ сносилъ внизъ по лѣстницѣ полные мѣшки, сгибаясь подъ ихъ тяжестью. У дверей стояли автомобили, ожидавшіе добычу. Такимъ образомъ бѣлье и одежда Царской Семьи исчезали постепенно изъ Ипатьевскаго дома, обращаясь въ наряды какихъ-нибудь совѣтскихъ матрешекъ.

Преданные Нагорный и Сѣдневъ пробовали защищать Царское добро. Нагорный былъ огромный, широкоплечій богатырь съ простой русской нѣжной душой. Онъ ходилъ за Наслѣдникомъ съ ранняго дѣтства, ласкалъ и утѣшалъ Его въ Его дѣтскихъ горестяхъ, страдалъ за Него и за Его несчастныхъ Родителей во время Его болѣзней, былъ безпомощнымъ свидѣтелемъ отчаянной борьбы за спасеніе этой жизни, которая могла ежеминутно угаснуть, какъ слабый огонекъ. Для этого простого и преданнаго матроса Алексѣй Николаевичъ былъ, конечно, Наслѣдникъ Престола, будущій Царь, Помазанникъ Божій, но также и бѣдный, больной ребенокъ, слабый и хрупкій, нуждающійся въ защитѣ и помощи. Нагорный выносилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ издѣвательства тюремщиковъ, пока дѣло не касалось Наслѣдника, но тутъ его охватывалъ страшный гнѣвъ. Доходило и до бурныхъ схватокъ.

Этотъ простой матросъ, вышедшій какъ и они, изъ народа, но остававшійся вѣрнымъ своему Государю, будилъ въ стражникахъ какую-то тѣнь заглохшаго чувства — совѣсти.

Воспитатели Жильяръ и Гиббсъ и докторъ Деревенко, которые находились на свободѣ, часто, подъ видомъ прогулки, проходили передъ Ипатьевскимъ домомъ, въ надеждѣ увидѣть когонибудь изъ Плѣнниковъ. Однажды необычное движеніе привлекло ихъ вниманіе. Отрядъ вооруженныхъ солдатъ и всадниковъ окружалъ двухъ извозчиковъ. Воспитатели съ тревогой узнали сидящаго на первомъ извозчикѣ, между двухъ красноармейцевъ, Сѣднева; Нагорный уже ступилъ на подножку второй пролетки и въ это время, поднявъ голову, замѣтилъ стоящихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него трехъ неподвижныхъ людей. Онъ пристально посмотрѣлъ на нихъ, не выдавъ ихъ ни однимъ движеніемъ. Этотъ взглядъ былъ послѣднимъ, нѣмымъ прощальнымъ привѣтомъ вѣрнаго слуги друзьямъ своихъ господъ.

Жильяръ и Гиббсъ издали слѣдили за извозчиками и видѣли, какъ они остановились передъ тюрьмой.

Странная игра судьбы! Въ этой же тюрьмѣ, крошечной точкѣ на картѣ огромной Россіи, томился «спаситель Родины», ярый демократъ, для честолюбія котораго было вырвано у Царя отреченіе — князь Львовъ, предсѣдатель того Временнаго Правительства, которое должно было привести Россію къ побѣдѣ и къ счастью и довело ее до большевизма.

И вотъ черезъ годъ послѣ торжества революціи, по горькой ироніи рока, въ одномъ тюремномъ подвалѣ очутились вмѣстѣ и измѣнникъ своему Государю и оставшіеся вѣрными Ему слуги . . .

Въ посвященной кн. Львову панегирической книгѣ, Т. И. Полнеръ наивно приводитъ разсказъ самого Львова о его недостойномъ, позорномъ поведеніи въ эти дни неволи. Въ то время, какъ русскій Царь съ спокойнымъ и кроткимъ величіемъ переносилъ оскорбленія и издѣвательства своихъ тюремщиковъ, бывшій предсѣдатель Временнаго Правительства «скрѣпя сердце, снималъ шапку, кланялся низко, желалъ имъ счастья въ новой жизни, и разговоръ завязывался» . . .

Царская Семья ждетъ Своей участи въ Ипатьевскомъ домѣ въ молитвѣ и съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, а князь Львовъ съ восторгомъ разсказываетъ, какъ онъ варитъ въ Екатеринбургской тюрьмѣ щи, которыя вышли на славу и получили наименованіе «премьерскихъ щей». «Рѣдко въ жизни я ждалъ успѣха своего дѣла съ такимъ нетерпѣніемъ», признается кн. Львовъ. «Я до самаго выхода изъ тюрьмы остался безспорно главнымъ поваромъ и руководителемъ кухни . . . Я гордился этимъ и радовался».

И этого князя, съ душою хама и съ дарованіями повара, русское либеральное общество выдвинуло въ вершители судьбы отечества! [1])

Лакей Чемодуровъ, больной старикъ, не вынесъ режима Ипатьевскаго дома. Большевики перевели его въ тюремную больницу, гдѣ, къ его счастью, о немъ и позабыли.

Такимъ образомъ быстро уменьшалось при Царской Семьѣ количество людей, которые могли бы защитить, поддержать, можетъ быть спасти Ее.

Однако, русскіе монархисты не теряли надежды спасти Царскую Семью. Видя полную безполезность предпринятыхъ

---

[1]) Т. И. Полнеръ. «Жизненный путь князя Георгія Евгеніевича Львова».

черезъ союзниковъ шаговъ, монархисты рѣшили обратиться къ нѣмцамъ, которые въ это время фактически были хозяевами въ Россіи.

Послѣ позорнаго брестъ-литовскаго мира, положившаго конецъ попыткѣ сопротивленія большевиковъ нѣмецкимъ требованіямъ, Германія отправила въ Москву посольство, ставшее центромъ политической жизни страны, куда являлись за приказаніями большевицкіе вожди. При такихъ условіяхъ освободить Царскую Семью Германія могла безъ всякихъ затрудненій.

Монархическая группа сенатора Д. Б. Нейдгарта, поддерживаемая бывшимъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ А. Ѳ. Треповымъ, рѣшила обратиться, черезъ посредство бывшаго оберъ-гофмаршала графа Бенкендорфа, къ германскому послу графу Мирбаху.

Въ своемъ письмѣ къ графу Мирбаху графъ Бенкендорфъ заявлялъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ одни только нѣмцы могли бы принять дѣйствительныя мѣры для спасенія Царской Семьи; въ случаѣ отказа съ ихъ стороны, они будутъ, или ихъ сочтутъ соучастниками преступленія, которое русскіе монархисты заклеймятъ передъ всѣмъ міромъ. Кромѣ того было рѣшено настаивать, чтобы графъ Мирбахъ довелъ содержаніе этого письма до свѣдѣнія императора Вильгельма, который, въ случаѣ какого-нибудь несчастія съ Царской Семьей, такимъ образомъ тоже понесъ бы отвѣтственность за это.

Письмо гр. Бенкендорфа было вручено послу 24 или 25 апрѣля, т. е. недѣлю спустя послѣ прибытія Государя въ Екатеринбургъ. Графъ Мирбахъ принялъ делегатовъ весьма холодно и сдѣлалъ имъ слѣдующее заявленіе: «Все, что происходитъ въ Россіи, есть естественное и неизбѣжное слѣдствіе побѣды Германіи. Исторія повторяется: горе побѣжденнымъ! Въ случаѣ побѣды союзниковъ, положеніе Германіи было бы безспорно хуже, чѣмъ положеніе Россіи въ настоящее время. Въ частности участь Государя зависитъ исключительно отъ русскаго народа. Мы позаботимся только о безопасности нѣмецкихъ принцессъ, находящихся въ Россіи».

Мирбахъ рано торжествовалъ побѣду. Мѣсяцъ спустя онъ былъ убитъ въ Москвѣ; еще черезъ годъ императоръ Вильгельмъ бѣжалъ черезъ голландскую границу, а германскіе деле-

гаты подписывали въ Версалѣ тяжелый миръ. «Горе побѣжденнымъ!»

Но дѣятелямъ «стараго режима» въ Германіи очевидно показалось слишкомъ тяжело нести ту отвѣтственность за попустительство кровавой Екатеринбургской трагедіи, которую предрекалъ имъ гр. Бенкендорфъ.

Въ маѣ 1935 г. журналъ «Берлинеръ Монатсхефтъ» напечаталъ статью совѣтника Бранденбургско-Прусскаго Архива Курта Ягова по вопросу о попыткахъ, сдѣланныхъ со стороны германскаго правительства къ спасенію Царской Семьи. Опубликованіе этихъ свѣдѣній являлось, однако, большой неосторожностью. Если до сихъ поръ могли еще существовать у русскихъ людей какія-либо иллюзіи относительно благородства и рыцарства коронованныхъ и не коронованныхъ европейскихъ правителей въ вопросѣ объ участи русскаго Царя — то эти иллюзіи совершенно разсѣиваются при чтеніи очерка г. Ягова.

Авторъ заявляетъ безъ обиняковъ, что въ намѣренія германскаго правительства отнюдь не входила забота о спасеніи Государя, ибо «каждая попытка въ этомъ направленіи была бы принята какъ контръ-революціонная и только увеличивала бы опасность для самого Государя». Не знаешь, чему больше удивляться — лицемѣрію этой отговорки или наивности тѣхъ, кто ее придумалъ. Какъ только произошла Екатеринбургская бойня, всѣ тѣ, кто подвели жертвы подъ удары палачей, — всѣ Львовы, Керенскіе, Милюковы, а также и бывшіе правители Германіи — тотчасъ заявили въ одинъ голосъ, что ими руководила только искренняя забота о безопасности Царя. Ради этой безопасности преступно заключили Его подъ стражу, ради безопасности безъ суда и обвиненія сослали Его въ Сибирь, ради безопасности предали Его большевикамъ и ради безопасности за Него отказались заступиться.

Низкіе, преступные лицемѣры! Исторія не забудетъ проклятыхъ вашихъ именъ!

Изъ дальнѣйшаго изложенія г. Ягова мы узнаемъ о тѣхъ тягучихъ разговорахъ, которые вели съ большевиками разные представители германскаго правительства. Рѣчь шла о спасеніи «нѣмецкихъ» принцессъ, подъ которыми подразумѣвалась и вся Царская Семья, Императрица и Дѣти, какъ происходящія отъ нѣмецкой принцессы. Но даже и въ этихъ рамкахъ, ни импера-

торъ Вильгельмъ, ни его министры и послы не проявили особой заботы.

И когда король датскій Христіанъ X обратился къ германскому императору съ просьбой заступиться за Царственныхъ Узниковъ, въ виду тревожныхъ слуховъ, которые сообщалъ датскій посланникъ въ Москвѣ — императоръ Вильгельмъ II, письмомъ отъ 17 марта (новаго стиля) 1918 года, въ этомъ рѣшительно отказалъ.

Въ Берлинѣ статсъ-секретарь Кюльманъ ведетъ бесѣду съ полпредомъ Іоффе, а въ Москвѣ графъ Мирбахъ разговариваетъ съ Радекомъ и Чичеринымъ. Большевики нагличаютъ невѣроятно. Іоффе нисколько не скрываетъ отъ германскаго министра, что «катастрофа (то есть убійство Царской Семьи) весьма вѣроятна». Что же на это отвѣчаетъ статсъ-секретарь Кюльманъ? Онъ «стыдитъ» еврея-большевика, говоря, что такой исходъ «вызоветъ отвращеніе со стороны всего цивилизованнаго міра». Этимъ отвращеніемъ и ограничивается попытка Берлина. Въ Москвѣ происходитъ то же: на вопросы графа Мирбаха Чичеринъ «отвѣчаетъ вяло», а Радекъ лжетъ до такой степени очевидно и дерзко, что приходится видѣть въ лицѣ посла или слабоумнаго или соучастника.

Въ концѣ іюня (н. с.) большевики пускаютъ ложный слухъ объ убійствѣ Государя; потомъ слѣдуетъ нерѣшительное опроверженіе Іоффе въ Берлинѣ.

«Міровое общественное мнѣніе возлагаетъ отвѣтственность за судьбу Императорской Семьи на совѣтское правительство!» заявляетъ ему Кюльманъ.

«Я сдѣлаю все возможное, чтобы довести объ этомъ вашемъ мнѣніи до свѣдѣнія моего правительства», нагло отвѣчаетъ Іоффе.

Но большевики вполнѣ удовлетворены результатами своего «пробнаго шара». Они убѣдились, что особенно опасаться имъ со стороны Германіи, а тѣмъ болѣе «міроваго общественнаго мнѣнія» нечего, и съ этого момента не только рѣшена у нихъ участь Царской Семьи, но происходитъ также крутой поворотъ въ ихъ отношеніи къ нѣмцамъ: они перестаютъ ихъ бояться. 6 іюля гр. Мирбахъ падаетъ сраженный пулей чекиста, а 29 іюля та же участь постигаетъ въ Кіевѣ фельдмаршала Эйхгорна.

4/17 іюля происходитъ кровавая бойня въ подвалахъ Ипатьевскаго дома; но на этотъ разъ большевики объ этомъ ужасномъ

преступленіи не кричатъ на весь міръ. Совѣтникъ посольства докторъ Рицлеръ, замѣнявшій гр. Мирбаха, все продолжаетъ разговаривать, писать. 23 іюля онъ доноситъ въ Берлинъ, что заявленіе его относительно «нѣмецкихъ принцессъ» было принято Чичеринымъ «молча». На другой день онъ сообщаетъ о полученномъ только что отвѣтѣ Чичерина: «Съ принцессами ничего случиться не можетъ, если онѣ въ чемъ-нибудь не окажутся виновными».

Въ то время какъ большевицкій комиссаръ произносилъ эти кощунственныя слова, чистыя души несчастныхъ «виновныхъ принцессъ», звѣрски умученныхъ совѣтскими палачами, давно отошли отъ этого грѣховнаго, кроваваго и преступнаго міра.

И нѣмецкихъ дипломатовъ морочатъ большевики еще два мѣсяца, пока наконецъ, 2/15 сентября, Чичеринъ не заявляетъ консулу Гаушильду, что, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, Императрица и Ея Дѣти находятся въ рукахъ красноармейской части, отрѣзанной отъ арміи при наступленіи чехословаковъ.

Этимъ и заканчиваются всѣ попытки германскаго правительства спасти «нѣмецкихъ принцессъ».

Нѣкоторые изъ участниковъ этихъ «попытокъ», какъ мы видѣли, сами трагически погибли; нѣкоторые — и среди нихъ императоръ Вильгельмъ — находятся въ изгнаніи; другіе отошли отъ политики и отъ дѣлъ, или были выброшены за бортъ пробудившимся къ жизни германскимъ народомъ. Вѣроломство счастья имъ не принесло.

Вернемся теперь къ попыткамъ русскихъ монархистовъ.

Н. Е. Марковъ не оставался бездѣятельнымъ. Какъ мы видѣли выше, ему удалось составить группу изъ восемнадцати офицеровъ, которые должны были отправиться въ Екатеринбургъ, попытаться спасти Плѣнниковъ.

Генералъ Z., глава этого отряда, послѣ разныхъ перипетій, попалъ въ руки большевиковъ и былъ разстрѣлянъ съ двумя сыновьями, молодыми офицерами. Судьба остальныхъ офицеровъ — участниковъ отряда — неизвѣстна.

«Живы ли они или погибли — объ этомъ когда-нибудь будетъ извѣстно, но уже теперь можно и должно заявить: да, въ Россіи были монархисты, которые остались вѣрными своему Государю до конца и пожертвовали жизнью для Его спасенія». Пусть эта мысль, высказанная Н. Е. Марковымъ, въ видѣ надгроб-

наго слова своимъ товарищамъ-героямъ, будетъ нѣкоторымъ оправданіемъ въ великомъ нашемъ грѣхѣ передъ Царемъ.

Жизнь всегда беретъ свое. Шла жизнь и въ Ипатьевскомъ домѣ. Плѣнники вставали около девяти часовъ и пили чай съ остатками чернаго хлѣба. Въ три часа садились обѣдать за общимъ столомъ; въ девять подавался легкій ужинъ, послѣ котораго ложились спать. Послѣобѣденное время Государь проводилъ за чтеніемъ; Императрица тоже читала, вышивала или вязала; больной Наслѣдникъ, когда Онъ могъ двигаться, мастерилъ цѣпочки для Своихъ корабликовъ.

Во время разрѣшенныхъ короткихъ прогулокъ въ саду, Государь сносилъ на рукахъ Своего Сына внизъ по ступенькамъ, Его сажали въ кресло на колесахъ, которое возилъ Государь, одна изъ Великихъ Княженъ, или мальчикъ Сѣдневъ. Императрица не выходила никогда. Замкнутостью, молчаніемъ и гордымъ видомъ Она внушала Своимъ тюремщикамъ уваженіе, смѣшанное со страхомъ. «Царица была, какъ по Ней замѣтно было, совсѣмъ на Него не похожая. Взглядъ у Нея былъ строгій, фигура и манеры у Нея были, какъ у женщины гордой, важной... Мы думали, что Николай Александровичъ простой человѣкъ, а Она не простая и какъ есть похожа на Царицу», говорилъ потомъ охранникъ Якимовъ.

Въ нижнемъ этажѣ дома было устроено караульное помѣщеніе. Грязь тамъ стояла ужасная. Пьяные голоса все время горланили революціонныя или неприличныя пѣсни, подъ аккомпаниментъ кулаковъ, стучащихъ по клавишамъ рояля. А сверху, точно съ неба, доносились отдаленные звуки божественныхъ напѣвовъ. То пѣли Плѣнники дивныя, трогательныя молитвы литургіи.

«Они иногда пѣли. Мнѣ приходилось слышать духовныя пѣснопѣнія. Пѣли они Херувимскую пѣснь. Но пѣли они и какую-то свѣтскую пѣснь, словъ ея я не разбиралъ, а мотивъ ея былъ грустный. Это былъ мотивъ пѣсни «Умеръ бѣдняга въ больницѣ военной», читаемъ мы въ показаніи Якимова.

Царская Семья переносила оскорбленія и лишенія съ кротостью и смиреніемъ, доступнымъ лишь душамъ, уже отрекшимся отъ всего земного.

Маленькій Наслѣдникъ и Великія Княжны старались всѣми силами утѣшать и поддержать Родителей въ переносимыхъ испытаніяхъ, окружая Ихъ любовью и нѣжностью.

Русскому человѣку, даже самому безпутному, присуще чувство жалости. Его буйные порывы и даже преступленія чередуются съ жаждой покаянія, съ молитвой и земными поклонами передъ святыми иконами.

Видя эту тѣсно сплоченную семью, переносившую съ такимъ достоинствомъ самыя тяжелыя испытанія, хамье, составляющее караулъ Ипатьевскаго дома, начинало проникаться чувствомъ сострâданія, близкимъ къ раскаянію. Государя, котораго имъ представляли тираномъ и кровопійцей, они видѣли теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. «Царь былъ уже не молодой. Въ бородѣ у него пошла сѣдина. Глаза у него были хорошіе и добрые. Вообще онъ на меня производилъ впечатлѣніе, какъ человѣкъ добрый, простой, откровенный, разговорчивый». Такъ отзывался тюремщикъ Якимовъ и другіе его товарищи.

Кромѣ того, иная еще мысль зрѣла въ ихъ умахъ. Этотъ человѣкъ, виновенъ онъ или невиновенъ, былъ Царь, Самодержецъ Всея Руси, представитель всего русскаго народа, и судить Его не имѣлъ права никто.

И мало-по-малу революціонныя пѣсни стали звучать рѣже, къ Царственнымъ Плѣнникамъ начали относиться съ жалостью и уваженіемъ.

Царь всегда любилъ простой народъ, что Ему и ставилось въ вину петербургскими салонами. Эти мужики, наряженные красноармейцами, казались Ему большими, сбитыми съ толка, дѣтьми, озорными школьниками.

Во время прогулки Государь обращался иногда къ кому-нибудь изъ стражи ... просто нѣсколько незначительныхъ словъ о погодѣ ..., но Его добрые, сѣрые глаза, смотрѣли на Своего тюремщика, который, смущенный, отступалъ, не зная, что отвѣтить.

Такія встрѣчи производили глубокое впечатлѣніе на этихъ случайныхъ большевиковъ, на этихъ легкомысленныхъ, впечатлительныхъ, примитивныхъ людей. И совѣсть подсказывала имъ: «Это несчастные. Ихъ надо спасти».

У Царской Семьи оставались въ Россіи вѣрные подданные, которые думали о Нихъ и старались облегчить Ихъ судьбу. Однимъ изъ самыхъ преданныхъ было семейство Толстыхъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Толстые послали въ Екатеринбургъ вѣрнаго человѣка, нѣкоего Ивана Ивановича Сидорова, чтобы справиться на мѣстѣ о судьбѣ Царя. Сидоровъ вошелъ въ сношеніе съ докторомъ Де-

ревенко, который разсказалъ ему, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ содержалась Царская Семья. Нужно было доставить Плѣнникамъ, лишеннымъ самаго необходимаго, хотя бы какое-нибудь продовольствіе, какое-нибудь улучшеніе въ пищѣ. И, какъ ни странно, Сидоровъ и Деревенко рѣшили обратиться за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ къ монахинямъ сосѣдняго монастыря. Ярые коммунисты, охранявшіе Ипатьевскій домъ, не посмѣли тронуть этихъ отошедшихъ отъ свѣта женщинъ. Комендантъ Авдѣевъ воздерживался отъ богохульства, когда, какъ черныя тѣни, появлялись монахини, неся молоко, яйца, масло и хлѣбъ для Плѣнниковъ.

Передавалъ ли Авдѣевъ все безъ исключенія? Едва ли, но, если даже онъ и бралъ себѣ львиную долю, все же Царская Семья получала немного провизіи, улучшавшей Ея скудный столъ.

22 іюня монахини Марія и Антонина, нагруженныя корзинами съ продуктами, пробирались къ Ипатьевскому дому; часовой, какъ всегда, впустилъ ихъ въ переднюю, но комендантъ Авдѣевъ не появился. Въ домѣ царилъ какой-то безпорядокъ. Къ монашкамъ вышли солдаты и стали ихъ оглядывать, вполголоса переговариваясь между собой. Потомъ, взявъ корзины, отослали обѣихъ обратно. Но не успѣли онѣ выйти за калитку, какъ ихъ нагнали вооруженные красноармейцы и возвратили снова въ домъ.

Перепуганныя на смерть монашки были приведены солдатами съ винтовками въ рукахъ къ плотному, бородатому человѣку въ красной рубахѣ, разстегнутой на волосатой груди.

— «Кто позволилъ вамъ приносить это?» грозно спросилъ онъ ихъ, указывая грязнымъ пальцемъ на корзину, стоящую въ углу.

— Авдѣевъ, по просьбѣ доктора Деревенко, — прошептали монашки.

— «Ага! Тутъ замѣшанъ докторъ Деревенко!»

Растерянныя, бѣдныя Марія и Антонина не знали, что отвѣчать. Онѣ понимали только, что бородатый человѣкъ обвинялъ докторъ Деревенко и Авдѣева въ томъ, что они хотѣли придти на помощь Царской Семьѣ.

— «Откуда Вы принесли все это?» спросилъ бородачъ.

— Съ фермы.

— «Съ какой фермы?»

— Съ монастырской фермы.

— «Какъ васъ зовутъ?»

Монашки съ трепетомъ назвали себя.

Человѣкъ съ бородой записалъ имена и прибавилъ уже болѣе спокойньмъ голосомъ: — «Впредь вы можете приносить молоко, но ничего, слышите, ничего другого», твердилъ онъ, въ то время, какъ монашки въ ужасѣ бѣжали уже отъ него, какъ отъ нечистаго духа.

Если человѣкъ въ красной рубахѣ и не былъ подлинно нечистымъ духомъ, то все же онъ былъ исчадьемъ ада, Каиновымъ отродьемъ. Это былъ Янкель Юровскій.

Что же произошло въ эти дни? Почему исчезъ комендантъ Авдѣевъ? Зачѣмъ появился въ Ипатьевскомъ домѣ Юровскій?

4. Юровскій.

Мы говорили выше, что Екатеринбургскій округъ управлялся Совѣтомъ. Но на самомъ дѣлѣ въ Екатеринбургѣ, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ Россіи, существовала другая, тайная, могущественная и страшная организація, зависѣвшая только отъ своего начальника, совѣтскаго великаго инквизитора. Это была Чека.

Вскорѣ послѣ большевицкаго переворота «Американская гостиница» въ Екатеринбургѣ была реквизирована новой властью; тамъ появились какія-то личности и вокругъ дома были поставлены часовые съ ручными бомбами у пояса.

Нѣсколько дней спустя вооруженные большевики стали появляться въ городѣ, производить обыски и арестовывать «буржуевъ»; тюрьма скоро наполнилась перепуганнымъ человѣческимъ стадомъ.

По вечерамъ въ гостиницѣ, въ комнатѣ № 3, собирались пять-шесть человѣкъ, — совѣщанія эти длились иногда до утра. На другой день автомобиль увозилъ пачку арестованныхъ, которыхъ чекисты разстрѣливали изъ револьверовъ въ полѣ, передъ заранѣе вырытыми ямами. Совѣтская власть освобождалась отъ «неблагонадежныхъ».

Эти палачи, распоряжавшіеся по своему усмотрѣнію жизнью, свободой и имуществомъ терроризованнаго населенія, были: Голощекинъ, Юровскій, Бѣлобородовъ и двое или трое менѣе

значительныхъ соучастниковъ. Держа въ своихъ рукахъ съ одной стороны мѣстный Совдепъ, съ другой — страшную Чека, эти три человѣка обладали такою властью, какой не обладалъ никакой самодержецъ въ исторіи.

За «домомъ особаго назначенія» наблюдали Голощекинъ и Юровскій. Чаще всего производилъ свои обходы Юровскій. Онъ не особенно довѣрялъ Авдѣеву, зная его за пьяницу и хвастуна. Отъ чуткаго вниманія Янкеля не могла ускользнуть та перемѣна, которая произошла въ отношеніяхъ караульныхъ къ Царской Семьѣ; къ тому же у него были среди красноармейцевъ свои шпіоны, какъ, напримѣръ, Медвѣдевъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ произошелъ конфликтъ между двумя дивизіями военноплѣнныхъ чехо-словаковъ и совѣтской властью; большевики, по настоянію нѣмцевъ, потребовали разоруженія этихъ частей, предназначенныхъ для переброски во Францію. Чехословаки отказались повиноваться; къ нимъ присоединились русскіе. Въ Омскѣ образовалось ядро бѣлой арміи, начавшей наступательныя дѣйствія противъ красной Сибири.

Передъ этой надвигавшейся грозой Екатеринбургскій совѣтъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Областной военный комиссаръ Голощекинъ спѣшно выѣхалъ въ Москву, куда онъ прибылъ 21 іюня и остановился у своего друга и единовѣрца, всемогущаго Янкеля Свердлова. Однако эта поѣздка не была вызвана исключительно грознымъ положеніемъ на фронтѣ; былъ другой, гораздо болѣе важный вопросъ, требующій выясненія, и о которомъ нельзя было вести переписку: вопросъ объ убійствѣ Царской Семьи. Въ совѣтскомъ Олимпѣ всегда сталкивались два теченія: духъ революціи и духъ интернаціонала, русское бунтарство и еврейскія стремленія, — оппортунизмъ и крайній марксизмъ. Это глубокое разногласіе существовало всегда, существуетъ до сихъ поръ между совѣтскими Дантонами и Робеспьерами Коминтерна и вылилось, за послѣднее время, въ кровавую борьбу, въ которой нѣкоторые крупнѣйшіе вожди большевизма уже сложили свои головы. Янкель Свердловъ былъ типичнѣйшимъ представителемъ еврейскаго интернаціонала; тактикой его былъ терроръ. Царь въ глазахъ почти двухсотмилліоннаго населенія представлялъ священный принципъ; чтобы уничтожить этотъ принципъ надо было покончить съ Государемъ и со всѣми, кто могъ стать Его преемниками.

Чья таинственная воля задумала этотъ планъ и руководила его осуществленіемъ? Былъ ли дѣйствительно Янкель Свердловъ первымъ звеномъ въ этой цѣпи преступниковъ? Дѣйствовалъ ли Свердловъ по своему собственному разумѣнію, или былъ онъ только исполнителемъ приказаній, исходившихъ свыше, какъ въ свою очередь Голощекинъ былъ лишь исполнителемъ его, Свердлова, воли, а Юровскій исполнителемъ воли Голощекина, и, наконецъ, Медвѣдевъ рабомъ Юровскаго?

Екатеринбургское убійство, какъ мы увидимъ дальше, было подготовлено въ строжайшей тайнѣ; многіе высокопоставленные большевики о немъ ничего на знали; убійцы приняли самыя тщательныя мѣры, чтобы замести его слѣды...

А между тѣмъ 16/29 іюня 1918 года, ровно за семнадцать дней до убійства, въ издаваемомъ въ Парижѣ на русскомъ языкѣ пропагандномъ революціонномъ листкѣ «Солдатъ-Гражданинъ» сообщалось уже читателямъ объ этомъ убійствѣ, и, любопытное сопоставленіе, преступленіе это оправдывалось (и въ какихъ гнусныхъ выраженіяхъ!) тѣми же доводами, какіе позднѣе выставлялись большевиками.

И этотъ столь хорошо освѣдомленный заранѣе о самыхъ секретныхъ совѣтскихъ планахъ листокъ печатался подъ эмблемой не серпа и молота, а треугольника знаменитаго Y. M. C. A., кощунственно именующаго себя Союзомъ Христіанской Молодежи, и названіе котораго было отпечатано чернымъ по бѣлому на заглавномъ листѣ.

Такимъ образомъ къ цѣпи преступниковъ прибавляется еще одно звено, но дѣйствительно ли оно послѣднее?

Свердловъ прекрасно понималъ, что, дѣйствуя безъ вѣдома всего совѣтскаго правительства, онъ игралъ въ рискованную игру; надо было потому дать убійству офиціальную санкцію, а именно — постановленіе Екатеринбургскаго совѣта, но здѣсь и начиналось затрудненіе.

Президіумъ Совѣта былъ безусловно преданъ Свердлову, но среди его русскаго состава чувствовалось какое-то непреоборимое отвращеніе къ предполагаемой бойнѣ; хотя нѣкоторыми соціалистами, членами Совдепа — Хотимскимъ, Саковичемъ и другими, и была сдѣлана попытка поднять этотъ вопросъ, большинство не поддержало предложенія. Къ этому прибавлялось еще то странное обаяніе, которое Царь производилъ на Своихъ тюремщиковъ.

Обо всѣхъ этихъ затрудненіяхъ, а также о положеніи на фронтѣ и пріѣхалъ переговорить со Свердловымъ Голощекинъ. Обезпокоенный Свердловъ приказываетъ телеграммой Бѣлобородову принять мѣры предосторожности и прислать вѣрнаго человѣка для полученія послѣднихъ инструкцій.

21 іюня Бѣлобородовъ посылаетъ отвѣтную телеграмму:

Москва.

Предсѣдателю ЦИК Свердлову

для Голощекина.

Сыромолотовъ какъ разъ поѣхалъ для организаціи дѣла согласно указаній центра опасенія напрасны точка.

Авдѣевъ смѣненъ, его помощникъ Мошкинъ арестованъ вмѣсто Авдѣева Юровскій внутренній караулъ весь смѣненъ замѣняется другимъ точка. — 4558 Бѣлобородовъ.

4/VII Телеграмму принялъ комиссаръ (подпись неразборчивая).

«Организація дѣла» — это было убійство Государя, Императрицы и пятерыхъ Царскихъ Дѣтей. [1])

Заговорщикамъ не трудно было отдѣлаться отъ Авдѣева. 21 іюня рано утромъ Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ были вызваны въ Совдепъ; тамъ имъ были представлены неопровержимыя доказательства ихъ кражъ и пьянства, доставленныя шпіономъ Медвѣдевымъ.

Уличенный комендантъ былъ смѣщенъ, Мошкинъ же «для примѣра прочимъ» посаженъ въ тюрьму.

Авдѣева замѣнилъ Юровскій. Въ помощники онъ взялъ себѣ нѣкоего Никулина, знаменитаго своими звѣрствами въ Камышинѣ на Волгѣ. Рабочіе, несшіе раньше караульную службу, были назначены въ наружную охрану дома. Для наблюденія же за Плѣнниками присланъ былъ отрядъ чекистовъ. Пятеро изъ нихъ были русскіе: Партинъ, Костузовъ, Кабановъ, Леватничъ и еще одинъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ; изъ пяти иностранцевъ двое были латыши: Ліяксъ и Берзинъ, двое бывшіе военноплѣнные: мадьяръ Андрей Феркасъ и австріецъ Рудольфъ Ламеръ, и наконецъ одинъ неизвѣстный нѣмецъ, именовавшій себя «Аяксомъ».

---

[1]) У Соколова приведена только вторая часть телеграммы.

Интересно отмѣтить, что ни одинъ изъ этихъ людей, совершившихъ столь ужасное преступленіе, не вышелъ изъ толщи русской народной массы, изъ рабочихъ или крестьянъ. За исключеніемъ Кабанова, всѣ они были «полуинтеллигенты», акулы, плывущія вслѣдъ тонущему русскому кораблю.

Одинъ изъ иностранцевъ, по всей вѣроятности таинственный Аяксъ, былъ не чуждъ нѣкоторой ядовитой еврейской культуры въ духѣ Гейне, торжествующее двустишіе котораго онъ и начерталъ на стѣнѣ комнаты, гдѣ было совершено убійство.

Шпіонъ Медвѣдевъ получилъ вознагражденіе по заслугамъ: онъ остался въ домѣ въ качествѣ правой руки и помощника палача Юровскаго и вполнѣ заслужилъ оказанное ему довѣріе.

Появлялся иногда еще одинъ человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ классической наружностью русскаго «нигилиста»: весь въ черномъ, съ космами жирныхъ волосъ, падающими на плечи, съ типично преступной физіономіей и тяжелой нижней челюстью. Эта странная личность, бродившая иногда по комнатамъ Ипатьевскаго дома, бросая вокругъ подозрительные взгляды, былъ бывшій каторжникъ, профессіональный разбойникъ, Петръ Ермаковъ. Сосланный въ Сибирь за многочисленныя убійства, онъ на «зарѣ свободы» при Керенскомъ былъ выпущенъ на волю, для продолженія своей полезной дѣятельности. Такой человѣкъ не могъ не стать большевикомъ. При октябрьскомъ переворотѣ Ермаковъ сразу былъ назначенъ военнымъ комиссаромъ Верхъ-Исетска. Этотъ бывшій каторжникъ неизбѣжно долженъ былъ сойтись съ подобными ему негодяями; онъ сталъ другомъ Юровскаго и Голощекина.

Назначеніе Юровскаго ознаменовалось для Царской Семьи установленіемъ по истинѣ каторжнаго режима. Государь всегда любилъ физическій трудъ, отсутствіе движенія плохо отзывалось на Его здоровьѣ. Юровскій запретилъ Ему работать въ саду во время четверти-часовой прогулки; запрещено было также подходить къ окнамъ; однажды, когда Великая Княжна Анастасія Николаевна задумчиво глядѣла на краешекъ неба, на уголъ улицы, на кусочекъ свободнаго міра, часовой выстрѣлилъ въ Нее и пуля просвистѣла мимо Ея ушей. Сколь милостивѣе оказалась бы въ этотъ день судьба, не отведя той пули, которая должна была пресѣчь сразу обреченную молодую жизнь, какъ выстрѣлъ охотника прерываетъ радостную пѣснь вольной птицы!

Послѣ наступившаго при прежней стражѣ затишья изъ караульной снова понеслись пьяные крики; Никулинъ, считавшій себя музыкантомъ, нажимая на педали, дубасилъ на роялѣ революціонныя пѣсни, а Юровскій оралъ ихъ во все горло.

Эти люди тяжело и звѣрски пьянѣли въ мутномъ воздухѣ, насыщенномъ табачнымъ дымомъ и виннымъ перегаромъ; изъ Чека приходила иногда пьянствовать и развратничать съ ними женщина, любовница Никулина.

А въ это время Царская Семья, заточенная въ комнатахъ верхняго этажа, готовилась встрѣтить смерть. Догадывалась ли Она, какая участь Ее ждетъ? Можно ли еще въ этомъ сомнѣваться послѣ писемъ, которыя Императрица писала изъ Тобольска Вырубовой, послѣ трагической и трогательной молитвы Великой Княжны Ольги Николаевны, гдѣ Она обращается къ Богу «у преддверія могилы»?

Въ частныхъ письмахъ своихъ изъ Тобольска Татищевъ прямо и съ геройской искренностью говоритъ о своей увѣренности въ неминуемой смерти своей и Царской Семьи. Въ такой смерти онъ видитъ для себя счастіе — раздѣлить до конца участь своихъ обожаемыхъ Монарховъ; то же предчувствіе охватывало, какъ онъ пишетъ, Царскую Семью и окружающихъ Ихъ людей, за исключеніемъ самыхъ еще юныхъ: Наслѣдника Цесаревича и двухъ младшихъ Великихъ Княженъ. Но объ этомъ не говорилъ никто; и когда Великія Княжны Марія или Анастасія Николаевны мечтали вслухъ о жизни въ Крыму, въ Ялтѣ, когда наступитъ день освобожденія, старшія Ихъ Сестры молча обходили этотъ разговоръ. Съ Тобольска Царская Семья готовилась къ смерти, какъ Спаситель съ Тайной Вечери готовился принять крестъ и терновый вѣнецъ.

Тяжелыя минуты послѣдняго года сильно состарили Императрицу. Только непоколебимая сила воли поддерживала Ее въ Ея страданіяхъ. Государь, обычно крѣпкій, чувствовалъ себя очень ослабѣвшимъ. На маленькой фотографіи, снятой однимъ изъ солдатъ незадолго до убійства Царской Семьи, мы видимъ исхудавшаго Государя, сидящаго въ креслѣ для больныхъ и кутающагося въ одѣяло. Лишь взглядъ Его, прямой и спокойный, кажется отраженіемъ Его ясной, чистой души, сохранившей всю свою непоколебимую силу въ измożденномъ тѣлѣ.

Сколько разъ въ эти тревожные дни Государь долженъ былъ вспоминать о сказанныхъ Имъ однажды пророческихъ сло-

вахъ: «Я предназначенъ для страданій. Если Россіи нужна жертва, я буду этой жертвой». Да, Онъ былъ готовъ жертвовать Своей жизнью, какъ солдатъ идущій на бой. Но Жена, Дѣти, неужели безжалостный рокъ требовалъ и этой жертвы? И другія угрожающія слова звучали въ Его ушахъ: «Когда я умру, вы всѣ погибнете и съ вами погибнетъ Россія».

Загадочный мужикъ, такъ хорошо читавшій въ книгѣ судьбы, вѣрно ли онъ предсказалъ участь Царя и Родины, и не его ли развѣянный прахъ посѣялъ ту кровавую ненависть, въ которой задыхалась Россія?

Радость Родителей, любимый баловень сестеръ, бѣдный Наслѣдникъ былъ очень боленъ; жизнь уходила съ каждымъ днемъ изъ Его хрупкаго тѣла; на исхудавшемъ отъ страданій лицѣ горѣли огромные свѣтлые глаза, въ которыхъ чудился нѣмой и неразрѣшимый вопросъ.

Съ самоотверженіемъ, съ отчаяніемъ, старалась несчастная Мать вырвать изъ когтей смерти Своего больного Сына... но какъ страстно стала бы Она призывать къ Нему смерть-избавительницу, если бы только приподнялся передъ испуганнымъ взоромъ Ея край завѣсы, скрывающей будущее!

Есть на свѣтѣ избранныя Богомъ души, которыя отъ страданій возвышаются до совершенства. Такое впечатлѣніе производили Государь и Императрица на окружающихъ. «Ихъ истинное величіе», говорилъ позднѣе Жильяръ, «не зависитъ отъ Ихъ Царскаго званія, но отъ необычайной духовной высоты, на которую Они мало-по-малу поднялись. Они стали духовной силой и въ несчастіи Своемъ доказали чудесную ясность души, надъ которой не имѣютъ власти ни злоба, ни насиліе, ни даже сама смерть».

5. Убійство.

1 іюля, въ восемь часовъ утра, соборный протоіерей отецъ Сторожевъ былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ дверь. Онъ отперъ и увидѣлъ передъ собой невзрачнаго солдата съ маленькими бѣгающими глазками на рябомъ лицѣ. Священникъ тотчасъ узналъ его: это былъ одинъ изъ караульныхъ Ипатьевскаго дома, уже разъ приходившій позвать его служить обѣдню для плѣнной Царской Семьи. Передавъ и на этотъ разъ такое же распоряженіе отъ имени коменданта, солдатъ исчезъ.

Волнуясь при мысли снова увидѣть Царя, священникъ, сопровождаемый діакономъ Буимистровымъ, отправился въ десять часовъ въ Ипатьевскій домъ. Было свѣжо и пасмурно. Въ комнатѣ коменданта, куда ихъ ввели, была отвратительная грязь и царилъ безпорядокъ. На кровати храпѣлъ одѣтый человѣкъ. За столомъ сидѣлъ Юровскій и пилъ чай, закусывая хлѣбомъ съ масломъ.

«Сюда приглашали духовенство; мы явились. Что мы должны дѣлать?» спросилъ протоіерей.

Юровскій долго и пристально поглядѣлъ на него.

«Обождите здѣсь, а потомъ будете служить обѣдницу».

«Обѣдню или обѣдницу?»

«Онъ написалъ: обѣдницу», повторилъ Юровскій.

Замѣтивъ, что протоіерей зябко потираетъ руки, Юровскій спросилъ, съ оттѣнкомъ насмѣшки, здоровъ ли онъ.

«Я недавно болѣлъ плевритомъ и боюсь, какъ бы не возобновилась болѣзнь».

Юровскій началъ самодовольно высказывать свои соображенія по поводу лѣченія плеврита... Онъ забылъ назвать тотъ способъ, который обычно примѣнялъ въ Чека: свинцовую пулю въ голову больного.

Когда священникъ и діаконъ облачились и было принесено кадило съ горящими углями, Юровскій пригласилъ ихъ пройти для служенія въ залъ, гдѣ уже ожидали, сидя въ креслахъ, Императрица и Наслѣдникъ, а также обѣ старшія Великія Княжны.

Въ это время вошелъ Государь, въ сопровожденіи другихъ двухъ Дочерей.

Юровскій спросилъ: «Что у Васъ всѣ собрались?».

«Да, всѣ!», послышался спокойный голосъ Государя.

Въ залѣ присутствовали еще докторъ Боткинъ, дѣвушки и трое слугъ.

Всѣ жертвы были на лицо.

А въ углу мрачный, безстрастный, стоялъ палачъ Юровскій.

Началось богослуженіе. Голоса служителей раздавались въ тревожной тишинѣ. И тутъ произошло одно изъ тѣхъ мелкихъ событій, все трагическое значеніе которыхъ выясняется лишь, когда они отошли уже въ прошлое; одно изъ тѣхъ таинственныхъ предзнаменованій, которыя падаютъ какъ черныя тѣни отъ грядущей неумолимой судьбы.

По чину обѣдницы положено въ опредѣленномъ мѣстѣ прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этотъ разъ діаконъ, вмѣсто прочтенія, запѣлъ какъ на панихидѣ эту полную скорби, волнующую душу молитву, запѣлъ и священникъ, нѣсколько смущенный такимъ отступленіемъ отъ устава, и тотчасъ услышалъ, что стоявшая позади вся Царская Семья опустилась на колѣни . . .

Это была Ея молитва въ Гефсиманскомъ саду, передъ страданіемъ и смертью, молитва души «скорбѣвшей до смерти»; послѣдняя Ея церковная молитва на этой землѣ.

Палачи, ослѣпленные ненавистью и страхомъ, могли издѣваться надъ Ихъ бренными тѣлами, души Ихъ уже были у Престола Высшаго Судьи, передъ которымъ равны великіе и малые, цари и нищіе.

Въ то время, когда взволнованный священникъ проходилъ мимо Великихъ Княженъ, ему послышалось едва уловимое слово: «спасибо».

Послѣ богослуженія всѣ приложились къ кресту, при чемъ діаконъ вручилъ по просфорѣ Государю и Императрицѣ . . .

Молча вышли священнослужители, подавленные мрачными предчувствіями; вдругъ діаконъ сказалъ: «Знаете, отецъ протоіерей, у нихъ тамъ что-то случилось».

Отецъ Сторожевъ даже остановился и спросилъ съ тревогою: «Почему вы такъ думаете?» — «Да такъ», отвѣтилъ діаконъ, «они всѣ какіе-то другіе точно, даже и не поетъ никто». И дѣйствительно, въ этотъ разъ впервые никто изъ Царской Семьи не пѣлъ за обѣдней.

Въ то же утро изъ Москвы возвратился Голощекинъ. Послѣ обѣда было созвано совѣщаніе изъ нѣсколькихъ членовъ президіума Совѣта. Это была маленькая группа главарей, которые собирались въ особо важныхъ случаяхъ: Бѣлобородовъ, Сафаровъ, Голощекинъ, Войковъ и латышъ Тупетуль, молчаливая личность, едва понимавшая по-русски, что не мѣшало ей голосовать всегда за самыя кровавыя мѣры. Голощекинъ разсказалъ о своихъ переговорахъ со Свердловымъ и сообщилъ распоряженіе всемогущаго предсѣдателя Центральнаго Совѣта: Царская Семья должна быть уничтожена.

Никто изъ этихъ большевиковъ лично никогда не пострадалъ ни отъ стараго режима, ни отъ того человѣка, который являлся представителемъ его въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ,

и все же никто изъ нихъ не проявилъ ни малѣйшаго колебанія, не почувствовалъ ни тѣни жалости, ни голоса совѣсти передъ истребленіемъ цѣлой семьи, женщинъ и дѣтей. Спокойно разработали подробности убійства и мѣры, которыя надо было принять, чтобы не возбудить подозрѣній. Впрочемъ Юровскій былъ человѣкъ находчивый и положиться на него можно было вполнѣ.

И дѣйствительно, вотъ что произошло за нѣсколько дней до этого.

28 іюня, около пяти часовъ вечера, по дорогѣ въ село Коптяки, лежащее въ двадцати верстахъ отъ Екатеринбурга, шелъ молодой человѣкъ въ форменной фуражкѣ.

Идти надо было лѣсомъ; остановившись отдохнуть, молодой человѣкъ машинально вырѣзалъ на корѣ березы свое имя и число. «Горный инженеръ И. А. Фесенко. 28 іюня 1918 г.». Эта надпись и позволила впослѣдствіи отыскать этого вѣрнаго свидѣтеля и снять съ него показаніе. Фесенко только что окончилъ горный институтъ и былъ посланъ на изысканія въ область Верхъ-Исетскаго завода. Въ этотъ день на дорогѣ ему повстрѣчались три всадника, среди которыхъ онъ узналъ Юровскаго. Чекистъ остановилъ коня и перебросился нѣсколькими словами съ Фесенко и, только отъѣзжая, вдругъ обратился къ нему съ вопросомъ, показавшимся страннымъ молодому человѣку: «Можно ли проѣхать по этой дорогѣ на Коптяки и далѣе на грузовикѣ?» И спѣшно прибавилъ: «Намъ нужно провезти хлѣбъ, 800 пудовъ хлѣба».

На самомъ дѣлѣ въ Коптяки надо было провезти тѣла одиннадцати замученныхъ жертвъ, убійство которыхъ должно было произойти черезъ пять дней.

2 іюля утромъ Медвѣдевъ прислалъ въ Ипатьевскій домъ четырехъ женщинъ для мытья половъ, Марію Стародумову, Вассу Дрягину и двухъ другихъ. Въ столовой онѣ неожиданно для себя увидѣли всю Царскую Семью, которой стали отвѣшивать низкіе поклоны, получая въ отвѣтъ милостивыя улыбки. Обрадованныя маленькимъ развлеченіемъ, Великія Княжны начали дѣятельно помогать уборщицамъ передвигать мебель въ комнатѣ, разговаривая съ ними вполголоса, чтобы не привлечь вниманія Юровскаго. Въ это время Юровскій, сидя около Наслѣдника, съ участіемъ разспрашивалъ Его о здоровьѣ. У больного мальчика было доброе сердце; Онъ довѣрчиво смотрѣлъ въ

глаза бородатому человѣку, который такъ заботливо относился къ Его страданіямъ . . .

Но и этотъ довѣрчивый дѣтскій взглядъ не тронулъ жестокое сердце еврея.

Въ то же утро монахини Марія и Антонина принесли Плѣнникамъ передачу изъ монастыря. Юровскій принялъ ихъ самъ.

«Принесите завтра пятьдесятъ яицъ и кринку молока», сказалъ онъ имъ, «но главное хорошенько уложите яйца въ корзинку».

Нѣсколько удивленныя такимъ требованіемъ, монашки обѣщали все исполнить въ точности.

«Вотъ записка отъ одной изъ гражданокъ Романовыхъ, ей нужны нитки для шитья», прибавилъ Юровскій, передавая монахинямъ записку на клочкѣ бумаги.

Эти мелкія домашнія подробности, корзинка съ яйцами, катушка нитокъ, нѣсколько наскоро нацарапанныхъ словъ, пріобрѣли позднѣе страшное значеніе. При помощи ихъ слѣдствію удалось установить предумышленность преступленія и дьявольское лицемѣріе главнаго палача.

Этотъ день принесъ еще одно послѣднее и рѣшительное доказательство подготовки убійства. Юровскій приказалъ перевести поваренка Ивана Сѣднева изъ Ипатьевскаго дома въ домъ Попова, часть котораго была реквизирована для солдатъ наружной охраны. Наслѣдникъ лишался товарища игръ, къ которому успѣлъ привязаться. Поваренокъ плакалъ, оставляя своихъ Господъ. Онъ не подозрѣвалъ, что большевики спасали ему жизнь.

Настало утро 3/16 іюля. Плѣнники проснулись въ обычное время, около 8 часовъ, вмѣстѣ пили чай, читали, завтракали, совершили Свою обычную прогулку въ саду. Казалось, этотъ день ничѣмъ не долженъ былъ нарушить однообразіе Ихъ безрадостнаго и безнадежнаго существованія. Часы смѣнялись часами, какъ капля, падающая за каплей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась какая-то неопредѣленная тревога, тяжелая и гнетущая, какъ надвигающаяся гроза.

Насталъ вечеръ, зажглись звѣзды . . . Плѣнники прочли вечернюю молитву . . . Императрица уложила и укутала Своего больного сына, поцѣловала Его со всей страстью материнской тревожной нѣжности . . . въ послѣдній разъ.

Въ одиннадцать часовъ всѣ уже спали въ комнатахъ Плѣнниковъ.

Юровскій почти весь день былъ въ отсутствіи. Вмѣстѣ съ Ермаковымъ онъ ѣздилъ на автомобилѣ въ Коптяки, для какихъ-то таинственныхъ изысканій въ лѣсу. Вернувшись часовъ въ восемь вечера, онъ послалъ за Медвѣдевымъ.

«Обойди солдатъ наружной охраны и отбери у нихъ наганы», приказалъ онъ.

Черезъ четверть часа Медвѣдевъ принесъ двѣнадцать револьверовъ. Тогда, глядя на него въ упоръ, Юровскій отчеканилъ:

«Сегодня «они» всѣ будутъ разстрѣляны. Предупреди отрядъ, чтобы всѣ оставались спокойны, когда услышатъ выстрѣлы».

Медвѣдевъ не дрогнулъ. Какъ онъ самъ разсказывалъ потомъ съ изумительнымъ равнодушіемъ, онъ въ этотъ моментъ не почувствовалъ ни малѣйшаго сомнѣнія или колебанія. Кто были приговоренныя жертвы — онъ отлично понялъ, но не спросилъ себя, кѣмъ и за что Они осуждены на смерть. На что такіе праздные вопросы? Онъ убивалъ Царя, женщинъ и дѣтей, повинуясь начальству, и такъ же спокойно, будь приказано, убилъ бы самого Юровскаго.

Но сохранить сообщенную ему тайну Медвѣдевъ не смогъ и проговорился нѣсколькимъ товарищамъ. Хотя убійство и ужасное зрѣлище, но все же это зрѣлище. Въ надеждѣ увидѣть его, двое охранниковъ, Клещевъ и Дерябинъ, стали подглядывать въ окна подвальнаго этажа, и ихъ разсказы, сообщенные потомъ слѣдственнымъ властямъ, дали возможность возстановить всю картину этого кроваваго злодѣянія.

Государя, приговореннаго давно уже къ смерти евреями, долженъ былъ убить еврей. Эту роль царскаго палача, «Рыцаря-Кадоша», взялъ на себя Юровскій. И дабы чужая пуля не поразила его жертву, онъ строго приказалъ Ваганову и Ермакову не стрѣлять въ Царя, заявивъ, что онъ хочетъ самъ убить Его.

Такимъ образомъ о предстоящемъ злодѣяніи было сообщено только ближайшимъ, наиболѣе довѣреннымъ лицамъ, надежнѣйшимъ изъ разбойниковъ этой шайки.

Въ этотъ вечеръ въ караульной не было ни музыки, ни пѣнія. Тамъ собрались четверо: Юровскій, Бѣлобородовъ, Голощекинъ и Сафаровъ. Лица ихъ были блѣдны, и слова, кото-

рыми они обмѣнивались вполголоса, глухо терялись въ жуткой тишинѣ спящаго дома.

Полночь. Юровскій неслышными шагами поднимается по лѣстницѣ въ первый этажъ, проходитъ черезъ комнаты, погруженныя въ мракъ. Сама Смерть, какъ черная тѣнь, идетъ за нимъ. Убійца останавливается у дверей Великихъ Княженъ. Заколебался ли онъ? Нѣтъ, онъ слушаетъ. Потомъ стучитъ въ дверь. Молодой заспанный голосъ спрашиваетъ:

«Кто тамъ?»

— «Это Юровскій. Разбудите скорѣе гражданина Романова».

Проходитъ нѣсколько минутъ. Теперь слышится голосъ Царя:

«Что вамъ надо?»

Тутъ нужно тонко схитрить, но сумѣетъ ли онъ?...

— «Только что получено извѣстіе, чехословацкія и бѣлыя войска приближаются къ городу. Я получилъ приказаніе перевести Васъ въ болѣе вѣрное мѣсто. Приготовьтесь уѣзжать отсюда черезъ часъ, багажъ будетъ посланъ вслѣдъ».

Предлогъ правдоподобный. Царь знаетъ, что, покидая городъ, большевики не оставятъ Его въ рукахъ бѣлыхъ. Это былъ слабый лучъ надежды на спасеніе, теперь онъ гаснетъ. Юровскій уходитъ и возвращается черезъ часъ въ сопровожденіи Никулина и Медвѣдева. Всѣ уже готовы съ той точностью, которой всегда отличались Государь и Его Семья.

Арестованные со стражей проходятъ черезъ комнаты, спускаются съ лѣстницы во дворъ и свѣжій воздухъ ночи освѣжаетъ ихъ лица.

Во макѣ виднѣются тѣни десятка людей.

«Это отрядъ, который будетъ сопровождать Васъ», объясняетъ Юровскій.

Автомобили еще не поданы. Юровскій предлагаетъ пока вернуться въ домъ. Въ полуподвальномъ этажѣ есть какъ разъ свободная комната, гдѣ можно подождать.

Проходятъ черезъ нѣсколько грязныхъ и запыленныхъ помѣщеній.

Впереди идетъ Никулинъ. За нимъ Государь несетъ больного Сына. Мальчикъ еще не совсѣмъ проснулся отъ перваго сна. Отецъ говоритъ съ Нимъ вполголоса, ласково успокаивая

Его тѣми нѣжными словами, которыя подсказать можетъ только любящее родительское сердце.

Юровскій идетъ рядомъ съ Царемъ. Императрица и Великія Княжны слѣдуютъ за Ними; Онѣ одѣты по-дорожному, у двухъ Великихъ Княженъ въ рукахъ подушки, Анастасія Николаевна несетъ свою собачку Джимми. Шествіе замыкаютъ докторъ Боткинъ, камеристка Демидова, съ двумя подушками въ рукахъ, лакей Труппъ и поваръ Харитоновъ. Послѣднимъ идетъ Медвѣдевъ.

Никулинъ отворяетъ дверь въ комнату со сводами, выходящую окнами подъ гору на Вознесенскій переулокъ; напротивъ видна другая закрытая дверь. Мрачный, жуткій видъ у этого пустого подвала!

Государь, обращаясь къ Юровскому, проситъ дать стулъ для мальчика, который не можетъ стоять. Медвѣдевъ приноситъ три стула. Великая Княжна Татьяна Николаевна, при помощи подушекъ, устраиваетъ удобныя сидѣнія для Брата и Матери. Царь, утомленный, садится возлѣ Сына. Императрица садится у стѣны, окруженная тремя старшими Дочерьми. Докторъ Боткинъ не отходитъ отъ больного Наслѣдника. Демидова и Великая Княжна Анастасія Николаевна прислоняются къ задней двери. Труппъ и Харитоновъ остаются въ углу.

Проходятъ нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія.

Вдругъ слышится гудѣніе автомобиля. Юровскій смотритъ на дверь и какъ будто ждетъ кого-то. Дверь растворяется и шайка вооруженныхъ людей врывается въ комнату. Тутъ Ермаковъ, Вагановъ и семь чекистовъ. Всего двѣнадцать палачей, вооруженныхъ револьверами и ружьями, для одиннадцати жертвъ, изъ которыхъ шесть женщинъ и одинъ больной ребенокъ.

Въ эту минуту Плѣнники поняли все. Императрица крестится, но не произноситъ ни одного слова. Юровскій подходитъ къ Царю и, вынувъ изъ кармана бумагу, начинаетъ, запинаясь, читать... Едва можно разобрать нѣсколько словъ... попытка освобожденія... воля народа... смертный приговоръ.

«Что?» спрашиваетъ Государь, быстро вставъ съ мѣста.

«Вотъ что!» отвѣчаетъ Юровскій, стрѣляя въ Него въ упоръ. Царь, пошатнувшись, падаетъ мертвый. Начинается безпорядочная стрѣльба. Императрица бросается къ Мужу и падаетъ, сраженная нѣсколькими пулями... Великія Княжны кричатъ отъ ужаса, но крики быстро переходятъ въ предсмертные стоны.

Кровь заливаетъ лицо Наслѣдника; Онъ падаетъ на полъ и съ крикомъ протягиваетъ руки къ Отцу... Юровскій два раза въ упоръ стрѣляетъ въ мальчика... голосъ Его умолкаетъ...

Раненая Анастасія Николаевна рыдаетъ отъ боли и ужаса... Два палача, вооруженные ружьями, бросаются къ Ней и прикалываютъ штыками. Камеристка Демидова старается защититься подушками и умоляетъ о пощадѣ, но заколота десятками штыковыхъ ударовъ; озвѣрѣвшіе убійцы бьютъ съ такой силой, что штыки, пройдя черезъ вздрагивающія еще тѣла, оставляютъ глубокіе слѣды въ стѣнѣ и въ полу.

Черезъ нѣсколько мгновеній одиннадцать тѣлъ лежатъ въ лужахъ крови.

Кровью забрызганы стѣны, весь подвалъ кажется окрашеннымъ въ красный цвѣтъ. Въ воздухѣ, насыщенномъ запахомъ крови и пороха, еще стелется голубой дымъ. Убійцы блѣдные, дрожащіе, расталкивая другъ друга, бѣгутъ изъ проклятой комнаты. Даже Медвѣдевъ, не въ силахъ справиться съ собой, чувствуетъ себя дурно и спѣшитъ на воздухъ.

Комната опустѣла. Дверь закрылась за послѣднимъ изъ убійцъ, бѣжавшихъ въ ужасѣ.

Теперь Романовы одни въ Своей могилѣ; Ихъ крестный путь оконченъ, Они спятъ послѣднимъ сномъ, освобожденные смертью отъ Своихъ испытаній, страданій и палачей.

Противъ дома Ипатьева, въ домѣ Попова, часть котораго была отведена подъ красноармейцевъ, проживалъ крестьянинъ Викторъ Ивановичъ Буйвидъ, пріѣхавшій изъ деревни въ Екатеринбургъ.

Не спалось въ эту ночь Буйвиду. Полный какой-то смутной тревоги, онъ ворочался съ боку на бокъ. Въ мерцающемъ огонькѣ лампады передъ иконой чудилось ему послѣднее трепетаніе угасающей жизни. Около полуночи, почувствовавъ себя нехорошо, Буйвидъ вышелъ на улицу. Стояла сибирская лѣтняя, свѣжая и прозрачная ночь, но окружавшая тишина не успокаивала его взволнованнаго сердца. На той сторонѣ, черезъ переулокъ, вырисовывались неясныя очертанія Ипатьевскаго дома, погруженнаго въ сонъ.

И вдругъ тишину нарушили заглушенныя щелканія выстрѣловъ; послѣднее время эти зловѣщіе звуки часто пугали по ночамъ жителей города. Они знали, что каждый такой выстрѣлъ

означалъ убійство, пролитую кровь, угасшую человѣческую жизнь... На этотъ разъ стрѣляли залпами, слышался глухой шумъ, задушенные крики, которые исходили изъ этой жуткой тюрьмы.

Проходили минуты... Неподвижный и застывшій отъ ужаса, Буйвидъ, какъ въ кошмарѣ, не зналъ, сколько времени онъ простоялъ такъ... Онъ очнулся отъ шума отъѣзжавшаго автомобиля. Шумъ сталъ стихать и умолкъ въ ночи.

Буйвидъ, весь дрожащій, поднялся къ себѣ въ комнату. За тонкой стѣной онъ услышалъ движеніе не спавшаго сосѣда. Они стали переговариваться шопотомъ.

«Ты слышалъ?»

«Да, слышалъ».

Молчаніе...

«И... ты понялъ?»

Испуганный шопотъ: «Да, понялъ».

И, павъ на колѣни передъ иконой съ печальнымъ и строгимъ ликомъ, простой мужикъ горячо сталъ молиться объ упокоеніи душъ Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя Николая Александровича, всей Царской Семьи и Ихъ вѣрныхъ слугъ, большевиками умученныхъ.

6. Послѣ преступленія.

Изъ всѣхъ убійцъ, въ страхѣ бѣжавшихъ изъ комнаты преступленія, Ермаковъ, какъ опытный старый разбойникъ, былъ болѣе всѣхъ привыченъ къ крови. Онъ первый очнулся и принесъ заранѣе заготовленныя простыни, въ которыя сообщники и завернули каждое тѣло, однако, предварительно наскоро обыскавъ его. Большое количество драгоцѣнностей, зашитыхъ въ платья, при этомъ ускользнуло тогда отъ жадныхъ рукъ палачей.

Затѣмъ убійцы вынесли тѣла по одному. Но раньше, чѣмъ выйти, нѣмецъ Аяксъ быстро написалъ на стѣнѣ, забрызганной кровью, слѣдующее двустишіе Гейне:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

(т. е. «въ эту самую ночь Валтасаръ былъ убитъ своими слугами»).

Аяксъ позволилъ себѣ игру словъ, замѣнивъ имя Belsazar, написанное еврейскимъ поэтомъ, словомъ Belsatzar, намекая этимъ на Царя. Обычное еврейское глумленіе надъ своей жертвой!

Затѣмъ тѣла взвалили на грузовикъ, на которомъ размѣстились Юровскій, Ермаковъ и три латыша. Шоферъ Люхановъ сталъ поспѣшно заводить моторъ, подгоняемый ругательствами Юровскаго, который боялся встрѣтить на дорогѣ какого-нибудь ранняго прохожаго. Автомобиль, наконецъ, двинулся... Шумъ его и услышалъ въ этотъ моментъ Викторъ Ивановичъ Буйвидъ.

Верстахъ въ четырехъ отъ деревни Коптяки, около которой молодой Фесенко, какъ мы разсказывали выше, встрѣтилъ Юровскаго, среди полянки, у дороги, сохранились еще два ветхихъ пня, послѣдніе остатки росшихъ нѣкогда здѣсь четырехъ сосенъ, по которымъ и мѣсто это получило названіе «Четырехъ братьевъ». Въ этомъ глухомъ урочищѣ видны еще слѣды стараго рудника. Многіе годы былъ заброшенъ онъ, шахты давно обвалились; однѣ обратились въ пруды, другія поросли густой травой и лѣсомъ. Терпѣливая природа медленно, годъ за годомъ, разрушала дѣло рукъ человѣческихъ. Сохранилась еще лишь одна шахта, на днѣ которой слабо мерцалъ никогда не тающій, даже въ жаркіе дни, ледяной слой.

Къ этой-то шахтѣ, тщательно выбранной Юровскимъ, и привезли тѣла. Убійцы, торопясь покончить со своимъ страшнымъ дѣломъ, бросили наскоро тѣла на дно шахты и поспѣшно вернулись въ Екатеринбургъ.

На другой день, около 8 часовъ утра, къ мѣстной жительницѣ, Капитолинѣ Александровнѣ Якимовой, явился въ кухню ея братъ, Анатолій Якимовъ, начальникъ караула Ипатьевскаго дома.

Онъ былъ блѣденъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и казался страшно потрясеннымъ.

«Боже мой, что съ тобой?» воскликнула Капитолина.

Якимовъ сѣлъ на стулъ, знакомъ показавъ, чтобы она прикрыла дверь. Въ страхѣ и ужасѣ онъ не могъ произнести ни слова. Сестра начала его спрашивать и, понемногу, слово за сло-

вомъ, вырвала у него ужасныя подробности о цареубійствѣ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ, глядя въ окно подвала [1]).

Около десяти часовъ, немного придя въ себя, Якимовъ вернулся въ Ипатьевскій домъ, куда его требовала служба. Онъ смѣнилъ караулъ и вошелъ въ комнату коменданта. Тамъ уже находились Никулинъ, Медвѣдевъ и оба латыша. Всѣ были молчаливы и казались подавленными, а, между тѣмъ, передъ ними на столѣ лежалъ цѣлый кладъ: золотыя вещи, драгоцѣнные камни, кольца, бриллiанты, ожерелья, переливающiеся всѣми цвѣтами радуги... вся добыча преступленiя.

Дверь, ведущая въ помѣщенiе Царской Семьи, была заперта. Оттуда не доносилось ни одного звука — не слышно было ни шаговъ, ни голосовъ, ни стука посуды, ничего, что обнаружило бы присутствiе жизни. Въ этихъ комнатахъ царила жуткая, мертвая тишина.

У дверей тихо выла собачка Великой Княжны Татьяны Николаевны, просясь войти. Жестокое сердце Якимова тронулось состраданiемъ. «Бѣдное маленькое животное», подумалъ онъ, «ты напрасно ждешь».

4 iюля Голощекинъ созвалъ на совѣщанiе Сафарова, Войкова, Бѣлобородова, Юровскаго и Ермакова. Голощекинъ рѣзко накинулся на нихъ: они ничего не сдѣлали для уничтоженiя труповъ, тогда какъ изъ Москвы данъ былъ строгiй приказъ о сокрытiи всѣхъ слѣдовъ убiйства. Надо было все начинать сызнова, и Голощекинъ бралъ на себя руководство этимъ дѣломъ. Войкову было поручено достать необходимые матерiалы.

По окончанiи совѣщанiя секретарю Совнаркома была послана слѣдующая шифрованная телеграмма: «Передайте Свердлову, что все Семейство постигла та же участь, что и Главу. Офицiально Семья погибла при эвакуацiи». Дѣло шло объ эвакуацiи Екатеринбурга подъ угрозой наступленiя бѣлой армiи.

Въ этотъ же вечеръ Войковъ послалъ своего секретаря Зимина съ ордеромъ въ аптекарскiй складъ «Русскаго Товарищества»; тамъ было выдано въ два прiема 190 килограммовъ сѣрной

---

[1]) Въ своихъ показанiяхъ слѣдственнымъ властямъ, Якимовъ, желая смягчить свою вину, утверждалъ, что о подробностяхъ цареубiйства онъ зналъ изъ разсказа Клещева. Но точность, съ которой онъ далъ свое показанiе, заставляетъ предполагать, что онъ, какъ Клещевъ и Дерябинъ, тоже былъ свидѣтелемъ преступленiя.

кислоты, которые и были доставлены вмѣстѣ съ большимъ количествомъ бензина къ руднику «Четырехъ братьевъ».

Вся мѣстность вокругъ рудника была оцѣплена войсками и 5 числа сообщники, подъ предводительствомъ Голощекина, сами отправились туда.

И тогда на полянкѣ, въ сумеркахъ тихой и ясной ночи, произошла поистинѣ кошмарная сцена. Убійцы вытащили изъ шахты тѣла замученныхъ и положили ихъ всѣ одиннадцать въ рядъ на глиняную насыпь. Затѣмъ, какъ дровосѣки рубятъ пни, убійцы принялись рубить съ размаху тѣла топорами, разрывая ткани, разламывая съ трескомъ кости. Головы Государя и Императрицы, Великихъ Княженъ и Царскаго Сына покатились по грязной землѣ, выпали зашитыя въ подкладкахъ сокровища: сверкающіе брилліанты, драгоцѣнности и самоцвѣтные камни. Пораженные убійцы бросились подбирать добычу, но ихъ дрожащія руки разроняли часть ея, которая и была впослѣдствіи найдена.

Теперь тѣла убитыхъ обратились въ безформенную кровавую массу. Эти останки сложили въ два костра, облили сѣрной кислотой и бензиномъ и долго жгли. Жировыя вещества, растопленныя жаромъ, текли по утоптанной землѣ вокругъ костровъ; къ небу поднимался столбъ чернаго, тяжелаго дыма.

Отрубленныя головы не были сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Что съ ними сталось? Были ли онѣ отвезены въ Москву, какъ потомъ увѣряли, чтобы быть предъявленными Свердлову, или тѣмъ лицамъ, кому онъ подчинялся, и которые потребовали отъ него этого жуткаго доказательства исполненія ихъ приказаній? Не того ли требовали и евреи двѣ тысячи лѣтъ назадъ?

«Хочу, чтобы ты далъ мнѣ теперь же на блюдѣ голову Іоанна Крестителя». (Ев. отъ Марка VI—25.)

Окончивъ свою ужасную работу, сообщники подобрали всѣ несгорѣвшіе въ огнѣ предметы и бросили ихъ въ рудникъ вмѣстѣ съ трупомъ собачки Джимми, убитой со своими хозяевами.

Сверху были настланы доски, которыя должны были служить вторымъ дномъ и скрыть эти улики въ случаѣ розысковъ... Затѣмъ убійцы, утомленные, стали закусывать яйцами, заказанными наканунѣ Юровскимъ; они ѣли окровавленными руками, около обгорѣвшихъ костей своихъ жертвъ.

Снова загудѣли автомобили, увозя прочь всю шайку; а на опустѣвшей полянѣ остались чернѣть слѣды двухъ костровъ — все что осталось отъ русской Царской Семьи.

5 іюля происходило засѣданіе Исполкома, подъ предсѣдательствомъ Ленина. Слушали со скукой тягучій докладъ комиссара народнаго здравія Сѣмашко. Вдругъ вошелъ Свердловъ и, подойдя къ Ленину, сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Ленинъ прервалъ оратора словами: «Подождите, товарищъ Свердловъ хочетъ сдѣлать заявленіе».

Тогда Свердловъ сообщилъ Исполкому объ убійствѣ Царя. Онъ представилъ этотъ актъ, какъ слѣдствіе постановленія Уральскаго Совѣта, что было ложью. Это постановленіе было якобы обусловлено раскрытіемъ заговора о побѣгѣ Плѣнниковъ, что было второй ложью, и наконецъ, предсѣдатель Совѣта объявилъ, что Императрица и Наслѣдникъ были эвакуированы въ вѣрное мѣсто, что было третьей ложью.

Исполкомъ выслушалъ молча это заявленіе и молча же принялъ заготовленную заранѣе Свердловымъ формулу объ утвержденіи постановленія Уральскаго Совѣта.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Ленинъ объявилъ: «Слово принадлежитъ товарищу Сѣмашко», и засѣданіе продолжалось.

На другой день извѣстіе это было расклеено на улицахъ Москвы и, послѣ долгихъ переговоровъ по прямому проводу между Свердловымъ и Голощекинымъ, послѣдній сдѣлалъ въ Уральскомъ Совѣтѣ совершенно такое же сообщеніе, принятое враждебнымъ и испуганнымъ молчаніемъ. Такимъ образомъ Екатеринбургъ, мѣсто преступленія, узналъ о немъ на два дня позднѣе Москвы.

И странная вещь: 10 іюля, одинъ изъ цареубійцъ, Сафаровъ, напечаталъ въ газетѣ «Уральскій Рабочій» статью, восхвалявщую убійство; на другой день, 11 іюля, такая же статья, написанная въ томъ же духѣ, вышла въ Парижѣ, въ масонской газетѣ, издаваемой У. М. С. А., «Солдатъ-Гражданинъ», о которой мы уже говорили выше.

12 іюля авангардъ бѣлой арміи занялъ Екатеринбургъ, оставленный большевиками. Тотчасъ же власти начали разслѣдованіе о судьбѣ Царской Семьи. Достаточно было одного взгляда на комнату преступленія, чтобы понять, что тамъ было совершено убійство нѣсколькихъ человѣкъ. Семь лѣтъ спустя

въ подвалѣ еще были замѣтны ясные слѣды пуль, штыковыхъ ударовъ и коричневыя пятна, размазанныя кровавыми руками.

Но куда дѣвались тѣла? Отсутствіе всякихъ признаковъ тѣлъ открывало поле самымъ различнымъ предположеніямъ, включая даже побѣгъ. Совершенно неожиданное показаніе направило правосудіе на вѣрный слѣдъ.

14 іюля два крестьянина села Коптяки, Николай Папинъ и Михаилъ Алферовъ, явились къ военнымъ властямъ Верхъ-Исетска и сдѣлали имъ слѣдующее заявленіе.

4 іюля раннимъ утромъ нѣсколько крестьянъ, ѣхавшихъ изъ села Коптяки въ Екатеринбургъ продавать рыбу, обратили вниманіе на небывалое движеніе красноармейцевъ и повозокъ около урочища «Четырехъ братьевъ». Въ то же самое время два всадника понеслись къ нимъ вскачь и заставили съ угрозами повернуть обратно, не оглядываясь назадъ. И въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней урочище «Четырехъ братьевъ» было отрѣзано отъ дороги заставой красноармейцевъ.

Начались толки, пересуды, и восторжествовало то общее мнѣніе (или вѣрнѣе надежда), что большевики покидаютъ Екатеринбургъ подъ напоромъ бѣлой арміи и собираются дать бой въ этихъ мѣстахъ. Однако 6 числа утромъ красноармейцы исчезли какъ дымъ . . .

Сибирскій мужикъ настойчивъ и любопытенъ. Папинъ и Алферовъ, сдѣлавъ свое заявленіе, рѣшили отправиться и сами осмотрѣть хорошенько мѣстность. Но, доѣхавъ до «Четырехъ братьевъ», они почувствовали вдругъ такую тревогу, такой непреодолимый ужасъ, что тотчасъ же поспѣшно уѣхали. Вернувшись снова на другой день уже не одни, мужики стали тщательно изучать мѣстность, лежащую вокругъ рудника, и нашли множество предметовъ чрезвычайной важности, которые они и вручили властямъ.

Между тѣмъ слѣдствіе, порученное судебному слѣдователю Наметкину, тянулось безъ конца. Со всѣхъ сторонъ возникали какія-то странныя препятствія, тормозящія дѣйствіе правосудія. Ипатьевскій домъ, гдѣ содержалась подъ арестомъ и была замучена Царская Семья, былъ реквизированъ чехословацкимъ генераломъ Гайда, который поселился тамъ со своимъ штабомъ, не позволяя судебнымъ властямъ приступить къ необходимому разслѣдованію. Не безполезно напомнить, что тотъ же Гайда былъ впослѣдствіи судимъ у себя на родинѣ за шпіонажъ

въ пользу Совѣтовъ и исключенъ изъ списковъ арміи. Съ другой стороны омская Директорія, находившаяся тогда во главѣ антибольшевицкаго движенія, была составлена изъ соціалистовъ, воодушевленныхъ бо́льшею ненавистью къ Царскому режиму, чѣмъ даже къ большевикамъ. Министръ юстиціи, соціалистъ Старынкевичъ, сдѣлалъ все возможное, чтобы замять дѣло и только, когда въ ноябрѣ 1918 года адмиралъ Колчакъ сталъ у власти, вяло ведущееся слѣдствіе получило болѣе энергичный толчекъ. Но для этого пришлось два раза изъять дѣло изъ вѣдѣнія двухъ слѣдователей, Наметкина и Сергѣева. Наконецъ, по распоряженію Колчака, слѣдствіе было окончательно поручено судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ Соколову, благодаря самоотверженной энергіи котораго, главнымъ образомъ, и сдѣлалась извѣстной правда объ Екатеринбургской трагедіи.

Какъ только Соколовъ получилъ дѣло въ свои руки, онъ тотчасъ же сталъ испытывать тѣ же препятствія и задержки. По приказанію министра юстиціи, его секретные доклады печатались въ газетахъ, благодаря чему большевики были въ курсѣ всего происходящаго и могли принять соотвѣтствующія мѣры предосторожности.

«Никогда судебнаго слѣдователя такъ цинично не предавало его начальство», замѣчаетъ корреспондентъ «Таймса» Вильтонъ, авторъ замѣчательнаго труда объ убійствѣ Царской Семьи. Самые важные свидѣтели исчезали или таинственнымъ образомъ умирали. Мы уже говорили выше о комиссарѣ Яковлевѣ, сыгравшемъ такую выдающуюся роль въ судьбѣ арестованной Царской Семьи и такъ внезапно исчезнувшемъ потомъ. Одинъ изъ главныхъ цареубійцъ, Медвѣдевъ, арестованный бѣлыми, неожиданно умеръ въ тюрьмѣ какъ разъ въ то время, когда Соколовъ долженъ былъ снять съ него показаніе.

Какое-то тайное недоброжелательство преслѣдовало, казалось бы, не только слѣдователя, но также и огромный матеріалъ по разслѣдованію. Когда бѣлыя арміи принуждены были покинуть Сибирь, Соколовъ, которому удалось цѣною многихъ опасностей увезти все производство въ Харбинъ, просилъ англійскаго посланника въ Пекинѣ, Лампсона, оказать ему содѣйствіе для перевозки его въ Европу. Онъ особенно настаивалъ на томъ, что слѣдственный матеріалъ содержалъ останки и реликвіи Царя, двоюроднаго брата короля Георга V. И все же, снесясь по телеграфу съ Лондономъ, посолъ Его Величества от-

казалъ Соколову въ содѣйствіи Англіи. Дѣло и вмѣстѣ съ ними всѣ улики убійства неизбѣжно попали бы въ руки большевиковъ, если бы не спасла ихъ французская миссія...

Генералъ Жаненъ, начальникъ этой миссіи въ Сибири, разсказалъ въ своихъ мемуарахъ, какъ онъ исполнилъ взятое на себя обязательство, какъ онъ доставилъ слѣдственный матеріалъ и реликвіи Царской Семьи Великому Князю Николаю Николаевичу, который, не считая себя въ правѣ ихъ хранить, отказался ихъ принять; какъ генералъ, сохранивъ нѣкоторое время реликвіи въ семейномъ склепѣ у себя въ имѣніи, наконецъ передалъ ихъ по указанію Великаго Князя Николая Николаевича предсѣдателю Совѣта Пословъ М. Н. Гирсу.

Что съ ними сдѣлалъ М. Н. Гирсъ?

Этотъ вопросъ былъ нѣсколько разъ поднятъ въ газетахъ; Великій Князь Кириллъ Владимировичъ, глава Россійскаго Императорскаго Дома, обратился къ М. Н. Гирсу, выражая желаніе воздвигнуть надъ останками Царской Семьи гробницу, достойную благоговѣнія русскихъ людей. Но тщетно! М. Н. Гирсъ отказался вернуть эти драгоцѣнныя реликвіи. Одному французскому журналисту, которому удалось, преодолѣвъ всѣ запреты, повидать его, бывшій посолъ также не пожелалъ дать какія бы то ни было объясненія по этому вопросу и прибавилъ съ раздраженіемъ: «Если бы даже всѣ мои соотечественники требовали отъ меня отвѣта, я бы не могъ и не захотѣлъ сказать имъ больше».

Съ тѣхъ поръ М. Н. Гирсъ скончался и съ нимъ погибла, быть можетъ навсегда, надежда русскихъ людей обрѣсти эти священные останки, дабы, послѣ освобожденія Отечества, похоронить ихъ въ родной землѣ.

Сколь трагична судьба несчастной Царской Семьи, обманутой и покинутой при жизни, и останкамъ которой отказываютъ хотя бы въ скромной могилѣ, въ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія, на которое право имѣютъ какъ великіе такъ и малые міра сего!

Соколову, въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока длилось подъ его руководствомъ слѣдствіе, удалось нагнать потерянное его предшественниками время. Онъ возобновилъ раскопки, начатыя въ рудникѣ; найденныя вещи были подвергнуты экспертизѣ. Онѣ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежали Царской Семьѣ. И еще неопровержимая улика: на днѣ шахты былъ найденъ, сохранившійся благодаря холоду, трупъ собачки Джимми, который большевики не позаботились уничтожить. И такимъ

образомъ этотъ скромный и преданный маленькій другъ принесъ посмертное, но тягчайшее свидѣтельство противъ убійцъ своихъ Хозяевъ. Другой вѣрный четвероногій слуга, Джой, спаніэль Наслѣдника, тоже выдалъ правосудію одного изъ цареубійцъ. При дѣлежѣ добычи Джой достался стражнику Летемину, который имѣлъ неосторожность остаться въ Екатеринбургѣ послѣ вступленія въ него бѣлыхъ. Одинъ офицеръ, узнавшій собаку на улицѣ, прослѣдилъ ее, и такимъ образомъ былъ арестованъ ея новый хозяинъ.

Іюльская рѣзня не ограничилась убійствомъ Царской Семьи; надо было еще освободиться отъ свидѣтелей, которые могли выдать правду. Вѣрные слуги Царя, послѣдовавшіе за Нимъ въ ссылку, раздѣлили Его участь. Князь Долгоруковъ, генералъ Татищевъ, лакей Сѣдневъ и матросъ Нагорный были разстрѣляны въ Екатеринбургѣ. Графиню А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдеръ и лакея А. А. Волкова увезли въ Пермь; въ ночь на 22 августа ихъ повели за городъ на разстрѣлъ; когда проходили черезъ лѣсокъ, Волковъ пустился бѣжать, спасся отъ пуль стрѣлявшей вслѣдъ ему стражи и, пробродивъ въ теченіе сорока трехъ дней, достигъ наконецъ бѣлыхъ. Лакей Чемодуровъ, который незадолго передъ тѣмъ заболѣлъ и былъ переведенъ изъ тюрьмы въ больницу, былъ тамъ забытъ палачами и дожилъ до прихода бѣлыхъ войскъ.

За мѣсяцъ приблизительно до Екатеринбургской трагедіи, въ ночь съ 30 на 31 мая, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, сосланный большевиками въ Пермь, былъ увезенъ съ своимъ преданнымъ секретаремъ, англичаниномъ Джонсономъ, тремя ворвавшимися къ нему въ гостиницу неизвѣстными людьми. Большевики и здѣсь, какъ всюду и всегда, проявили себя не только палачами, но и подлыми трусами. Паническій страхъ передъ русскимъ народомъ, представителями котораго они себя называли, заставилъ утаить отъ него это преступленіе; они объявили, что Великій Князь скрылся изъ Перми и этимъ вызвали радостное чувство во всей Россіи.

Но потомъ слѣдственными властями при бѣлыхъ арміяхъ было установлено, что Великій Князь и Джонсонъ были убиты тогда же чекистами подъ командой Мясникова. Это была первая жертва Царской крови, принесенная русской революціи.

Екатеринбургская рѣзня была второй кровавой жертвой, за которой начались и другія; сутки спустя, въ ночь съ 4 на 5/18

іюля въ Алапаевскѣ пали отъ рукъ озвѣрѣвшихъ убійцъ Великая Княгиня Елисавета Θеодоровна, Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, Князья Іоаннъ Константиновичъ, Константинъ Константиновичъ, Игорь Константиновичъ и Владиміръ Павловичъ Палѣй. Алапаевское кровавое дѣло было тоже трусливо скрыто отъ Россіи: такъ убійцы и грабители заметаютъ отъ правосудія слѣды своего преступленія.

5 іюля въ Алапаевскѣ было расклеено сообщеніе мѣстнаго совѣта объ увозѣ бѣлыми въ ночь съ 4 на 5 всѣхъ заключенныхъ Членовъ Императорскаго Дома, при чемъ одинъ изъ бѣлыхъ, яко бы, былъ убитъ.

Въ томъ же смыслѣ Екатеринбургскимъ совѣтомъ были посланы офиціальныя телеграммы еврею Свердлову и евреямъ Зиновьеву и Урицкому.

Все это, конечно, было лишь отвратительной ложью, предназначенной для успокоенія общественнаго мнѣнія.

Когда 15 сентября Алапаевскъ былъ взятъ бѣлыми войсками, власти тотчасъ начали разслѣдованіе о судьбѣ исчезнувшихъ плѣнниковъ и агенту Мальшикову удалось найти, въ заброшенной шахтѣ, тѣла Великаго Князя Сергѣя Михаиловича, Великой Княгини Елисаветы Θеодоровны, всѣхъ Князей, сестры общины Великой Княгини — Варвары Яковлевой и слуги Θеодора Ремеза. Врачебное изслѣдованіе тѣлъ показало, что всѣ жертвы были брошены въ шахты живыми.

На груди Великой Княгини Елисаветы Θеодоровны нашли икону Спасителя, осыпанную брилліантами; на обратной сторонѣ была надпись: «Вербная Суббота 13 апрѣля 1891 г.».

Передъ этой иконой молился Государь въ ночь до отреченія и потомъ подарилъ ее Великой Княгинѣ.

Такъ замыкался кругъ великаго русскаго преступленія, начавшагося съ псковскаго предательства генераловъ и непосредственной цѣпью ведущаго къ кровавому алапаевскому избіенію.

И полгода спустя большевики произвели новую кровавую расправу надъ ненавистными имъ Романовыми: 14 января 1919 г. Великіе Князья Павелъ Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ были выведены на дворъ петропавловской крѣпости и тамъ разстрѣляны чекистами изъ нагановъ.

Палачи празднуютъ побѣду въ Кремлѣ; послы ихъ являются желанными гостями въ европейскихъ столицахъ; монархи и президенты жмутъ руки, на которыхъ видна несмываемая кровь ихъ вѣрнаго союзника. Еврей Валлахъ-Литвиновъ предсѣдательствуетъ въ Женевѣ надъ представителями сорока четырехъ государствъ. Убійца и преступникъ Троцкій, нѣкогда высланный изъ Франціи, нашелъ тамъ спокойное пристанище, и теперь также спокойно живетъ въ Мексикѣ, въ то время, какъ его сторонники продолжаютъ вести по всему міру революціонную пропаганду; также безпечно проживаетъ во Франціи чекистъ Мясниковъ, убійца Великаго Князя Михаила Александровича.

Нѣкоторые изъ цареубійцъ уже понесли возмездіе за свое преступленіе: Свердловъ, душа заговора, умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему рабочими фабрики Морозова въ Москвѣ въ 1919 году; Вагановъ, узнанный на улицѣ Екатеринбурга послѣ бѣгства красныхъ, былъ тутъ же разорванъ толпой; Медвѣдевъ умеръ въ тюрьмѣ, говорятъ отъ тифа; Якимова постигла та же участь; Войковъ, назначенный совѣтскимъ посланникомъ въ Варшавѣ, былъ сраженъ пулей молодого русскаго эмигранта-героя, Бориса Коверды; Юровскій умеръ или погибъ при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ; Ермаковъ, снова ударившійся въ уголовный бандитизмъ, былъ пойманъ въ 1929 году, судимъ революціоннымъ трибуналомъ и приговоренъ къ разстрѣлу, что было замѣнено ему десятилѣтнимъ лишеніемъ свободы; Бѣлобородовъ, арестованный недавно, какъ троцкистъ, падетъ, быть можетъ, какъ Зиновьевъ и Каменевъ, отъ налгановъ чекистовъ.

Но пролитая въ Екатеринбургѣ кровь не можетъ быть искуплена только другою кровью.

Есть преступленія, передъ которыми человѣческое правосудіе безсильно, и которыя требуютъ всенароднаго покаянія передъ Тѣмъ, Кто сказалъ:

«Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ».

Погибъ Царь, погибла и Великая Россія, и на развалинахъ ея взошла кровавая власть еврейскаго интернаціонала.

Если русскіе люди не сумѣли ни защитить свою Родину, ни спасти своего Царя, то, въ эти тяжелые годы изгнанія, на нихъ лежитъ священный долгъ благоговѣйно и съ раскаяніемъ преклониться передъ памятью Того, Кто, окруженный «измѣной, трусостью и обманомъ», самоотверженно велъ Свою борьбу за Россію и принесъ ей въ жертву жизнь Свою и Своихъ близкихъ.

Отъ русскихъ людей зависитъ, чтобы жертва эта была не напрасной; отъ нихъ зависитъ понять значеніе высокаго подвига Императора Николая Второго, отъ нихъ зависитъ объединиться, съ чистыми сердцами, вокругъ свѣтлаго образа Царя-Мученика.

Русскій Царь представлялъ не режимъ, не сословіе, не классъ; Онъ представлялъ Россію; вмѣстѣ съ ней пережилъ Онъ дни славы, вмѣстѣ прошелъ Свой Крестный Путь.

И погибшая Царская Семья олицетворяетъ, въ сознаніи нашемъ, всѣхъ русскихъ людей, всѣхъ скорбныхъ матерей, всѣхъ дѣтей, революціей умученныхъ, всѣхъ нашихъ близкихъ, всѣхъ друзей, которыхъ унесла отъ насъ кровавая смерть.

Средствами и трудами русскихъ здѣсь за рубежомъ сооружается въ Брюсселѣ Храмъ, посвященный памяти Государя, Царской Семьи и всѣхъ русскихъ людей, въ крамолѣ погибшихъ.

Будемъ вѣрить, что памятникъ этотъ только прообразъ того величественнаго искупительнаго Храма, который весь народъ русскій воздвигнетъ на родной землѣ Святому Благовѣрному Царю Николаю, Святой Благовѣрной Царицѣ Александрѣ и Дѣтямъ Ихъ, жизнь Свою за Россію положившимъ.

Сооружаемый въ Брюсселѣ Русскій Православный Храмъ въ память Царя Мученика Николая II и всѣхъ Русскихъ людей, богоборческой властью въ смутѣ убіенныхъ.

Снимокъ съ постройки въ іюнѣ 1938 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе къ главѣ I (стр. 34).

О роли евреевъ въ подготовкѣ революціи.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, указаннымъ въ настоящей книгѣ, приводимъ текстъ нѣсколькихъ офиціальныхъ документовъ, изъ числа воспроизведенныхъ въ томѣ XIX Архива русской революціи (стр. 248—282).

М. В. Д.
Департаментъ полиціи
по 6 дѣлопроизводству
9 января 1916 года.
№ 100186.

Секретно-циркулярно.

Губернаторамъ, Градоначальникамъ, Начальникамъ областей
и Губернскимъ жандармскимъ управленіямъ.

По полученнымъ въ департаментѣ полиціи свѣдѣніямъ, евреи, посредствомъ многочисленныхъ подпольныхъ организацій, въ настоящее время усиленно заняты революціонной пропагандой, при чемъ съ цѣлью возбужденія общаго недовольства въ Россіи, они, помимо преступной агитаціи въ войскахъ и крупныхъ промышленныхъ и заводскихъ центрахъ Имперіи, а равно подстрекательства къ забастовкамъ, избрали еще два важныхъ фактора — искусственное вздорожаніе предметовъ первой необходимости и исчезновеніе изъ обращенія размѣнной монеты.

И. д. директора Кафафовъ.
За дѣлопроизводителя Борецкій.
И. д. регистратора Виноградовъ.

Дежурный генералъ
штаба Главнокомандующаго
арміями Сѣвернаго фронта.
16 октября 1916 года.
№ 2111.
Дѣйствующая армія.

Секретно.

Начальнику штаба 1-ой арміи.

Въ виду имѣвшихся случаевъ преступной пропаганды среди войскъ злонамѣренныхъ лицъ изъ служащихъ въ общественныхъ организаціяхъ (больницахъ Всероссійскаго Земскаго союза, инженерно-строительныхъ рабочихъ дружинъ Земскаго и Городского союзовъ и Петроградскомъ комитетѣ по оказанію помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ войны), Главнокомандующій арміями Сѣвернаго фронта приказалъ имѣть строгій надзоръ за вышеозначенными организаціями и принять рѣшительныя мѣры противъ всякихъ попытокъ къ пропагандѣ.

Подписалъ: Генералъ-маіоръ Ермолаевъ.

Скрѣпилъ: Завѣдывающій военно-судной частью
генералъ-маіоръ Шавровъ.

Свѣрялъ: Завѣдывающій военно-судной частью
штаба 1-ой арміи полковникъ (подпись).

Управленіе Начальника
санитарной части армій
юго-западнаго фронта.
4 января 1916 года.
№ 6.

Весьма секретно.

Начальнику пункта.

Въ виду начавшейся противоправительственной военной пропаганды евреями, врачами и санитарами въ санитарныхъ поѣздахъ, является крайняя необходимость принять такія мѣры, каковыя не только способствовали бы прекращенію революціонной пропаганды, но въ корнѣ пресѣкали бы всякую возможность появленія въ будущемъ пропаганды со стороны евреевъ (врачей и санитаровъ).

Въ виду этого главный начальникъ снабженія армій ю.-з. ф. приказалъ, для прекращенія преступной пропаганды въ санитарныхъ поѣздахъ, воспретить зачисленіе въ санитарные поѣзда и другія подобныя учрежденія евреевъ, врачей и санитаровъ, отправляя указанныхъ лицъ на службу въ такія мѣста, гдѣ условія мало благопріятствуютъ развитію пропаганды, какъ напр., на передовыя позиціи, для работы на перевязочныхъ пунктахъ, уборки раненыхъ съ полей сраженія и т. д....

Приложенiе къ главѣ II (стр. 116).

О русскомъ масонствѣ.

О роли масонства въ исторiи человѣчества и, въ частности, Россiи существуетъ обширная литература, одинъ списокъ которой вышелъ бы изъ предѣловъ настоящихъ замѣтокъ.

Вкратцѣ можно охарактеризовать эту роль, сказавъ, что она сводилась и сводится къ разрушенiю не только христiанской, но и всякой религiозной мысли, къ уничтоженiю христiанской культуры, къ пониженiю моральнаго уровня человѣчества для конечнаго порабощенiя его «избраннымъ народомъ». Осуществленiе этихъ цѣлей требуетъ борьбы противъ всего того, что способно охранять человѣчество отъ масонскихъ посягательствъ: религiи, государства, семьи.

Царская Россiя являлась, однимъ существованiемъ своимъ, сильной опорой христiанской культуры и потому она и была приговорена международнымъ масонствомъ.

О томъ, какую сѣть масонство сплело для подготовки и осуществленiя февральской революцiи, было сказано въ главѣ II этой книги.

Но и послѣ революцiи дѣятельность масонства не прекратилась; оно ведетъ весьма усиленную работу разложенiя въ эмиграцiи, въ цѣляхъ затормозить и подорвать русское нацiональное движенiе. Масонство захватило понемногу руководящую роль въ русскомъ зарубежьи, прочно засѣло въ нашемъ бывшемъ дипломатическомъ корпусѣ, широко распространилось въ военной средѣ, проникло на «командные посты» русской общественности и наложило руку на русскую печать.

Въ одномъ Парижѣ имѣется не менѣе семи русскихъ масонскихъ ложъ (Полярная звѣзда, Астрея, Сѣверное сiянiе, Гермесъ, Золотое Руно, Прометей, Аврора), съ сотнями братьевъ разныхъ ранговъ, преимущественно изъ среды дипломатовъ, гвардейскихъ офицеровъ и «общественныхъ дѣятелей».

Обѣ газеты, издающiяся въ Парижѣ, «лѣвая» и «правая», имѣютъ среди главныхъ руководителей масоновъ и не мало масоновъ среди рядовыхъ ихъ сотрудниковъ. (См. статью «Газета масоновъ» въ № 19 Двухглаваго Орла за 1928 годъ).

Въ Парижѣ имѣются также два союза русскихъ писателей и журналистовъ, «лѣвый» и «правый», оба они въ рукахъ масоновъ.

Если масоны и были исключены изъ гвардейскихъ объединенiй, то они нашли не только гостепрiимный, но и почетный прiютъ въ самыхъ «благонадежныхъ» организацiяхъ.

Результаты этого засилья сказываются очень наглядно. На русское печатное слово оно накладываетъ негласную, но весьма строгую цензуру; событiя и лица революцiи расцѣниваются ею исключительно съ весьма опредѣленной точки зрѣнiя, и написать правду ни о революцiи, ни о Царѣ, въ русской печати, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, почти невозможно. Такимъ образомъ получается то парадоксальное положенiе, что возстановить свѣтлый образъ Государя, раскрыть клевету на Него, сказать правду объ

Императорской Россіи, возможно только на страницахъ иностранныхъ журналовъ и газетъ, или у иностранныхъ издателей. Такъ, напримѣръ, единственныя книги, посвященныя Императору Николаю II и Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, вышли на иностранныхъ языкахъ и отзывовъ въ русской прессѣ не вызвали.

Выйти изъ этихъ тисковъ масонской цензуры возможно только путемъ частной иниціативы, какъ это было сдѣлано для прекраснаго сборника «Русской Лѣтописи», изданнаго на частныя «правыя» средства, и для настоящей книги.

Нѣкоторые сердобольные и мягкотѣлые люди находятъ оправданіе масонамъ въ томъ, что они, будто бы, «не вѣдаютъ, что творятъ» и что они идутъ въ «братья» исключительно изъ матеріальныхъ выгодъ.

Дѣйствительно, масонство иногда бросаетъ предателямъ тѣ тридцать сребренниковъ, которые они заработали, но, не говоря уже о томъ, сколь страннымъ является такого рода Іудино оправданіе, господа масоны никакъ не могутъ отговариваться невѣдѣніемъ. Одинъ, якобы вышедшій изъ масонства, сотрудникъ «національной» газеты пытался убѣдить своихъ читателей, что онъ поступилъ въ ложу для «исканія истины». Какова эта истина, мы сейчасъ увидимъ изъ свидѣтельства двухъ писателей лѣваго лагеря, одинъ изъ которыхъ самъ былъ масономъ, а другой посвятилъ этому вопросу спеціальное изслѣдованіе.

Въ статьѣ «Мое масонство» недавно скончавшійся А. В. Амфитеатровъ поясняетъ, что къ масонству его привлекло три «магнита»: первый — обожаніе Максима Ковалевскаго, второй — романтизмъ самого Амфитеатрова и третій и главный — революціонное его настроеніе. Амфитеатровъ, по его словамъ, «проповѣдывалъ объединеніе революціонныхъ силъ для активнаго натиска на ослабѣвшее самодержавіе, славилъ терроръ и террористовъ, издавалъ непримиримо бунтарскій журналъ»... и т. д. Для чего же Амфитеатровъ при такихъ взглядахъ и дѣятельности поступилъ въ братья-масоны? Потому что, по его словамъ, «они сочувствовали русской революціи откровенно», и когда его посвящали въ ложу въ Парижѣ и онъ стоялъ съ завязанными глазами, его «послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ французскихъ вопросовъ, кто-то спросилъ по-русски, съ легкимъ еврейскимъ акцентомъ: «Какъ Вы относитесь къ убійству Плеве? Одобряете ли его и находите ли нужнымъ дальнѣйшее развитіе террора?»

Что Амфитеатровъ могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, не трудно догадаться послѣ его славословія террора, и онъ былъ въ ложу принятъ.

Другой случай, разсказанный С. Мельгуновымъ въ его книгѣ «На путяхъ къ дворцовому перевороту», относится къ пріему въ ложу командира л.-гв. Финляндскаго полка генерала Теплова. «Одинъ изъ братьевъ задалъ ему вопросъ о Царѣ. Тепловъ отвѣтилъ: «Убью, если велѣно будетъ». [1]

Итакъ, лица, поступавшіе въ масоны, отлично знали, на какое черное и предательское дѣло они шли. Тѣмъ болѣе знаютъ они это и теперь, когда многія изъ цѣлей масонства: сверженіе трехъ монархій, убіеніе Царя съ Семьей, торжество евреевъ въ Россіи, уже осуществились.

---

[1]) С. Мельгуновъ. «На путяхъ къ дворцовому перевороту», стр. 185.

Приложеніе къ главѣ II (стр. 121).

Объ А. Д. Самаринѣ.

А. Д. Самаринъ не представляетъ достаточно крупную политическую фигуру, чтобы на ней стоило спеціально останавливаться. Но, случайно или нѣтъ, вокругъ этой личности, и до революціи, и теперь въ эмиграціи, нѣкоторые круги создали нѣчто въ родѣ ореола и малѣйшая критика А. Д. Самарина разсматривается какъ святотатство.

Такъ какъ А. Д. Самаринъ, при всей своей личной незначительности, все же приложилъ свою руку къ разрушенію монархической Россіи и къ торжеству революціи, и чрезмѣрное восхваленіе этого дѣятеля является такимъ образомъ и оправданіемъ подрывной работы общественныхъ круговъ, — то приходится разсѣять эту творимую легенду о А. Д. Самаринѣ-рыцарѣ.

Какъ было указано въ настоящей книгѣ, А. Д. Самаринъ, принадлежавшій къ средѣ фрондирующаго дворянства, былъ, по настоянію либеральныхъ круговъ, назначенъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода и, въ качествѣ члена Совѣта Министровъ, велъ вмѣстѣ съ другими дѣятельную интригу противъ предсѣдателя Совѣта И. Л. Горемыкина [1]) Послѣ своего увольненія отъ должности, Самаринъ, избранный предсѣдателемъ Объединеннаго Дворянства, вернулся въ оппозицію, продолжалъ интриговать противъ Правительства и поддерживалъ въ этомъ же Родзянко.

Факты эти, послѣ крушенія Имперіи, представляютъ для Самарина и его друзей нѣсколько непріятное воспоминаніе и потому тщательно стушевываются.

Но не столь давно вышедшая книга бывшаго дворцоваго коменданта ген. Воейкова «Съ Царемъ и безъ Царя» пролила новый свѣтъ на роль Самарина. Ген. Воейковъ разсказываетъ, что въ 1912 году, передъ пріемомъ Государя московскимъ дворянствомъ, Самаринъ примкнулъ къ тому меньшинству, которое возражало противъ обращенія къ Царю, какъ къ «Самодержцу». Такую «дѣятельность» Самарина ген. Воейковъ характеризуетъ въ выраженіяхъ, лишенныхъ всякаго снисхожденія.

Эти отзывы ген. Воейкова вызвали въ «нѣкоторыхъ кругахъ» бурю негодованія. Выразителями этого чувства выступили въ печати кн. В. П. Трубецкой и И. И. Тхоржевскій. Ни тотъ, ни другой не опровергаютъ, однако, фактовъ, приведенныхъ ген. Воейковымъ, и даже о нихъ не упоминаютъ. По мнѣнію г. Тхоржевскаго, Самаринъ былъ «достойнѣйшимъ слугою Царя»; что Самаринъ хотѣлъ лишить Царя титуля Самодержца, г. Тхоржевскаго не удивляетъ.

Впрочемъ, заступаясь столь горячо за Самарина, г. Тхоржевскій позволяетъ себѣ въ той же статьѣ, въ весьма неприличномъ тонѣ, писать объ Императорѣ Николаѣ II, утверждая, что революція произошла потому, что Государю внушили «плевать на общественное мнѣніе». *)

---

[1]) «Тяжелые дни» (Секретныя засѣданія Совѣта Министровъ 16 іюля — 2 сентября 1915 г.) А. Н. Яхонтова. Архивъ Русской Революціи, томъ XVIII.
*) Газета «Возрожденіе» отъ 17 апрѣля 1937 г.

Въ заключеніе не лишнее будетъ привести о Самаринѣ мнѣніе Императрицы Александры Ѳеодоровны. 16 іюня 1915 года Императрица писала Государю: «Самаринъ очень чванливый человѣкъ; этимъ лѣтомъ я имѣла случай въ этомъ убѣдиться, говоря съ нимъ по вопросу объ эвакуаціи. Когда его раньше предлагали для Алексѣя (въ воспитатели, прим. автора), я безъ колебаній сказала: нѣтъ ни за что я не хочу такого человѣка съ такимъ узкимъ міровозрѣніемъ». А подъ датой 11 сентября 1915 г. Императрица пишетъ: «Я тебѣ говорила, что Самаринъ глупъ и нахалъ.»

Приложеніе къ главѣ III (стр. 203 и 227).

Объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ аресту Государя.

Въ рѣчи, произнесенной 17 іюля 1938 г. въ Парижѣ на собраніи, организованномъ Обществомъ ревнителей памяти Императора Николая II, ген. Тихменевъ приводитъ, объ арестѣ Государя, версію, расходящуюся съ данными, указанными въ главѣ III.

«Вечеромъ 7 марта», говоритъ ген. Тихменевъ, «была получена секретная шифрованная телеграмма изъ Петрограда, изъ министерства путей сообщенія. Въ телеграммѣ значилось, что на слѣдующій день, рано утромъ, въ Могилевъ пріѣдутъ четыре члена Государственной Думы, чтобы арестовать Государя и отвезти Его въ Петроградъ. Отъѣздъ Государя назначался въ 9 часовъ утра. Воспрещалось сообщать объ этомъ кому бы то ни было. Цѣль этой секретности, этой вороватости, заключалась очевидно въ томъ, чтобы не дать Государю времени на сборы въ дорогу. Очевидно въ Петроградѣ чего-то боялись. Конечно, телеграмма эта была адресована не мнѣ. Я узналъ о ней случайно и настоялъ, чтобы она немедленно была сообщена начальнику штаба, пригрозивъ, что если это не будетъ сдѣлано, то я сдѣлаю это самъ. Мое требованіе было исполнено и такимъ образомъ Государь Императоръ былъ предупрежденъ». (Возрожденіе отъ 22 іюля 1938 г. № 4141).

Этотъ разсказъ повторяетъ, въ общихъ чертахъ, то, что ген. Тихменевымъ было уже изложено въ его брошюрѣ «Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ пребыванія Императора Николая II въ Ставкѣ». Разница въ обѣихъ версіяхъ лишь та, что въ брошюрѣ упоминается, подъ буквой К., о генералѣ, получившемъ телеграмму, и указывается, что генералъ этотъ впослѣдствіи былъ убитъ большевиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ брошюрѣ нѣтъ ни одного слова о томъ, что Государь былъ ген. Алексѣевымъ предупрежденъ. Это добавленіе является новымъ въ рѣчи ген. Тихменева отъ 17 минувшаго іюля.

Нужно, прежде всего, замѣтить, что разсказъ ген. Тихменева, въ его цѣломъ, представляется мало вѣроятнымъ и содержитъ утвержденія, опровергаемыя совершенно точно установленными фактами.

Такъ, напримѣръ, о томъ, что отъѣздъ Государя назначался на 8 марта было извѣстно всему штабу, безъ всякой таинственной телеграммы. «7 марта, во вторникъ», пишетъ полк. Мордвиновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «намъ стало извѣстно, что Государь рѣшилъ переѣхать въ Царское Село на слѣдующій день». О пріѣздѣ делегатовъ, но, конечно, не съ цѣлью арестовать Государя, также хорошо было всѣмъ извѣстно.

По словамъ генерала Лукомскаго, Государь самъ назначилъ Свой отъѣздъ на 8 марта, о чемъ была послана телеграмма въ Петроградъ и оттуда было отвѣчено, что для сопровожденія Государя до Царскаго Села 8 марта пріѣдутъ нѣсколько делегатовъ, командируемыхъ Временнымъ Правительствомъ.

Въ показаніяхъ своихъ слѣдователю Соколову генералъ Лукомскій поясняетъ, что телеграмма эта, которую онъ лично видѣлъ, была подписана княземъ Львовымъ и что въ ней не было рѣчи объ арестованіи Государя. Смыслъ телеграммы былъ тотъ, что лица, командированныя Временнымъ Правительствомъ, должны были сопровождать Государя изъ вниманія къ только что отрекшемуся Главѣ Государства [1]).

Ген. Дубенскій, состоящій при Государѣ для ежедневной записи событій, отмѣчаетъ подъ датой 7 марта: «уже совсѣмъ поздно я узналъ, что завтра днемъ пріѣзжаютъ въ Могилевъ четыре члена Государственной Думы съ Бубликовымъ во главѣ для сопровожденія Государя отъ Могилева до Царскаго Села». Флигель-адъютантъ полк. Мордвиновъ также упоминаетъ о полученіи въ этотъ день телеграммы изъ Петрограда, текстъ которой онъ приводитъ: «Временное Правительство постановило предоставить бывшему Императору безпрепятственный проѣздъ для пребыванія въ Царскомъ Селѣ и для дальнѣйшаго слѣдованія на Мурманскъ».

Ни въ одной изъ этихъ телеграммъ (если допустить, что мы имѣемъ дѣло съ разными телеграммами, а не съ одной и той же, въ разныхъ версіяхъ приводимой) нѣтъ намека на предстоящій арестъ Государя, и полк. Мордвиновъ отмѣчаетъ даже, что «телеграмма эта очень всѣхъ насъ успокоила». Приходится думать, что ген. Тихменевъ говоритъ о какой-то другой таинственной телеграммѣ, исходящей отъ министерства путей сообщенія, въ то время какъ телеграммы, упоминаемыя ген. Дубенскимъ, Лукомскимъ и полк. Мордвиновымъ, были посланы кн. Львовымъ.

Прибавимъ, что все, что приводится въ телеграммѣ, упоминаемой ген. Тихменевымъ, невѣрно: делегаты пріѣхали не рано утромъ, а около 4-хъ часовъ дня; фактически Государь уѣхалъ не въ 9 часовъ утра, а днемъ, и т. д.

Но самымъ существеннымъ въ рѣчи ген. Тихменева было заявленіе о томъ, что о предстоящемъ арестѣ Государю было извѣстно. Если это такъ дѣйствительно, то обстоятельство это служитъ нѣкоторымъ оправданіемъ для генерала Алексѣева, который доложилъ своевременно Государю о полученной секретной телеграммѣ.

Къ сожалѣнію, и эта версія совершенно опровергается точными свидѣтельствами ген. Дубенскаго и полк. Мордвинова, которые оба, и въ особенности послѣдній, гораздо ближе находились къ Государю, нежели ген. Тихменевъ. Полк. Мордвиновъ имѣлъ разговоръ съ Государемъ передъ самымъ Его отъѣздомъ, а ген. Дубенскій, присутствовавшій при отъѣздѣ, разсказываетъ, что объ арестѣ Государя делегаты сообщили ген. Алексѣеву передъ самымъ отходомъ поѣзда и что ген. Алексѣевъ передалъ Государю это сообщеніе въ слѣдующей формѣ: «Ваше Величество должны себя считать какъ бы арестованнымъ», при чемъ ген. Дубенскій прибавляетъ: «Государь былъ очень далекъ отъ мысли, что Онъ, согласившійся добровольно оставить Престолъ, можетъ быть арестованъ». Наконецъ, извѣстно, что до этого сообщенія ген. Алексѣева, Государь приказалъ пригласить делегатовъ къ обѣду, чего бы Онъ не сдѣлалъ, если бы зналъ о Своемъ арестѣ.

---

[1]) Воспоминанія генерала А. С. Лукомскаго. Т. I, стр. 142.
N. Sokoloff. Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe.

Чтобы не оставлять, однако, невыясненной малѣйшей подробности этого событія, мы обратились къ ген. Тихменеву съ просьбой указать тѣ основанія, которыя позволяютъ ему утверждать, что о Своемъ арестѣ Государь былъ предупрежденъ наканунѣ ген. Алексѣевымъ.

Въ отвѣтѣ своемъ ген. Тихменевъ пояснилъ, что онъ не утверждаетъ, что Государь «былъ предупрежденъ ген. Алексѣевымъ», что это только его «личные домыслы ни для кого необязательные», основанные на «психологическихъ причинахъ».

Но, откидывая то, что ген. Тихменевъ самъ признаетъ своими «личными домыслами», остается, изъ его разсказа, утвержденіе, что генералу Алексѣеву было извѣстно наканунѣ о предстоящемъ арестѣ Государя.

Ген. Тихменевъ, вообще благожелательно относящійся къ ген. Алексѣеву, не замѣчаетъ, что этимъ утвержденіемъ онъ возводитъ на память ген. Алексѣева еще новое и тяжкое обвиненіе: если ген. Алексѣевъ дѣйствительно зналъ объ арестѣ Государя — то онъ является вполнѣ сознательнымъ соучастникомъ этого предательства, такъ какъ точно установлено, изъ вышеуказанныхъ свидѣтельствъ, что о немъ онъ Государю тогда же не доложилъ.

Бесѣда В. А. Маклакова съ генераломъ Алексѣевымъ въ августѣ 1917 г. [1]

Чрезвычайно яркую картину настроенія, царившаго среди генераловъ не только до, но и во время революціи, даетъ В. А. Маклаковъ въ своемъ приложеніи къ французскому изданію протоколовъ Чрезвычайной слѣдственной комиссіи.

В. А. Маклаковъ разсказываетъ о своей бесѣдѣ съ генераломъ Алексѣевымъ во время Корниловскаго выступленія, когда позорный провалъ революціи давно сталъ яснымъ даже для бывшаго радикальнаго члена Государственной Думы.

В. А. Маклаковъ видитъ только одно спасеніе для Россіи — вернуться на путь законной монархіи; но генералъ Алексѣевъ все еще упорно стоитъ на революціонной платформѣ, несмотря на крушеніе фронта и на развалъ самой Россіи.

Приводимъ ниже этотъ отрывокъ:

«Телефонный звонокъ отъ генерала Алексѣева — просилъ меня пріѣхать. Я засталъ генерала въ поѣздѣ. Въ противоположность мнѣ, Алексѣевъ считалъ тогда, что часы правительства Керенскаго сочтены. По его мнѣнію, оставалось только рѣшить, что дѣлать Корнилову послѣ побѣды. Объ этомъ только Алексѣевъ и хотѣлъ посовѣтоваться со мной. Я отнюдь не раздѣлялъ его «оптимизма». Но насчетъ политическаго положенія мнѣніе мое давно уже опредѣлилось. Существеннымъ, по моему, былъ вопросъ не о лицахъ, а о режимѣ. Если продолжать упорствовать въ спасеніи революціи, то нельзя остановить разложенія; тогда надо пить чашу до дна. Въ случаѣ же, если бы Корниловъ оказался сильнѣе Временнаго Правительства и смогъ «обуздать» революцію, то, по моему, слѣдовало бы, прежде всего, вернуться къ законному порядку. Порядокъ этотъ былъ покинутъ въ ту минуту, когда у Великаго Князя Михаила Александровича вынудили отреченіе; къ этой отправной точкѣ и слѣдовало, по моему, вернуться. Надо было держаться манифеста объ отреченіи Императора Николая II, ибо этотъ манифестъ былъ послѣднимъ легальнымъ актомъ. Слѣдовало, по моему, возстановить монархію, конституцію, народное представительство и управлять въ согласіи съ конституціей.

Вѣдь, — если бы Корниловъ вышелъ побѣдителемъ изъ своего столкновенія со стихіей революціи, то это было бы уже доказательствомъ того, что онъ достаточно силенъ, — а, значитъ, можетъ вернуться на путь законности.

---

[1] La chute du régime Tsariste. Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la Cour Impériale Russe par la Commission extraordinaire du Gouvernement provisoire de 1917. Préface de B. Maklakoff. Ancien Ambassadeur de Russie à Paris, стр. 84—86 — «Люди, дѣлавшіе исторію» — статья И. И. Тхоржевскаго, «Возрожденіе», № 4029, отъ 15 іюня 1936 года.

Алексѣевъ былъ, видимо, изумленъ.

— Какъ? Возстановить монархію? Но это же невозможно!

— Если это и впрямь невозможно, — отвѣчалъ я, — тогда вся затѣя Корнилова безполезна. Нѣтъ никакого смысла «побѣждать» революцію, чтобы потомъ «возстановить» ее же снова. Всѣ выгоды, которыя вы надѣетесь извлечь изъ смѣны лицъ, никогда не уравновѣсятъ зла, которое будетъ причинено новымъ крушеніемъ власти. Если таковы ваши намѣренія, тогда ужъ лойяльно защищать существующее правительство противъ его враговъ слѣва. Это еще лучшій сравнительно способъ оказывать потомъ на него спасительное вліяніе, имѣть какіе-то шансы удержать революцію въ началѣ ея «соскальзыванія подъ откосъ». Но если новое правительство — общественныхъ дѣятелей, которыми вы хотите замѣнить нынѣшнихъ, будетъ дѣйствовать въ томъ же «революціонномъ порядкѣ» — долго оно не продержится. Придется, фатально, дойти уже до конца.

Мы долго спорили. Наконецъ, я сказалъ генералу:

— Какъ странно! Мы словно помѣнялись съ вами ролями. Вы, генералъ-адъютантъ, близкій человѣкъ къ Государю, вы — противъ монархіи! А я, оппозиціонеръ — за!

— «Вы правы», — отвѣчалъ генералъ; — «Но именно потому, что я лучше васъ знаю монархію, какъ она есть, — я ея не хочу».

Замѣчаніе это меня поразило.

— Возможно! — вскрикнулъ я тутъ, въ свою очередь. — Но ужъ нашихъ-то общественныхъ дѣятелей я знаю навѣрняка лучше васъ. А потому — ничего не жду отъ вашей затѣи».

Приложенiе къ главѣ IV (стр. 265).

Объ отъѣздѣ Царской Семьи въ Тобольскъ.

Въ своихъ воспоминанiяхъ, появившихся, въ извлеченiяхъ, въ газетѣ «Возрожденiе» (№ 4142 отъ 29 iюля 1938 г.) полк. Н. А. Артабалевскiй разсказываетъ чрезвычайно существенныя подробности объ обстоятельствахъ, связанныхъ съ отъѣздомъ Царской Семьи въ Тобольскъ.

Керенскiй, какъ мы видѣли, оправдываетъ ссылку Государя съ Семьей въ Сибирь своей заботой объ Ихъ безопасности; слѣдователь Соколовъ уже разоблачилъ эту ложь бывшаго главноуговаривающаго. Въ воспоминанiяхъ полк. Артабалевскаго мы находимъ новое и неопровержимое подтвержденiе того лицемѣрiя, съ которымъ Керенскiй готовилъ гибель Царской Семьи.

31 iюля комендантъ Царскосельскаго дворца вызвалъ къ себѣ командира 2-го гвардейскаго стрѣлковаго запаснаго полка полковника Артабалевскаго, прося его прибыть вмѣстѣ съ членомъ исполкома полка.

Полковникъ Артабалевскiй явился съ стрѣлкомъ Игнатовымъ, активнымъ большевикомъ, который былъ командированъ предсѣдателемъ исполкома прапорщикомъ Ефимовымъ.

Полковникъ Кобылинскiй заявилъ пришедшимъ, что онъ вызвалъ ихъ по секретному дѣлу: Правительство рѣшило перевезти Царскую Семью въ болѣе надежное мѣсто. Игнатовъ, усмѣхнувшись, замѣтилъ, что это секретное дѣло ему отлично извѣстно, что Царя съ Семьей хотятъ перевезти въ Архангельскъ или въ Вологду, но что совдепъ этого не допуститъ, потому что въ Архангельскѣ находятся англичане, а Вологда слишкомъ близка къ Архангельску.

Затѣмъ, въ разговорѣ съ авторомъ воспоминанiй, Игнатовъ разсказалъ, что вопросъ о переводѣ Царской Семьи давно рѣшенъ Совѣтомъ и что офицiальной причиной этого выставляется безопасность Государя, а въ дѣйствительности совдепъ опасался, что Царской Семьѣ удастся покинуть Россiю. Поэтому рѣшено перевезти Ее или въ Тюмень или въ Тобольскъ. Мы знаемъ, что Керенскiй это точно и выполнилъ: Царская Семья была сослана въ Тобольскъ именно подъ предлогомъ охраненiя Ея безопасности. Итакъ, все дѣло ссылки и заточенiя Царской Семьи было тайно организовано Керенскимъ въ полномъ согласiи съ крайними элементами Совѣта и цѣлью этой преступной шайки было лишить Царственныхъ Узниковъ единственной надежды на спасенiе.

Полковникъ Артабалевскiй разсказываетъ далѣе трогательныя и волнующiя подробности о самомъ отъѣздѣ Царской Семьи.

«Въ этотъ день по карауламъ Царскаго Села дежурилъ капитанъ 2-го гвардейскаго стрѣлковаго полка В. Н. Матвѣевъ. Оберъ-гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ передалъ ему, что Государыня проситъ его къ себѣ попрощаться. Когда онъ направился за гр. Бенкендорфомъ, то Цесаревичъ и Великая Княжна Ольга Николаевна по собственной инициативѣ стали на двухъ концахъ коридора настороже, такъ какъ входъ караульнымъ чинамъ

въ личные покои Государя и Государыни былъ строжайше запрещенъ. Встрѣтивъ кап. Матвѣева въ Своемъ будуарѣ, Государыня обратилась къ нему со словами: «Я просила васъ къ себѣ, чтобы попрощаться съ вами и поблагодарить за всегда внимательное къ намъ отношеніе». — Затѣмъ, съ глазами полными слезъ, добавила: «Мы отрываемся отъ нашего родного дома и ѣдемъ въ полную неизвѣстность». — Съ этими словами Государыня нервно взяла образокъ и благословила его. Вскорѣ послѣ этого въ одной изъ проходныхъ комнатъ кап. Матвѣевъ встрѣтилъ Великую Княжну Марію Николаевну и, здороваясь съ Ней, поцѣловалъ Ея руку. Проходившій въ это время помощникъ командующаго войсками Петроградскаго округа шт.-кап. Козьминъ, революціонеръ и бывшій ссыльный, позвалъ кап. Матвѣева въ ротонду дворца и тамъ въ высшей степени грубой и рѣзкой формѣ набросился на него за то, что онъ нарушилъ приказъ — не цѣловать рукъ и не разговаривать съ Членами Царской Семьи. Черезъ нѣкоторое время князь Долгоруковъ далъ знать кап. Матвѣеву, что Государь хочетъ съ нимъ проститься. Государь, Наслѣдникъ, Великія Княжны и нѣкоторыя лица свиты ждали въ библіотекѣ. Поблагодаривъ за службу, Государь передалъ ему Свою фотографическую карточку съ надписью: «Николай, 1917 г.», и сказалъ: «Я думаю, что вы не откажетесь принять на память мою фотографію... Я нарочно не писалъ числа, чтобы вамъ не было лишнихъ непріятностей». — Затѣмъ Государь обнялъ его и поцѣловалъ. Едва кап. Матвѣевъ успѣлъ проститься съ Государемъ, какъ появился караульный начальникъ, передавшій ему, что шт.-кап. Козьминъ послалъ его разыскивать. Услышавъ это, Государь проговорилъ, обращаясь къ кап. Матвѣеву: «Спрячьте скорѣе фотографію, чтобы вамъ не было новыхъ непріятностей».

Далѣе, полковникъ Артабалевскій разсказываетъ о прибытіи Царской Семьи на вокзалъ.

«Подошли двѣ легкія машины. Изъ одной изъ нихъ вышли лица, не пожелавшія оставить Ихъ Величествъ въ скорбные дни Ихъ жизни, и быстро прошли въ предназначенный имъ вагонъ. Изъ другого вышли Царевны, вынесли на рукахъ Цесаревича. Затѣмъ вышелъ самъ Государь и помогъ выйти Государынѣ. Вся Царская Семья медленно перешла пути и двинулась по шпаламъ къ Своему вагону, спальному Восточно-Китайской желѣзной дороги. Поддерживаемая Государемъ, Императрица, видимо, дѣлала большія усилія, ступая по шпаламъ. Государь смотрѣлъ Ей подъ ноги и велъ, поддерживая подъ локоть, Свою Августѣйшую вѣрную спутницу жизни. А на другой сторонѣ путей стояла молчаливая, неподвижная толпа и броневикъ. Тогда Царская Семья начала Свой страдный путь и толпа русскихъ людей, Ихъ подданныхъ, свидѣтельствовала его своимъ священнымъ молчаніемъ и тишиной. Увидя полковника Кушелева и меня, Ихъ Величества кивнули намъ головами. Государыня съ трудомъ поднялась по ступенькамъ вагона. Государь помогалъ Ей. Самъ Онъ поднялся спокойно и бодро. Черезъ нѣкоторое время, въ одномъ изъ оконъ вагона показался Государь. Слѣва отъ Него Государыня, справа стоялъ Цесаревичъ, а сзади Него — Царевна Татьяна. Въ сосѣднемъ окнѣ показались Царевны Ольга, Марія и Анастасія. Онѣ смотрѣли въ нашу сторону. Увидѣвъ благословляющую руку Государыни, Кушелевъ и я сняли фуражки,

склонили головы, а потомъ, точно сговорившись, направились къ вагону. Не знаю, какъ Кушелевъ, но я шелъ, совершенно не думая о послѣдствіяхъ этого шага, дѣлаемаго въ присутствіи Козьмина. Сила, ведшая меня къ моему Государю, была неизмѣримо сильнѣе всякихъ постороннихъ вліяній. На площадку вагона первымъ поднялся Кушелевъ. Поднявшись за нимъ, я увидѣлъ входящаго изъ прохода вагона Царя. Кушелевъ бросился передъ Нимъ на колѣни, но Государь не далъ ему сдѣлать это и, обнявъ его, поцѣловалъ и что-то сказалъ. Я не помню, что именно. Вѣрнѣе, не разслышалъ отъ волненія, такъ какъ Государь, осторожно отклонивъ Кушелева, протягивалъ мнѣ руку. Онъ видимо торопился. Я до сихъ поръ помню теплоту Его руки, ея пожатіе, когда я припалъ къ ней губами, цѣлуя. Блѣдное лицо Государя и Его незабвенный взоръ навсегда останутся въ моей памяти... Государь привлекъ меня къ себѣ, обнялъ и поцѣловалъ. Въ необъяснимомъ порывѣ, я припалъ лицомъ къ Его плечу. Государь позволилъ мнѣ побыть такъ нѣсколько мгновеній, а потомъ осторожно отнялъ мою голову отъ Своего плеча и сказалъ намъ: «Идите, иначе можетъ быть для васъ обоихъ большая непріятность. Спасибо вамъ за службу, за преданность... за все... за любовь къ намъ... отъ меня, Императрицы и моихъ дѣтей... Служите Россіи такъ же, какъ служили мнѣ... Вѣрная служба родинѣ цѣннѣе въ дни ея паденія, чѣмъ въ дни ея величія... Храни васъ Богъ. Идите скорѣй...» Молчаливая, сѣрая толпа смотрѣла на насъ и точно чего-то ждала. Въ окнѣ снова показались Государь и Цесаревичъ. Государыня выглянула въ окно и улыбалась намъ. Государь приложилъ руку къ козырьку Своей фуражки. Цесаревичъ кивалъ головой. Также кивали головой Царевны, собравшіяся въ сосѣднемъ окнѣ. Мы отдали честь, потомъ сняли фуражки и склонили головы. Когда мы ихъ подняли, то всѣ окна вагона оказались наглухо задернутыми шторами. Вдоль вагона медленно прошелъ Козьминъ, подошелъ къ намъ и, ничего не сказавъ, всталъ около насъ, точно насторожѣ... Поѣздъ медленно тронулся. Сѣрая людская толпа вдругъ всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, безъ одного возгласа, безъ одного всхлипыванія. Видѣлъ ли Государь и Его Августѣйшая Семья этотъ молчаливый жестъ народа, преданнаго, какъ и Они, на Голгофское мученіе Іудами Россіи?...»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Того же автора:

Le Tsar Nicolas II et la Révolution. (Collection des Grandes Etudes Historiques) A. Fayard,

Souvorov. (Bibliothèque historique) Payot.

Lénine. Flammarion.

Raspoutine. Flammarion.

La Guerre Rouge est déclarée. Éditions de France.

Napoléon en Russie. Libertés Françaises.

Le Front Populaire en France et les Égarements du Socialisme Moderne. Libertés Françaises.

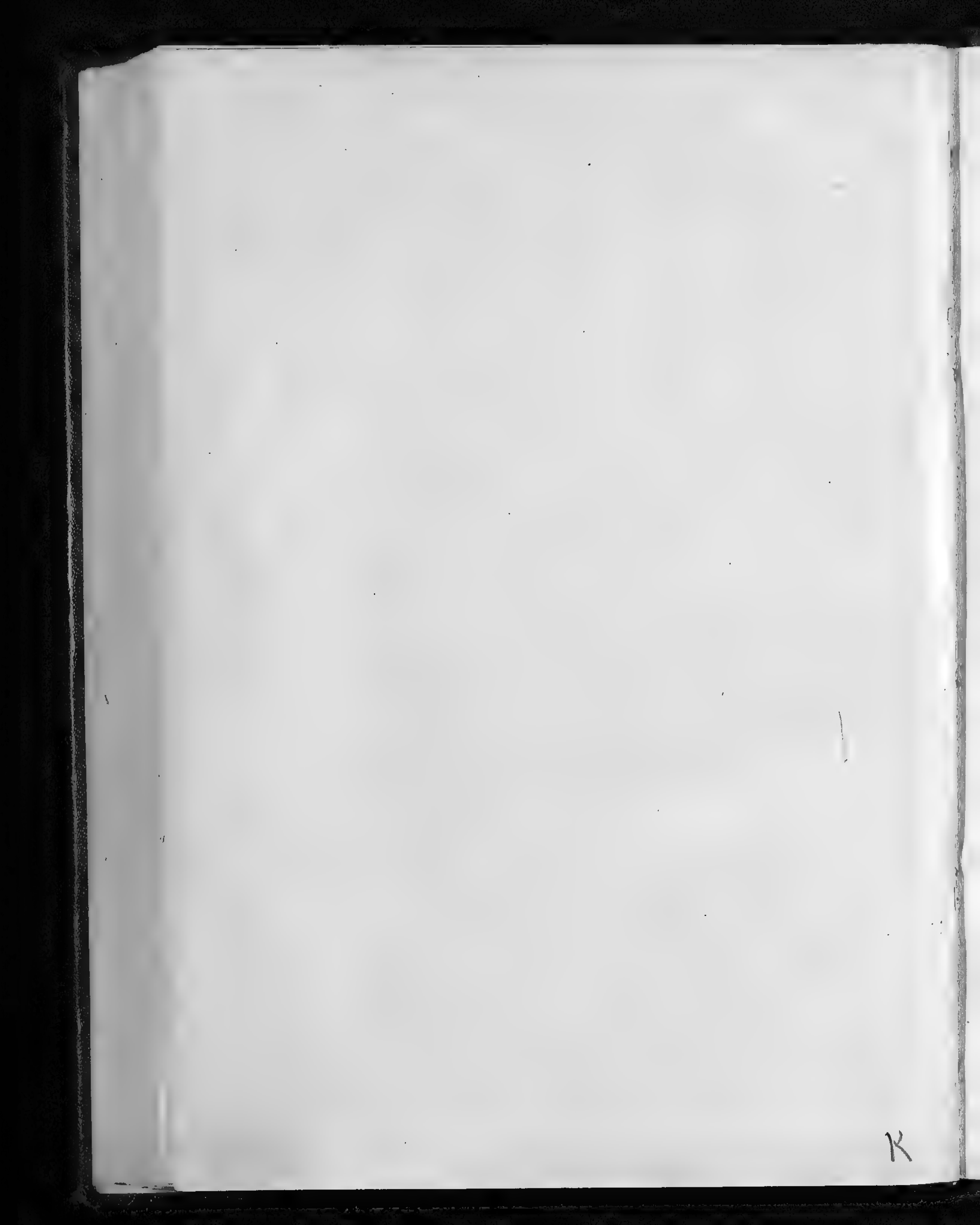
Le Déclin des démocraties. Libertés Françaises.

Le Secret de Jeanne d'Arc. Mercure de France.

La Pucelle d'Orléans, Fille au Grand Coeur, Martyre et Sainte. Mercure de France.

La Noblesse et les Armes de Jeanne d'Arc. Mercure de France.

L'assassinat de Louis d'Orléans. „Oeuvres libres".

K

